Кр. 63.3(2Рос.)
К-69

Мера Корсаков

и Ростовское кн-

жество

Кр. 4103

1872 г.

450

МЕРЯ
И
РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

638-8

МЕРЯ И РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

МЕРЯ

И

РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РОСТОВСКО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

Д. КОРСАКОВА.

[redacted]

Οἱ ἀναγνώσκοντες μὴ καταγινώσκετε τὸ γράψαντος, εἰ περὶ τῆς ὑγιῆς γραφῆς ἡμάρται αὐτῷ. Ἀνθρώπινον γὰρ ἁμαρτάνειν καὶ κοινὸν ἀτύχημα.

Максимъ Грекъ.

[redacted]

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1872.

Кр 9(С 134.5)
Кр. 63.3 (2) 412-91
К 69

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета печатать въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета дозволяется.

Деканъ *Н. Ѳирсовъ.*

ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
Кр. 4103

ПРИЛОЖЕНІЕ

Къ Ученымъ Запискамъ Императорскаго Казанскаго Университета.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . I—VIII.

I.

Чудское, или Финнское племя и его вѣтви.—Его названіе, происхожденіе и историческое значеніе —Извѣстія о сѣверовостокѣ Европы у Грековъ и Римлянъ —Свѣдѣнія о Финнахъ у Римлянъ, Нѣмцевъ, Скандинановъ и Арабовъ.—Свидѣтельства Нестора и другихъ нашихъ лѣтописцевъ и былинъ —Чудской народецъ Меря и его распространеніе.—Данныя для возстановленія Мери: a) изъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ письменныхъ источниковъ. — b) изъ разсмотрѣнія особенности теперешняго великорусскаго населенія губерній: Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской,—c) изъ аналогіи съ Мордвою и Черемисами,—d) изъ курганныхъ раскопокъ и археологическихъ находокъ.—Нѣсколько предположеній о языкѣ, религіи и бытѣ Мери.—Сосѣди ея Чудскаго и Славянскаго племени и Литовскій народецъ Голядь.—Колонизація Славянъ среди Мери и главнѣйшіе ея виды. — Древнѣйшая колонизація. — Возникновеніе Ростова . . . . . 1 — 62

II.

Ростовско-Суздальская земля

съ 862 по 1157 г.

Значеніе этого періода для Ростовско-Суздальской земли.—Характеристика колонизаціи княжеско-военной, монастырской и промышленно-торговой.—Ростовъ при Рюрикѣ и Олегѣ.—

Стран.

Начало Суздаля.—Зависимость Ростовско-Суздальской земли отъ южныхъ князей.—Владиміръ Мономахъ.—Юрій Долгорукій, его характеристика и его колонизаціонная дѣятельность въ Ростовско-Суздальской землѣ, значеніе построенныхъ имъ городовъ.—Водвореніе въ Ростовѣ Христіанства и его борьба съ язычествомъ.—Св. св. Леонтій, Исаія и Авраамій.—Первые монастыри.—Границы Ростовско-Суздальской земли къ концу періода.—Отношенія къ Новгороду.—Начало промышленно-торговой дѣятельности.—Начало столкновеній съ Болгарами . 63—104.

III.

Ростовско-Суздальская земля

съ 1157 по 1237 г.

Значеніе эпохи Андрея Боголюбскаго.—Характеристика Андрея.—Распря городовъ послѣ его убіенія и роль Ростова въ этой распрѣ.—Всеволодъ Юрьевичъ и Юрій Всеволодовичъ.—Нѣсколько словъ о характерѣ власти князя въ Ростовско-Суздальской землѣ.—Обособленіе княженій.—Дальнѣйшее движеніе княжеско-военной колонизаціи.—Отношеніе къ Болгарамъ и Мордвѣ.—Татары.—Дѣла церковныя.—Промышленность и торговля.—Границы Ростовско-Суздальской земли при нашествіи Татаръ.—Отношенія къ Новгороду, Смоленску и Рязани. . . . . 105—149.

IV.

Ростовское княжество и его удѣлы.

Ростовское княжество.—Характеристика перваго Ростовскаго князя Константина Всеволодовича.—Его сыновья: Василько, Всеволодъ и Владиміръ и ихъ удѣлы.—Ростовскій удѣлъ и Устюгъ-Великій.—Ярославское княжество.—Бѣлоозеро—Углече-Поле.—Кострома и Галичъ-Мерьскій.—Татары въ Ростовскомъ княжествѣ.—Общая судьба удѣловъ Ростовскаго княжества. . . . . 150—193.

III

V.

Внутреннее состояніе Ростовскаго княжества отъ начала XIII в. до подчиненія удѣловъ этого княжества Москвѣ.

Стран.

Границы Ростовскаго княжества и его удѣловъ.—Города: Ростовъ, Ярославль и Углече-Поле.—Общій обзоръ колонизаціи въ предѣлахъ Ростовскаго княжества съ XIII в.—Вновь построенные города.—Колонизація монастырская, монастыри и подвижники.—Жалованныя и льготныя грамоты монастырямъ.—Замѣчательныя личности изъ епископовъ.—Церковная письменность и мѣстная литература.—Училища.—Промышленность и торговля.—Характеристика общественнаго строя Ростовскаго княжества . . . . . 194—246.

Спеціальная исторія Ростовско-Суздальской земли занимаетъ очень видное мѣсто во всеобщей исторіи Россіи, имѣетъ весьма важное значеніе для уясненія нашей исторической жизни.

Въ землѣ Ростовско-Суздальской образовалось и окрѣпло младшее изъ трехъ племенъ нашего народа, племя Великорусское,—племя, собравшее и сплотившее Русскую землю и создавшее могущественное Русское государство, единственную самобытную въ настоящее время Славянскую державу.

Въ землѣ Ростовско-Суздальской сложилось и развилось начало единовластія, послужившее основаніемъ нашего государственнаго строя.

Въ землѣ Ростовско-Суздальской, наконецъ, явилось нѣсколько самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга княжествъ. Одно изъ этихъ княжествъ, самое незначительное,—княжество Московское становится *этнографическимъ* и *политическимъ* центромъ земли Русской: всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси. Москва является выразительницей стремленій племени Великорусскаго. Посредствомъ Москвы это племя получаетъ первенство въ Русской землѣ, посредствомъ Москвы начало единовластія укореняется на Руси и объединяетъ ея разрозненныя области.

Такимъ образомъ, исторія Ростовско-Суздальской земли составляетъ прологъ къ исторіи Московскаго государства.

Изученіе корней, зародышей всѣхъ историческихъ явленій сопряжено съ большими затрудненіями. Затрудненія эти усложняются еще больше при анализѣ этнографическихъ и политическихъ элементовъ Великорусскаго племени, историческая физіономія котораго до сихъ поръ еще не выработалась въ опредѣленный типъ.

Вполнѣ понимая эти затрудненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая недостаточность нашихъ собственныхъ силъ для всесторонней разработки исторіи Ростовско-Суздальской земли, — мы ограничиваемся на первый разъ представленіемъ вниманію читателей „очерковъ изъ исторіи этой земли".

Предлагаемая работа, согласно тремъ главнѣйшимъ явленіямъ исторической жизни Ростовско-Суздальской земли, выставленнымъ выше,—распадается на три части:

Въ первой части, состоящей изъ первой главы, мы сгруппировываемъ матеріалъ, на основаніи котораго, по нашему мнѣнію, возможно будетъ впослѣдствіи возстановить изчезнувшій народецъ Мерю. Этотъ народецъ, который причисляется учеными къ обширному Чудскому, или Финнскому племени, заселявшему съ давнихъ поръ сѣверо-востокъ Европы,—обиталъ въ верховьяхъ Волги. Путемъ колонизаціи Славянъ среди Мери мало по малу стала образовываться та ячейка, которая съ теченіемъ времени выросла въ племя Великорусское.

Вторая часть (главы II и III) разсматриваетъ зарожденіе элементовъ гражданственности въ Ростовско-Суздальской землѣ: *власти князя* и *Христіанства*, и дальнѣйшее колонизаціонное распространеніе Великорусскаго племени на востокъ. Часть эта обнимаетъ собою всю Ростовско-Суздальскую землю, съ утвержденія въ ней „мужей“ перваго князя Рюрика до нашествія Татаръ,—эпохи, около которой обособился старѣйшій городъ земли Ростовъ въ отдѣльное княжество. Въ этой части мы старались обратить наше вниманіе преимущественно на условія, при которыхъ зачалось и развилось начало единовластія.

Въ третьей части (главы IV и V) излагается внѣшняя и внутренняя исторія Ростовскаго княжества и его удѣловъ. Мы старались изложить эту исторію настолько подробно, насколько позволили намъ источники, бывшіе въ нашемъ распоряженіи.

Задача нашей работы, т. обр., можетъ быть формулирована въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Дать группировку матеріала для возстановленія Мери.

2. Представить попытку на посильное уясненіе элементовъ гражданственности Ростовско-Суздальской земли до обособленія въ этой землѣ отдѣльныхъ княжествъ.

3. Изложить, по возможности подробно, исторію старѣйшаго изъ этихъ княжествъ, княжества Ростовскаго.

Какъ мы выполнили нашу задачу—судить не намъ; но мы желаемъ надѣяться, что ученые спеціалисты про-

стятъ намъ невольные промахи и что критика укажетъ на наши ошибки.

Въ-заключеніе, для облегченія тѣхъ изъ читателей, которые пожелали бы провѣрить цитаты въ нашихъ очеркахъ, представляемъ списокъ главнѣйшихъ источниковъ и пособій, послужившихъ матеріаломъ при нашей работѣ. Въ этотъ списокъ внесены только отдѣльныя изданія; перечисленіе же всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, которыми мы пользовались—мы опустили, считая его за излишнее повтореніе примѣчаній.

I. Источники и пособія по этнографіи и археологіи:

1. Русскія народныя сказки, изд. А. Н. Аѳанасьевымъ. М. 1861.

2. **Н. Барсова.** Матеріалы для историко-географическаго Словаря Россіи. Вильно 1865.

3. Географическій атласъ Россійской имперіи на 70-ти листахъ. Изд. 1821 г.

4. Почтовая карта Россійской имперіи. Спб. 1842.

5. **A. Castren.** Reiseberichte und Briefe aus den Jahren. 1845—1849. Spb. 1856.

6. **A. Castren.** Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker. Spb. 1857.

7. **A. Lerberg.** Untersuchungen zur Erläuter. der älteren Geschichte Russlands. Spb. 1816.

8. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранн. офицерами генеральнаго штаба. *Костромская* губ., сост. **Н. Крживоблоцкій.** Спб. 1861.

9. **F. H. Müller.** Der Ugrische Volksstamm. 1-e Abt. 2 B-d. Berl. 1837.

10. **А. О. Риттиха.** Казанская губернія. Казань 1870. 2 т.

11. **И. П. Сахарова.** Сказанія Русскаго народа. т. 1-й Спб. 1841.

12. **И. М. Снегирева.** Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. М. 1837.—1838 4 т.

13. Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи, сост. и изд. центр. статист. комитетомъ мин. вн. дѣлъ 1) *Ярославская* губ., редакт. **А. Артемьевъ.** Спб. 1865. — 2) *Владимірская* губ, редакт. **О. Раевскій.** Спб. 1863 — 3) *Нижегородская* губ., редакт. **Е. Огородниковъ.** Спб. 1863.—4) *Московская* губ., редакт. **опъ-же.** Спб. 1862.—5) *Тверская* губ., редакт. **И. Вильсонъ.** Спб. 1862.

14. **П. І. Шафарика.** Славянскія древности. Перев. О. М. Бодянскаго. 1-е изд. М. 1837—1848. 2 т. въ 6-ти кн.

15. **Шеппингъ.** Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ. **М.** 1862.

II. Историческіе письменные источники:

16. Русская лѣтопись по Никоновскому списку, изд. Акад. наукъ. СПБ. 1789 8 том..

17. **A. L. Schlözer.** Несторъ, Russische Annalen Götting. 1803—1809. 3 Bnd.

18. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, изданн. археографической комисс. Спб. 1846—1863. т. I—IX, XV.

19. Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго, изд. кн. **М. А. Оболенскимъ.** М. 1851.

20. Степенная книга, изд. **Миллеромъ.** Спб. 1775. 2 т.

21. Памятники старинной Русской литературы Изд. **Гр. Г. А. Кушелева-Безбородко** подъ редакціей **И. И. Костомарова** и **А. И. Пыпина.** Спб. 1860—1863. 1-й в.

22. Памятники Россійской словесности XII в., изд. **К. Калайдовичемъ.** М. 1821.

23. Житія св. св.: Бориса и Глѣба, епископовъ Ростовскихъ: Леонтія и Исаіи и сказаніе о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ, напечатанн. въ Правосл. Собес. 1858 и 1859.

24. Акты, собранн. въ библіотекахъ и архивахъ Россійской имперіи археографическою экспедиціею Императорской Академіи наукъ. т. 1-й Спб. 1836.

25. Акты историческіе, собр и изданн. археографическою коммиссіею. т. 1-й Спб. 1841.

26. Дополненія къ актамъ историческимъ, собр. и изд. Археографическою Комиссіею. т. 1-й Спб. 1846.

27. Судебникъ государя, царя и в. кн. Іоанна Васильевича, изъясненный **Татищевымъ.** Москва 1768.

28. Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государств. коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Т. I-й. М. 1813.

29. Сказанія князя **Курбскаго.** Изд. Устрялова. (3-е изд.) Спб. 1868.

30. **А. Гаркави.** Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ (съ полов. VII в. до конца X в. по р. Хр.) Спб 1870.

31. **Frähn.** Ibn-Foszlan's und andere Araber Berichte. Spb. 1823.

32. Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Изд. **Семёнова.** Т. 1-й Спб. 1836.

33. **Герберштейнъ.** Записки о Московіи. Переводъ И. Анонимова. Спб. 1866.

34. **А. Олеарій.** Путешествіе въ Москву. Переводъ Н. Барсова. Въ Чтен. М. общ. Ист. и древн. 1869—1870.

35. **G. Fletcher.** La Russie au XVI siecle. Trad. par Ch. du-Bouzet. Paris 1864.

36. **Востокова** Описаніе рукописей Румянцевскаго музея. Спб. 1842.

37. Ростовскій лѣтописецъ Рукоп. Моск. архива министерства иностр. дѣлъ № 5.

38. Сборникъ житій Ростовскихъ святыхъ. Рукоп. Публ. Библ., № 640.

39. Рукоп. Публ. Библіотеки № 1376.

40. Минея XVI в., мѣсяцъ май. Рукопись каз. дух. академіи, № 314.

41. Рукописный сборникъ библіотеки Казанской духовной академіи. № 229.

III. Пособія историческія:

42. **Архіепископа Амвросія** Исторія Россійской Іерархіи, Т I—VI. М. 1811.

43. **О. Булгарина.** Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи Исторія ч. 1 я. Спб. 1838.

44. **О. И. Буслаева** Историческіе очерки Русской народной словесности и искусства. Спб. 1861. Т II

45. **И. Д. Бѣляева.** Разсказы изъ Русской исторіи. М. 1861—1867.—3 т.

46. **Д. И. Иловайскаго.** Исторія Рязанскаго княжества. М. 1857.

47. **Карамзина.** Исторія Госуд. Росс. 2-е изд. Спб, 1818. т. I—V.

48. **Н. И. Костомарова.** I, Историческія монографіи и изслѣдованія т. I Спб. 1863; 2, Сѣверно-Русскія народоправства. 2 т. Спб. 1863.

49. **Архіеписк. Макарія.** Исторія Русской церкви. т. III и IV. Спб. 1866.

50. **В. Макушева.** Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ. Спб. 1861.

51. **М. П. Погодина.** Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по Русской исторіи. М. 1847—1855. 7 том.

52. **А. Ратшина.** Полн. собр. истор. свѣденій о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и церквахъ въ Россіи. М. 1852.

53. **В. И. Сергѣевича.** Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. М. 1868.

54. **С. М. Соловьева.** Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома. М. 1847.

55. **Соловьева.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ т. I—IV.

56. **И. М. Строева.** Ключъ къ ист. гос. Россійск. Карамзина. Изд. Эйперлинга, Спб. 1844.

57. **В. Н. Татищева.** Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ .М. 1774 г. 4 т.

58. **Филарета архіепископа черниговскаго.** Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно. Опытъ описанія жизни ихъ. Черниг. 1861—1863. 12 кн.

59. **Филарета, архіепископа черниговскаго.** Исторія Русской церкви. Изд. 2-е Черниговъ 1862.

60. **П. А. Опрова.** Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. Казань 1866.

Кромѣ перечисленныхъ книгъ, источниками и пособіями служили намъ статьи, помѣщенныя въ „Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ (1842 — 1865), которыя мы просмотрѣли въ Императорской публичной библіотекѣ, во время короткаго пребыванія нашего въ Петербургѣ зимой 1866—67 года, а также въ слѣдующихъ мѣстныхъ сборникахъ и исторіяхъ городовъ Ростовскаго княжества:

61. **К. Тихонравова.** Владимірскій сборникъ М. 1857.

62. Труды Владимірскаго статистическаго комитета, изд. подъ редакц. К. Тихонравова за 1864 г.—4 в.

63. **Гр. М. Толстаго.** Древнія святыни Ростова-великаго. въ Чт. М. Общ. Ист. и др. 1847 г., кн. 2.

64. **Ап. Оеодорова.** Историч. собр. о богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ. Времепн. М. общ. ист. и др., кн. 22,

65. **Протоіер. І. Троицкаго.** Исторія губ. города Ярославля. Яросл. 1853.

66. **О. Киселя.** Исторія г. Углича. Яросл. 1844.

67. **И. Дмитріевскаго.** О началѣ Владиміра, что на Клязьмѣ. Спб. 1802.

68. **В. Доброхотова.** Древній Боголюбовъ городъ М. 1852.

69. **П. И. Васькова.** Очеркъ исторіи Костромы. Спб. 1797.

70. **П. М. Гомилевскаго.** Описаніе г. Рыбинска. Спб. 1837.

71. **Кн. А. Козловскаго.** Взглядъ на исторію Костромы. М. 1840.

72. **П. Островскаго.** Историч. описаніе Костромскаго Успенскаго каѳедральн. собора. М. 1855,

73. **Е. Лаговскаго.** Описаніе Большихъ солей, посада Костромск. губ., Кострома 1861.

74. Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры. М. 1842.

75. **Графа А. И. Мусина-Пушкина.** Историч. замѣчанія о началѣ и мѣстоположеніи древняго Россійскаго, т, наз., Холопья города. М. 1810.

76. **С. П. Шевырева.** Поѣздка въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь. М. 1850. 2 ч.

Д. К.

Казань.

10 Января 1872.

I.

Чудское, или Финское племя и его вѣтви.—Его названіе, происхожденіе и историческое значеніе.—Извѣстія о сѣверо-востокѣ Европы у Грековъ и Римлянъ.—Свѣдѣнія о Финнахъ у Римлянъ, Нѣмцевъ, Скандинавовъ и Арабовъ.—Свидѣтельства Нестора и другихъ нашихъ лѣтописцевъ и былинъ.—Чудской народецъ Меря и его распространеніе.—Данныя для возстановленія Мери: a) изъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ письменныхъ источниковъ.—b) изъ разсмотрѣнія особенностей теперешняго Великорусскаго населенія губерній Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской,—c) изъ аналогіи съ Мордвою и Черемисами,—d) изъ курганныхъ раскопокъ и археологическихъ находокъ.—Нѣсколько предположеній о языкѣ, религіи и бытѣ Меря.—Сосѣди ея Чудскаго и Славянскаго племени и Литовскій народецъ Голядь.—Колонизація Славянъ среди Меря и главнѣйшія ея виды.—Древнѣйшая колонизація.—Возникновеніе Ростова

„*Первіи населницы* въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлоозерѣ—Весь“,—говоритъ Несторъ, опредѣляя такимъ образомъ аборигеновъ Ростовско-Суздальской земли (1). Меря и Весь, по изслѣдованію ученыхъ, принадлежали къ значительному Чудскому, или Финскому племени, съиздавна населявшему сѣверо-востокъ Европы. Оба эти народца, и Меря, и Весь—не существуютъ теперь,—и намъ, для того, чтобы придти относительно ихъ къ какимъ нибудь результатамъ, необходимо прежде всего взглянуть вообще на племя Чудское, въ его совокупности.

Чудское племя, бывшее нѣкогда однимъ изъ элементовъ формаціи Великорусской народности и сохранившееся въ на-

(1) П. С. Р. Лѣт. изд. Арх. Комис. т. I, с. 8.

стоящее время въ разбросанныхъ и разобщенныхъ другъ съ другомъ народцахъ—представляетъ еще почти непочатое поле для изслѣдователя. Остается желать въ будущемъ болѣе и болѣе точныхъ изысканій, наблюденій и изслѣдованій для того чтобы наука могла окончательно уяснить историческую судьбу Чудскаго племени. До сихъ поръ, не смотря на многое, что уже сдѣлано учеными финнологами,—какой то непроницаемый туманъ лежитъ на всемъ финскомъ вопросѣ, густая мгла скрываетъ отъ пытливаго взора изслѣдователя истинное значеніе Финновъ въ исторіи нашего народа, истинную роль Чудскаго племени въ развитіи новѣйшей Европейской культуры. За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, непреложныхъ фактовъ, мы поневолѣ должны довольствоваться гипотезами, предположеніями; за отсутствіемъ прямаго отвѣта на вопросы весьма важнаго свойства, возстающіе предъ нами, мы должны удовлетворяться гаданіями.—Отъ чего же происходитъ этотъ туманъ, отъ чего является эта мгла? Отвѣты на эти вопросы слѣдуетъ искать въ трудности историко-этнографическихъ изслѣдованій вообще и въ трудности такихъ изслѣдованій на Русской почвѣ въ особенности.

Самая главная, непреоборимая трудность для историко-этнографическаго изслѣдованія Россіи, для распознанія и анализа всѣхъ различныхъ народностей, когда то живщихъ и теперь живущихъ на нашей территоріи—заключается въ природныхъ условіяхъ Русской земли. „На громадной равнинѣ сѣверо-восточной Европы“, говоритъ С. В. Ешевскій, „сталкивались и перемѣшивались представители самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Здѣсь не было физическихъ преградъ къ ихъ смѣшенію, не было условій для замкнутаго, изолированнаго существованія, — тѣхъ условій, которыми, напримѣръ, объясняется на Кавказѣ вѣковое сожительство на весьма тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ различныхъ по происхожденію племенъ въ ихъ первобытной чистотѣ со всѣми особенностями языка и быта“ (²). Толстымъ слоемъ легли на этой равнинѣ племена другъ на друга, сплелись, срослись одно съ другимъ такими причудливыми

(²) Вѣсти Евр. 1866 г. т. I отд. I, с. 216. ст. «Русская колонизація сѣверо восточнаго края».

путами, что опредѣлить строго и точно грань между ними, прослѣдить сплетенія этихъ путъ—нѣтъ никакой возможности. Эти этнографическія формаціи не поддаются точному анализу и строгой научной систематизаціи также, какъ не поддаются этому анализу и этой систематизаціи напластанія и формаціи геологическія.

Другое затрудненіе въ этихъ изслѣдованіяхъ, являющееся, съ одной стороны неизбѣжнымъ результатомъ перваго затрудненія, а съ другой объясняющееся многими иными причинами,—заключается въ недостаточности и неточности предварительныхъ ученыхъ работъ археологическихъ и лингвистическихъ и наблюденій надъ современнымъ намъ бытомъ народа: надъ обычаями, праздниками, обрядами, повѣрьями. Наша археологія ступаетъ еще невѣрными шагами, какъ ребенокъ только начинающій ходить, изученіе племенныхъ нарѣчій и мѣстныхъ говоровъ едва только начинается; а давно ли обращено серьозное вниманіе на изученіе народнаго быта, этого наилучшаго комментарія археологіи, на собираніе пѣсней, сказокъ, повѣрій?—Между тѣмъ это изученіе съ каждымъ годомъ дѣлается все труднѣе и труднѣе: обычаи мрутъ, пѣсни и сказки мѣняются, повѣрья забываются.

Чудское племя, представители котораго въ настоящее время разбросаны по широкому пространству отъ Балтійскаго моря до Енисея и отъ Сѣверной Двины до Оки и Суры, — распадается на двѣ главныя вѣтви: западную и восточную, различныя по внѣшнему виду, нравамъ и обычаямъ, но сходныя по языку. Трудно уловить общія черты у теперешняго жителя Финляндіи и Эстоніи съ полудикимъ Черемисомъ и совершенно дикимъ Вогуломъ,—но эти общія черты, доказывающія общее происхожденіе Чудскихъ народцевъ, опредѣлены учеными филологами изъ анализа языка, древнѣйшаго и надежнѣйшаго показателя народности. Къ западной вѣтви причисляютъ обыкновенно Финновъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. Финляндцевъ и финскіе племена теперешнихъ губерній: Эстляндской, Петербургской и частію Олонецкой и Тверской. Восточная вѣтвь заключаетъ въ себѣ народцы, живущіе по Волгѣ и Камѣ и за Ураломъ, по притокамъ Оби. Кастренъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ и точнѣйшихъ филологовъ, подраздѣляетъ восточныхъ Финновъ на группы: *Волжскую*, *Камскую* и *Уральскую*. Къ 1-й онъ относитъ обширное, почти уже совсѣмъ обрусѣвшее племя

Мордвы и Черемисъ; ко 2-й Зырянъ, Пермяковъ и Вотяковъ, къ 3-й Вогуловъ и такъ наз. Уральскихъ Остяковъ (³). С. В. Ешевскій въ статьѣ своей: „Русская колонизація сѣверовосточнаго края“ считаетъ это подраздѣленіе далеко не точнымъ. Онъ видитъ въ немъ только попытку „систематизировать, намѣтить, хотя внѣшнимъ, поверхностнымъ образомъ, раздѣльныя линіи между племенами, родственными по языку и происхожденію, какъ нибудь сгруппировать многочисленныя вѣтви, идущія, очевидно, отъ одного корня, но разошедшіяся уже весьма далеко другъ отъ друга, принадлежащія къ одной семьѣ, но во многомъ уже различныя“ (⁴). Сами Финны не называютъ себя этимъ именемъ. Они зовутъ себя *Суомалайненъ* т. е. житель болотной, низменной мѣстности. „*Финнъ*“ есть переводъ этого названія и объясняется изъ старо-нѣмецкаго слова: Fönn — болото; подъ этимъ именемъ знали Финновъ ихъ германскіе сосѣди. Славяне называютъ Финновъ Чудью, т. есть народомъ *чужимъ*, не своимъ. Въ самоназваніи отдѣльныхъ Финскихъ, или Чудскихъ народцевъ ученые также видятъ вездѣ присутствіе корня, означающаго болото, воду, влажное мѣсто (*суо*, *ва*, *вад*, *вена* на западныхъ Финскихъ нарѣчіяхъ, и *неръ*, *нюръ* на нарѣчіяхъ восточныхъ). Въ звукахъ: *Мор*, *Мар*, *Мер*, *Мур*, слышныхъ во многихъ самоназваніяхъ восточныхъ чудскихъ народцевъ, ученые желаютъ видѣть значеніе *человѣка*, выводя это значеніе изъ Черемискаго *Мара*—человѣкъ. Такъ объясняютъ они происхожденіе названій: *Мордвы*, *Муромы*, *Мари* (такъ зовутъ себя Черемисы), *Мортъ-Коми* (самоназваніе Зырянъ), *Угъ-Мортъ* (самоназваніе Вотяковъ) (⁵).

(³) A. Castren's Reiseberichte und Briefe aus d. Jahren 1845—1849. Spb 1856. S. 13. *Его-же* Ethnologische Vorlesungen ub. die Altaischen Volker. Spb. 1857. S. 91. Сравни;—Bulletin de la classe des sciences histor., philologiques et politiques de l'acad. imp. des sciences de St. Petersb. t. IV. p. 17—42. A. Castrén's. Bericht an die K. Akad. der Wissenschaften.

(⁴) В. Е. 1866 г. т. I, отд. I, с. 222.

(⁵) О происхожденіи этнографическихъ названій Чуди и Финновъ См. у Шафарика Слав. древности. Пер. Бодянскаго. т. I, кн. 2. стр. 229—240. (1-е изданіе 1837 г.) —Ср. также: Ф. Сума: о Финнахъ. перев. съ Датскаго свящ. Сабинина въ Чт. М. Общ. Ист. 1847 кн. IX, отд. 3 стр. 11—12. Надеждина. Оп. Истор. Географіи русскаго міра Б. д. Чт. 1837

Долго пытались ученые антропологи уяснить происхожденіе Финновъ, на основаніи строя ихъ черепа, долго не согланались они между собою, къ которой расѣ отнести Финновъ, къ Кавказской или Монгольской, — пока на помощь къ естествозванію не пришла сравнительная филологія. На основаніи этой науки Кастренъ признаетъ особую группу племенъ, называемую имъ *Алтайскою*, къ которой относитъ: Тунгузовъ, Монголовъ, Турокъ, Самоѣдовъ, Енисейскихъ Остяковъ и Финновъ. Финны, живя съ этими сопленными имъ народами на горахъ Алтайскихъ, двинулись въ Европу, по предположенію многихъ ученыхъ, чрезъ Уральскія горы, почему ихъ долгое время называли Уральскимъ племенемъ. О распространеніи Чудскаго, Финскаго племени тоже не согласны между собою ученые. Иные распространяютъ его по всей Европѣ, видя слѣды его и въ Британіи, и въ Испаніи; другіе же ограничиваютъ его предѣлами сѣверо-востока Европы (5).

Историческая роль Финновъ понимается учеными также весьма различно. Иные считаютъ эту роль очень ничтожною, другіе, напротивъ, приписываютъ Финнамъ слишкомъ большое участіе въ исторической судьбѣ новѣйшихъ Европейскихъ народностей. А. Л. Шлёцеръ, въ своей „Allgemeine Nördische Geschichte", первый высказалъ мысль о ничтожности исторической роли Финновъ. „Ни одинъ изъ народовъ этого об-

---

т. XXII, отд III, с, 33 въ примѣч., Россію въ Ист. статистич., географич. и литерат. отн, изд. О Булгарина. Спб. 1838 г. т. I, стр. 139—140 и Castrén'a: Reiseber. u Briefe a. d. J. 1845 — 49. S. 15. «Gegenwartig haben sie (die finnische Völkerschaften) freilich einen specifischen Namen, говоритъ Кастренъ — doch bei einigen derselben kann die Benennung Mensch noch jetzt keinem anderen als nur eingeborenen zuertheilt werden So bedeutet im Syrianischen das Wort *mort* zugleich «*Mensch*» und «*eingeborener Syriane*», die Individuen eins anderen Stammes werden *jös*, oder *jös-mort* und in Plural *uojtyr* oder *uojtyrias*—Fremdlinge, im Gegensatz zu mortjas, Menschen, oder Syrianen benannt. Ebenso nennen die Tscheremissen sich selbst *Mara*—Mensch, der Ausländer wird aber *edem* (von dem Tatarischen *adam*) benannt». Reiseber. u. Briefe a. d. J. 1845—49. S. 16.

(5) Castrén. «Ethnolog. Vorlesung». S. 14. Подробности несогласій между учеными о причисленіи Финскихъ народовъ къ той или др. человѣч. расѣ см. *тамъ-же* 13, 88—90.

ширнаго племени, говоритъ онъ, кромѣ Мадьяровъ,—не игралъ видной роли въ исторіи, ни одинъ изъ нихъ не достигъ продолжительнаго самостоятельнаго существованія, ни одинъ не заявилъ себя завоевателемъ сосѣднихъ народовъ, но, совершенно напротивъ, всѣ они стали добычей своихъ сильныхъ сосѣдей. По этому, заключаетъ Шлёцеръ, исторія Финновъ читается въ лѣтописяхъ ихъ побѣдителей“ (7). Но если исторія Финновъ и читается въ лѣтописяхъ ихъ побѣдителей, то историческая роль ихъ далеко не ничтожна и не безслѣдно прошли они по исторической аренѣ. На сѣверо-востокѣ Европы существовала когда то, теперь забытая цивилизація, слѣды которой доходятъ до насъ черезъ неясныя сказанія Скандинавскихъ сагъ о богатомъ и цвѣтущемъ государствѣ Біармін. Мюллеръ, извѣстный историкъ и этнографъ Финскаго племени, считаетъ Финновъ за пробудителей того движенія, измѣнившаго всѣ условія Европейской цивилизаціи, которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ великаго переселенія народовъ (8). Кастренъ полагаетъ, что Финны явились въ Европѣ до эпохи великаго переселенія народовъ, хотя и говоритъ, что точное опредѣленіе времени, когда Финны, отдѣлившись отъ родственныхъ имъ племенъ въ нагорной Азіи, утвердились въ Европѣ—очень трудно (9).

Всѣ первоначальныя свѣдѣнія о Финнахъ, о сѣверо-востокѣ Европы, гдѣ застаетъ ихъ исторія — покрыты непроницаемымъ мракомъ.

Для представителей древняго міра, Грековъ и Римлянъ сѣверо-востокъ Европы былъ „украйной міра, страной, которую покинули люди и боги“. Эта украйна являлась въ ихъ сказаніяхъ сказочной, баснословной страной, обширнымъ полемъ для разныхъ вымысловъ и фантастическихъ разсказовъ. За Понтомъ Эвксинскимъ съ колоніями по его сѣверному берегу, за землею Скиѳовъ—обитали какіе то невѣдомые народы: Исседоны, одноглазые Аримаспы, Грифы, стерегущіе золото и блаженные Гипербореи, жившіе у хребта Рифейскаго (Уральскихъ горъ). Такова первоначальная

---

(7) F. H. Muller. Der ugrische Volksstamm. Berl. 1837. 1-e Abt I, Bd. S. 3.

(8) Ibid. S. 3.

(9) Castrén. Ethnol. Vorles. s. 89 u. flg.

этнографія полуночныхъ странъ у Аристея. Не болѣе свѣта находимъ мы и въ свидѣтельствѣ Геродота о народахъ, жившихъ на сѣверъ отъ Скиѳовъ. Его Невры, обращавшіеся въ волковъ, Андроѳаги, Меланхлены, Ѳиссагеты—все это какія то миѳическія расы, лишенныя естественныхъ этнографическихъ признаковъ.

Въ такомъ же неясномъ, неопредѣленномъ видѣ перешли свѣденія о сѣверо-востокѣ Европы отъ Грековъ къ Римлянамъ. Страбонъ прямо отказывается передавать точныя свѣденія объ этихъ странахъ, потому что „по Танаису", говоритъ онъ, „мало что можно узнать по причинѣ холода и бѣдности страны. Туземцы, народы кочевые, питающіеся молокомъ и мясомъ, могутъ сносить непріязненный климатъ, но иностранцы не въ состояніи. При томъ туземцы, прибавляетъ Страбонъ, не общительны, свирѣпы и дики, и не пускаютъ къ себѣ иностранцевъ". Каталогъ народовъ, живущихъ между Дономъ и Волгой, представленный Плиніемъ до такой степени неясенъ, что Шафарикъ, приводя его, не рѣшается сдѣлать изъ него никакихъ выводовъ (10). У Тацита впервые нѣсколько проясняется этотъ мракъ. Онъ первый приводитъ Германское названіе Чуди—*Финновъ* (Fenni) и сообщаетъ нѣкоторыя свѣденія о наружности и бытѣ этого

---

(10) Шафарика. Слав. Древн. въ перев. Бодянскаго. М. 1837 г. т. I, кн. 2. с. 210.—Вотъ каталогъ этихъ народовъ; Phatarei, Herticei, Spondolici, Synhietae, Amassi, Issi, Calazeti, Tagori, Catoni, Neripi, Agandei, Mandarei, Satarchei, Spalei. Знаменитый славянскій ученый полагаетъ, что въ этихъ искаженныхъ именахъ можно предполагать нѣкоторыя неизвѣстные намъ народы Чудскаго, Турецкаго и Сарматскаго племенъ, и только послѣднее имя «*Spalei*», сопоставляя его съ позднѣйшимъ свидѣтельствомъ Іорнанда и съ славянскимъ словомъ: сполинъ — великанъ, обръ, насильникъ, — считаетъ возможнымъ отнести къ историческимъ извѣстнымъ Обрамъ.

Первоначальныя свидѣтельства греческихъ и римскихъ писателей о древнѣйшихъ народахъ сѣверо-восточной Европы подробно разсмотрѣны у Шафарика (см Слав. Древн. въ перев. Бодянскаго. М. 1837 г. т. I, кн, 2-я стр. 192—226).—Карамзина (Ист. Гос. Росс. изд. 2—Спб. 1818. т. I, гл. II, с. 3—18 и *примѣчан.* 1 — 41. стр. 1—18) и Соловьева. (Ист. Росс 3-е изд. М. 1857, т. I, гл. II, стр. 25 — 38). См. также: «Россію въ истор., статист. географич. и литерат. отнош.» изд. Ѳ. Булгарина т I. с. 56—67.

племени. По его словамъ, Фенны—народъ чрезвычайно дикій и очень бѣдный; степень его культуры весьма низка: это примитивный бытъ номадо-звѣроловный ([11]). Птоломей упоминаетъ весьма смутно о Финнахъ, и изъ его свидѣтельства нельзя придти ни къ какимъ положительнымъ выводамъ ([12]).

Затѣмъ, до VI вѣка по Р. Хр. въ письменныхъ источникахъ нѣтъ свѣденій о Финнахъ. Готскій писатель VI в. Іорнандъ, оставившій намъ въ своемъ сочиненіи: „De Getarum sive Gothorum origine"—хронику событій Ост-готскаго государства, одного изъ самыхъ могущественнѣйшихъ государствъ, основанныхъ „новыми народами", — первый изъ средневѣковыхъ историковъ упоминаетъ о Финнахъ. Ост-готское государство Германриха въ IV в. по Р. Хр. занимало обширное пространство древней Скиѳіи и Сарматіи, теперешней Россіи. Въ числѣ народовъ, обитавшихъ на этомъ пространствѣ въ IV в. и подвластныхъ Германриху, Іорнандъ называетъ: Весь, Мерю, Мордву, Черемису и Пермяковъ ([13]).—Такимъ образомъ выступаютъ передъ нами впервые спеціальныя названія народцевъ Чудскаго, или Финнскаго племени. Изъ западныхъ лѣтописцевъ, кромѣ Іорнанда, упоминаетъ о Мери—Адамъ Бременскій; о Мордвѣ говоритъ Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный ([14]).

([11]) Fennis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non penates; victui herba, vestitui pelles, cubile humus; sola in sagittis spes, quas, inopia ferri, ossibus asperant. Idemque venatus viros pariter ac feminas alit: passim enim comitantur, partemque praedae petunt. Nec aliud infantibus ferarum imbriumque suffugium, quam ut in aliquo ramorum nexu contegantur; huc redeunt juvenes, hoc senum receptaculum; sed beatius arbitrantur, quam ingemere agris, illaborare domibus, suas alienasque fortunas spe metuque versare.—Tacitus. *German. cap. 46.* Лербергъ видитъ въ Тацитовскомъ изображеніи Лопарей.—(См. его Untersuchung. ub. ält. Gesch. Russl. S. 201—203).

([12]) У Шафарика. Сл. Др. т. I, кн. II, с. 212—217.

([13]) Iornandis: «De Getarum sive Gothorum origine et reb. gestis».—Cap. 22. у Шафарика Слав. Древн. въ IX-мъ приложеніи къ 3-й кн. II т. стр. 32 и 36.

([14]) M. Adami. Historia ecclesiastica. ibid.—стр. 94—99.—О Константинѣ Багрянородномъ у Шафарика т. I. кн. II. с. 216.

Скандинавы знаютъ также Финновъ. Въ ихъ сагахъ, съ исхода IX до начала XII в., идутъ положительныя свѣденія о торговой и богатой странѣ *Біарміи*, занимавшей, по изслѣдованію ученыхъ, пространство отъ Сѣверной Двины до верховьевъ Камы и Уральскихъ горъ. Вся сѣверовосточная сторона Россіи носитъ въ этихъ сагахъ имя *Гардарики*, т. е. страны городовъ. Если вѣрить этимъ сагамъ, то у Финновъ существовала какая то довольно сильная, въ настоящее время погибшая цивилизація. Западные Финны, ближе знакомые Скандинавамъ, являются въ ихъ сагахъ искусными кузнецами и мечи ихъ славятся въ цѣломъ свѣтѣ. Западная вѣтвь Финновъ говоритъ сама о характерѣ своей народности въ своихъ заунывныхъ, тихогрустныхъ пѣсняхъ, въ своемъ богатомъ религіозно-героическомъ эпосѣ: „Калевала“ (15).

Арабы, бывшіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ Болгаріей, оставили намъ также нѣсколько свидѣтельствъ о Чудскомъ племени. Они знаютъ *Артанію*, въ которой нѣкоторые ученые желаютъ видѣть Мордву-Эрзу, *Вису* (Весь) и *Югру* (16).

---

(15) См. въ ст. Ешевскаго: «Русская колонизація сѣверо-восточнаго края». В. Е. 1866. т I. с. 323 — Castrén'a. Vorlesungen üb. die finnische Mythologie.

(16) Еще колѣно называется Артанія, а царь его находится въ Артѣ. Люди отправляют я торговать съ ними въ Куябу; что же касается Артаны, то я не слыхалъ, чтобы кто нибудь разсказывалъ, что онъ былъ тамъ съ другими иностранцами, ибо они убиваютъ всякаго иностранца, вступающаго въ ихъ землю Но они спускаются по водѣ и ведутъ торговлю, ничего не разсказывая про свои дѣла и товары и не допуская ни кого провожать ихъ и входить въ ихъ страну. Изъ Арты вывозятся черные соболи, черныя лисицы и свинецъ.—Ибнъ-Хаукаль изс. X-го в. у А. Гаркави въ «Сказаніяхъ Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ (съ нол. VII в. до конца X в. по Р. Хр.)»—Спб. 1870. стр. 220—221. О Веси упоминаетъ Бакуви, арабскій географъ XV в., пользовавшійся старинными арабскими извѣстіями. Ибнъ-Батута, бывшій въ Болгарѣ на Волгѣ въ XIV в. говоритъ о Югрѣ. (см. Frähn'a: «Ibn-Foszlan's u. andere Araber Berichte» SS. 218, folg. 230). Мордву Арабы знаютъ, но называютъ ее русскими. Ученъ говоритъ, что Мордва, по отзывамъ Арабскихъ писателей, была очень дика и что Арабы знаютъ три племени: Эрзу, Мокшу и Каратаевъ. (Cм. Ibn-Foszlan's u. and. Arab. Ber. SS. 167, 169, 163, 165 u. 161).

Нашъ первопачальный славянскій лѣтописецъ Несторъ помѣщаетъ Чудскіе народцы „свой языкъ имуще“ въ „странахъ полуночныхъ“, въ „Афетовой части“. Онъ перечисляетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: Меря, Мурома, Весь, Мордва, Заволочьская Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра. Далѣе онъ говоритъ о нихъ опредѣленнѣе, показывая мѣстности, занятыя нѣкоторыми изъ нихъ: „на Бѣлѣ озерѣ сѣдятъ Весь, а на Ростовскомъ озерѣ Меря, на Клещинѣ озерѣ — Меря же; по Оцѣ-рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Моръдва свой языкъ“ ([17]).—Этнографическія данныя о Чудскомъ племени у Нестора самыя опредѣленыя изъ всѣхъ приведенныхъ нами выше. Очевидно, что въ эпоху Нестора Чудское племя обособилось уже въ нѣсколько видовыхъ типовъ, достаточно различавшихся другъ отъ друга по языку и жившихъ на извѣстныхъ мѣстностяхъ, хорошо извѣстныхъ при Несторѣ въ Кіевѣ.

Новгородцы находились въ давнишнихъ сношеніяхъ, и съ западными, и съ сѣверо-восточными народцами Чудскаго племени. Начиная съ XI в. мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства лѣтописей и актовъ, доказывающія знакомство Новгородцевъ съ Водью, Ижорой, Чудью (подъ которой г. Костомаровъ разумѣетъ Ливовъ и Эстовъ), Емью, Корѣлою, Чудью Заволочьскою, и крайними чудскими сѣверо-восточными народцами: Перьмью, Печорой и Югрой ([18]). Въ лѣтописяхъ земля „Чуди“ является страной волшебства, волхвовъ и кудесниковъ. Наши былины также знаютъ „Чудь-бѣлоглазую“, а сѣвѣро-востокъ Россіи, издавна заселенный этой Чудью—представляется и въ былинахъ той же миѳической страной чудесъ.

Меря помѣщается Несторомъ при двухъ озерахъ: Ростовскомъ и Клещинѣ, а Весь—на Бѣлоозерѣ. Изъ послѣдующаго нашего изложенія будетъ видно, что населеніе у озеръ Ростовскаго и Переславскаго (Клещина) стало центромъ заселенія земли Ростовской, стало основнымъ ядромъ образованія этой

([17]) П. С. Р. Л. т. I стр. 2 и 5.

([18]) Сводъ сношеній Новгородцевъ съ Чудскими племенами см. у Н. И. Костомарова. Сѣв.—Русск. народопр. т. I, с. 397 — 419 и у П. Д. Бѣляева. Разск. изъ Русск. Ист. т. II. Истор. Новгорода В.—с. 39—43. и мн. др.

земли, и что Бѣлоозеро было сперва только однимъ изъ главнѣйшихъ водныхъ путей для проникновенія въ землю Ростовскую славянской колонизаціи и уже позднѣе вошло въ составъ Ростовской земли. По этому мы считаемъ необходимымъ остановиться теперь подробнѣе на разсмотрѣніи Мери.

Распространеніе народца Мери, границы его поселеній съ точностію опредѣлить невозможно. Но многіе ученые и изслѣдователи мѣстной старины пытаются провести эти границы, основываясь на археологическихъ раскопкахъ и на мѣстныхъ названіяхъ урочищъ и поселеній, изъ которыхъ многія до сихъ поръ звучатъ не по-русски, а иныя сохраняютъ въ своемъ названіи имя Мери (19). Такъ Графъ А. С. Уваровъ опредѣляетъ границы Мери слѣдующимъ образомъ: отъ Волги до Клязьмы, въ губерніяхъ Ярославской, Владимірской, въ западной части Нижегородской и въ Московской до Звенигородскаго уѣзда (20). О. Діевъ, въ своей статьѣ: „какой народъ населялъ въ древнія времена Костромскую сторону?“, полагаетъ, что поселенія Мери шли далѣе на сѣверъ, захватывая часть теперешней Вологодской губерніи (21). Того же мнѣнія мѣстный ярославскій историкъ г. Серебряниковъ и неизвѣстный авторъ „историческаго очерка Ярославской губерніи“. Основываясь на сходствѣ названій урочищъ въ Ярославской и Вологодской губерніяхъ, они оба полагаютъ, что поселенія Мери шли на сѣверо-востокъ до самаго Уральскаго хребта (22). Г. Артемьевъ, въ предисловіи къ

---

(19) Въ Переяславскомъ уѣздѣ Влад. губ. нѣсколько селеній напоминаютъ своими названіями *Мерю* (См. списк. насел. мѣстъ Влад. губ. № 3840, 3963, 4000, 4019).—Въ Богородскомъ уѣздѣ Моск. губ. есть село *Меря* (Сп нас. мѣстъ Моск губ. № 609). — Въ Бронницкомъ у. рѣчка *Мерская*, или Нерская (Ibid. № 1128. 1129, 1131—1137).—Ср. Эйхвальда: «Чудскія коси», въ Зап. Арх. общ. 1856. IX. 350. Въ Кинешемскомъ у. Костромской губерніи протекаетъ рѣчка *Мера*, впадающая въ Волгу. (См Ходаковскаго: Донес. о путеш. по Россіи. Ист. Сб. т. VII въ концѣ, въ словарѣ на букву М) —Образцы названій урочищъ и поселеній въ Ярославской и Владимірской губерніи, звучащихъ не по русски мы приводимъ ниже (См. наше примѣчаніе 36-е). Въ Московской губерніи финскихъ названій сохранилось вообще очень мало. Для такихъ названій въ Костромской губерніи мы не нашли источника.

(20) Изв о кург. Влад. губ. Зап. Арх. Общ. 1857. VIII. 102.

(21) Чт. М. О. Ист. и др. 1865. кн. IV. отд. V. с. 167.

(22) Яросл. губ. вѣд. 1850 №№ 2 и 3. 1859 № 40.

списку населенныхъ мѣстъ Ярославской губерніи, ставитъ границами Мери на сѣверо-западѣ устья Мологи и Шексны, а на востокѣ р. Унжу ([23]). Гг. Раевскій и Огородниковъ, въ введеніи къ спискамъ населенныхъ мѣстъ Владимірской и Московской губерній, считаютъ возможнымъ продлить поселенія Мери на в. до г. Мурома, гдѣ обиталъ уже другой Чудской народецъ, Мурома, а на ю. и юго западъ ограничиваютъ эти поселенія лѣвымъ берегомъ Москвы-рѣки, до самаго ея истока ([24]).

Изъ представленныхъ нами мнѣній ученыхъ и изслѣдователей мѣстной старины можно усмотрѣть, что главнымъ образомъ Меря жила въ теперешнихъ губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимірской (до Клязьмы) и сѣверной части Московской губерніи.

Какъ ни желательно было бы въ интересахъ науки возстановить изчезнувшую физіономію Мери, какъ ни желательно было бы вполнѣ реставрировать этотъ народецъ, теперь несуществующій,—но мы не можемъ этого сдѣлать въ настоящее время, или, лучше сказать, мы не рѣшаемся взять на себя этой задачи. Мы видѣли, какимъ неяснымъ свѣтомъ освящено для изслѣдователя все Чудское племя вообще, мы видѣли ту неустойчивость, которой до сихъ поръ отличаются воззрѣнія ученыхъ на происхожденіе, распространеніе и историческую роль этого племени. Относительно отдѣльнаго чудскаго народца Мери представляется еще болѣе неясности, еще болѣе неустойчивости въ воззрѣніяхъ. Даже самый матеріалъ, изъ котораго можно извлечь нѣкоторыя данныя о Мери не приведенъ въ порядокъ, не сгруппированъ должнымъ образомъ, не провѣренъ критически. Между тѣмъ, матеріалъ этотъ въ настоящее время, какъ намъ кажется, достигъ уже достаточной полноты для научной обработки.

Мы далеки отъ мысли представить именно эту научную обработку матеріала, мы не рѣшаемся привести его въ строгую систему, сгруппировать должнымъ образомъ и освѣтить, т. сказ., свѣточемъ науки. Такая задача перевысила бы наши силы, наши знанія. Мы поставляемъ себѣ болѣе

([23]) Сп. нас. мѣстъ Яросл. губ. *изд.* с. 23.

([24]) Сп. нас. м. Влад. губ. *изд.* с. 39 и 41 іb. Моск. губ. *изд.* с. 19.

скромную задачу. Она ограничивается попыткой намѣтить главнѣйшія, по нашему мнѣнію, рубрики группъ матеріала, принявъ за основаніе при этомъ степень важности и достовѣрности извлекаемыхъ изъ той или другой группы данныхъ, и затѣмъ указать на важнѣйшія изъ этихъ данныхъ.

Матеріалъ, изъ котораго могутъ быть извлечены нѣкоторыя этнографическія данныя о Мери, можетъ быть раздѣленъ на слѣдующія *четыре* группы: *Первая*—состоитъ изъ свидѣтельствъ письменныхъ источниковъ: лѣтописей, житій святыхъ и актовъ; ко *второй* группѣ относится разсмотрѣніе языка, быта, правовъ и обычаевъ теперешняго Великорусскаго населенія губерній: Ярославской, Костромской, Владимірской и сѣверной части Московской; *третья* группа заключается въ разсмотрѣніи языка, быта, и религіозныхъ вѣрованій Мордвы и Черемисъ, могущихъ имѣть нѣкоторое отношеніе къ языку, быту и религіознымъ вѣрованіямъ Мери; наконецъ, *четвертая* группа состоитъ изъ результатовъ курганныхъ раскопокъ и археологическихъ находокъ въ вышеназванныхъ губерніяхъ.

Самой достовѣрной, конечно, должна быть почтена первая группа письменныхъ свидѣтельствъ. Но данныя, извлекаемыя изъ этой группы весьма скудны; они касаются только географическаго распространенія Мери и нѣкоторыхъ указаній на ея религію. Вторая группа, со временемъ, при болѣе точномъ ея изученіи, можетъ представить много важныхъ данныхъ, но при настоящей ея необработанности изъ нея можно извлечь только нѣсколько предположеній, не лишенныхъ, впрочемъ, интереса и значенія. Особенныя свойства говора теперешняго Великорусскаго населенія губерній Ярославской, Костромской и Владимірской, племенной характеръ этого населенія, его бытъ, нравы, простонародныя праздники, обряды и повѣрья, въ которыхъ находится много чертъ, отличающихъ населеніе этой мѣстности отъ другихъ мѣстностей Россіи—даютъ право предполагать, что когда то обитавшій въ предѣлахъ этихъ губерній чудской народецъ Меря пропалъ не безслѣдно; даютъ право предполагать, что остатки этого народца живутъ въ теперешнемъ населеніи края.... Данныя изъ третьей группы, если не вполнѣ еще достовѣрны, то по крайней мѣрѣ вѣроятны. Эти данныя даютъ возможность, при сопоставленіи этнографическихъ особенностей Мордвы и Черемисъ, заключить, на

основаніи этого сопоставленія, по аналогіи — о нѣкоторыхъ этнографическихъ чертахъ Мери. Что же касается до послѣдней, четвертой группы, то данныя изъ результатовъ курганныхъ раскопокъ и археологическихъ находокъ представляются намъ еще слишкомъ шаткими для того, чтобы основать на нихъ какіе нибудь выводы.

Переходимъ теперь къ указанію важнѣйшихъ данныхъ, которыя можно извлечь изъ выставленныхъ нами четырехъ группъ.

Первая группа.—Позднѣйшія свидѣтельства лѣтописей и актовъ даютъ намъ возможность провѣрить показаніе Нестора о томъ, что Меря жила у Ростовскаго озера Неро и Клещина озера и, кромѣ того, убѣждаютъ насъ, что Меря распространялась своими поселеніями дальше, чѣмъ предполагалъ Несторъ.

Переяславскій уѣздъ еще въ XVI в. назывался *Мерскимъ станомъ* ([25]). У рязанскихъ предѣловъ лѣтописи указываютъ рѣчку *Мерску*, на которой стоялъ съ „воями“ кн. Изяславъ Владиміровичъ въ 1209 году, при нападеніи на Ростовско-Суздальскую область Рязанскихъ князей ([26]). Въ обѣихъ духовныхъ грамотахъ Московскаго В. кн. Іоанна Калиты, XIV в. упоминается село *Усть-Мерское*, лежавшее около Коломны ([27]). Въ XIII в. Галичъ—Костромской назывался, въ отличіе отъ южнаго Галича,—*Мерьскимъ*. Такъ называетъ его лѣтописецъ подъ 1238 годомъ; описывая татарскій погромъ, онъ говоритъ, что Татары „поплѣниша все по Волзѣ и до Галича Мерьскаго“ ([28]).—Изъ житія св. Исаіи, епископа ростовскаго XI в., мы видимъ, что у туземцевъ Ростовской области были идолы ([29]). Камень Велеса, которому поклонялись въ Ростовѣ „въ Чудскомъ концѣ“ тоже около XI в. былъ разрушенъ св. Авраміемъ Ростовскимъ ([30]). Священное значеніе камней у Мери подтверждается извѣстіемъ житія св. Иринарха Ростовскаго, который уже въ XVII в.

([25]) Сп. насел. мѣстъ Влад. губ. *введ.* с. 40.
([26]) П. С. Л. VII, 116.
([27]) Собр. Гос. Гр. и догов. т. I, №№ 21 и 22.
([28]) П. С. Л. VII, 141.
([29]) Правосл. Собесѣдн. 1858 кн. III. с. 459.
([30]) Пам. Стар. Русск. Литер. изд. Гр. Кушелевымъ-Безбородко подъ редакц. Н. И. Костомарова. в. I. с. 221.

свергъ въ р. Трубежъ камень, лежавшій около Переяславля, по попятію жителей этого города, имѣвшій цѣлебную силу противъ разныхъ болѣзней. ([31]) Припомнимъ здѣсь, что камнямъ вообще приписывалось священное значеніе на всемъ финнскомъ сѣверо-востокѣ ([32]). Лѣтописныя свидѣтельства говорятъ намъ также о волхвахъ, появлявшихся въ Ростовской области, въ которыхъ можно видѣть слѣды жрецовъ у Мери. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи извѣстіе Нестора подъ 1072 годомъ ([33]).

Вторая группа. Главная особенность теперешняго населенія губерній Ярославской, Костромской и Владимірской заключается въ особомъ свойствѣ говора. Это свойство характеризуется полногласіемъ и нѣкоторыми чуждыми словами, находящимися до сихъ поръ въ употребленіи. Филологи признаютъ этотъ говоръ за отдѣльную вѣтвь Великорусскаго нарѣчія, называя ее Суздальской, а И. П. Сахаровъ, извѣстный знатокъ русской народной жизни, кромѣ того, находитъ въ Суздальской вѣтви еще 5 оттѣнковъ: Суздальскій, Ярославскій, Костромской, Галицкій и Муромскій ([34]).

Мы не считаемъ себя въ правѣ входить въ филологическія разсужденія о характерѣ этой вѣтви Великорусскаго нарѣчія со всѣми ея оттѣнками, и по некомпетентности нашей въ этомъ дѣлѣ, и по неразработанности самаго предмета; но считаемъ возможнымъ замѣтить здѣсь, что, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ оттѣнкахъ говора Великороссовъ вышеназванныхъ губерній роль Мери далеко не маловажна и что при тщательномъ изученіи нашихъ областныхъ нарѣчій представится со временемъ воз-

---

([31]) Снегирева. Русск. простонар. праздн. и суевѣрн. обряды I, 13 и Діева: «какой народъ населялъ въ древн. времена Костром. стор.» Чт. М. О. Ист. и др. 1865. IV, V. 171.

([32]) См. ниже наше примѣч. 65.

([33]) II С. Л. I. 75 и 76.

На всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ мы еще разъ остановимся при разсмотрѣніи распространенія Христіанства въ Ростовской области.

([34]) Сахарова Сказанія Русскаго народа т. I. Спб. 1841; общаго оглавленія листъ 2-й. Говоръ Тверской губерніи Сахаровъ относитъ къ Новгородской вѣтви Великорусскаго нарѣчія, а Московскій говоръ составляетъ отдѣльную вѣтвь.—Но этому мы ихъ и не касаемся.

можность, быть можетъ, вполнѣ возстановить забытый, но не пропавшій языкъ Мери ([35]). Остатки этого языка, кромѣ того, могутъ находиться въ мѣстныхъ названіяхъ урочищъ и поселеній губерній Ярославской, Костромской и Владимірской, которыя, звуча дико для русскаго уха, являются намъ совершенно непонятными словами ([36]).

([35]) На особенности Суздальскаго нарѣчія обращалъ вниманіе еще Карамзинъ. «Въ Суздальскомъ нарѣчіи, говоритъ онъ, много *чуждыхъ* неизвѣстныхъ словъ; напримѣръ: Богъ называется *Стодъ*, отецъ *Хрутинъ*, сестра *Миндра*, жена *Эльтона*, дѣва *Шиктора*».—(Карамзина ист. Гос. Россійск. Изд. 2-е т. I. примѣч. 240. с. 88).—Опытъ областнаго словаря Ярославской губ. П Шестеринова началъ печататься въ Ярославскихъ губ. вѣдом. Напечатаны слова только на двѣ первыя буквы алфавита (См. Ярос. Губ. вѣд. 1853 г. №№ 2, 3 и 9).

([36]) Названія нѣкоторыхъ озеръ и рѣкъ, въ губ. Ярославской, Костромской, Владимірской и южн. части Вологодской губ.

Озера: Карашъ, Рюмино, Гаденъ, Сурмое, Ягорба, Видино.

Рѣки: Нерль, Пулахма, Гда, Печегда, Сара, Воржа, Шула, Сулость, Векса, Ишна, Вашка, Ухтома, Лохость, Сухода, Шопша, Мокза, Шерлна, Курба, Нахла, Тунашма, Волга, Толга, Нора, Толгобола, Вокшера, Урдома, Войга, Марма, Нахта, Инопажь, Ухра, Редьма, Югъ, Юга, Лушма, Іода, Юхоть, Уткошь, Кукимка, Конгора, Улейма, Воржехоть, Молокша, Кисьма, Ильма, Ворсма, Ворга, Молога, Жабня, Сить, Сутка, Верекса, Яна, Удрусъ, Ягорба, Кудаша, Пушма, Сога, Согожа, Иловна, Мыль, Енглень, Кдарь, Лама, Себла, Шексна, Корожачна, Пукша, Ильть, Кострома, Обнора, Соть, Уча, Шарна, Пескольдышь, Корма, Кульза, Касть, Келпоть, Сахманда, Шачеболка, Соекша, Ешка, Доманка, Конша, Пеленда, Березевна, Коргатка, Кероша, Шельша, Музга, Мякса, Кештома, Шаготь, Сегжа, Тулша, Пертома, Конгласъ, Салмазъ, Цына, Шелекма, Патра, Ушлома, Сохоть, Мусора, Пурковка, Надокша, Кухолка, Моса, Маровка, Эга, Ладейга, Кема, Почеболка, Коржа, Ить, Щушоровка, Едома, Матлань, Шиголость, Чемузье, Вая, Вонгирь, Лать, Лехта, Шула, Лехоть, Кутьма, Кучубежь, Угара, Ширенга, Пера, Согма, Лута, Вонгила, Вонгиль, Сундоба, Ушлома, Рума, Пеноуза, Шуйга, Саха, Сонгоба, Вага—и мн. др. (См. пам. др. обитателей Ярос. губ. до Рюрика—Яросл. губ. вѣд. 1859. с 40).

Названія рѣкъ и поселеній въ Ростовскомъ уѣздѣ, звучащія не по русски:

7083. Николы погостъ на *Печегдѣ*, 7084. — Солоть, 7097.—Вахрушево, 7103—Сулость, 7109—Исаевское при рѣч. *Кичмѣ*, 7117—

Еще болѣе непонятнаго встрѣчаемъ мы въ отдѣльныхъ, спеціальныхъ говорахъ Ярославской, Владимірской и Костромской губерній, въ такъ-называемыхъ *тайныхъ языкахъ*. Откуда, напримѣръ, взялся языкъ Офеней, этихъ пресловутыхъ ходебщиковъ-продавцевъ Владимірской губерніи, извѣстныхъ по всей Россіи? Офени сами себя называютъ *Мясыками* и производятъ и это названіе, и свой языкъ отъ Мясыковъ, народа когда то, по ихъ мнѣнію, кочевавшаго по Волгѣ. Языкъ Офеней, основанный на аналогіи, подобіи и иносказательномъ значеніи словъ, представляется на первый взглядъ просто тарабарщиной, случайнымъ искаженіемъ и перевираніемъ русскихъ словъ. Но нельзя поручиться, что въ составъ, если не въ основу, этого языка не легли-бы слова забытаго языка Мери ([37]). Въ Угличскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи существуютъ мелкіе скупщики холста, нитокъ и другихъ льняныхъ издѣлій на сельскихъ базарахъ, называемые *Маяками*, которые тоже употребляютъ между собою условный,

---

Воржа, 7120—Чучеры, 7123—Шадеріпо, 7125—Вѣксицы, 7135—Куреткино, 7140—Тохтино, 7148—Деревеньки при рѣч. *Сохтѣ*, 7263—Шондоры, 7266—Кетошь, 7272—Всехта, 7284—Почепалово, 7317—Бикашь, 7351—Оштара, 7396—Тарвыга, 7403—Ченцы, 7426—Шеры, 7436—Дебалы, 7447—Пужбалъ, 7449—Шуркалъ, 7453—Кустерь, 7551—Ивановское на *Лехтѣ*, 7553—Чухолма, 7566 и 7567—Шугарь, 7614—Воскресенск. пог. на *Пурѣ*, 7617 и 18—Кедеково, Закедье, 7660—Запуры, 7671—Пукесово, 7701—Носырево, 7703—Шальцово.

Названія селеній и рѣкъ звучащія не по русски въ Переяславск. уѣздѣ, Влад. губ.

3676—Вашка, 3700 и 3757—Бремгола, 3702—рч. *Гнеза*, 3703—рч. *Тошма*, 3704—рч. *Неахъ*, 3705—рч. *Мумошъ*, 3723—рч. *Кипса*, 3743—Кіучеръ при рч. *Рюхтѣ*, 3747—рч. *Рокша*, 3753—Бѣхтышево, 3763—Сотьма, 3766—рч. *Нерль*, 3813—рч. *Курешма*, 3867—рч. *Киселма*, 3885—рч. *Кубря*, 3953—рч. *Шлемка*, 3997—Никольскій погостъ, что въ *Кижемѣ*, 4001—рч. *Кижемка*, 4012 и 31—Ченцы.

(Цыфры передъ названіями означаютъ №№, по спискамъ населенныхъ мѣстъ Ярославской и Владимірской губ.).

([37]) Объ Офеняхъ см. Владимірскій сборникъ К. Тихоправова. М. 1857 г.—с. 22—27.—Въ этомъ сборникѣ помѣщенъ краткій словарь офенскаго языка въ 268 словъ. Кромѣ этого словаря, существуютъ еще рукописные словари офенскаго языка, составленные чиновниками Владимірской удѣльной конторы, Бѣляевымъ и Ржевскимъ. Въ Словарѣ 1-го нах. 1020 словъ, а у втораго—643 слова.—См. также объ Офеняхъ статью М. А. Трохимовскаго, въ Р. В. 1866 г. кн. 6.

тайный языкъ; языкъ этотъ, впрочемъ, состоитъ, преимущественно изъ словъ, означающихъ денежный счетъ ([38]). Подобный же, странно звучащій, денежный счетъ существуетъ въ г. Нерехтѣ, Костромской губерніи ([39]). Въ Нерехтѣ же есть особый тайный языкъ, называемый *Елтонскимъ*, тоже принадлежащій мѣстнымъ торговцамъ. (Отъ слова: елтышъ—безмѣнъ на этомъ языкѣ; зн. языкъ безмѣнниковъ). О. Діевъ приводитъ любопытные обращики этого языка, объясняющіе нѣкоторыя названія мѣстъ Костромской губерніи, совершенно необъяснимыя изъ языка русскаго. Такъ напр., *костръ*, *кострыга* значитъ на елтонскомъ языкѣ городъ; *масъ*, по мордовски—красивый; отсюда Кострома, — красивый городъ. *Киншить* по-елтонски — приставать, спокойно стоять; откуда Кинешма, въ соединеніи съ мордовскимъ *масъ*, означаетъ красивую пристань. Елтонскіе слова: *галь* — многолюдно, *лохъ*—сосѣдній, *олонно*—давно, *шунге*—пѣсенникъ, по мнѣнію о. Діева, дали названія: Галичу, Луху (городъ и рѣка Костромской губ.), Олонецу и селу около Костромы, Шунгѣ ([40]). Въ Галичѣ существуетъ тоже тайный языкъ *Елманскій*, который Н. П. Свиньинъ считаетъ за остатокъ языка Мери ([41]).

([38]) Списки населен. мѣстъ Яросл. губ.—*введеніе* стр. 67. — Вотъ нѣсколько словъ этого языка: полкопѣйка—*биряха*; 1 к.—*скани*, 2 к.—*дертаха*, 3 к. — *бирь*, 4 к. — *секаня*, 5 к.—*оноха*. Многіе изъ этихъ словъ напоминаютъ татарскій счетъ.—Тоже слѣдуетъ замѣтить относительно слозъ въ примѣч. 39-мъ.

([39]) И. М. Снегиревъ сообщаетъ этотъ денежный счетъ въ Нерехтѣ до 100,000. Странно звучатъ слова его. Приводимъ нѣкоторыя въ образцикъ: полушка—*лотуха*; деньга—*сара*; копѣйка — *иканъ*, *иканя*, *стивоха*; грошъ—*башъ*, *башлыга*, *икася*; алтынъ—*біакча*, *бирь*, *бушенъ*, *бекренъ*; 4 к.—*бакра*, 5 к.—*оноха*; 6 к. — *бокра-бирей*, *бушенъ-стивохъ*; 7 к.—*кулемъ-стивохъ*; 8 к.—*вонмера-стивохъ* и т. д. (Русск. Истор. Сборникъ Погодина т. I, кн. I стр. 106—112).

([40]) Прот. М. Діева. «Какой народъ въ древ. врем. населялъ Костромскую сторону?»—Чт. М. О. Истор. 1865. кн. IV, отд. V. с. 174. На многихъ финскихъ нарѣчіяхъ *ма* — земля. По этому, намъ кажется, что окончаніе *ма* въ названіяхъ: «Кострома» и «Кинешма» ближе было бы переводить словомъ: *земля*, чѣмъ словомъ: *масъ*—красивый. По такому переводу Кострома значила бы—городъ, поселеніе на землѣ, а Кинешма—пристанище на землѣ.

([41]) См. Р. Ист. Сборн. т. I, кн. I. с. 103.

Переходя къ племенному характеру населенія, мы позволимъ себѣ указать, въ видѣ примѣра, на два особенныхъ типа населенія Ярославской губерніи, являющихъ въ себѣ очень много загадочнаго: *Пошехонцевъ* и *Сицкарей*.

О Пошехоньѣ, означавшемъ прежде цѣлую страну по Шексѣ, называвшейся, по мѣстному говору, Шехонью, ничего не пишутъ лѣтописцы, за то много разсказываютъ сказки. Никакой грамотѣй не съумѣетъ объяснить откуда взялись Пошехонцы: вывелись ли они въ туземномъ лѣсу, прибыли ли изъ за моря, сами ли бивали другихъ, или были биты другими въ старыя времена;—за то и безграмотные знаютъ, какъ Пошехонцы „въ трехъ соснахъ заблудились", какъ „искали комара за семь верстъ, а комаръ сидѣлъ у нихъ на носу", какъ они „лазили на сосну Москву смотрѣть", какъ „ходили покупать Ивана - Великаго"—и т. под. Обычаи и нравы Пошехонцевъ во многомъ различны отъ окрестной массы Великорусскаго населенія (42). Сицкари, живя въ мѣстности лѣсистой и болотистой по р. Сити, въ Моложскомъ у.,—отличаются отъ остальнаго окрестнаго населенія, и лицемъ, и фигурой, и одеждой, и говоромъ, и обычаями. Неуклюжій, небольшаго роста, съ выдавшимися скулами, одутловатымъ лицемъ и рѣдкой, клочковатой бороденкой—Сицкарь отличается домосѣдствомъ, прилежаніемъ и честностію. Окрестные жители говорятъ про человѣка неловкаго въ обращеніи, не умѣющаго щеголевато одѣваться: „экой ты Сицкарь", или „кокора Сицкая". Откуда взялись Пошехонцы и Сицкари? Положительныхъ отвѣтовъ на это мы не имѣемъ (43).

Различіе въ складѣ религіознаго воззрѣнія у Великоруссовъ и Южноруссовъ, преобладаніе въ первомъ воззрѣніи внѣшности, обряда и практичности надъ внутреннимъ содержаніемъ, догмой—и большее развитіе поэтической сторо-

---

(42) См. ст. «Промышленность и торговля въ Пошехоньѣ» — Ж. М. Вн. Д. 1844. Іюнь с. 437—439.

(43) Свящ. Преображенскаго: «Волость Покровско - Сицкая Моложскаго у.»—Тринадцать статей въ Яросл. губ. вѣд. 1854.—Г. Артемьевъ полагаетъ, что Сицкари произошли отъ Корелъ, водворившихся въ этихъ мѣстахъ съ XVII ст.—(См. введеніе къ списку насел. м. Яросл. губ. стр. 68).

ны религіи во второмъ—давно обращаютъ на себя вниманіе изслѣдователей нашего быта, нашей исторіи. Многіе изъ изслѣдователей пришли къ заключенію, что причину этого различія слѣдуетъ искать въ неизбѣжномъ присутствіи чудскаго, финнскаго элемента въ Великорусской народности. Эту мысль высказывалъ еще въ 30-хъ годахъ Снегиревъ (44), а въ послѣднее время гораздо опредѣленнѣе выражена она г-мъ Мельниковымъ, какъ мы увидимъ ниже.

Вслѣдствіе чего, въ самомъ дѣлѣ, произошли эти особенности сравнительно съ югомъ Россіи, которыя мы видимъ въ нѣкоторыхъ праздникахъ Костромской и Ярославской губерній; напримѣръ въ праздникѣ Коляды и Таусеня, въ праздникѣ Семика, въ который сожигается кукла Костромы?.... Откуда это чествованіе камней, неизвѣстное на югѣ и бывшее сильно распространеннымъ на финнскомъ сѣверо-востокѣ, и долго сохранявшееся въ вышеназванныхъ губерніяхъ?— Наконецъ происхожденіе самаго Велеса, „скотьяго бога“, не разъяснено должнымъ образомъ, и многіе желаютъ въ немъ видѣть бога Мери (45). Въ свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ

---

(44) См. Снегирева. Р. прест. праздники. I, 230 — 234, II, 30, 42.

И. И. Мельниковъ относитъ даже происхожденіе нашихъ Хлыстовъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ и видитъ связь этой секты съ Богумилами и финнскимъ язычествомъ сѣверо-востока. Замѣчательно, что о первомъ изъ Христовъ Хлыстовской секты, Аверьянѣ, явившемся при Дмитріи Донскомъ, въ пѣсняхъ Хлыстовъ Воронежской губерніи поется:

Распинали же его,
Христа, Бога моего,
Какъ на полѣ Куликовскомъ,
Во напъздіи Ростовскомъ.

По преданію, Аверьянъ убитъ на Куликовскомъ полѣ при походѣ Дмитрія Донскаго на Мамая (см. Мельникова: «Тайныя секты» Р. В. 1868. кн. V. с. 13, 22—24). Снес. этой главы нашихъ очерковъ примѣч. 68, 69 и 70 и ниже во 2-й главѣ примѣчанія 84 и 85 и соотвѣтств. имъ страницы текста.

(45) Снегиревъ (Р. прост. праздн. I. 15, 187 и 242)—прямо признаетъ Велеса за «Мерянскаго бога».—Одна изъ древнѣйшихъ ярмарокъ въ сѣверо-восточной Россіи—Ростовская приходится около Власьева дня, «по всему вѣроятію, замѣчаетъ г. Снегиревъ, ведя свое начало отъ празднованія въ честь Велеса.» (Ibid. III. 157).—Онъ же полагаетъ, что камень

Ярославской, Костромской и Владимірской губерній навѣрное найдется также много отличій отъ южно-русскихъ (45).

Какая доля участія въ образованіи всѣхъ этихъ особенностей языка, характера и обычаевъ народа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ оно время обитала Меря—принадлежитъ собственно Мери, какая доля падаетъ на другія народцы и племена, оставившіе свой слѣдъ на великой равнинѣ сѣверо-восточной Европы, въ какомъ отношеніи находится вліяніе Мери къ другимъ вліяніямъ? — На всѣ эти вопросы пока не можетъ быть отвѣта.

Третья группа. Есть предположеніе, что въ глубокой древности существовала отдѣльная и обширная вѣтвь Чудскаго племени,—племя Мордовское, обитавшее въ областяхъ Оки и

Велеса, сокрушенный св. Авраміемъ Ростовскимъ былъ камнемъ бога Меря (Ibid. 137).—Спес. Пам. стар. Р. Л-ры. Изд. Гр. Кушелева-Безбородко, в. I, с. 221. Дієвъ также считаетъ Велеса богомъ Меря и праздникъ Мордвы-Мокшанъ *Вель-Оксэ* за остатокъ поклоненія Велесу, принесенному туда Мерею (Чт. М. О. Ист. 1865. кн. IV, отд. V. стр. 172 и 173).—Шеппингъ считаетъ Велеса туземнымъ славянскимъ богомъ («Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ» М. 1862 с. 204). О Колядѣ, Таусенѣ и куклѣ Костромы см. Снегирева Р. праздники, 2-й вып., преимуществ. с. 29, 103—110. в. I. 183, 184, 234. III. 116, 134, 135, 140, 209. IV. 117.

(45) Позволимъ себѣ привести здѣсь извѣстныя намъ указанія на народные обычаи и праздники въ Ярославской и Владимірск. губ., описс. которыхъ помѣщены въ мѣстныхъ губ. вѣд.—Въ Ярославскихъ губ. вѣдомостяхъ помѣщены: 1) Буй, нзв. игра въ Ярославѣ. 1843 г. № 30.—2) Село Крестобогородское. 1849. № 24 и 25.—3) Народные обычаи въ Даниловскомъ у. 1849. № 26 и 27. — 4) А. Артынова: Село Угодичи, бл Ростова. 1850. № № 20 и 21 и 1851. № № 2, 3 и 4.—5) Свадь народн. примѣтъ о посѣвѣ и уборкѣ хлѣба и сѣна, о пашнѣ и удобрен. земли 1851. № № 15—18.—6) Село Большое, бл. Углича. 1851. № 33.—7) Свадебные обычаи въ Ростовскомъ у. 1852. № 4, 5 и 15.—8) Обычаи при свадьбахъ въ Пошехонскомъ у. 1853 стр. 256, 270, 280, 289, 298 и 313. — Изъ Владимірскихъ губерн. вѣдомостей перепечатаны г. Тихоправовымъ въ Влад. Сборникѣ (стр. 36—42): 1) Свадебные обряды и плачи въ Переяславскомъ у. 2) Свадеб. плачи у крестьянъ Влад. у.—3—5) Коляда во Владимірскомъ у., въ селѣ Добромъ этого уѣзда и въ Переяславск. у. 6) Юницы, народн. обычай во Владимір. губ 7) Народная пѣсня въ с. Брембольѣ, Переяслав. у. 8) Ильинская пустошь въ Судогодскомъ у.

верхняго теченія Волги. Г. Иловайскій, въ „своей Исторіи Рязанскаго княжества", полагаетъ, что Мордовское племя когда то занимало огромное пространство отъ Уральскихъ горъ до самаго Днѣпра, что, вслѣдствіе движенія кочевыхъ ордъ изъ-за Урала, оно было отрѣзано отъ южной своей части—Хозаръ и отодвинуто далѣе на сѣверъ, гдѣ потомъ утратило родовое названіе,—и въ IX в. появилось въ исторіи раздробленнымъ, подъ именами разныхъ отдѣльныхъ народцевъ ([47]).

Дѣйствительно, можно предположить, что теперешніе поволжскіе чудскіе народцы—Мордва и Черемисы составляли въ оно время одно цѣлое съ несуществующими теперь народцами Мерею и Муромою: *Мордва*, по изъясненію Кастрена, означаетъ *людей* на *водѣ* (Мор—человѣкъ; ва—вода), а *Мурома*—людей на—землѣ (Ма—земля). Кастренъ, по этому, считаетъ Мордву съ Муромой за одно поколѣніе, впослѣдствіи распавшееся на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна осталась при водѣ (Мордва) а другая была оттѣснена далѣе отъ воды, на землю (Мурома) ([48]).

Образцовъ языка Муромы, кромѣ ея самоназванія, до насъ не дошло; но мы имѣемъ любопытное извѣстіе о религіозныхъ обрядахъ Муромцевъ XI в., представляющихъ большое сходство съ нѣкоторыми обрядами Мещеряковъ, которые признаются этнографами за видоизмѣненное названіе Мордвы-Мокши ([49]).—Въ житіи Муромскаго князя Константина читаемъ о Муромѣ XI в.: „очныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеся и сребреницы на ня повергающе,... дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ поклоняющеся,.... кони заклающе и по мертвыхъ ременныя плетенія и древолазная съ ними въ землю погребающе, и битвы, и кроеніе и лицъ настрѣканія и дранія творяще". ([50]). Мещеряки до сихъ поръ, при погребеніи мертвыхъ, „творятъ лицъ наст-

---

([47]) Иловайскаго. Исторія Ряз. кн. стр. 3 и 4 (примѣч.).—См. памятники Мордовской старины въ Ж. М. Вн. Д. 1851. Мартъ.

([48]) Castren Reiseb. u. Briefe. a. d. J. 1845—49, s. 17.

([49]) См статью Луковскаго о Мещерѣ.—П. И. Мельникова: «Очерки Мордвы» Р. В. 1867 кн. 6, с. 504.—Кн. Курбскій прямо свидѣтельствуетъ, что въ числѣ Мещерскихъ былъ языкъ Мордовскій. (*Сказ. кн. Курбскаго.* с. 15). *Сравн.* Георги: Опис. народ. с. 186 и слѣд. и A. L. Schlozer'a: «Несторъ». 1-е Th. Gott 1802, I. 105.

([50]) У Иловайскаго. Ист. Ряз. кн. с. 7.

рѣканія и драніе". Г. Ауп'овскій, въ своемъ „этнографическомъ очеркѣ Мѣщеры", говоритъ, что женщины, когда опустятъ покойника въ могилу, подымаютъ вой, *жестоко царапая себѣ лицо ногтями*. Тоже дѣлаетъ невѣста при снаряженіи ея въ церковь и благословеніи родителями; при этомъ она неистово кричитъ и визжитъ для выраженія печали (51). Лѣсъ, какъ извѣстно, въ большомъ почитаніи до сихъ поръ у Мордвы, Черемисъ и вообще у всѣхъ сѣверовосточныхъ чудскихъ народовъ. Принесеніе въ жертву лошадей прекратилось у Мордвы только съ того времени, какъ она перестала употреблять ихъ въ пищу (52). Г. Иловайскій полагаетъ, что „Мещеря" есть видоизмѣненіе слова „Меря" (53). Снегиревъ и Діевъ также предполагаютъ что, Мордва-Мокша (Мещеря) есть Меря (54).

Мордовскій народъ, раздѣляющійся на двѣ главныя вѣтви: *Эрзю* (сѣверо-западную) и *Мокшу* (юго-восточную) и населяющій лѣвую сторону по Волгѣ и Окѣ—былъ издавна народомъ воинственнымъ и вошелъ во враждебныя столкновенія съ Славянорусскимъ племенемъ весьма давно: при самомъ началѣ его поступательнаго движенія на востокъ.— Отличительная черта Мордовскаго народа заключается въ его способности къ слiянію съ другими народами: такъ онъ подвергся сильному вліянію Татаръ, послѣ завоеванія ими Болгарскаго царства, въ улусы котораго входила земля Мордовская, а затѣмъ, послѣ покоренія царства Казанскаго Московскимъ государствомъ, — началъ сильно русифицироваться. На востокъ и на югъ отъ р. Мокши, говоритъ Гербершгейнъ о Мордвѣ-Мокшѣ XVI в. (объ Эрзѣ онъ не упоминаетъ), встрѣчаются огромные лѣса, въ которыхъ живетъ народъ Мордва, который имѣетъ свой собственный

---

(51) Статья г. Ауповскаго, если не ошибаемся, напечатана въ «Этнографическомъ сборникѣ», но мы ею пользовались по рукописи, благосклонно имъ сообщенной еще въ 1867 году секретарем этнографическаго отдѣленія И. Р. Геогр. о—ва, Л. И. Майковымъ.

(52) См. «Очерки М[illegible]» И. И. Мельникова Р. В. 1867 кн. 6.

(53) Ист. Ряз. кн. с. 7.

(54) Снегиревъ. Русск. простонарод. праздники и суевѣр. обряды. I, 18 и 187.—Діевъ: какой народъ въ др. вр. населялъ Костромскую сторону?—Чт. М. О ист. 1865. кн. IV отд. V. 173—176.—Діевъ говоритъ, что обычаи и повѣрья Мордвы-Мокши похожи на обычаи и повѣрья крестьянъ Костромской губ.

языкъ и состоитъ подъ властію Московскаго князя. Одна часть Мордвы пребываетъ въ идолопоклонствѣ, другая часть исповѣдуетъ исламъ. Мордвины живутъ разсѣянно по деревнямъ, обработываютъ поля, питаются дичиной и медомъ, имѣютъ въ изобилiи драгоцѣнные мѣха; это люди въ высшей степени свирѣпые, потому что не разъ храбро отражали даже татарскихъ разбойниковъ. Почти всѣ они пѣшіе, отличаются продолговатыми луками и искусствомъ метать стрѣлы (55). Теперешній бытъ Мордвы не представляетъ особенностей отъ быта Великорусскаго. Но охота и пчеловодство до сихъ поръ составляютъ главнѣйшіе промыслы Мордвина. Вмѣстѣ съ способностію къ сліянію съ чуждыми народностями, Мордовскій народъ выказалъ неимовѣрную стойкость въ отстаиванiи неприкосновенности своей религiи, изъ-за нарушенія которой онъ весьма часто съ ожесточеніемъ возставалъ противъ Московской власти, бывшей проводникомъ Христiанства среди Мордвы (56).

Общій строй Мордовскихъ религіозныхъ вѣрованій опредѣляется *дуализмомъ*, подробности котораго видоизмѣняются по племеннымъ вѣтвямъ. Верховный богъ, богъ добра и свѣта, *Чамъ-Пасъ* у Эрзы и *Шкай* у Мокшанъ,— и *Шайтанъ*, сотворенный верховнымъ богомъ, представитель зла и мрака—стоятъ во главѣ божественной іерархіи Мордвы. Родоначальницей генеалогической іерархіи божествъ является *Анге-Патяй*, дочь Чамъ-Паса, отъ которой произошли всѣ остальные боги—*Пасы* и богини—*Патяи*, которыхъ всѣхъ вмѣстѣ г. Мельниковъ насчитываетъ 14-ть. Три сына Анге-Патяй: *Нѣшки-Пасъ*, *Вѣленя-Пасъ* и *Пазяромъ-Пасъ*—являются богами неба, земли и царства мертвыхъ, которое по мордовскимъ представленiямъ, согласно ихъ быту и промыслу, характеристически воображается подъ видомъ темнаго и обширнаго пчельника. Къ низшему разряду божественной іерархіи относятся боги—охранители и покровители лѣсовъ, охоты и звѣроловства. Около боговъ и богинь группируются добрые духи (*ӧзаисъ* у

---

(55) Герберштейнъ. Записки о Московіи. Переводъ *И. Анонимова*. Спб. 1866. с. 100.

(56) Для изложенія религіозныхъ вѣрованій Мордвы мы пользовались статьею П. И Мельникова: «Очерки Мордвы». Р. В. 1866. кн. 7, 9 и 10.

Эрзы и *ӧзксъ* у Мокши), сотворенные, но не рожденные, Анге-Цатяй. Около Шайтана находится сонмъ сотворенныхъ имъ злыхъ духовъ. У Мордвы очень много легендъ и сказаній о сотвореніи міра и Шайтана, о происхожденіи ӧзаисовъ, о судьбѣ первыхъ людей, о близкихъ сношеніяхъ боговъ съ людьми. Ни идоловъ, ни храмовъ у Мордвы не было. Обрядовый культъ Мордвы заключается въ *моленіяхъ* и *жертвоприношеніяхъ*. Огороженныя мѣста, на которыхъ они приносятся, обыкновенно въ лѣсахъ,—называются *кереметями*. (Керемети въ деревняхъ—обсаживаются березами). Моленія и жертвоприношенія въ совокупности называются *молянами*, которые раздѣляются на *домашніе* и *общественные* (веленъ-молянъ). Кромѣ молянъ въ кереметяхъ, совершались моляны на кладбищахъ въ честь умершихъ предковъ (*атяня-молянъ*), сопровождавшіеся обрядами, весьма похожими на русскія поминки. У Эрзы были жрецы, у Мокшанъ ихъ не было; моленія и жертвоприношенія у нихъ совершалъ глава семейства. Вообще, какъ самыя религіозныя вѣрованія, такъ и обрядовый культъ, болѣе развиты у Эрзы чѣмъ у Мокши. Жреческія обязанности сложились у Эрзы въ правильную іерархію. Во главѣ ея стоитъ *прявтъ*, собственно не жрецъ, а главный распорядитель молянъ. Верховной жрецъ—*возатя* и 12 его помощниковъ, раздѣляющіеся на 4 чина, каждый съ спеціальными обязанностями при жертвоприношеніяхъ: *париндяитовъ*, *янбедъ*, *кашангородовъ* и *туросторовъ*—составляютъ іерархію жрецовъ; кромѣ ихъ на молянахъ играютъ роль *позанбунаведы*—служители при жертвоприношеніяхъ, подчиненные непосредственно прявту. Предметы жертвоприношеній Мордвы суть: *домашнія животныя*, преимущественно быки и бараны, *хлѣбъ*, *яичница*, *медъ* и *пиво*, называемое *пурѐ*. Орудіями жертвоприношенія являются *штатолы* (восковыя свѣчи), *парка* (священная кадка), *священные ковши* и *ножи* и *горящій уголь*. Большую роль въ молянахъ играетъ *камень—кардо-сярко*, который непремѣнно находится на дворѣ каждаго дома и въ каждой керемети. Общественное моленіе—Веленъ-молянъ совершается у Мордвы съ большою торжественностію и съ стройнымъ порядкомъ богослуженія. Кромѣ моленій, съ возглашеніями возати и жертвоприношеній, совершаемыхъ имъ же,—они сопровождаются музыкой на дудахъ и пѣніемъ дѣвушекъ. У г. Мельникова описанъ подробно этотъ Веленъ-молянъ. Подробности испол-

пены глубокаго интереса, но мы не считаемъ возможнымъ приводить ихъ здѣсь вполнѣ: это вывело бы насъ за предѣлы общаго очерка мордовскихъ вѣрованій, который намъ нужно было представить. Мы остановимся только на одномъ обрядѣ богослуженія Велепъ-моляпъ, именно на сборѣ необходимыхъ для жертвоприношеній припасовъ. Этимъ обрядомъ, по весьма справедливому мнѣнію г. Мельникова, можетъ быть объяснено одно, до сихъ поръ мало понятное и для насъ весьма важное, мѣсто Несторовой лѣтописи о появленіи волховъ въ Ростовско-Суздальской области въ 1071 году. По глубокому интересу самаго обряда относительно сближенія его съ разсказомъ Нестора, мы приводимъ его въ подробномъ извлеченіи.

Характеристическія особенности этого обряда заключаются, главнымъ образомъ, въ способѣ приготовленія къ моляну муки, меда, масла, яицъ и денегъ *замужними женщинами*, въ томъ способѣ, которымъ онѣ передаютъ приготовленное сборщикамъ жертвенныхъ припасовъ: парипдяпту и янбеду,—въ домашнемъ жертвоприношеніи, производимомъ женщинами по уходѣ сборщиковъ, и въ роли, которую играютъ во всемъ этомъ обрядѣ дѣвушки. „Мужчины не только не принимаютъ въ приготовленіяхъ никакого участія, но не могутъ ихъ даже видѣть, для чего съ ранняго утра того дня, когда въ деревню должны пріѣхать сборщики (а это извѣстно заранѣе) уходятъ, на работу въ поле, въ овины, или же прячутся въ хлѣва, какъ скоро узнаютъ что парипдяпть съ янбедомъ пріѣхали. Даже мальчики прячутся съ отцами; при матеряхъ могутъ оставаться только грудные и неумѣющіе ходить дѣти мужескаго пола“. „Наканунѣ того дня, когда должны пріѣхать въ деревню сборщики, женщины дѣлаютъ приготовленія. Онѣ шьютъ три, четыре и болѣе холщевые мѣшечка и къ нимъ пришиваютъ по двѣ длинныя тесемки или веревочки. *Въ одинъ мѣшечекъ хозяйка насыпаетъ фунтъ, сто, или болѣе муки*, смотря потому сколько предполагается молельщиковъ на предстоящемъ молянѣ, *въ другой кладетъ бурачекъ съ медомъ, въ третій нѣсколько яицъ денегъ, въ четвертый—бурачекъ съ масломъ, въ пятый—бурачекъ съ яицами* и т. д. Потомъ накрываетъ столъ чистимъ рядномъ и раскладываетъ на немъ назначенные для сборщика мѣшки“. „Подъѣхавъ къ деревнѣ, сборщики останавливаются у околицы и нѣсколько времени медлятъ, что-

бы дать женщинамъ время сдѣлать нужныя приготовленія къ ихъ пріему. За тѣмъ, когда бѣгающія по улицѣ дѣвочки скажутъ матерямъ, что паринджитъ и янбедъ прибыли, послѣдніе съ разными миѳическими пріемами и молитвами, входятъ въ избу". „При входѣ янбеда въ избу, въ ней горитъ штатолъ на шесткѣ печи, передъ которою стоитъ столъ съ мѣшками. Передъ нимъ становятся замужнія женщины семьи задомъ къ двери; *плечи и грудь у нихъ обнажены по поясъ. Дѣвушки стоятъ подлѣ нихъ также задомъ къ двери, но не обнажены* (57). Паринджитъ съ янбедомъ, войдя въ избу, останавливаются у самой двери, одинъ держа парку, другой жертвенный ножъ и читаютъ громко молитву Чамъ-Пасу, Анге-Натяй и Юртова-ёзансу (духу покровителю дома). *Тогда старшая замужняя женщина беретъ обѣими руками за тесемки мѣшокъ съ мукой, закидываетъ его черезъ голову назадъ на голыя свои плечи, и, не оглядываясь,* потому что не должно женщинамъ видѣть лицо сборщиковъ, *пятится задомъ къ дверямъ. Когда, такимъ образомъ, она подходитъ къ сборщикамъ, паринджитъ подставляетъ къ спинѣ ея священную парку, а янбедъ, взявъ въ одну руку мѣшокъ, другою рукою пять разъ слегка колетъ подошедшую священнымъ ножемъ въ обнаженныя плеча и въ спину, читая молитву, обращенную къ Анге-Натяй, и потомъ перерѣзываетъ тесемки; мѣшокъ падаетъ въ парку, а концы тесемокъ остаются въ рукахъ женщины.* Она отходитъ къ столу, не оглядываясь; за нею другая такимъ же образомъ подходитъ къ сборщикамъ съ другимъ мѣшкомъ, третья съ третьимъ и т. д. Если же въ семьѣ находится одна замужняя женщина, то она одна относитъ къ сборщикамъ описаннымъ порядкомъ приготовленные мѣшки одинъ за другимъ. Дѣвушки остаются

---

(57) Здѣсь г. Мельниковъ дѣлаетъ замѣтку объ устройствѣ мордовской избы, отличной отъ великорусской. Считаемъ нужнымъ, для ясности разсказа, привести цѣликомъ его замѣтку. «Вотарину, говоритъ онъ, мордовскія избы строились не совсѣмъ такъ какъ русскія. Печь ставилась въ переднемъ лѣвомъ углу, прямо противъ входа; т. обр. Мордовки, стоя передъ печкой, стояли задомъ къ двери Такія избы съ печью, устье которой обращено къ двери, до сихъ поръ можно встрѣтить въ степныхъ мѣстахъ губерній Пензенской, Тамбовской и Рязанской, не только у Мордвы обрусѣлой и не обрусѣлой, но даже и у Русскихъ (*Очерки Мордвы.* гл. V. Р. В. 1867. № 9, с. 246 и 247 и примѣч. къ послѣд.).

у стола: онѣ не могутъ трогать приготовленныхъ мѣшковъ. Принявъ назначенные для жертвоприношенія припасы, сборщики уходятъ, не затворяя ни дверей избы, ни воротъ, складываютъ все полученное на возъ и отправляются въ слѣдующій домъ. *По удаленіи сборщиковъ, женщины разводятъ на шесткѣ огонь, зажигая его горящимъ штатоломъ, и сожигаютъ на немъ остатки тесемокъ. Пепелъ ихъ, вмѣстѣ съ углями, кладутъ въ загнѣтку съ молитвой къ Юртова-бзаису* (духу покровителю дома), *которую произноситъ старшая въ домѣ*“ ([58]). Любопытный разсказъ Нестора о волхвахъ въ Ростовской области мы приведемъ ниже, а здѣсь припомнимъ только, что во время голода въ Ростовской области, волхвы были убѣждены, что причина этого голода заключается въ томъ, что замужнія женщины „обиліе держатъ“ у себя за плечами, за что они и убивали ихъ, прорѣзывая имъ „въ мечтѣ“, какъ говоритъ лѣтописецъ, за плечами и вынимая оттуда „жито, рыбу, медъ и скору“.

Священнымъ днемъ у Мордвы считается Пятница. Праздники Мордвы и сопровождающіе ихъ обряды весьма схожи съ Великорусскими. Конечно, много изъ этихъ обрядовъ перешло къ теперешней Мордвѣ отъ русскихъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ настоящее время большая часть Мордовскаго народа, забывъ свой языкъ, употребляетъ русскій даже и въ языческихъ своихъ молитвахъ. „Но нельзя также отвергать, говоритъ г. Мельниковъ, чтобы нѣкоторые старинные мордовскіе религіозные обряды не перешли къ Русскимъ“. Такъ напр. г. Мельниковъ полагаетъ, что *Коляда* и *Лесень*, или *Таусень* заимствованы Великоруссами у Мордвы, *или у другаго какого либо финскаго племени*, на что указываютъ самыя названія того и другаго святочнаго обряда. Въ русскихъ деревняхъ недѣля передъ Троицынымъ днемъ зовется *зелеными святками*. Здѣсь видно тождество праздниковъ семика и святокъ, которое вполнѣ объясняется празднованіемъ Мордвы въ оба праздника *Анге-Патяй* и березовымъ богамъ: лѣсному *Кёлу-бзаису* и домашнему, *Кёлядь*. ([59])

([58]) Очерки Мордвы. ibid. стр. 243—247. Не желая перефразировать ясный разсказъ г. Мельникова и тѣмъ, быть можетъ, его исказить, мы позволили себѣ только сократить его, оставляя въ большинствѣ случаевъ подлинныя слова автора, которыя мы, для огражденія себя, сочли необходимымъ поставить въ выносныхъ знакахъ.

([59]) ibidem. P. B. 1867. Окт. стр. 429.—Слово *Коляда*, вмѣсто латинскаго *Calendae* и славянскаго *Коло* можетъ быть произведено отъ

Сопоставляя за тѣмъ и другіе праздники и обычаи омрдовскіе съ Великорусскими, г. Мельниковъ заканчиваетъ свои статьи о мордовскихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ слѣдующими словами: „Вообще древняя мордовская вѣра, кажется, имѣла большое сходство съ языческою вѣрою русскихъ Славянъ, если не была одна и таже. У Русскихъ, уже девять сотъ лѣтъ принявшихъ Христіанство, она совершенно забылась, но остатки ея сохранились въ разныхъ обрядахъ, изъ которыхъ многіе трудно, или вовсе невозможно объяснить. Мордва крещена не такъ давно и еще помнитъ старинную свою вѣру. По сохранившимся у Мордвы религіознымъ обрядамъ и по преданіямъ о ея религіи можно объяснить многіе русскіе обычаи и обряды“ ([60]). Въ другомъ мѣстѣ своихъ исполненныхъ глубокаго интереса статьяхъ, о Мордвѣ, къ сожалѣнію неоконченныхъ, г. Мельниковъ говоритъ по поводу сходства многихъ миѳическо-космогоническихъ легендъ и сказаній мордовскихъ съ такими же русскими: „на подобныя сказанія нельзя смотрѣть иначе, какъ на остатки вѣрованій русскаго народа еще во времена язычества. Кто отъ кого заимствовалъ эти вѣрованія, *Славяне ли отъ Финновъ, или Финны отъ Славянъ*—рѣшить трудно, но, кажется вѣрнѣе предположить, что вѣрованія эти были общи обоимъ сосѣднимъ племенамъ, Славянскому и Финскому“ ([61]).

Предположеніе о связи Мери съ Черемисами имѣетъ въ свою пользу болѣе вѣроятности, чѣмъ предположеніе о сродствѣ Мери съ Мордвою. Черемисы называютъ себя *Мари*—люди. Кастренъ полагаетъ, что названіе *Меря*—есть славянское измѣненіе слова „Мари“ и считаетъ, вслѣдствіе этого, возмож-

мордовскаго *Кёль*—береза. Праздникъ *Кёляда* совершается у Мордвы въ честь березоваго бога Келяды (Id. стр. 414)—*Таунсяй* по мордовски—свиной; *Таунъ-ӧзамъ*—богъ свиней. Русскій Авсень, или Таусень, обряды котораго очень сходны съ мордовскимъ Таунсяй,—справляется только въ тѣхъ мѣстностяхъ Великороссіи, гдѣ издревлѣ обитала Мордва, т. е. въ губерніяхъ: Рязанской, Владимірской, Симбирской, Тамбовской, частію Пензенской и въ сѣв. части Саратовской (ibid. ст. 423).—*Снег.* Снегирева. Русскіе простонародныя праздники и суевѣрные обряды. в. II, с. 103, Снегиревъ производитъ названіе праздника: «Авсень» отъ *обсѣвать*.

([60]) Очерки Мордвы. Р. В. 1867. Окт. с. 430.

([61]) Ibid. Сент. 231.

нымъ „заключить по справедливости, что Меря или состояла изъ Черемисъ, или представляла поколѣніе близко родственное съ ними“ ([62]). Въ Ростовѣ до сихъ поръ существуетъ преданіе, что часть жителей Ростовской области, при распространеніи тамъ Христіанства, выселилась въ поволжскія страны. Это преданіе занесено въ одну Космотрафію XVII в. и, кромѣ того, находится въ „Исторіи о Казанскомъ Царствѣ“ ([63]).

([62]) Castren. Reiseber. u. Briefe a. d. J. 1845—49. s. 16 u. 17.—Замѣтимъ здѣсь кстати происхожденіе слова: *Черемисъ*. По Татарски Черемисъ—негодный, гнилой (Риттиха. Каз. губ. II. 129),— По Чувашски, согласно объясненію Н. И. Золотницкаго, *Чар*, *Чэр*, *Чарем*—недопускать, а *Чарэмышъ*—недопускающій (ibid. II. 159.).—Щекатовъ полагаетъ, что слово «Черемисъ» Мордовское и значитъ «*Восточный*» т. е. племя, живущее на востокъ отъ Мордвы (Геогр. слов. росс. гос. VII. 63.).—Ср. Castrén'a Ethnolog. Vorles. ub. die Alt. Völker. s. 133.

Ростовское озеро называлось *Иеро*. Оно отличается болотистымъ дномъ. Изъ него течетъ р. *Иерль*, на которой лежитъ Суздаль. *Иерехта* городъ Костромской губ.; по зырянски *Июра*—болото. На друг. финскихъ яз. *Иеръ*—сырой. Извѣстно, что въ русскомъ языкѣ, при произношеніи, звуки *И* и *М* часто чередуются, переходя др. въ др. (напр. *М*иколай вмѣсто *И*иколай, *И*едвѣдь вм. *М*едвѣдь, *М*урманы, вм. *И*орманы, Си*н*бирскъ вм. Симбирскъ). Отсюда ясно, что слово *Меря* могло произойти отъ слова *Иер*, *Иеро*, *Июр*—болото, низменное мѣсто. (См. пам. др. обит. Яр. губ. до Рюрика.—Яр. губ. вѣд. 1859. с. 47.—Эйхвальда. О чудскихъ коняхъ, въ Зап. Арх. Общ. 1857 IX. 351).—Доказательство тому, что первоначальныя племена называются по характеру той мѣстности, гдѣ они поселяются, или по названію рѣкъ и урочищъ—видимъ мы у Нестора, который говоритъ прямо, что Древлянами назвались Славяне, «зане сѣдоша въ лѣсѣхъ», Морованами по р. Моравѣ, Полочанами по р. Полотѣ. (П. С. Л. I. 3.). Сравн. стр. 4 эт. главы и наше 5-е примѣч.

([63]) Космографія, сирѣчь всемірное описаніе земли въ единопребываніе и знаменованію степеней въ округахъ небесныхъ. Послѣ выписки изъ Герберштейна о географическомъ положеніи Московскаго государства, помѣщена здѣсь статья: о россійскомъ государствѣ пространнѣе, въ которую вошли описанія царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Описаніе Царства Казанскаго оканчивается слѣдующими словами: «Подъ тоюжъ областію земли поволскіе, государства Казанского, державы Россійскія именуемые улусы Тотарьскія.... жители великія рѣки Камскія и Уоь и прочихъ великихъ рѣкъ разноязычествія: Козары и Балымы, и Болгары, ижъ

Черемисы, живущіе на правой (горной) и лѣвой (луговой) сторонахъ Волги, раздѣляются въ настоящее время на двѣ вѣтви: *горныхъ* и *луговыхъ*. Черемисы, выросшіе и воспитавшіеся среди лѣсовъ, стрѣмились на луговую сторону Волги болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ горная сторона мало, по малу, обезлѣсивалась. Въ настоящее время чище всего сохранился примитивный типъ Черемисовъ у луговой отрасли, а горная, подверженная прикосновенію другихъ народностей, теряетъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе этотъ типъ, робкій и боязливый по природѣ, крайне несообщительный, но способный, вслѣдствіе этой несообщительности, дать сильный отпоръ чужеземцамъ, являющимся непрошенными гостями въ лѣсную сторону: это луговые Черемисы доказали упорнымъ своимъ сопротивленіемъ Русскимъ, послѣ занятія ими Казанскаго царства. Религіозныя вѣрованія Черемисъ до сихъ поръ еще не вполнѣ разработаны. Въ луговой отрасли они сохранились, безъ сомнѣнія, полнѣе и чище чѣмъ въ горной, но, мы не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго числа достовѣрныхъ свидѣтельствъ о религіи луговыхъ Черемисъ, принуждены ограничиться храктеристикой религіи Черемисъ горныхъ. Мы воспользуемся для этой характеристики превосходной статьей профессора Казанской духовной академіи, Н. В. Знаменскаго, источникомъ для которой служили личныя наблюденія автора и разсказы самихъ Черемисъ ([64]).

и *ушлецы языка словенскаго* (*), *зем и Ростовскія, ушедше бо отъ св. крещенія во идолопоклоненіе, и тамо кочевное житіе татарское, сѣры безсерменскія изволиша*».—См. *Сборн. И. Публ. Библ. № ркп. 1376* — Космографія писана скорописью XVII в.—«Черемисы, зовомая Отяки, *тое же глаголются Ростовская чернь, забывшихъ тоже отъ русскаго крещенія* и вселившимъ имъ въ Болгарскихъ жилищъ». Ист. о Казанск. Ц—вѣ. Изд. 1791. с. 3. Снес. также Лызлова. Скиѳская исторія с. 83.

([64]) В. Е. 1867. т. IV. Н. В. Знаменскаго: Горные Черемисы Казанскаго края (изъ надлюденій очевидца).—Книга Г-жи Фуксъ о Черемисахъ и Чувашахъ не отличается строгою наблюдательностію и грѣшитъ поспѣшностію выводовъ и произвольностію толкованій.—См. также статьи

(*) Подъ этимъ можно разумѣть именно Мерю, которая скоро ославянизировалась. См. подробности ниже въ этой главѣ примѣчаніе 85-е и соотвѣтствующую ему страницу текста.

Въ основаніи религіозныхъ вѣрованій Черемисъ, какъ и у Мордвы, лежитъ *дуализмъ*, который не развился вполнѣ, не опредѣлился окончательно. Вся миѳологія Черемисъ вообще лишена опредѣленности и строгой системы, что зависитъ не отъ молодости этой миѳологіи, а отъ народнаго характера Черемисъ, склада ихъ міросозерцанія. Міросозерцаніе Черемисъ отличается отсутствіемъ идеализма и поэзіи и господствомъ сухаго практицизма, далекаго отъ всего не относящагося къ обыденной жизни. Такимъ сухимъ практицизмомъ проникнута у Черемисъ и миѳологія—это первоначальное выраженіе народнаго духа. Догматизмъ занимаетъ въ ней послѣднее мѣсто, на первомъ планѣ стоятъ обрядъ, жертва, какъ средство получить отъ божества то или другое благо, защиту отъ той или другой бѣды. Въ настоящемъ своемъ развитіи религія Черемисъ представляетъ политеизмъ, при смутномъ представленіи божествъ и ихъ іерархической зависимости другъ отъ друга и при утилитарномъ къ нимъ отношеніи. Періодъ первоначальнаго фетишизма уже миновалъ, но слѣды его видны въ священномъ значеніи лѣса вообще и березы и рябины въ частности.

Во главѣ дуалистической религіи Черемисъ стоятъ два божества, представители добраго и злаго начала: *Кого-Юма* и *Керемсть*. Представленіе о 1-мъ крайне смутно и грубо, о 2-мъ гораздо опредѣленнѣе и, такъ сказать, развитѣе, потому что Кереметь, какъ представитель злаго начала, гораздо популярнѣе добраго божества у полудикаго Черемиса, для котораго горе и нужда въ жизни встрѣчаются чаще, чѣмъ радость и наслажденіе. Представленіе Кого-Юмы, по справедливому замѣчанію П. В. Знаменскаго, явилось только какъ неизбѣжный результатъ обобщенія, при сопоставленіи разныхъ отдѣльныхъ божествъ. Этихъ божествъ мужескаго и женскаго рода, *Юмъ* и *Авялянъ* (матерей) группируется около Кого-Юмы—значительное количество: первыхъ болѣе двадцати, вторыхъ до дюжины. Большинство

о Черемисахъ и ихъ религіи: Неизвѣстнаго, о религіи некрещенныхъ Черемисъ каз. губ. въ Этногр. сборн. 1858. кн. IV.—Журминскаго:—Очеркъ религіозн. вѣров. Черемисъ. Прав. Собес. 1862, кн. 12.—Черемшанскаго: Описаніе Оренб. губ.—Уфа 1859.—Яблонскаго: о горныхъ Черемисахъ Каз. края.—Совр. лет. 1866, № 50.

Юмъ и Авявлянъ является богами-покровителями лѣсовъ, хлѣбовъ, пчеловодства и скотоводства,—самыхъ необходимыхъ предметовъ существованія и довольства полудикаго человѣка; весьма небольшая часть приходится на силы и явленія физическія вообще, и только два божества имѣютъ своей спеціальностью охраненіе собственно человѣка: одно божество судьбы и одно спасающее отъ поклеповъ, напраслинъ и доносовъ. Кереметей тоже нѣсколько. Они не имѣютъ, какъ Юмы, спеціальныхъ областей своего вѣденія, а пріурочены къ опредѣленнымъ мѣстностямъ: оврагу, камню, лѣсу, озеру, болоту, къ которымъ и ходятъ на моленія имъ (65). Около Юмъ и Кереметей группируются сонмы *духовъ* добрыхъ (*Сакчи*) и злыхъ (*Шайтаны* и *Вадыши*). Особеннымъ почитаніемъ пользуются *Вадыши*, имѣющіе значеніе мѣстныхъ героевъ-злодѣевъ, въ которыхъ обращаются люди послѣ смерти, желая сдѣлать своимъ собратьямъ что нибудь недоброе.

Существенная сторона обрядоваго культа заключается въ *жертвоприношеніяхъ*, которыя раздѣляются на *частныя* и *общественныя*. Совершаетъ жертвоприношеніе въ 1-мъ случаѣ глава семейства, или кто либо изъ его родственниковъ и друзей, а во 2-мъ *мужанъ* (ворожей, знахарь), сохранившій у луговыхъ Черемисъ значеніе жреца—*карта*. Въ жертву приносятся *домашнія животныя* (преимущественно коровы), мучныя *лепешки* и *пиво*; мѣстомъ жертвоприношенія бываетъ *лесъ*. Жертвоприношеніе у Черемисъ не есть выраженіе благоговѣйнаго чувства передъ божествомъ, а приносится изъ практическаго разсчета, для полученія необходимыхъ благъ, или отогнанія бѣдъ и напастей; жертва нужна божеству въ смыслѣ ѣды; оно, какъ и человѣкъ, не

---

(65) Существующіе въ разныхъ мѣстахъ нашего финскаго сѣверо востока *камни*, которые попадаются и въ Черемисской землѣ Казанской губерніи,—очевидно показываютъ, что они имѣли нѣкогда священное значеніе—(См. Эйхвальда: «Чудскія коши», въ Зап. Археол. О-ва 1857. кн. IX.—Риттиха. Описаніе зміева камня въ Чистоп. у., въ его «Каз. губ.» II, с. 161—163).—У Мордвы, какъ мы видѣли, пользуется священнымъ значеніемъ камень *кардо-сярко*.—О. И. Глинка видѣлъ въ Тверской Карелія камни, которые представлялись ему «положенными съ нѣкоторымъ умысломъ» (См. Р. Ист. Сб. т. I, кн. 2. М. 1837. с. 5).

можетъ существовать безъ пищи. По этому отъ всѣхъ приносимыхъ въ жертву животныхъ и яствъ часть идетъ божеству; эта часть или *бросается* въ чистое мѣсто, или *сжигается на огнѣ.*

Мужанъ, имѣвшій прежде значеніе жреца, сохранилъ въ настоящее время только характеръ ворожника, знахаря. Онъ пользуется большимъ почетомъ у Черемисъ, и вѣщая его сила проявляется, главнымъ образомъ, въ двухъ видахъ: въ снахъ его, имѣющихъ пророческое значеніе, и въ бѣснованіи, которому онъ подвергается въ каждое новолуніе. Обязанности мужана, кромѣ совершенія жертвоприношенія, заключаются: въ назначеніи времени и мѣстности для общественнаго богослуженія, въ леченіи людей и животныхъ, въ гаданіяхъ (преимущественно по иглѣ и по деньгамъ), въ соединеніи брачущихся и въ нарѣченіи имени новорожденному младенцу.

Праздники, въ которыхъ несомнѣнно кроются слѣды глубокаго язычества, у горныхъ Черемисъ мало по малу забываются и пріурочиваются къ праздникамъ православно-христіанскимъ. Священнымъ днемъ считается Пятница, также какъ и у Мордвы. Земледѣльческіе праздники, еще сохранившіеся у луговыхъ Черемисъ, какъ, напримѣръ праздникъ пашни и празднество послѣ унавоженія полей,—не существуютъ больше у Черемисъ горныхъ; у нихъ сохранился только одинъ изъ этихъ праздниковъ—осенній: *Шишгамъ-Эшъ*, существующій у луговыхъ Черемисъ подъ именемъ *Кишлянъ Паремъ*, въ честь окончанія полевыхъ работъ, празднуемый 8 ноября. Остальные празники горныхъ Черемисъ пріурочены къ нашимъ. Праздникъ *овецъ* совершается между Новымъ годомъ и Крещеніемъ; праздникъ *урожая льна* на Масляницѣ. Три такъ называемые *Канма* совершаются Черемисами въ концѣ Великаго поста. 1-й канмъ, состоящій въ изгнаніи шайтановъ, совпадаетъ съ нашей Лазаревой Субботой, а два другіе, въ воспоминаніе умершихъ родителей, совершаются въ среду и четвергъ на страстной недѣлѣ. Родителей Черемисы вспоминаютъ только для того, чтобы умилостивить ихъ и оградить себя отъ посѣщенія покойниковъ, которыхъ они страшно боятся. Кромѣ родителей никакихъ родственниковъ, болѣе дальнихъ—они не поминаютъ. Представленія о *загробной жизни* у Черемисъ развиты весьма слабо. Она представляется имъ подобіемъ, или, лучше сказать,

повторенiемъ настоящей. Существуетъ у нихъ, правда, смутное понятiе о различiи *рая* отъ *ада*, но 1-й есть земная жизнь въ полномъ довольствѣ, а 2-й является въ видѣ котла съ кипящей смолой. Черезъ котелъ положена жердь, по которой адскiй судья проводитъ умершихъ. Грѣшникъ сваливается въ кипящую смолу, а праведникъ проходитъ по жерди благополучно. По смерть есть дѣло Керемети, поэтому Черемисы чувствуютъ страхъ передъ покойникомъ и не посѣщаютъ могилъ.

Не смотря на такую неопредѣленность религiозныхъ вѣрованiй, Черемисинъ сильно привязанъ къ своей религiи „*Нашу вѣру кончать—насъ кончать*“ говоритъ онъ, какъ бы предчувствуя, что съ вырубкою лѣсовъ и съ поселенiемъ среди нихъ русскихъ, чудское-черемисское язычество уничтожается вмѣстѣ съ самою народностью, уступая мѣсто болѣе развитому племени Великорусскому.

Что касается до быта Черемисъ, то онъ и въ настоящее время не возвышается надъ примитивнымъ бытомъ *звѣроловнымъ*. Этотъ бытъ преобладаетъ у Черемисы луговой, тогда какъ у горной развиваются болѣе высокiя бытовыя фазы—земледѣльческая и промышленная. Тихiй, загнанный и боязливый Черемисъ луговой стороны Волги идеаломъ жизни считаетъ спокойное пребыванiе въ своемъ дорогомъ лѣсу, охоту на медвѣдя и волка, занятiе пчеловодствомъ и рыболовствомъ. Даже крѣпкiй семейный бытъ у него не сложился. Положенiе женщины весьма низко, а отношенiе ея къ мущинамъ не опредѣляется строгими границами супружеской вѣрности, такъ что сожительство черемисской женщины съ посторонними въ отсутствiе мужа считается какъ бы за необходимый обычай ([66]).

Почти такими же чертами рисуетъ намъ религiю и бытъ Черемисъ наблюдательный иностранный путешественникъ Олеарiй, проѣхавшiй по Волгѣ въ первой половинѣ XVII вѣка. Примитивно-грубой, не развитой является эта религiя, съ слабыми представленiями о верховномъ существѣ, вся заключенная въ обрядово-жертвенную форму (Олеарiй говоритъ, что Черемисы не вѣрятъ въ загробную жизнь). О бытѣ ихъ онъ говоритъ: „живутъ Черемисы по обѣимъ сто-

([66]) Риттиха. «Каз. губ.» Каз. 1870 г. II, с. 151—154.

ропамъ Волги, большею частію не въ домахъ, а въ дряпныхъ лачужкахъ, питаются своимъ скотомъ, медомъ и дичью, отлично стрѣляютъ изъ лука и пріучаютъ къ тому дѣтей съ малолѣтства. Это коварный, хищническій и колдовству преданный народъ"—заключаетъ Олеарій ([67]).

Не зная ни Мордовскаго, ни Черемискаго языка, мы, къ сожалѣнію, ничего не можемъ сказать о степени соотношенія этихъ языковъ съ языкомъ Мери, которое, по всей вѣроятности, существовало. Языкъ есть главнѣйшее и самое опредѣленное выраженіе народности, и болѣе точное изученіе языковъ Мордовскаго и Черемискаго и сравнительное изученіе финскихъ нарѣчій вообще несомнѣнно приведутъ къ любопытнымъ выводамъ относительно языка Мери.

Принявши предположенія о возможности ближайшаго сродства и связи Мордвы и Черемисъ съ Мерею—за достовѣрныя,—мы можемъ допустить аналогію относительно быта и религіи этихъ существующихъ народовъ съ бытомъ и религіей не существующаго въ настоящее время народца—Мери. Какія же данныя даютъ намъ для этой аналогіи выводы изъ совокупнаго разсмотрѣнія Мордвы и Черемисъ? Данныя эти сводятся къ слѣдующимъ: 1) Мордва и Черемисы преимущественно занимались охотой, звѣроловствомъ и пчеловодствомъ, промыслами самыми естественными въ ихъ лѣсистой мѣстности. 2) Мордва и Черемисы долго были племенами воинственными и стойко отражали вторженія къ себѣ чужеземцевъ. Этотъ воинственный духъ замѣчаютъ въ нихъ свидѣтельства XVI и XVII в. 3) Мордва и Черемисы съ теченіемъ времени подпали подъ вліяніе Великорусскаго племени и теряютъ постепенно свой племенной типъ. 4) Мордва и Черемисы очень привержены къ своей религіи, которая, не смотря на ихъ руссификацію въ настоящее вре-

---

([67]) Путеш. Адама Олеарія въ Москву. Перев. Н. Барсова. Чт. М. Общ. Ист. и др. 1869 г кн. I, отд. III, с. 407—410. Остальные иностранцы упоминаютъ о Черемисахъ вскользь: Іорнандъ VI в., Каменизе, XVI в. (См. Семенова: Библ. иностр. писателей о Россіи Т. I, с. 15 и 26) и Герберштейнъ, XVI в.—(См. перев. *Анонимова* (Спб. 1866 г. с. 99).—Забитость Черемисъ произошла впослѣдствіи; воинственность ихъ пропадаетъ уже въ XVIII в. (См. Георги. Опис. Народовъ. I, 25).

мя, можетъ быть возстановлена въ главныхъ чертахъ. 5) Религія эта основаніемъ своимъ имѣетъ дуализмъ. 6) Іерархія боговъ не отличается стройностью и ясностью, и персонификація божествъ не достигаетъ строгой опредѣленности. 7) Религіозныя вѣрованія вообще, бѣдныя поэтическими представленіями, отличаются практицизмомъ, преобладаніемъ обряда надъ догмой. Главнѣйшимъ проявленіемъ обрядоваго культа является жертвоприношеніе. 8) Въ теперешнихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ Мордвы и Черемисъ замѣтны слѣды фетишизма, первопачальный періодъ котораго уже для нихъ миновалъ. 9) Многія религіозныя преданія и обряды Мордвы очень близки съ Великорусскими. 10) У Мордвы и Черемисъ были жрецы. 11) Идоловъ и храмовъ ни у той, ни у другихъ не было. 12) Священнымъ значеніемъ въ особенности пользовались лѣса, рощи и камни.

Четвертая группа. Курганнымъ раскопкамъ особенно посчастливилось во Владимірской губерніи. Многочисленные курганы въ уѣздахъ: Суздальскомъ, Юрьевскомъ и Переяславскомъ изслѣдованы извѣстными нашими археологами: Гр. А. С. Уваровымъ въ 1851 и 1852 гг., и П. С. Савельевымъ въ 1853 и 1854 гг.

Гр. Уваровъ раздѣляетъ всѣ курганы Владимірской губерніи на 3 разряда: на курганы Норманскіе, Мерянскіе и боевые. „Чѣмъ болѣе разрывали курганы, говоритъ Гр. Уваровъ, тѣмъ ярче опредѣлялись могилы Мерянскія, *принадлежавшія племени воинственному*. Возлѣ всякаго Мерянина лежитъ его боевой топоръ, длинное копье и ножъ; даже возлѣ женскихъ остововъ встрѣчаемы были топоры, но меньшаго размѣра. Мерянинъ высоко цѣнилъ коня, товарища своего въ походахъ и битвахъ, и носилъ изображеніе его на поясахъ и на многихъ другихъ украшеніяхъ. Изслѣдовавъ болѣе 8000 кургановъ, можно себѣ составить понятіе даже о развитіи религіи у этого народа. Въ курганахъ IX и X вѣковъ нашли идола изъ глины, грубой отдѣлки, изображенія змѣй, напоминающихъ о змѣиномъ поклоненіи, господствовавшемъ на берегахъ Волги, сожженныя кости разныхъ звѣрей и птицъ, показывающихъ изъ чего состояли жертвоприношенія. Меряне, какъ близкіе сосѣди Волжскихъ Болгаръ, имѣли много восточныхъ монетъ и много болгарскихъ подражаній восточнымъ монетамъ; монеты западныя встрѣчаются, напротивъ, рѣдко, потому что заносимы были къ

нимъ одними Норманами. Въ курганахъ, въ которыхъ встрѣчаются монеты XI или начала XII в., находятся также тѣльные кресты и разныя привѣски съ изображеніемъ крестовъ. Видно, что около этого времени Христіанство просвѣтило землю Меряпскую (68).

П. С. Савельевъ, разрывшій и изслѣдовавшій лѣтомъ 1853 г. 3000 кургановъ въ Юрьевскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ (изъ этого числа 2000 близъ Плещеева озера), сообщаетъ объ этихъ курганахъ слѣдующія данныя. 1) Они раздѣляются на *могильные* и *боевые*; первыхъ больше, чѣмъ вторыхъ. 2) Всѣ курганы относятся ко времени отъ VIII до XI в., принадлежа большею частію къ періоду языческому. 3) Могильные курганы заключаютъ въ себѣ или остовы, или слѣды остововъ, или же сожженныя кости; очевидно существовало обыкновеніе сжигать трупы при погребеніи. 4) Вообще въ курганахъ находятся вещи, по которымъ можно заключить объ одеждѣ и занятіяхъ вымершаго племени: амулеты, металлическія привѣски, бляхи, ложки, ключи, ножницы, ножи, точильные камни. Въ погахъ у умершаго ставили глиняный горшокъ съ яствами, или жертвоприношеніями. Древніе обитатели Переяславскаго и Юрьевскаго уѣздовъ хоронились съ любимыми вещами умершаго: воинъ—съ сѣкирою, топоромъ, копьемъ, стрѣлами; всадникъ—съ копемъ, сѣдломъ, уздою; торговый человѣкъ—съ вѣсами и гирею; женщины—съ серьгами, бусами, кольцами, разными привѣсами. 5) Монеты, находимыя въ курганахъ, показываютъ, что населеніе края еще до обрусенія его имѣло сношенія съ западомъ черезъ Норманновъ и съ востокомъ посредствомъ Волжскихъ Болгаръ. 6) Разное оружіе и вещи для одежды и женскихъ украшеній, находимыя въ курганахъ, могутъ быть также восточнаго происхожденія, а вѣсы и гири могли быть занесены съ запада (такіе вѣсы и гири находятся въ Скандинавіи). 7) Вліяніе Византіи проявляется въ формѣ тѣльныхъ крестовъ христіанской эпохи. 8) Могильные курганы принадлежатъ Мери (69).

---

(68) Гр. А. С. Уварова. Извѣстіе о курганахъ Влад. губ.— Зап. Археологич. Общ 1836. VIII, 102—103.

(69) П. С. Савельева. Археологическія розысканія, въ Изв. Археолог. Общ. т. I (Спб. 1859) с. 12—15. — См. также объ этихъ розысканіяхъ Савельева, во Владимірскомъ Сборникѣ Тихонравова с. 60.

Г. Тихонравовъ, секретарь Владимірскаго статистическаго комитета, участвовавшій въ курганныхъ раскопкахъ Гр. Уварова и Савельева, въ своей статьѣ „объ археологическихъ изысканіяхъ во Владимірской губерніи", приводитъ любопытный дневникъ своихъ работъ. Въ этой же статьѣ онъ повторяетъ выводы Гр. Уварова и Савельева—относительно кургановъ, принадлежавшихъ Мери (70).

Курганныя раскопки въ Ярославской губерніи не были столь удачны, какъ во Владимірской, или, лучше сказать, были просто неудачны. Только курганы въ Ростовскомъ уѣздѣ, близъ оз. Неро, раскопаны Савельевымъ (71). Остальныя раскопки производились въ разное время, безъ всякаго плана и ученыхъ пріемовъ, губернаторскими чиновниками,— и вещи, находимыя ими, или пропадали неизвѣстно какимъ образомъ, или растаскивались крестьянами (72). Позволимъ себѣ привести одинъ характеристическій случай изъ такаго административнаго отношенія къ археологіи, передаваемый мѣстною газетой. Г. редакторъ неофиціальной части Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостей, ѣхавшій по дѣламъ службы по Угличскому уѣзду въ 1860 году, *нечаянно* напалъ на курганы, которыми такъ богаты берега р. Юхоти, въ Угличскомъ и Романовскомъ уѣздахъ. За недостаткомъ времени, онъ разрылъ довольно небрежно, безъ всякихъ ученыхъ

---

(70) Труды Влад. Стагист. К-та 1864. в. II. с. 113—130.—Во Влад. Сборникѣ (с. 39—61) г. Тихонравовъ представилъ подробное описаніе кургановъ Влад. губерніи, указавъ на результаты раскопокъ въ изслѣдованныхъ курганахъ и на число и положеніе кургановъ неизслѣдованныхъ. Главная цѣпь кургановъ во Влад. губ., по его словамъ, начинаясь выше Владиміра, тянется къ Ярославской губерніи, представляя особенную густоту въ уѣздахъ: Владимірскомъ, Суздальскомъ, Шуйскомъ, Ковровскомъ, Юрьевскомъ и Переяславскомъ. Другая цѣпь кургановъ начинается въ Муромскомъ у. и черезъ Гороховецкій уѣздъ идетъ въ Нижегородскую губернію. Многіе курганы въ тѣхъ, которые Гр. Уваровъ называетъ боевыми, относятся къ позднѣйшему историческому періоду.

(71) См. ст., «Памятники древнихъ обитателей Ярославской губ. до Рюрика» Яр. губ. вѣд. 1859. с. 70 и ст. «о кург. по р. Юхоти». Ibid. 1860. с. 236.

(72) Ст. Лѣствицына: «О раскопкѣ кургановъ», въ Яр. губ. вѣд. 1864. с. 208.—*Его-же*: Курганы бл. с. Елохова, Рыб. у. Ibid. 1865. № 15.

татамъ, клонятся къ доказательству, что первоначальными насельниками, аборигенами Московской губерніи не были и не могли быть Чудскія племена. Мы не считаемъ себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе работъ Г. Богданова, имѣющихъ спеціально антропологическую цѣль изслѣдованія.

Графъ Уваровъ, какъ мы видѣли, пытается возстановить этнографическую физіономію Мери по археологическимъ результатамъ курганныхъ раскопокъ Владимірской губерніи. Черты его бытоваго изображенія сгинувшаго народца весьма опредѣленны. Такая опредѣленность, разумѣется, очень желательна, но представляетъ, по нашему глубокому убѣжденію, только идеалъ выводовъ изъ археологическихъ розысканій, едва ли возможный въ настоящее время. Изъ раскопокъ и находокъ въ родѣ тѣхъ, которыя мы видѣли въ Угличскомъ и Галичскомъ уѣздахъ, навряд ли можно извлечь строго научныя данныя. Повторимъ сказанное нами въ началѣ этой главы: Толстымъ слоемъ легли на сѣверо-восточной равнинѣ Европы племена другъ на друга, селились, срослись одно съ другимъ такими причудливыми путями, что опредѣлить строго и точно грань между ними, прослѣдить сплетенія этихъ путъ—нѣтъ никакой возможности. Эти этнографическія формаціи не поддаются точному анализу и строгой научной систематизаціи также, какъ не поддаются этому анализу и этой систематизаціи напластанія и формаціи геологическія. „Большинство кургановъ", говоритъ г. Гатцукъ, „заключаетъ въ себѣ теперь два и даже три наслоенія костей совершенно различныхъ племенъ, такъ какъ не рѣдко, въ позднѣйшія времена нашей исторіи, въ древніе курганы погребались новые покойники" (76).

Изъ всего вышеизложеннаго трудно придти къ какимъ нибудь положительнымъ выводамъ относительно Мери. При той неясности, которая господствуетъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ

---

(76) А. А. Гатцука. О курганахъ, господствующихъ въ Московской губ.—Чт. М. О. Ист. и др. 1869 кн. IV. отд. V. с. 130.—См. *Его-же.* Изслѣдованія кургановъ Моск. губ. въ 1863 и 1864 гг. М. 1865. (Приложеніе къ 1-му т. «Древностей», трудовъ Моск. Археолог. О-ва).—А. Богданова. Курганное время въ Московской губ. Моск. Унив. Изв. 1865. № 3.

о Чудскомъ племени вообще, о существующихъ его представителяхъ, нельзя ожидать чего либо опредѣленнаго о вѣтви этого племени давно угасшей и растворившейся въ Великорусскомъ населеніи. Славянскія нарѣчія и древности разработаны болѣе Чудскихъ, и то какія непреодолимыя трудности представляются для попытокъ возстановленія частныхъ, видовыхъ отличій несуществующихъ теперь Славянскихъ племенъ: Поляпъ, Древлянъ, Кривичей, Радимичей, Вятичей и друг. Сознаемся, что дальше гипотезъ нельзя идти изъ всего того матеріала, кототый мы представили о Мери, но намъ кажется, что самое указаніе на возможность этихъ гипотезъ не лишено нѣкотораго значенія.

Оглянемся же назадъ. Посмотримъ, что можно извлечь гипотетическаго изъ всего представленнаго нами о Мери: изъ свидѣтельствъ письменныхъ источниковъ, изъ разсмотрѣнія особенностей теперешняго населенія той мѣстности, гдѣ жила въ оно время Меря, изъ аналогическихъ заключеній о Мери по теперешнему быту и религіи Мордвы и Черемисъ— и, наконецъ, изъ результатовъ курганныхъ раскопокъ и археологическихъ находокъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской, Владимірской, Московской.

Во первыхъ, мы имѣемъ приблизительный районъ распространенія Мери, общій контуръ ея крайнихъ поселеній, данныя для котораго мы привели выше. *Во вторыхъ*, мы можемъ заключить, что слѣды языка Мери, очень близкаго съ языкомъ Мордвы и Черемисъ, сохранились въ говорѣ теперешняго населенія губерній Ярославской, Костромской и Владимірской, въ мѣстныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ урочищъ и поселеній и въ такъ-называемыхъ „тайныхъ языкахъ“ этихъ губерній. *Въ третьихъ*, мы имѣемъ нѣкоторую возможность уловить религію Мери. Религія эта могла быть близка къ религіи Мордвы и Черемисъ. Первопачально, по всей вѣроятности, она ограничивалась грубымъ фетишизмомъ и не имѣла возможности доразвиться до того неяснаго дуализма и той неопредѣленной персонификаціи божествъ, которые являются у Мордвы и Черемисъ. По этому, навряд ли, могли быть у Мери идолы, которыхъ нѣтъ ни у Мордвы, ни у Черемисъ. У Мери пользовались священнымъ значеніемъ камни, которые въ житіяхъ святыхъ Исаіи и Авраамія называются идолами только по обще-принятой христіанско-благочестивой терминологіи. Въ лѣсистой странѣ, въ

которой обитала Меря, лѣсъ, безъ сомнѣнія, также почитался, какъ почитается онъ доселѣ у Мордвы и Черемисъ. У Мери были жрецы, или, по крайней мѣрѣ, главные совершители и распорядители жертвоприношеній, въ родѣ прявтъ и возатей Мордвы и картъ и мужанъ Черемисъ. Слѣды этихъ жрецовъ сохранились въ волхвахъ, появлявшихся въ Ростовско-Суздальской землѣ и имѣвшихъ тамъ большое значеніе. Вообще религіозныя вѣрованія и обряды Мери не безслѣдно пропали. Еще не успѣвъ окончательно развиться и оформиться, они столкнулись сперва съ религіозными языческими вѣрованіями Славянъ, а потомъ съ христіанскими ихъ представленіями. Вслѣдствіе этого столкновенія религіозныя вѣрованія Славянъ и Мери такъ переплелись и перепутались, что трудно и почти невозможно добраться до точнаго опредѣленія: что принадлежитъ въ нихъ Чудскому народцу что Славянамъ. Религія Мери оказала большую живучесть при распространеніи Христіанства въ Ростовско-Суздальской области,—что мы увидимъ въ своёмъ мѣстѣ. Судя по этой живучести и, принимая въ соображеніе, съ одной стороны выводы Гр. Уварова изъ погребальныхъ обычаевъ Мери, а съ другой — привязанность къ своей религіи Мордвы и Черемисъ, мы можемъ почесть за вѣроятное, что Меря, при столкновеніи съ Славянами-Христіанами, отстаивала свои религіозныя вѣрованія съ оружіемъ въ рукахъ. *Въ четвертыхъ*, быть Мери, не представляя особенныхъ отличій отъ состоянія вообще дикаго племени, — можетъ быть характеризованъ такъ: живя въ лѣсистой, дикой мѣстности, Меря занималась звѣроловствомъ и охотой и, быть можетъ, распадалась на нѣсколько родовъ, имѣвшихъ своихъ племенныхъ князьковъ, въ родѣ тѣхъ, которые въ позднѣйшее время являются у Мордвы.

Въ такихъ только чертахъ кажется намъ возможнымъ представить гипотетическое изображеніе Мери. Далѣе въ своихъ выводахъ мы идти не рѣшаемся. Такимъ могъ быть этотъ исчезнувшій народецъ въ то время, когда стали среди его появляться первые славянскіе поселенцы. Мало по малу эти поселенцы берутъ верхъ надъ Мерею, которая пропадаетъ, или, лучше сказать, *претворяется* посредствомъ Славянъ въ особый типъ—Великорусскій.

Но прежде чѣмъ мы начнемъ слѣдить за тѣмъ, какъ явились славянскіе поселенцы въ землю Мери, осмотримся

кругомъ, взглянемъ на сосѣдей Мери, окружавшихъ ее. Сосѣди эти принадлежали къ тремъ племенамъ: Чудскому, Славянскому и Литовскому.

Чудскіе сосѣди Мери, одноплеменные ей, охватывали ее съ востока, сѣвера и сѣверозапада. Съ восточными ея сосѣдями: Муромой, Мордвой и Черемисой мы уже достаточно знакомы изъ предшествующаго изложенія, изъ котораго мы видѣли, что эти племена, весьма вѣроятно, составляли нѣкогда одинъ народъ съ Мерею. Сѣвернымъ Чудскимъ сосѣдомъ была Пермь, съ которой находились въ давнихъ сношеніяхъ Новгородскіе Славяне. Наконецъ къ сѣверо-западу отъ Мери сидѣло Чудское племя Веси—по Бѣлозеру. О Веси мы ничего не можемъ сообщить, кромѣ ея имени и поверхностнаго знакомства съ нею Арабовъ, о чемъ мы упомянули выше ([77]). Къ какой отрасли Чудскаго племени принадлежала Весь, къ западной, или восточной—и этого нельзя рѣшить. Она слишкомъ рано подпала славянизаціи, какъ ближайшій изъ народцевъ Чудскаго племени къ владѣніямъ Новгородцевъ, изъ которыхъ шло главное колонизаціонное движеніе Славянъ на сѣверо-востокъ. Память о Веси сохранилась доселѣ въ имени уѣзднаго города Тверской губерніи, Весьегонска и въ нѣсколькихъ названіяхъ селеній и урочищъ близъ этого города и во Владимірской губерніи, гдѣ Весь, по предположенію нѣкоторыхъ, прежде также обитала ([78]).

На западъ, юго-западъ и югъ отъ Мери или поселенія трехъ славянскихъ племенъ: Новгородцевъ, Кривичей и Вятичей. Какъ ни трудно представлять частную характеристику каждаго отдѣльнаго племени въ ту отдаленную эпоху, когда вообще однородныя племена близки другъ къ другу и не успѣли еще вполнѣ выразить своихъ видовыхъ особенностей,—тѣмъ не менѣе это до нѣкоторой степени все таки возможно.

Изъ свидѣтельствъ Нестора мы можемъ заключить, что племя Новгородскихъ Славянъ было одно изъ самыхъ развитыхъ въ культурномъ отношеніи племенъ Славянскихъ. Изъ приводимыхъ имъ перечисленій постепеннаго разселенія

([77]) См. выше наше примѣч. 16-е.

([78]) Списки насел. мѣстъ *Тверск.* губ. №№ 3236, 5551, 6935, 7648, 8968 и 8969. Тоже *Влад.* губ. *Вѣсд.* с. 40 и №№ 3764, 746, 3683, 3808, 6242, 6279, 6311, 747, 5167 и 3811.

Славянъ по русской землѣ мы видимъ, что Новгородскіе Славяне были самыми поздними славянскими выходцами съ юга и самымъ крайнимъ, передовымъ ихъ постомъ за западѣ и сѣверовостокѣ; поэтому-то Новгородцы неизбѣжно должны были войти въ борьбу съ двумя сосѣдними племенами: Литовскимъ и Чудскимъ. Эта постоянная борьба и счастливое географическое положеніе вблизи моря, на почвѣ безплодной, но преисполненной водными сообщеніями, этими единственными путями для передвиженія въ эпоху историческаго младенчества народовъ,—были причиной дальнѣйшаго самостоятельнаго торговаго и политическаго значенія Новгорода и постепенно развивали въ Новгородцахъ тотъ духъ независимости, свободы и неустрашимости, которымъ запечатлѣна ихъ послѣдующая историческая дѣятельность ([79]).

Кривичи—было племя дикое, не имѣвшее задатковъ къ самостоятельному развитію по своему невыгодному географическому положенію, сдавившему его въ лѣсистой мѣстности среди Литовскихъ народцевъ. Это племя, развивши въ себѣ преимущественно суровую религію, рано подпадаетъ вліянію Литовцевъ и смѣшивается съ ними. Соединенное сначала федераціей съ Новгородскими Славянами, Кривское племя въ дальнѣйшей своей исторической жизни выдѣляетъ два княжества: Полоцкое и Смоленское,—по системамъ рѣкъ Западной Двины и Днѣпра. Вслѣдствіе направленія этихъ рѣкъ—Двины на западъ и Днѣпра на югъ, теченіе исторической жизни обоихъ княжествъ направляется къ западу и югу, оставаясь совершенно чуждой сѣверо-востоку Россіи ([80]).

Вятичи—самые поздніе выселенцы Славянскіе. О выходѣ ихъ изъ Польши вмѣстѣ съ Радимичами было живо преданіе еще въ XI в.—Вятичи отличались дикостью даже во времена Нестора. Онъ говоритъ о нихъ: „живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ

([79]) Спец. 1 гл. I-го т. Ист. Россіи С. М. Соловьева: «Природа Русской государств. области и ея вліяніе на исторію».—Н. И. Костомарова: «Двѣ русскія народности» и «О значеніи великаго Новгорода». (Ист. Моногр. т. I).—И. Д. Бѣляева: Русская земля предъ пришествіемъ Рюрика въ Новгородъ (Вр. М. Общ. Ист. 1850 кн. VIII).

([80]) Спец. тѣже статьи.

нихъ предъ отци и предъ спохами; брани небываху въ нихъ, но игрища межи сёлы“ ([81]).

Среди Вятичей жилъ Литовскій народецъ Голядь, по рѣкамъ Протвѣ и Угрѣ. Объ этомъ народцѣ ничего неизвѣстно опредѣленнаго и онъ до сихъ поръ представляется какой то загадкой ([82]).

Разселеніе Славянъ среди Финскаго племени началось весьма рано. Невозможно опредѣлить—когда именно, но безъ сомнѣнія гораздо раньше не только призванія Рюрика, Синеуса и Трувора, но даже раньше изгнанія Варяговъ, бравшихъ до Рюрика дань съ Новгородцевъ, Кривичей и Мери. Колонизація Славянъ началась съ запада, изъ земли Новгородской въ земли Веси и Мери. Такое предположеніе легко основывается на удобствѣ воднаго сообщенія между Новгородомъ, Бѣлоозеромъ и верховьями Волги. Лучшимъ показателемъ для опредѣленія давности колонизаціи можетъ служить извѣстный фактъ существованія общественнаго союза у Новгородскихъ Словенъ, Кривичей и Мери. Союзъ этотъ, обложенный данью, [illegible] и за тѣмъ призываетъ къ себѣ князей для установленія въ землѣ своей „ряда“, т. е. государственнаго устройства. Вопросъ о Варягахъ сдѣлался такимъ общимъ мѣстомъ въ Русской исторіи, такъ безплоденъ и неваженъ кажется онъ многимъ, что говорить о немъ вновь дѣйствительно затруднительно. Но мы позволимъ себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ въ виду разъясненія занимающаго насъ вопроса о давности Славянской колонизаціи среди Мери. Въ этомъ отношеніи для насъ очень важно свидѣтельство II-й Псковской Лѣтописи, на которое до сихъ поръ не было обращено, какъ намъ кажется, особаго вниманія. Подъ 854 годомъ въ Лѣтописи этой говорится: „*Новгородци сами власть имяху*, а Кривичи свою, а *Мерь свою*, а Чудь *своими владяху* и дань даваху Варя-

---

([81]) Тоже —Кр. того, см. П. С. Л. I, 6.

Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи говоритъ, что онъ ѣздилъ въ Ростовъ «*сквозь Вятичи*». Это выраженіе указываетъ на то, что проѣздъ черезъ землю Вятичей былъ довольно затруднителенъ (ibid., с. 103).

([82]) Соловьева. Ист. Росс. т. I, с. 81 и примѣч. 129 и 130. Ходаковскаго: Пути сообщ. въ др. Россіи. Р. Ист. Сб. т. I, кн. 1. с, 35 —*Его же*. Истор. система. ibid. т. I, кн. 3. стр. 28.

гомъ; а иже живяху у конхъ Варязи, или данщики тѣхъ, тіи насиліа велика дѣяху Новгородцемъ, и Кривичемъ, и Меряномъ, и Чуди. Въсташя же Новгородци, и Кривичи, и Меря, и Чудь на Варягы и изгнаша ихъ за море и начаша владѣти сами себѣ и *городы ставити*; и бысть межю ими рать, *градъ на градъ*, и не бяше правды". Далѣе говорится о призваніи трехъ братьевъ. Замѣчательны слова, которыя влагаетъ лѣтописецъ въ уста призывавшихъ; слова эти достаточно указываютъ на мотивы призванія. „Земля наша велика есть, сказали призывавшіе Варягамъ, и *умножися людей*, и нѣсть кто бы владѣлъ нами и *по праву рядилъ*" (93).

Анализируя это свидѣтельство, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Единство „власти" у Новгородцевъ, Кривичей и Мери очевидно указываетъ на единство общественныхъ элементовъ у нихъ. Изъ разсмотрѣнія Мери мы видѣли, что общественные элементы этого племени должны были быть, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи, такомъ состояніи, при которомъ, конечно, невозможно было сознавать необходимости призванія князя для „ряды по праву". Славянская культура Новгородцевъ была далеко выше первобытной племенной дикости Мерянъ. Слѣдовательно, единство общественныхъ элементовъ у Новгородскихъ Славянъ и Мери, являющееся изъ свидѣтельства лѣтописи, должно быть объяснено чѣмъ нибудь инымъ. 2) Появленіе городовъ у Новгородцевъ, Кривичей и Мери поставляется въ зависимость отъ умноженія народонаселенія; отъ этого то умноженія, когда семья разросталась въ родъ, когда чуялась потребность въ общинномъ устройствѣ,—являлись исконныя славянскія усобицы, возставалъ „родъ на родъ". Тѣсно, безпокойно становилось жить въ старомъ огороженномъ мѣстѣ—и вотъ начинаютъ Славяне выселяться въ другія, новыя, огороженныя мѣста—появляются новыя города. Вражда городовъ, рать города противъ города, поселенія противъ поселенія—есть явленіе, присущее Славянскому племени. Эта вражда сохранилась въ памяти народной: города и селенія до сихъ поръ обзываютъ другъ друга насмѣшливыми прозвищами и слагаютъ другъ о другѣ пронические присловья. Изъ сопоставленія этихъ двухъ, выводовъ мы можемъ заключить, что славянскій элементъ

---

(93) П. С. Л. т. V. Псковск. II. стр. 1.

укрѣпился ко 2-й полов. IX в. въ землѣ Мери, что города, построенные тамъ были славянскіе, что это были славянскія колоніи, потому что городъ есть основной признакъ осѣдлости, присущій Славянскому племени; ни у одного изъ народцевъ Чудскаго племени мы не видимъ городовъ ([84]). Поэтому, намъ представляется совершенно справедливою мысль, высказанная Н. И. Костомаровымъ: что въ лѣтописномъ свидѣтельствѣ Меря является только этнографическимъ терминомъ, какъ, напримѣръ, въ наше время Кавказъ, и что подъ этимъ терминомъ нельзя разумѣть исключительно только чудскихъ „насельниковъ“, аборигеновъ земли, а слѣдуетъ разумѣть, главнымъ образомъ, славянскихъ „находниковъ“ ([85]).

Притокъ славянскихъ „находниковъ“, въ область верхней Волги, сначала заселенную Мерею, а потомъ образовавшую изъ себя землю Ростовско-Суздальскую—шелъ, главнымъ образомъ, съ двухъ сторонъ: съ запада, изъ области Новгородскихъ Славянъ, и съ юга, изъ приднѣпровья, черезъ земли Кривичей и Вятичей. Но, какъ уже мы сказали выше, колонизаціонное движеніе изъ Новгорода было самое древнее, самое первоначальное. Какъ извѣстно, Славяне двигались всегда по рѣкамъ, этимъ единственно-удобнымъ путямъ сообщеній въ древнѣйшія эпохи человѣческой культуры. Волга, великая рус-

([84]) О первоначальномъ значеніи славянскаго города см. ниже на стр 58—60. Карамзинъ (Ист Росс. гос. II, 37.) и Соловьевъ (Ист. Росс. I, 77) полагаютъ, что Финны имѣли города и заключаютъ это изъ свидѣтельства лѣтописи объ изгнаніи Варяговъ. Но, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Подъ *Чудью* въ разсказѣ лѣтописи слѣдуетъ разумѣть не особое какое либо Финское племя, которое тщетно искали нѣкоторые историки, а тѣ изъ Финскихъ племенъ, среди которыхъ славянскій элементъ не успѣлъ еще въ то время укорениться. Часть этихъ Финскихъ племенъ была еще Чудью, т. е. чуждою Славянамъ; она только «въ нихъ владѣху», т. е. въ ней не было еще славянскихъ поселеній, городовъ. Эти города возникаютъ у Чуди во время возстанія противъ Варяговъ.

([85]) См. Ист. монограф. Костомарова, т. I, с. 369.—*Его же*: Сѣверн.-Русск. Народопр. I, 13.—Кодаковскій считаетъ Мерю и Весь за Славянскія племена (Р. ист. сб. т. I, кн. 1, с. 23; т. VII, с. 88 и 89). Это мнѣніе, само по себѣ невѣрное, можетъ однако служить къ указанію, что славянская колонизація началась среди Мери очень рано.

ская рѣка и ея многочисленные притоки—являются главными водными артеріями въ землѣ Мери. По этимъ то артеріямъ: Волгѣ, Тверцѣ, Мологѣ, Шексиѣ, Костромѣ, Унжѣ, Которосли, Окѣ, Клязьмѣ и Москвѣ-рѣкѣ, съ значительнымъ числомъ малыхъ рѣкъ, и рѣчекъ, впадающихъ въ нихъ—съиздавна сновали „ушкуи“ и „устроги“ славянскіе, съиздавна выходили на берега этихъ рѣкъ и рѣчекъ переселенцы съ Волхова и съ Днѣпра, и ихъ топоръ звучалъ въ дикихъ, непроходимыхъ лѣсахъ: звукъ этотъ пугалъ людей и звѣрей. Меря убѣгала въ глубь страны, а „звѣри дивіи“ — прятались въ чащѣ лѣса. Являлись „починки“, „городки“, „посёлки“—эти первичныя, зачаточныя проявленія осѣдлой жизни Славянъ.

Волга вела въ богатыя страны: въ Болгарію и далѣе, до самаго моря Хвалисскаго. По этому, она съ давнихъ поръ привлекала „охочихъ людей“, которымъ трудно бывало жить у себя, которые искали простора, искали упражненія для своей „силушки богатырской“. Такими „охочими людьми“ преизобилуетъ Русь съ самой своей колыбели; и въ Новгородѣ, и на югѣ, въ приднѣпровьи, ихъ всегда было вдоволь. Новгородскіе „новольники“ и Кіевскіе сотоварищи Владиміра, „краснаго-солнышка“, богатыри нашихъ былинъ—являются типическими представителями этихъ первопачальныхъ охочихъ русскихъ людей. Припомнимъ борьбу вѣчевыхъ народныхъ партій въ Новгородѣ, припомнимъ эти вѣчевыя усобицы, эти бои концевъ, которые являются на первыхъ страницахъ Несторовой лѣтописи въ выраженіи: „боста родь на родъ“; припомнимъ Новгородскихъ „новольниковъ“—и намъ будетъ весьма ясна причина, почему вольныя выселенія изъ Новгорода въ поволжье начались такъ давно и продолжались такъ долго. На Волгѣ открывалось для всѣхъ Новгородцевъ, недогольныхъ своими домашними, вѣчевыми распорядками, „широкое раздолье“,—и путь „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ былъ давно имъ извѣстенъ. Гдѣ лучше? Этотъ ископный вопросъ всего человѣчества вообще и русскаго человѣка въ особенности, заставлявшій его впослѣдствіи бѣгать и „брести розно“, въ надеждѣ на лучшую долю,—этотъ вопросъ возникалъ и у Новгородскихъ „новольниковъ“; во имя его они выходили изъ своей земли. На Волгѣ они заставали непочатой край, и иные изъ нихъ, болѣе умѣренные, оставались здѣсь, въ убѣжденіи что имъ здѣсь будетъ лучше, чѣмъ было дома; а

другіе, болѣе предпріимчивые, какъ напримѣръ Василій Буслаевичъ, неслись все дальше внизъ, надѣясь найти вдали еще *болѣе привольную жизнь, еще больше свободы.*

Съ юга заставляли двигаться людей другія „нестроенія“. Печенѣги и Половцы, Торки и Берендеи и другіе кочевники вродѣ Обровъ, примучившихъ Дулебовъ, — не давали тамъ Славянамъ покою. Степняки запрягали женъ славянскихъ въ сохи, насиловали ихъ дочерей, угоняли ихъ скотъ, жгли ихъ посёлки, грабили ихъ дома, — и толпы Славянъ тянулись туда, гдѣ лучше! А лучшее имъ легко представлялось въ невоздѣланномъ, непочатомъ сѣверо-востокѣ, въ „*Чудскомъ краю*“, который въ пылкомъ *воображеніи* южнаго Славянина представлялся страной чудесъ, страной волшебства и невѣдомой миѳической силы. Иныя, сильныя натуры стремились въ этотъ край, чтобы испробовать свою удаль богатырскую, помѣряться силами съ злыми чудищами. Припомнимъ, что герой былинъ Алеша Поповичъ сражается съ Тугариномъ-Змѣевичемъ близъ Ростова, въ дикой странѣ Мери, — и человѣкъ-богатырь побѣждаетъ стихійнаго богатыря хитростью. Припомнимъ, наконецъ, что въ самомъ характерѣ южнаго населенія, съ самаго его начала, замѣчается наклонность къ „бродничеству“, подвижности, свободной, независимой жизни ([56]). Эта-то наклонность долго не давала усѣсться южному Славянину на одномъ мѣстѣ и влекла его все дальше и дальше на сѣверо-востокъ, о которомъ на югѣ могли получать нѣкоторыя свѣденія изъ Новгорода, бывшаго въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ придніпровьемъ.

Намъ кажется, что первичный, древнѣйшій видъ славянской колонизаціи въ чудскомъ сѣверо-востокѣ именно опредѣляется характеромъ этого охочаго люда, этихъ „ковольниковъ“ и „бродниковъ“, прототипа позднѣйшихъ казаковъ. Въ XVI и XVII в. в. таже Волга привлекала охочихъ людей, но уже не въ верхнемъ своемъ теченіи, а въ „низовомъ“. На порогѣ же этнографическаго распредѣленія народонаселенія по Русской землѣ низовье Волги было иной дорогой, дорогой бродячихъ азіатскихъ выходцевъ, густыми

([56]) Костомарова: «Дѣт Русскія народности» (Истор. Моногр. т. I).

массами проходившихъ черезъ „великія каспійскія ворота“ по южнымъ окраинамъ Руси. Въ то время эта дорога была болѣе опасна, чѣмъ дорога въ далекую землю Мери; охочимъ людямъ, которымъ не жилось у себя дома, привольнѣе было отправляться съ юга въ невѣдомую страну чудесъ, страну дикихъ Финновъ черезъ Славянскія земли и потомъ выходить на Волгу, чѣмъ пролагать себѣ путь къ ней черезъ страшныя кочевья Печенѣговъ и Половцевъ. Это свободное передвиженіе Славянъ изъ Новгорода и съ юга въ верховья Волги, это скопленіе „сходцевъ“ въ землѣ Мери, восходящее къ временамъ до-историческимъ, служащее продолженіемъ того движенія Славянскихъ племенъ, главныя фазы котораго отмѣчены Несторомъ въ его этнографическихъ перечисленіяхъ, и составляющее первичный видъ разселенія Славянъ—мы позволимъ себѣ назвать *вольной колонизаціей*.

При зачинѣ княжеской власти на сѣверо-востокѣ, начинается второй видъ колонизаціи—*княжеско-военный*. Рядомъ съ нимъ, при утвержденіи Христіанства въ землѣ Ростовско-Суздальской, идетъ колонизація *монастырская*; а потомъ, при развитіи промышленно-торговыхъ силъ страны, начинается колонизація *промышленно-торговая*. Впослѣдствіи мы остановимся подробнѣе на каждомъ изъ этихъ позднѣйшихъ видовъ колонизаціи; здѣсь же замѣтимъ только, что вольная колонизація является основнымъ типомъ Славянской колонизаціи въ землѣ Мери. Она не уничтожается и въ княжескую эпоху, она служитъ основаніемъ для колонизаціи монастырской, и въ промышленно-торговой колонизаціи является основной, движущей силой.

Какими же путями шла славянская колонизація въ землю Мери изъ Новгорода и съ юга?

Изъ Новгорода, какъ мы видѣли выше, колонизація направлялась, къ „многоводной русской рѣкѣ“ Волгѣ. Къ этой рѣкѣ вели оттуда пять главнѣйшихъ путей. *Первый* путь шелъ изъ озера Ильменя черезъ рѣчки Полу и Явонь, съ переволокомъ къ озеру Селигеру; изъ него въ р. Силежаровку и ею въ Волгу ([37]). *Второй* путь могъ быть изъ оз. Ильменя

([37]) Ходаковскаго. Пути сообщ. др. Россіи, въ Р. Ист. Сборн., т. I, кн. I, с. 33. *Селигерскій путь* въ Новгородъ изъ Ростовской земли былъ самый извѣстный. Имъ прошли Татары до Торжка въ 1237 г. (См. сн. назел. мѣстъ Тверск. губ. *всед.* с. 18).

черезъ Мсту въ оз. Мстино, и, затѣмъ, рѣкою Тверцою въ Волгу (88). *Третій* путь шелъ Волховомъ до оз. Нево, оттуда Свирью въ оз. Онего, изъ него Вытегрой до оз. Кавжи и рѣкою Ковжею въ Бѣлоозеро; изъ Бѣлоозера въ Волгу Шексною (89). *Четвертый* путь—также черезъ оз. Нево въ р. Сясь, а изъ Сяси по рѣчкѣ Воложкѣ до волока Хотьславля (въ теперешнемъ Тихвинскомъ уѣздѣ) при р. Чагодѣ, затѣмъ Чагодою, Чагодошею и Мологою въ Волгу (90). *Пятый* путь шелъ по правымъ (южнымъ) притокамъ Волги (91).

Съ юга, изъ придніѣпровья, было два пути: *первый* Днѣпромъ и его притоками черезъ землю Кривичей, *второй* Окой черезъ землю Вятичей.

Черезъ землю Кривичей проѣздъ водою въ землю Мери былъ не такъ удобенъ какъ изъ земли Новгородской, которая изобиловала озерами и рѣчками. Проѣздъ этотъ шелъ отъ Кіева до Смоленска Днѣпромъ, а оттуда могъ идти переволокомъ до Вазузы, южнаго притока Волги и, затѣмъ, Вазузою и Волгою (92). Главное неудобство этого пути заключалось въ томъ, что Днѣпромъ надо было плыть вверхъ по теченію, между тѣмъ какъ изъ Новгородской земли всѣ рѣки, ведшія къ Волгѣ, впадали въ нее и давали, такимъ образомъ, возможность плыть по теченію внизъ. Путемъ черезъ Кривскую землю ѣздилъ въ Ростовъ Владиміръ Мономахъ, о чемъ онъ говоритъ въ своемъ поученіи (93). Кромѣ этого извѣстія мы имѣемъ прямыя свидѣтельства о пути изъ Смоленска въ землю Ростовскую. Подъ 1148 годомъ говорится въ лѣтописи о томъ, что „Изяславъ Мстиславичъ приказа брату своему Ростиславу (Смоленскому) свои полкы и повелѣ ему поити *внизъ по Волзѣ*, и срокъ ся учинивша на Усть-Медвѣдицѣ“ (94). Оедоръ Ростиславичъ, кн. Можайскій, сдѣлавшись въ XIII в.,

---

(88) См. Почтовую карту Росс. Имп. Сиб. 1842 г. л. III, а также Географ. Атласъ Росс. Имп. изъ 70 лист., изд. 1821, листы 17 и 18.

(89) Почтовая карта Росс. Имп. Сиб. 1842. л. 1-й.

(90) Ibid. и Ходаковскаго: Пути сообщ. др. Россіи, стр. 21.

(91) Ходаковскаго. Пути сообщенія, с. 33.

(92) См. Почт. карту Росс. Имп. Сиб. 1842. л. III и IV.

(93) П. С. Л. т. I, с. 104 — Срез. Погодина: Изслѣд., замѣч. и лекціи, VI. 54.

(94) П. С. Л. VII. 45.

сперва княземъ Ярославскимъ, а затѣмъ, по смерти отца и братьевъ, княземъ Смоленскимъ,—въ 1285 году ѣдетъ изъ Ярославля въ Смоленскъ, а потомъ, въ 1297 году идетъ съ войскомъ изъ Ярославля къ Смоленску (95).

Второй путь съ юга, черезъ землю Вятичей, могъ раздѣляться на двѣ вѣтви: *одна* шла прямо Окою къ Волгѣ, *другая*—притокомъ Оки, Прою, а изъ нея переволокомъ и озерами до р. р. Поли и Бужи, и Бужею въ Клязьму (96). Этимъ путемъ пріѣзжалъ также Владиміръ Мономахъ (97). Имъ же, по всей вѣроятности, приходилъ Святославъ Ольговичъ Черниговскій въ Москву на свиданіе съ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ (98). Самъ этотъ князь, въ своихъ многочисленныхъ походахъ изъ Ростовской области на югъ, не рѣдко ходилъ черезъ землю Вятичей (99). Существовало ли вольное колонизаціонное движеніе въ отдаленнѣйшую эпоху въ землю Мери—непосредственно изъ земель Кривичей и Вятичей, или черезъ эти земли проходили вольные колонисты только съ юга, изъ „Руси"? Такаго рода вопросы не поддаются прямому разрѣшенію. Но намъ представляется возможнымъ предположить, что непосредственнаго движенія вольной колонизаціи отъ Кривичей и Вятичей не было. Къ такому предположенію побуждаютъ насъ слѣдующія основанія, Мы видѣли выше, что Кривичи, вслѣдствіе природныхъ условій своей земли, тянули своей исторической жизнью къ югу, къ приднѣпровью—и имъ не было причины выселяться въ область верхняго теченья Волги. Что же касается до Вятичей, то мы также видѣли, что племя это было очень дико, и мысль о выселеніи въ иную землю наврядъ ли могла подвигать его далѣе на сѣверъ. Г. Раев-

---

(95) См. «Хронологич. очеркъ истор. событ. въ г. Ярославлѣ отъ основ. онаго до вступл. Яросл. Кн-ва въ сост. Росс. госуд-ва». Въ Ярос. губ. вѣд. 1843, № 5.

(96) Ходаковскаго Пути сообщ. др. Россіи. с. 35.

(97) «Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець»—говоритъ Мономахъ въ своемъ поученіи. П. С. Л. I. 103.

(98) Это было въ 1147 г. Святославъ Ольговичъ пріѣхалъ въ Москву изъ Рязани; изъ Москвы возвратился къ Любыньску, а оттуда къ Серенску, и, «перешедъ Оку, ста».—П. С. Л. VII, 38; IX, 172.

(99) П. С. Л. II, 41. Подъ 1148 г.

скій, редакторъ списка населенныхъ мѣстъ Владимірской губерніи, полагаетъ, что славянская колонизація въ землю Мери подвигалась отъ Волги къ югу. „Пройти съ сѣверо-западныхъ своихъ пунктовъ, по верховьямъ Клязьмы, Славяне не могли, говоритъ онъ, потому что здѣсь страна была глухая“ (100).

На этихъ основаніяхъ мы, кажется, можемъ заключить безъ большой ошибки, что черезъ земли Кривичей и Вятичей двигались вольные колонисты въ землю Мери только съ юга. Пути черезъ эти земли были далеко не такъ удобны, какъ пути изъ Новгорода, вслѣдствіе чего колонизаціонное вольное движеніе съ юга не могло быть такъ сильно, какъ оно было изъ озерной и многоводной земли Новгородской. Путями съ юга въ землю Мери проникали колонисты въ позднѣйшую эпоху, въ XI—XIV в. в., когда уже выяснились остальные виды колонизаціи: княжеско-военный, монастырскій и промышленно-торговый. А въ разсматриваемую нами первичную эпоху заселенія земли Мери Славянами, при существованіи одной только колонизаціи — вольной, главной, т. сказ., большой дорогой движенія Славянъ въ землю Мери была рѣчная и озерная область Новгородская. Изъ нея шла и непосредственная колонизація, и черезъ нее же проникали большею частію, колонисты съ юга, изъ „Руси“.

Какимъ способомъ разселялись первоначальные славянскіе колонисты въ землѣ Мери, какимъ образомъ возникали здѣсь ихъ поселенія, въ какія отношенія становились они къ туземцамъ?—вотъ вопросы, которые невольно напрашиваются, если не на прямое разрѣшеніе, то хотя на разъясненіе.

Земля Мери, теперешнія губерніи Ярославская, Костромская, Владимірская и сѣверная часть Московской, издавна отличалась обиліемъ лѣса. Не смотря на столь извѣстную способность русскаго человѣка истреблять жестоко лѣсъ,— до сихъ поръ еще въ этихъ мѣстностяхъ значительныя пространства земли покрыты лѣсомъ, почти исключительно хвойнымъ (101).

---

(100) Сп. нас. мѣстъ Влад. губ. *вып.* с. 41.

(101) Въ Ярославской губерніи $^1/_3$ всего пространства покрыта лѣсомъ, занимающимъ преимущественно середину губерніи и идущимъ съ сѣверо-

Всматриваясь въ номенклатуру теперешнихъ поселеній среди этихъ лѣсныхъ пространствъ, мы видимъ очень много селеній въ Ярославской губерніи, съ названіями: Боръ, Доръ, Дёрки, Выгарь, Гарь, Горѣлое, Горѣлово, Погарье, Погорѣлово, Жары, Огнивники, Ожигино, Опалёво, Палы, Пеньё, Пеньи, Пеньки, Раменье. Этихъ названій въ Костромской губерніи тоже много, во Владимірской губерніи меньше, а въ Московской они едва-едва встрѣчаются въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ, прилегающихъ къ Ярославской и Владимірской губерніямъ. Названія эти очевидно указываютъ какъ на характеръ лѣсной мѣстности, въ которой являлись поселенія, такъ и на самый способъ заселенія края. Вдумываясь въ эти названія, мы можемъ увидѣть, какъ славянское населеніе *продиралось*, т. е. проходило съ усиліемъ черезъ боръ, лѣсъ, *выжигало* его и на выжженныхъ, выгорѣлыхъ мѣстахъ основывало свои поселенія. Эти „выгари", „гари", „огнивники" и „опали"— вспахивались и засѣвались хлѣбомъ, а изъ срубленныхъ деревьевъ, отъ которыхъ оставалось только „пеньё", возникали *деревни*. Черезъ нѣсколько лѣтъ поселенцы двигались дальше, выжигались подъ пашню новыя мѣста, старыя запускались. На этихъ запущенныхъ пашняхъ появлялась хвойная поросль—зачиналось *раменье*. Но не весь же лѣсъ пожигался только для очистки мѣстности, не всѣ же деревья срубались только для постройки жилищъ. Съ теченіемъ времени являлись у поселенцевъ, кромѣ земледѣлія, другіе промыслы, обусловливаемые лѣсистой мѣстностью, въ которой они поселились: они стали жечь *уголь*, гнать *смолу* и *деготь*. На это указываютъ имена поселеній: Угольники, Угличь, Углецы, Угольное, Смолотелье, Смолино, Смольнево, Деготи-

---

запада на юго-востокъ. Въ Костромской губ., среднимъ числомъ на 1000 десятинъ всего количества земли, лѣсу приходится 726 десят. (Вся площадь губерніи—7,355,327 десят., изъ которыхъ подъ лѣсомъ находится 5,344,970) Во Владимірской губ. подъ лѣсомъ находится половина всего пространства. Лѣсъ растетъ болѣе на правомъ берегу Клязьмы, въ юго-восточныхъ уѣздахъ и все болѣе и болѣе рѣдѣетъ на лѣвомъ ея берегу, въ у. у. Владимірскомъ, Суздальскомъ и Переяславскомъ, въ которыхъ колонизація Славянъ началась издревле.—См. Списки насел. мѣстъ Яросл. губ. *введ.*, с. 15; Влад. губ. *ib.* с. 17.—Матер. для Геогр. и Статист. Россіи, собр. офицерами Генер. Шт.: Костромская губ. стр. 249.

но, Деготпицы, Дегтярицы, Дегтярка, Дегтярково и мн. др. ([102]).

Изъ той же номенклатуры поселеній мы можемъ усмотрѣть постепенное развитіе, разростаніе самихъ поселеній. Общимъ, родовымъ названіемъ Славянскаго поселенія является *деревня*, т. е. совокупность жилыхъ строеній изъ дерева. Это названіе указываетъ на матеріалъ, изъ котораго сдѣланы жилища,—самый же способъ поселенія выражается въ первоначальныхъ терминахъ: *починокъ*, *посёлокъ*, *село*, *селеніе*, *выселокъ*, которые возникаютъ въ смыслѣ видовыхъ проявленій поселенія, по мѣрѣ его постепеннаго разрастанія, по мѣрѣ увеличенія въ немъ народонаселенія. Первымъ такимъ проявленіемъ становится *починокъ*, т. е. починъ поселенія, самое первоначальное жилище; при большемъ размноженіи населенія, починокъ усвоиваетъ себѣ названія: *посёлка*, *села*, *селенія*, которыя, въ свою очередь, разрастаясь съ теченіемъ времени, выдѣляютъ изъ себя колоніи, извѣстныя подъ названіемъ *выселковъ* ([103]).

([102]) См. Азбучный указатель въ списк. населен. мѣстъ Ярославск. Владим. и Московск. губ.;—для Костромской губерніи, карту ея при описаніи, сост. офицер Генер. Штаба; кромѣ того общія свѣденія въ Сп. насел. мѣстъ Яросл губ с. 16 и 47 — 18. *Ралеше*, по мѣстному говору Ярославской губ., означаетъ лѣ ную пересѣ на запущенной пашнѣ, а иногда настоящій, хвойный, некрупный лѣсъ. (ibid.) Предположеніе о томъ, что славянское населеніе продиралось черезъ лѣса, основанное на названіи селеній *Доръ* (отъ слова «драть», какъ «боръ», отъ брать) — принадлежитъ Ярославскому статистическому комитету. Селеній съ названіемъ *Нетё* въ Ярослав. губ.—20, а съ названіемъ *Доръ*—10. Малое число такихъ названій селеній, которыя указывали бы на продиранье черезъ лѣсъ и выжиганіе лѣса, во Владимірской и Московской губ.—можетъ дать три показанія: во 1-хъ, что старыя названія перемѣнены впослѣдствіи на другія новыя, что не рѣдко случается, вслѣдствіе разныхъ причинъ. (См. Ходаковскаго: Донесеніе. Р. Ист. Сб. VII, 8 и 9.; во 2-хъ, что способъ первоначальнаго веденія колонизаціи забытъ со временемъ и въ 3-хъ, что колонизація тѣхъ мѣстъ, гдѣ не находится приведенныхъ названій— принадлежитъ къ болѣе позднему времени, когда «продираніе» черезъ лѣса и «сжиганіе» ихъ было уже невозможно.

([103]) Выселки до сихъ поръ называются или по названію селеній, изъ которыхъ они выселены, или по имени лица, который первый перенесъ жилье на новое мѣсто. Напр. Петровъ, Сидоровъ—выселокъ и т. д.

Гораздо труднѣе поддается объясненію первопачальное значеніе *города, городка, городища*—въ смыслѣ термина поселенія. Извѣстно, что городъ, въ позднѣйшемъ своемъ развитіи, является у насъ, далеко не съ тѣмъ значеніемъ какъ въ Западной Европѣ. Но возникновеніе города и первопачальное его значеніе у насъ сравнительно съ Западной Европой до сихъ поръ не разъяснены должнымъ образомъ. Всѣ ученые, сколько намъ извѣстно, соглашаются въ филологическомъ значеніи славянскаго *города*, въ смыслѣ *огороженнаго мѣста*, но его этнографическое значеніе, какъ терминъ поселенія, понимается ими далеко неодинаково. Такъ напримѣръ, Ходаковскій старается доказать, что первоначально „городъ“ и „городище“ вовсе не были терминами поселенія. По его соображеніямъ, около городовъ и городищъ возникали только поселенія, а сами они были священными мѣстами языческаго поклоненія богамъ и жертвоприношеній; это были, по его мнѣнію, *священные ограды*, осѣненныя рощами и дубравами ([104]). Остальныя мнѣнія о первопачальномъ значеніи города и городища всѣ склоняются къ толкованію его въ смыслѣ термина поселенія. Эти мнѣнія могутъ быть сведены къ тремъ главнѣйшимъ категоріямъ: *первая*—видитъ въ городѣ и городищѣ первичныя общественныя укрѣпленія, *вторая*—оставленныя поселенія и, наконецъ, *третья*—позднѣйшія военныя укрѣпленія, возводимыя князьями ([105]).

Смес. о номенклатурѣ поселеній у И. И. Срезневскаго, въ «Чтеніяхъ о древн. Русскихъ лѣтописяхъ» (Прил. къ II т. З. Ак. И. № 4. с. 34—35, 45—46).

([104]) См. Ходаковскаго: «Ист. система», Р. Ист. Сб. т. I, кн. 3. Самое словопроизводство *города* Ходаковскій формулируетъ такимъ образомъ: «Извѣстно, говоритъ онъ, что всѣ Славяне во время язычества совершали обряды на высотахъ и горахъ, гдѣ ихъ всесожженіе, очищеніе, прощеніе, пиршество, кашище (?) не могли производиться безъ *огня*, какъ и безъ *воды*. Вслѣдствіе этого *городъ* произошелъ отъ единодѣйствія слѣдующихъ, т. сказ., элементовъ, входящихъ въ составъ его этимологіи: во 1-хъ, *гора*—mons, collis+*родъ*—gens, natio=*гора родная*, народная, сборная. Во 2-хъ, горѣть, гарь, *гарить*—ardere+*родъ*—gens, natio=горѣніе, сожженіе, народомъ произведенное. Таковъ-смыслъ первоначальнаго значенія термина *городъ*».—Ходаковскій доказываетъ это длиннымъ рядомъ названій урочищъ и поселеній.—(Ibidem. с. 66, 67 и слѣд.).

([105]) Представителемъ взгляда первой категоріи является неизвѣстный авторъ Истор. взгляда на древн. образов. славянскихъ и

Вдумываясь въ первоначальное значеніе городовъ и городищъ въ землѣ Мери, въ землѣ Ростовско-Суздальской, мы находимъ возможнымъ признать всѣ четыре объясненія, представленныя выше и примирить кажущіеся въ нихъ различія. Мы полагаемъ, что всѣ поселенія и урочища, существующія въ настоящее время въ губерніяхъ Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской, съ именами: „города", „городка" и „городища" происхожденіемъ своимъ не одинаковы и могутъ быть отнесены къ разнымъ періодамъ славянской колонизаціи края. Въ періодъ до-Христіанскій, когда въ землю Мери проникали еще Славяне-язычники, *города* и *городки* могли возникать въ значеніи священныхъ мѣстъ поклоненія богамъ и жертвоприношеній; за тѣмъ, около этихъ городовъ и городковъ, какъ въ христіанскую эпоху около монастырей, сгруппировывались поселенія. Эти поселенія, въ память ихъ, также стали называться городами и городками. Затѣмъ, при недружелюбныхъ столкновеніяхъ съ туземцами, многія поселенія: и эти города и городки, и деревни—должны были окапываться ровомъ и обноситься тыномъ, должны были *ограждаться* для защиты, и такимъ образомъ произошли *общественныя* укрѣпленія—*города*, терминъ которыхъ сохранепъ въ позднѣйшихъ укрѣпленіяхъ, воздвигаемыхъ князьями для защиты отъ набѣговъ Мордвы и Болгаръ. Развалины всѣхъ этихъ городовъ и городковъ, слѣды ихъ оградъ, ихъ укрѣпленій, находимые въ настоящее время, народъ называетъ общимъ именемъ „*городища*".

Такимъ образомъ, городъ, въ первоначальномъ своемъ значеніи, могъ быть такимъ же терминомъ поселенія, какъ

преимущ. польскихъ городовъ до XIII ст. (Р. Ист. Сб. т. IV, кн. 2—3). Взглядъ второй категоріи высказанъ К. О. Калайдовичемъ, противъ котораго полемизируетъ Ходаковскій въ св. статьѣ, названной издателемъ ея, Погодинымъ, «Исторической системой» (Р. Ист. Сб т. III кн. I). Третій взглядъ принадлежитъ редактору списка населенн. мѣстъ Влад. губерніи, г. Раевскому. О первоначальномъ значеніи славянскаго города см. также у Срезневскаго, въ «Чтен. о Русскихъ лѣтописяхъ» с. 35 и у Погодина, въ зимѣч. и лекц. по Русск. Ист. VII, 142—153. Ср. В. Макушева: «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ Славянъ» Спб. 1861, стр. 112—116.

и деревня, съ тѣмъ только различіемъ, что выраженіе: „деревня“ означало матеріалъ построенія, а „городъ“—способъ обезпеченія окраинъ поселенія, способъ огораживанія поселенія вокругъ. Позднѣйшее значеніе города начинаетъ выясняться съ эпохи утвержденія княжеской власти; и въ землѣ Ростово-Суздальской и въ другихъ областяхъ Руси, городъ является въ ту эпоху въ значеніи земскаго, административно-княжескаго и военнаго центра. На этомъ его троякомъ значеніи мы остановимся впослѣдствіи.

Отношенія, въ которыя становились первоначальные колонисты-Славяне къ туземцамъ Мерянамъ были мирнаго свойства. Изъ за чего имъ было враждовать съ полудикимъ народцемъ? Враждебныя отношенія у колонистовъ съ туземцами возникаютъ обыкновенно изъ корыстныхъ побужденій первыхъ: таковы они были у русскихъ промышленниковъ и козаковъ, колонизаторовъ Сибири XVII в., таковы они были у Испанцевъ, покорившихъ Мексику и Перу въ XVI вѣкѣ. Въ обоихъ случаяхъ колонистовъ смущали золото, богатые мѣха и драгоцѣнные камни. Но земля Мери не отличалась этими богатствами. Земля эта была испещрена множествомъ рѣкъ и озеръ и изобиловала лѣсомъ, наполненнымъ дикими звѣрями. Изобиліе этихъ природныхъ даровъ не могло возбуждать корыстныхъ побужденій въ первоначальныхъ славянскихъ „находникахъ“. Возможно предположить, что Меря, будучи, на подобіе Мордвы, склонна къ сліянію съ другими народностями, вошла скоро въ близкія отношенія къ Славянамъ. Эти близкія отношенія могли простираться до половаго соединенія между Славянами и Мерянами. На такую мысль наводитъ насъ склонность теперешней черемисской женщины легко входить въ связь съ посторонними мущинами ([106]). Весьма возможно предположить, что женщины у Мери отличались тѣмъ же свойствомъ. Что же касается до первоначальныхъ славянскихъ поселенцевъ, то навряль ли они были на столько цѣломудренны, что отказывались отъ сожитія съ туземцами. Возможность этого сожитія тѣмъ больше вѣроятна, что у язычниковъ-Славянъ и у язычниковъ-туземцевъ не могло быть того взгляда на отношенія къ женщинѣ, какой

([106]) См. выше, стр. 35 нашихъ очерковъ.

заняло впослѣдствіи Христіанство, смотревшее очень строго на безбрачное сожитіе съ женщиною вообще, а особенно съ язычницею. Славянскія женщины, точно также, могли вступать въ связи съ мущинами Меряпами. Поэтому весьма легко предположить что *метисація* Славянъ съ Меряцами была первопачальной формой ассимиляціи Славянами Мери и претворенія ея, прежде другихъ Чудскихъ народцевъ, въ племя Великорусское ([107]).

Однимъ изъ древнѣйшихъ поселеній Славянъ среди Мери, однимъ изъ старѣйшихъ городовъ въ ихъ землѣ является Ростовъ—Великій, оспоренный Новгородскими Славянами ([108]). Названіе его И. И. Срезневскій производитъ отъ собственнаго имени *Ростъ*; Ростовъ — *городъ Ростa*, какъ Ростиславль—городъ Ростислава ([109]). Когда собственно возникъ Ростовъ неизвѣстно; извѣстно только, что онъ уже существовалъ во 2-й пол. IX-го в., при Рюрикѣ. О зачинѣ Ростова нѣтъ никакихъ преданій, никакихъ сказаній, что, между прочимъ, можетъ указывать на его древность. Только позднѣйшіе хроникери, составители временниковъ XVII в., желали видѣть въ основателѣ Ростова—Росса, приноровляя къ этому городу готовое преданіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ ([110]). То было время моды на вымышленныя генеалогіи народовъ, государей и городовъ, въ которыхъ не затруднялись ни филологіей, ни хронологіей, храбро производя Словена и Росса отъ потомковъ Іафета, сына Ноева, Рюрика отъ Августа-

---

([107]) См. любопытныя соображенія по этому вопросу въ статьяхъ А. П. Щапова: «Этнографическая организація Русскаго народонаселенія» (Б. д. Чт. 1864 № 1) и «Этнологическое развитіе Сибирскаго населенія» (Русск. Сл. 1865. № 1, 2 и 3).

([108]) См. статьи, означенныя въ примѣчаніи 79-мъ.

([109]) Срезневскаго. Чтенія о древнихъ Русск. лѣтописяхъ с. 33. *Ростъ* напоминаетъ первую половину имени *Ростислав* (ibid. 46). Отъ имени «Ростъ» произошло нѣсколько названій славянскихъ поселеній: *Ростокъ*—въ Мекленбургскомъ герцогствѣ, *Ростовецъ*, городъ въ Кіевской области, *Ростовка*, село въ Кіевской губ. и *Ростовцы*, волость въ Московской обл. (См. П. Барсова: Матеріалы для Истор.-Геогр. словаря Россіи. Вильна 1865, I, 175).—Спис. Любопытный указатель въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Ярославской, Владимірской и Московской губ.

([110]) См. ст. «Начальныя древности обитателей Ярославской губерніи до Рюрика»—Яр. губ. вѣд. 1859 стр. 78.

Кесаря, а Москву—отъ Мосоха. Ростовъ возникъ у оз. Неро, въ 54-хъ верстахъ отъ Волги, съ которой соединяетъ озеро рѣчка Которосль. Трудно предположить, чтобы Новгородскіе колонисты, очевидно спустившись къ оз. Неро по Которосли, миновали бы ея устье при Волгѣ. Славяне имѣли обыкновеніе ставить свои первоначальныя поселенія у устья рѣкъ, ограждая и обезпечивая ими владѣніе всѣмъ теченіемъ рѣки. По этому мы полагаемъ, что, при движеніи Новгородскихъ Славянъ съ Волги по Нерли, вверхъ по ея теченію къ оз. Неро,—должно было явиться славянское поселеніе раньше Ростова при устьѣ Нерли, или гдѣ нибудь вблизи этого устья у Волги. Этимъ поселеніемъ могло быть то, которое впослѣдствіи „срубленное въ городъ“ великимъ княземъ Ярославомъ назвалось его именемъ: „Ярославль“. Ростовъ, разросшись въ глухой мѣстности у обширнаго озера Неро, позднѣйшимъ своимъ значеніемъ затемнилъ не только это первоначальное, но и всѣ остальныя поселенія. Старѣйшій городъ земли — Великій Ростовъ сталъ родоначальникомъ другихъ городовъ „молодшихъ“, долго оставшихся его пригородами, сходившихся на общее съ нимъ вѣче и крѣпко стоявшихъ на томъ, „на чемъ положитъ“ ихъ старшій городъ.

II.

Ростовско-Суздальская земля

съ 862 по 1157 г.

Значеніе этого періода для Ростовско-Суздальской земли.—Характеристика колонизаціи княжеско-военной, монастырской и промышленно-торговой.—Ростовъ при Рюрикѣ и Олегѣ.—Начало Суздаля.—Зависимость Ростовско-Суздальской земли отъ южныхъ князей.—Владиміръ Мономахъ.—Юрій Долгорукій: его характеристика и его колонизаціонная дѣятельность въ Ростовско-Суздальской землѣ, значеніе построенныхъ имъ городовъ.—Водвореніе въ Ростовѣ Христіанства и его борьба съ язычествомъ.—Св. св. Леонтій, Исаія и Авраамій.—Первые монастыри.—Границы Ростовско-Суздальской земли къ концу періода.—Отношенія къ Новгороду.—Начало промышленно-торговой дѣятельности.—Начало столкновеній съ Болгарами.

Въ періодъ времени съ утвержденія Рюрика въ Новгородѣ въ 862 г. до смерти великаго князя Юрія Владиміровича, прозваннаго Долгорукимъ, въ 1157 году—слагаются элементы гражданственности Ростовской земли, опредѣляются основы ея послѣдующаго, самобытнаго развитія. На порогѣ этого періода, въ началѣ X-го вѣка самое имя Мери, аборигеновъ страны, исчезаетъ въ смыслѣ этнографическаго термина (1) и замѣняется черезъ столѣтіе, въ началѣ XI-го в. дру-

---

(1) Имя Мери упоминается въ послѣдній разъ при Олегѣ. Въ 882 году Меря участвуетъ въ походѣ Олега на югъ Россіи, къ Кіеву, а въ 904—907 г. въ его греческомъ походѣ подъ Константинополь. (П. С. Л. I. 10 и 12).

гимъ терминомъ: „земли Ростовской", а за тѣмъ, въ половинѣ этого столѣтія получаетъ полное свое названіе „земли Ростовской и Суздальской" (*). Очевидно, элементъ славянскій не только начинаетъ преобладать, но даже поглощаетъ собою чудское населеніе края. Двѣ новыя силы: князь и Христіанство—кладутъ основаніе гражданственности земли. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ силъ развивается дальнѣйшая славянская колонизація въ землю Ростовскую; и къ концу періода, въ половинѣ XII-го в., посредствомъ этой колонизаціи зачинается новое племя, которое при послѣдующемъ своемъ историческомъ развитіи получаетъ названіе Великорусскаго. Это дальнѣйшее развитіе славянской колонизаціи прежде всего проявляется въ видѣ колонизаціи *княжеско-военной*. Зачинъ этому виду кладетъ первый князь въ странѣ, Рюрикъ, а эпоха расцвѣта, наибольшаго развитія княжеско-военной колонизаціи относится ко времени Юрія Долгорукаго, устроителя Ростовской области. Послѣ него княжеско-военная колонизація продолжается во все время существованія Ростовско-Суздальскихъ княженій вплоть до окончательнаго сложенія Московскаго государства, которое этотъ видъ колонизаціи начинаетъ примѣнять ко вновь забираемымъ областямъ и странамъ, при своемъ все болѣе и болѣе усиливающемся расширеніи на востокъ. Пріемы княжеско-военной колонизаціи заключаются: въ раздачѣ земель, въ основаніи поселеній и крѣпостей съ стратегическою цѣлію. Пахарей для этихъ земель, насельниковъ для поселеній и крѣпостей—князья выбираютъ или изъ „охочихъ людей", привлекая ихъ къ себѣ разными льготами, или изъ существо-

(*) Суздальской землей называется она въ южныхъ лѣтописяхъ (наприм. въ Ипатьевск. II. С. Л. II, 39), по предположенію Пр. Филарета, потому, что Суздаль былъ ближе къ югу, чѣмъ Ростовъ. Новгородцы тоже называютъ землю эту Суздальскою, но къ нимъ Ростовъ былъ ближе, чѣмъ Суздаль. Слѣдовательно, названіе это, установившееся къ концу княженія Долгорукаго, слѣдуетъ объяснить политическимъ значеніемъ Суздаля, какъ резиденціи князя. Область *Ростовская и Суздальская*—терминъ, употребляемый въ Житіи св. Іоан. (Пр. Соб. 1868 кн. 3. с. 439). — Сильной *землей Суздальской* называетъ эту землю позднѣйшій Ростовскій лѣтописецъ XVII в. (см. Рукописи. Рост. Лѣтоп., *рукоп. Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ* л. 181 обор.).

вавшихъ уже прежде поселеній, выводя изъ нихъ колонистовъ. „Главное различіе княжеско-военной колонизаціи отъ вольной заключается въ иниціативѣ передвиженія, переселенія. Въ первой она принадлежитъ князю, въ послѣдней каждому отдѣльному переселенцу въ частности, или нѣсколькимъ въ совокупности.

Объ руку съ княжеско-военной колонизаціей идетъ *колонизація монастырская*. Князь и его дружина являются первыми представителями христіанской религіи; ихъ сопровождаетъ епископъ; основываются церкви или въ существовавшихъ уже поселеніяхъ, или на совершенно незаселенныхъ мѣстахъ. Въ первомъ случаѣ церкви являются хранителями и распространителями культуры и цивилизаціи, во второмъ, кромѣ этого, еще центрами новыхъ поселеній. Христіанскія начала пускаютъ корни. Являются подвижники-аскеты, проникающіе далеко въ глубь лѣса уже не порѣкамъ, а по непроходимымъ дебрямъ и трущобамъ. Здѣсь, вдали отъ жилья человѣка, окруженный дикими звѣрями, аскетъ-подвижникъ ставитъ себѣ келью. Къ нему мало по малу сходятся „охочіе люди“, но уже не ищущіе разгула и приволья, а стремящіеся къ успокоенію душевному, къ умиротворенію своей совѣсти, жаждующіе не добычи и прибыли, а христіанскаго подвига и спасенія души. Келья огораживается тыномъ, ставится церковь,—и ея колоколъ впервые нарушаетъ дѣвственную тишь лѣсовъ; зарождается община, зачинается монастырь, около котораго вскорѣ скучивается поселеніе. Монастырь является проводникомъ христіанской цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ зерномъ новыхъ поселеній, новаго колонизаторскаго движенія. Изъ монастыря, съ теченіемъ времени, выходятъ новые подвижники, ученики его основателя и заводятъ новые монастыри. Такимъ образомъ является цѣлая эмманація христіанскихъ поселеній, и каждая новая церковь, каждый новый монастырь все шире и шире, все далѣе и далѣе въ глубь страны раздвигаютъ элементъ славянскій и распространяютъ Христіанство, силу всего болѣе ассимилировавшую туземныя инородческія племена и претворившую ихъ въ одну нераздѣльную народность Великорусскую. Такъ зачинается въ дикой странѣ культура. Князь и епископъ, городъ и монастырь являются питомниками и проводниками этой культуры, которая съ теченіемъ времени развивается все болѣе и болѣе. Возникаютъ промыш-

лешность и торговля, эти главнѣйшіе показатели развивающихся силъ экономическихъ, эти регуляторы общественной жизни. Населеніе края получаетъ новый стимулъ для дѣятельности, новый стимулъ для передвиженія. Зарождается четвертый видъ колонизаціи—*промышленно-торговый*; зачинаются новые центры — промышленно-торговые: ярмарки и базары, или просто склады товаровъ, а около этихъ центровъ скучивается народъ, является новое поселеніе.

Разсмотримъ сначала колонизацію княжеско-военную.

Рюрикъ, оставшись послѣ смерти братьевъ своихъ Синеуса и Трувора единой главой призвавшаго князей союза: Новгородцевъ, Кривичей и Мери, — начинаетъ раздавать города „мужамъ своимъ“. Въ числѣ этихъ городовъ является Ростовъ (3). Это первое, такъ сказать, историческое упоминаніе Ростова въ лѣтописи. Съ этого времени, съ 60-хъ годовъ IX-го в., начинается въ славянскихъ поселеніяхъ среди Мери установленіе княжескаго и дружиннаго порядка. При Олегѣ въ Ростовѣ находился „князь, сущій подъ Олегомъ“ (4). Ростовъ является въ это время однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ въ земляхъ подвластныхъ Олегу (5). „Мужъ“ Рюрика и „князь“ Олега, по всей вѣроятности, ограничивались сборомъ дани съ населенія (6); кромѣ дани населеніе страны должно было участвовать въ походахъ верховнаго князя Олега, выставляя извѣстное число воиновъ (7). Такимъ образомъ особаго варяжскаго вліянія нельзя искать въ Ростовѣ, въ землѣ Мери. Варяги и до Рюрика собирали тамъ дань, какъ мы видѣли выше, и при немъ, и послѣ него ограничивались этой же данью. Они были тамъ „находницы“, по выраженію лѣтописца. Мы не беремся дѣлать предположенія

---

(3) П. С. Л. I, 9. — Пространство владѣній Рюрика лѣтописецъ опредѣляетъ ясно. Рюрику, по его словамъ, были подвластны: Новгородцы, Кривичи, Меря, Весь и Мурома; «тѣми всѣми обладаше Рюрикъ». (Ibid.).

(4) П. С. Л. I, 13.

(5) Это видно изъ *уклоновъ*, выговоренныхъ Олегомъ у Грековъ для семи городовъ: Кіева, Чернигова, Переяславля, Полотска, Любеча и *Ростова*. (Ibid.).

(6) Утвердившись въ Кіевѣ, Олегъ «устави дани» Славянамъ, Кривичамъ и *Мери*» (П. С. Л. I, 10).

(7) Ср. П. С. Л. I. 10 и 12. Объ участіи Мери въ походахъ Олега спец. наше 1-е примѣчаніе къ наст. главѣ.

о томъ, въ какія отношенія становились Варяги къ туземному населенію,—и курганы норманнскіе въ этой странѣ, указанные Гр. Уваровымъ, ждутъ еще тщательной разработки для уясненія степени норманнскаго элемента въ верховьяхъ Волги (8). 1-я Софійская лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ — *пояша съ собою дружину многу*... и, утвердившись въ землѣ союза ихъ призвавшаго, *почаша воевати всюду* (9). Если принять это свидѣтельство, то можно предположить *завоеваніе страны*, котораго иные ученые совершенно не желаютъ видѣть въ образованіи Русскаго государства.

Г. Гарѣлинъ, одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей древностей Владимірской губерніи, основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, полагаетъ, что Суздаль—былъ основанъ варяжскими дружинами, которыя спустились изъ оз. Неро по р. Нерли (10). Конечно, это мнѣніе можно принять только какъ догадку. Суздаль могъ быть точно также основанъ и славянскими колонистами, спустившимися изъ оз. Неро по р. Нерли. Но во всякомъ случаѣ возникновеніе Суздаля весьма древне и можетъ быть пріурочено къ концу [illegible]-го вѣка, потому что Суздаль, или, по древнѣйшей орѳографіи нашихъ лѣтописей, *Сужьдаль* — является вторымъ по времени своего возникновенія и вторымъ по своему значенію послѣ Ростова—„старѣйшимъ городомъ земли“ (11). Названіе его очевидно чудское, и мы не имѣемъ ключа къ его объясненію. Аѳанасій Ѳедоровъ, ключарь Суздальскаго собора, жившій въ первой половинѣ XVIII в., приводитъ слѣдующую сказку о возникновеніи Суздаля изъ „письменной повѣсти“, которая, по его словамъ, есть народная. При разсѣяніи людей по вселенной послѣ вавилонскаго столпотворенія, въ 4902-й годъ отъ всемірнаго потопа,—пришли въ Россійскіе страны

---

(8) См. Зап. Археол. Общ. 1857. VIII, с. 102 — 103. Ст. Гр. Уварова: «Изв. о курганахъ Влад. губ.» и нашихъ очерковъ гл. I, с. 37.

(9) П. С. Л. V, 88.

(10) Я. Гарѣлина: «Др. Суз. обл. и обитавшіе въ ней народы». Тр. Влад. Стат. Комитета. 1864. в. II, с. 48.

(11) «Здѣ же» (въ Ростовской землѣ), говоритъ лѣтописецъ, «*старіи гради: Ростовъ и Сужьдаль*». (П. С. Л. I, 160.—Ростовск. лѣт. *рукоп.* л. 179 обор.).

три брата,—великія князья: Санъ, Авесхасанъ и премудрый Асанъ, происходившіе отъ Іафета, сына Ноева. Изъ нихъ два брата остались у Варяжскаго моря и устроили города (въ томъ числѣ Новгородъ), а третій, Асанъ ушелъ отъ нихъ далеко въ дикій лѣсъ, въ топкія мѣста; долго искалъ онъ удобное мѣсто для поселенія, долго раздумывалъ и, наконецъ, нашедши такое мѣсто, заложилъ на немъ городъ и, по великому своему *суждению*, назвалъ его *Суждалемъ* (12). Ананій Ѳедоровъ не довѣряетъ этой сказкѣ и полагаетъ, что названіе „Суждаль" произошло позднѣе, вслѣдствіе разныхъ фонетическихъ измѣненій, изъ *Суго-дола*, первоначальнаго наименованія мѣста, гдѣ возникъ городъ (13).

Съ 913 по 988 годъ въ лѣтописяхъ ничего не встрѣчается о землѣ Ростовской. Игорь, занятый исключительно дѣлами юга, мало заботился о сѣверо-востокѣ (14). Ольга была въ Новгородскихъ владѣніяхъ, „устави погосты и дани" по Мстѣ и „дани и оброкы" по Лугѣ,—а Святославъ, „на лѣзе Вятичей",—прошелъ на Оку и Волгу (15).—Въ Ростовѣ же изъ нихъ никто не былъ. Вслѣдствіе этого можно предположить, что Ростовская область въ это время пользовалась достаточной независимостью отъ придніѣпровскихъ князей, управлялась, быть можетъ, потомками „князей, сущихъ подъ Олегомъ" (16).

---

(12) Анан. Ѳедорова: «Истор. собр. о богоспасаем. градѣ Суждалѣ» стр. 1-я (Врем. М. о. Ист. и др. 1833. кн. XXII). См. тоже сказаніе изъ другаго лѣтописца. (Ibid. c. 199).

(13) Ibid. c. 2.—Вверьые Суздаль упомин. въ Лѣтописи подъ 1096 г. Въ этотъ годъ онъ былъ сожженъ Олегомъ Святославичемъ Черниговскимъ. (см. II. С. Л. I, 108).

(14) II. С. Л. VII, 278 и 279.

(15) Ibid. 285.—Ник. IX, 29.

(16) П. С. Л. I, 27. — Существуетъ преданіе, изход. въ одной изъ Угличскихъ лѣтописей о томъ, что Свенельдъ, дружинникъ Игоря, покоривъ южное Славянское племя Уличей, или Угличей, переселилъ часть ихъ на Волгу, въ Ростовскую область; поселеніе это дало начало городу Угличу. Доводы въ пользу невѣроятности этого преданія см. у О. Кисе-ля, въ «Истор. г. Углича». Ярославль 1844 г. с. 13—16. Другое преданіе, занесенное въ *Серебряниковскую* и *Супонеевскую* Угличскія лѣтописи, относитъ построеніе Углича также ко вр. Игоря и Ольги. Построеніе его приписывается Яну Вышатичу, родственнику в. кн. Ольги. До сихъ

Подъ 988 годомъ у Нестора, вслѣдъ за принятіемъ Христіанства Владиміромъ, помѣщено распредѣленіе имъ волостей между сыновьями. По этому распредѣленію Ростовъ достается Ярославу, который, (послѣ смерти старшаго брата Вышеслава, переводится въ Новгородъ, а въ Ростовъ назначается Борисъ (17). Съ Ярослава и Бориса начинается въ Ростовѣ рядъ князей, которые не живутъ тамъ постоянно, а только наѣзжаютъ въ глухую лѣсистую мѣстность, отдаленную отъ главной исторической арены того времени—придпѣпровья. Долго ли прокняжилъ Борисъ въ своей волости неизвѣстно; изъ лѣтописи и изъ житія его видно только, что во время смерти Владиміра, Борисъ былъ при немъ (18). Ярославъ, княжившій въ придпѣпровьи послѣ смерти отца своего Владиміра, бывалъ въ Ростовѣ. Ростовъ вмѣстѣ съ Новгородомъ, какъ видно, принадлежалъ къ его волости (19). Въ одну изъ поѣздокъ въ Ростовъ былъ имъ срубленъ городъ, названный имъ въ свое имя Ярославлемъ (20). Позднѣйшее преданіе такъ разсказываетъ о возникновеніи этого

поръ находятся близъ Углича урочище, назыв. *Яново поле*. (См. О. Киселя «Ист. г. Углича», с. 20). Но намъ кажется, что возникновеніе Углича возможно съ большимъ вѣроятіемъ отнести къ 1071 году, когда былъ въ Ростовской области Янъ Вышатичь, собиравшій тамъ дань для князя Святослава Ярославича. (См. ниже въ этой главѣ нашихъ очерковъ).

(17) П. С. Л. I, 52.

(18) «Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ», приписыв. Нестору, по изданію Каз. Дух. Акад. См. Правосл. Собес. 1858. кн. IV, с. 388 и слѣд. П. С. Л. I, 55.

(19) См. П. С. Л. I, 63 и 64 — Въ 1024 г. Ярославъ раздѣлилъ свои владѣнія съ братомъ Мстиславомъ, которому достались земли по лѣвую сторону Днѣпра, но Ростовъ и Суздаль вмѣстѣ съ Новгородомъ принадлежали Ярославу.

(20) Г. Лѣпявцевъ (О. З. 1827. кн. 84 и 85) предполагаетъ, что Ярославль основанъ Ярославомъ въ 989 г. т. е. въ эпоху его перваго княженія въ Ростовской области. Неизвѣстный авторъ «Историческаго изслѣдованія о началѣ и основаніи г. Ярославля» (Яросл. губ. вѣд. 1842 г. № 10) отрицаетъ предположеніе г. Лѣпявцева на томъ основаніи, что Ярославу въ 989 г. было отъ 7 до 11 лѣтъ, и относитъ построеніе имъ Ярославля къ 1026—1030 годамъ, о которыхъ въ лѣтописяхъ ничего не говорится. Ярославъ былъ въ Суздальской области въ 1024 г., но тогда Ярославля тамъ еще не было. (П. С. Л. I, 63). — См. также слѣд. примѣч. 21.

города: Ярославъ, посѣтивъ древній Ростовъ, охотился на берегахъ Волги и здѣсь, при впаденіи Которосли въ Волгу, отставъ отъ дружины своей, встрѣтился съ медвѣдицей и убилъ ее топоромъ. На этомъ мѣстѣ онъ построилъ церковь во имя св. пророка Иліи (христіанское имя Ярослава) и срубилъ городъ Ярославль (21). Послѣ Ярослава Ростовская область сначала принадлежала къ владѣніямъ Новгородскимъ, а послѣ смерти Святослава Ярославича въ 1076 г., вмѣстѣ со всѣмъ поволжьемъ, составляла волость пятаго сына Ярослава, Всеволода, князя Переяславля-Южнаго (22).

Владиміръ Мономахъ, сынъ Всеволода — этотъ типическій представитель южнаго князя, который въ свою многотрудную жизнь совершилъ 83 похода, который не зналъ устали, будучи постоянно на конѣ, сражаясь за Русскую землю, который дѣлалъ страшные концы по тогдашней непроѣздной дорогѣ изъ Кіева въ Смоленскъ и оттуда въ Переяславль, пробивая себѣ путь черезъ недружелюбныхъ Вятичей и подвергая себя опасности въ путяхъ, нападенію дикихъ звѣрей—этотъ князь былъ нѣсколько разъ въ Ростовской области. Здѣсь срубилъ онъ городъ на Клязьмѣ въ свое имя—Володимерь, который впослѣдствіи, въ отличіе отъ Владиміра-Волынскаго, сталъ называться Залѣсскимъ (23) и

---

(21) Протоіер. І. Троицкаго: «Исторія губ. гор. Ярославля». Яросл. 1853 г. стр. 7.—Ст. Лѣшивцева: «О началѣ г. Ярославля». О. З. 1827. кн. 84.

(22) Новгородъ призналъ власть Черниговскаго князя Святослава Ярославича въ 1069 г., послѣ того какъ тотъ, прогнавши Изяслава, сталъ великимъ княземъ (см. у Костомарова: Сѣверн.-Русск. народопр. I, 51). Въ 1071 году Святославъ владѣлъ Ростовской областью, что видно изъ того, что тамъ былъ его сборщикъ Янъ (П. С. Л. I, 75). Всеволодъ Ярославичъ владѣлъ Переяславлемъ, Ростовомъ, Суздалемъ, Бѣлоозеромъ и Поволжьемъ —(Синод. лѣт. у Карамзина II, прим. 30-е).—Смес. также у М. П. Погодина: изсл. зам. и лекц. т. IV, гл. 3-я: «Ярославово дѣленіе», княжества: Черниговское (стр. 217—260) и Переяславское (с. 261—296).

(23) Владиміръ на Клязьмѣ основанъ Мономахомъ не прежде 1116 г. (Синод. лѣт. XV в. у Карамз. II, прим. 238); по предположенію М. П. Погодина (изсл. замѣч. и лекц. IV, с. 279) и Пр. Филарета (Р. свят. м. окт. с. 294. прим. 217), Владиміръ построенъ для противодѣйствія притязаніямъ Олега Святосл. Черниговскаго. Во время распри его съ Изяславомъ Влад. и Мстиславомъ Влад. въ Ростовской области, тамъ еще не

построилъ церковь въ Ростовѣ (24) По смерти Всеволода, Ростовская область стала волостью Мономаха. Въ послѣдніе годы жизни, отвлеченный отъ далекой страны событіями юга и избранный, наконецъ, послѣ смерти Святополка, княземъ Кіевскимъ — Мономахъ самъ не ѣздитъ уже въ Ростовскую область, а посылаетъ туда своихъ сыновей. Ростовская область дѣлается, такъ сказать, отраженіемъ южныхъ усобицъ, становясь ареной распри между Изяславомъ Владиміровичемъ и Олегомъ Святославичемъ Черниговскимъ (25). Любечскій съѣздъ укрѣпляетъ Ростовскую область за Владиміромъ Мономахомъ и его родомъ (26). Съ этого времени тамъ впервые является самостоятельный князь—сынъ Мономаха, Юрій, прозванный Долгорукимъ. Во все это долгое время, отъ Олега до Юрія Долгорукаго—ни одинъ изъ князей не живетъ подолгу въ далекой Ростовской области. Всѣ они являются тамъ гостями и то нечастыми. Одинъ Мономахъ туда ѣздитъ усердно. Князей привлекаютъ туда чрезвычайные случаи, вродѣ голода, бывшаго въ 1024 году и смуты, производимой по поводу этого голода волхвами, вслѣдствіе чего отправился туда Ярославъ—и то мимоѣздомъ въ Новгородъ (27). Князья управляютъ своей далекой областью черезъ своихъ „мужей“, черезъ даньщиковъ. Такъ напр. Янъ-Вышатичъ собираетъ тамъ дань въ 1071 году для кн. Святослава (28). Князьямъ небогда заниматься отдаленной областью Ростовскою, ихъ вниманіе приковываетъ къ себѣ „Русь“, южное приднѣпровье.

было г. Владиміра Клязьменскаго. Это видно изъ описанія пути, которымъ прошелъ Олегъ изъ Мурома въ Суздаль и Ростовъ. (См. П. С. Л. I, 107—109).

(24) Посланіе Поликарпа, по рукописи у Филарета: Русск. святые, м. авг. с. 69.

(25) Лавр. лѣт. П. С. Л. I, 107—109. — См. также др. редакціи описанія этой распри: 1-я Новг. III, 3; 1-я Соф. V, 150; Воскр. VII, 10—12; Никон. IX, 127—229; Тверск. XV, 184.

(26) П. С. Л. I, 109.

(27) П. С. Л. I 63 и 64. — Въ Воскрес. лѣт. сказано, что Ярославъ, укротивъ мятежъ въ Суздальской землѣ, происходившій отъ волхвовъ, *уставилъ ту землю*, т. е. далъ ей земское устройство (П. С. Л. VII, 328).

(28) П. С. Л. I, 75.—Смес. выше наше примѣч. 22-е.

Юрій былъ въ Ростовской области еще въ 1096 году, судя по письму Мономаха къ Олегу Святославичу ([29]). Послѣ этого онъ, по всей вѣроятности, пребывалъ на югѣ. Мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, положительное извѣстіе, что въ 1107 году въ Ростовской области не было князя ([30]), а въ 1125 году видимъ Юрія въ Кіевѣ на погребеніи Мономаха ([31]). Юрій всѣми своими симпатіями тянетъ къ югу, цѣль его постоянныхъ стремленій—есть старшій южный городъ Кіевъ. Добываніе его себѣ по праву старѣйшинства и забота о томъ, чтобы Кіевъ не достался кому нибудь изъ младшихъ родичей, а тѣмъ паче не перешелъ-бы во враждебную линію Ольговичей—вотъ тѣ задачи, которыя поставилъ себѣ Юрій послѣ смерти Мономаха, тѣ задачи, которыя онъ стойко преслѣдовалъ всю свою жизнь! Поэтому онъ, немедленно послѣ смерти отца, начинаетъ сторожить Кіевъ. Онъ остается на постоянное жительство въ Городцѣ, не далеко отъ Кіева и, желая еще болѣе укрѣпиться на югѣ, въ 1135 г. промѣнивается съ братомъ Ярополкомъ волостями: „испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда *Суждаль* и *Ростовъ* и прочую волость свою, но не всю“ ([32]). Черезъ два года послѣ этой мѣны, въ 1137 г. Юрій удаляется въ Ростовъ ([33]), слѣдовательно Ростовъ принадлежитъ снова ему. Двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ пребываетъ въ Ростовской области Юрій, слѣдя за событіями юга. Между тѣмъ на югѣ произошли событія, которыхъ, именно, всего болѣе боялся Юрій. Послѣ смерти брата его Ярополка на Кіевскомъ столѣ сѣлъ Ольговичь Всеволодъ, а послѣ его смерти и кратковременнаго

([29]) Ibid. 106.—Погодина: Изслѣд. замѣч. и лекціи, VI, 89.

([30]) Подъ 1107 (6615 г.) въ Ростовскомъ лѣтописцѣ XVII в. читаемъ: «пріидоша Болгары ратію на Суждаль и обступиша градъ, и много зла сотвориша, воююще села и погосты и убивающе многихъ отъ христіанъ. Сущіи же людіи въ градѣ не могуще противу ихъ стояти, *не сущу князю у нихъ*, на молитву къ Богу обратишася. *Рукоп. Моск. Арх. Мин. Ин. Д.* л. 93).—См. также въ Воскр. лѣт., П. С. Л. VII, с. 21 примѣч. *а*.

([31]) Никон. П. С. Л. IX, 153.

([32]) Лавр. П. С. Л. I, 132.—Ростовск. лѣт. *рукоп.* л. 102 обор.

([33]) Лавр. П. С. Л. I, 133.—Погодина: Изсл. замѣч. и лекц. VI, 89.

правленія брата его Игоря, великимъ княземъ Кіевскимъ сталъ Изяславъ Мстиславичъ, племянникъ Юрія помимо двухъ дядей: Вячеслава и Юрія. Юрій, забываетъ враждебныя отношенія Ольговичей къ Мономаховичамъ и соединяется съ Святославомъ Ольговичемъ противъ племянника Изяслава Мстиславича; онъ призываетъ даже Половцевъ, этихъ исконныхъ враговъ южной Руси. Съ 1149 по 1155 годъ тянется рядъ походовъ Юрія подъ Кіевъ изъ Ростовско-Суздальской области. Эти далекіе походы были сопряжены съ большими затрудненіями. Непроѣздныя топи и болота, большія многоводныя рѣки служили главнымъ препятствіемъ весной и лѣтомъ, а зимой затрудняли переходъ глубокіе снѣга; отъ долгихъ утомительныхъ переходовъ лошади то портили себѣ ноги, то дѣлались жертвой повальнаго мора; черезъ рѣки весною нельзя было переправляться на судахъ, а лошади топули. Вслѣдствіе всего этого войска должны были возвращаться съ полдороги (34). Юрій предавалъ разоренію и грабежу придніпровье, а Изяславъ Мстиславичъ проникалъ въ землю Ростовско-Суздальскую по Волгѣ (35). Война кончается смертію Изяслава Мстиславича и старшаго брата Юрія, Вячеслава. Юрій, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ треволненій, укрѣпляется въ Кіевѣ. Но не долго наслаждается онъ спокойствіемъ. Юрій не пользуется любовью Кіевлянъ, и они входятъ въ переговоры съ Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ; но не успѣлъ еще счастливый

---

(34) Въ 1149 г. иде Изяславъ Новугороду изъ Кіева въ помочь Новгородцамъ на Гюргя, а воемъ повелѣ по собѣ ити; и поидоша по немъ и *погрязнута кони у нихъ*. (П. С. Л. I, 139). Въ этотъ же походъ Изяслава на Юрія, весна застала Кіевскія, Смоленскія и Новгородскія войска въ землѣ Ростовской «бяшеть бо уже вербьней недѣли и *бысть вода по Волзѣ и по Мологѣ по чрево конемъ на лугу* (Ibid. II, 40). Въ 1154 году воюетъ Гюргя съ Ростовцы и съ Суждальцы и со всѣми дѣтьми въ Русь и *бысть моръ въ коняхъ, во всѣхъ боярѣхъ сіо, акъ же не было никогда же*. Пришедшю же ему въ Вячичѣ и ста, не дошедъ Козельска... воротися опять Суждалю.—(Ibid. I, 146).

(35) П. С. Л. I, 139. II, 39.—Войска Изяслава и Ростислава Мстиславичей въ 1149 г. «по Волзѣ идоша къ Скнятину и ко Углечу Полю, и къ Мологѣ, даже и до Ярославля, *воююще, сѣкуще, жгуще* и взяша полону головъ больше 7,000. (Новг. IV, 8. — Никон. IX. 179). — Спас. Тверск. XV, 212. И начаша городы его жечи и села и всю землю его воевати оба полъ Волги (Инат. т. II, 39).

соперникъ Юрія вступить въ Кіевъ, какъ Юрій умеръ, въ 1157 году.

Печальна и весьма замѣчательна судьба этого младшаго изъ сыновей Мономаха. Стоя на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ, княжеско-родовой и княжеско-единовластной, двухъ этнографическихъ формацій Русской народности: восточно-русской и южно-русской,—Юрій въ своемъ личномъ характерѣ носитъ туже двойственность. Съ одной стороны всѣ его идеалы лежатъ въ южномъ придпѣпровьи, о „причастьи въ Руси“ себѣ и своимъ дѣтямъ заботится онъ всю свою жизнь: его традиціи—традиціи южныхъ князей; съ другой стороны въ его характерѣ замѣтны нѣкоторыя черты, напоминающія его сына Андрея Боголюбскаго, положившаго основаніе новому порядку дѣлъ въ княжеской Руси. Черты эти, правда, не выступаютъ рельефно, онѣ, такъ сказать, еще въ зародышѣ, но и въ этомъ зародышѣ проявляется уже „самовластіе“,— основная черта характера Андрея. Характеръ Юрія, вслѣдствіе этого, не представляетъ ничего цѣльнаго. Это переходный типъ отъ южнаго князя къ князю сѣверному, отъ князя придпѣпровья къ поволжскому князю. Характеръ Юрія представляется намъ промежуточнымъ звѣномъ, соединяющимъ его отца Мономаха съ его сыномъ Андреемъ; безъ этого промежуточнаго звѣна невозможно было бы появленіе Андрея, который такъ рѣзко во всемъ отличается отъ своего дѣда Мономаха. Нравственный характеръ Юрія весьма не симпатиченъ. Личный разсчетъ есть основная движущая имъ сила, есть причина всѣхъ его дѣйствій. Изъ за этого личнаго разсчета онъ хитритъ, онъ нарушаетъ крестное цѣлованіе, онъ соединяется съ враждебными своему роду Ольговичами и, паче всего, „наводитъ на югъ Половцевъ“, исконныхъ враговъ и насильниковъ южно-русской украйны. Отецъ Юрія, „страдалецъ за Русскую землю“ — Мономахъ былъ не таковъ! Робкій воинъ и храбрый организаторъ, Юрій стремится постоянно на югъ, и между тѣмъ вводитъ „нарядъ“ въ своей сѣверо-восточной области Ростовской. Сражаясь за имя родовыхъ княжескихъ правъ съ племянникомъ своимъ Изяславомъ, онъ самъ же нарушаетъ эти права, садясь въ Кіевѣ помимо своего старшаго брата Вячеслава. Въ народной памяти Юрій Долгорукій является жестокосердымъ, и, по народному преданію, построенный имъ городъ Москва „стоитъ на крови“. Такой князь, конеч-

но, не могъ быть любимъ на югѣ, гдѣ прямота дѣйствій, мужество въ брани, борьба съ „погаными“ Половцами, служеніе землѣ, а не своей личности — составляли народный идеалъ князя. Такимъ былъ Мономахъ; по этому онъ и пользовался популярностью на югѣ; такими являются всѣ Мономаховичи, особенно же потомство Мстислава Владиміровича,—эта „благородная отрасль благороднаго корня“; но Юрій былъ чуждъ югу. Одинокимъ, нелюбимымъ народомъ является онъ въ приднѣпровьи, куда стремились постоянно его всѣ лучшіе помыслы!.. ([36]).

Значеніе Юрія для Ростовско-Суздальской земли, прежде всего, опредѣляется его колонизаторскою дѣятельностью въ этой землѣ. А. П. Щаповъ сближаетъ эту дѣятельность Юрія съ подвигами его соимянника „Егорія Храбраго“, котораго принимаетъ за миѳическаго выразителя заселенія „свѣтло-русской земли“, за установителя въ ней осѣдлости ([37]). Колонизаторская дѣятельсть Юрія выражается: въ вызовѣ переселенцевъ въ Ростовско-Суздальскую землю, въ построеніи новыхъ городовъ и въ расширеніи и улучшеніи прежде существовавшихъ.

Прямыхъ свидѣтельствъ лѣтописей о томъ, откуда и какъ привлекалъ Юрій колонистовъ въ свою область, мы не знаемъ.

([36]) Татищевъ сообщаетъ слѣдующія подробности о нравственныхъ свойствахъ и образѣ жизни Юрія: «Юрій, хотя имѣлъ княгиню любви достойную и ея любилъ, но при томъ многихъ женъ подданныхъ своихъ часто навѣщалъ, и съ ними болѣе, нежели со княгинею веселился: ночію сквозь на скомонѣхъ проигрывая и пія препроводилъ, чѣмъ многіе вельможи его оскорблялись, а младые, послѣдуя болѣе своему уму, нежели благочестному старѣйшихъ наставленію, въ томъ ему совѣтомъ и дѣломъ служили. Между всѣми полюбовницами жена тысяцкаго Суздальскаго Кучки наиболѣе имъ владѣла, и онъ все по ея хотѣнію дѣлалъ. (Истор. Росс. II, 300). Кромѣ того у Татищева Юрій является злымъ (Ист. Росс. III, 52) и робкимъ (ib. 71). О наклонности Юрія къ пирамъ свидѣтельствуетъ Никоновская лѣтопись (П. С. Л. IX, 208).—Когда умеръ Юрій, въ 1157 г., дворъ его «красный» въ Кіевѣ и другой дворъ за Днѣпромъ и дворъ сына его Василька были разграблены. (Ib. IX, 208). Дружина его Суздальская была тоже ограблена. (Ibid.).—О народныхъ преданіяхъ о Юріи см. ниже примѣч. 44 и соотв. стр. текста.

([37]) А. П. Щапова: «Истор. очерки народн. міросозерц. и суевѣрія» гл. I, с. 27.—Отд. отт. изъ Ж. М. Н. П. 1863.

Татищевъ утверждаетъ, впрочемъ, что Юрій населялъ свои города, *созивая* людей отовсюду, что онъ давалъ этимъ поселенцамъ не малую ссуду, помогалъ имъ въ строеніяхъ, а также и другими „подаяніями“, что къ нему, кромѣ Русскихъ, приходило множество Болгаръ, Мордвы и Венгровъ (38). О томъ, что Юрій переводилъ къ себѣ колонистовъ съ юга и изъ другихъ мѣстъ, говоритъ также и Н. Д. Бѣляевъ (39).

Мы представили выше наши соображенія о пріемахъ княжеско-военной колонизаціи вообще; изъ послѣдующаго нашего изложенія будетъ видно, что князья Ростовско-Суздальскіе именно употребляли тѣ пріемы, которые указаны нами. За отсутствіемъ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, мы не имѣемъ основанія утверждать, что Юрій употреблялъ какіе нибудь иные способы для заселенія своей области; косвенныя свидѣтельства лѣтописей даютъ намъ, напротивъ, возможность заключить, что главный, такъ сказать, матеріалъ для заселенія Ростовско-Суздальской земли Юрій Долгорукій имѣлъ въ „новольникахъ“ и „бродникахъ“,—тѣхъ „сходцахъ“, которые съ-издавнихъ поръ стремились въ Ростовскую землю. При частыхъ походахъ Юрія на югъ, оттуда очень легко могли приходить съ нимъ въ Ростовскую землю разные сходцы. Юрій, какъ мы увидимъ ниже, покровительствовалъ „бо́льшихъ людей“ Новгородскихъ, державшихъ его сторону и переселялъ къ себѣ въ Суздаль ихъ семейства. Такъ, во время смутъ въ Новгородѣ послѣ бѣгства Святослава Ольговича, постояннаго союзника Юрія, въ 1139 году, къ Юрію въ Суздаль бѣжали сторонники Святослава, Судила Нежатичь и Страждка. Двухъ главныхъ сторонниковъ Святослава, пособниковъ его въ бѣгствѣ, посадника Якуна и брата его Прокофья Новгородцы заточили въ Чудь. Юрій освободилъ ихъ и привелъ къ себѣ, а семейства обоихъ, еще раньше ихъ освобожденія, призвалъ въ Суздаль и содержалъ въ почетѣ и милости (40). Такое обхожденіе Юрія съ „бо́льшими людьми“, конечно, не оставалось подъ спудомъ въ Нов-

---

(38) Татищева: Ист. Россіи III, 76.

(39) Въ статьѣ «Сказанія о началѣ Москвы». Р. В. 1868. кн. 3-я, с. 17.

(40) Новгор. I. 9,—Никон., II. С. Л. IX, 165.

городѣ, а, становясь извѣстнымъ, оно давало еще болѣе возможности „молодшимъ людямъ“, недовольнымъ тогдашними частыми Новгородскими смутами, искать защиты у Юрія и селиться въ его области. Кромѣ того люди въ родѣ Судилы и Страждки, которые, по тону лѣтописнаго свидѣтельства, были значительными лицами въ Новгородѣ,—убѣгали оттуда, по всей вѣроятности, не одни, а съ своею челядью; относительно же семействъ Якуна и Прокофья это можно сказать положительно.

Именъ *залѣсскихъ* и *польскихъ* городовъ, построенныхъ Юріемъ, передаетъ лѣтопись не много. Она называетъ только: Кснятинъ, или Константиновъ, Юрьевъ-Польскій и Дмитровъ(41). Но городовъ, построенныхъ Юріемъ, было, по всей вѣроятности, больше. Въ этомъ отношеніи очень справедливы соображенія Татищева (42). Москва упоминается впервые въ лѣтописи при Юріѣ, подъ 1147 годомъ, но лѣтопись ничего не говоритъ о ея построеніи (43). За то народное преданіе приписываетъ ея основаніе Юрію. По этому преданію на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Москва, жилъ во времена Юрія богатый боярин и землевладѣлецъ, Степанъ Ивановичъ Кучка; его богатыя села были распо-

---

(41) 1134. Юрій Влад. заложи градъ на усть Нерли на Волгѣ и нарече имя ему Константинъ. (Никон. II. С. Л. IX, 138). Въ Ипатьевск. лѣт. этотъ городъ названъ: Кснятинъ. (П. С. Л. II, 40).—1152. Юрьи былъ подъ Черниговомъ ратью и возвратися въ Суздаль и пришедъ, въ свое имя градъ Юрьевъ заложи, нарицаемый Польскій. Никон. II. С. Л. IX, 196. IV-я Новг. 8.—О Дмитровѣ см. подъ 1155 г.: Никон. II. С. Л. IX, 198 и 199. Новг. IV, 8.—Тверск. II. С. Л XV, 221.

(42) Татищевъ полагаетъ, что Юрій построилъ много городовъ, которые со временемъ запустѣли, обезлюдѣли, превратились въ села, или даже просто уничтожились. Онъ думаетъ, что Юрій давалъ имена своимъ новымъ городамъ въ честь своего имени, или же въ воспоминаніе городовъ южнаго Приднѣпровья. Многіе города, изъ построенныхъ Юріемъ, говоритъ Татищевъ, упоминаются въ лѣтописи при случаѣ позднѣе. Татищевъ считаетъ построенными Юріемъ: Владиміръ на Клязьмѣ, Вышгородъ, Галичъ, Городецъ, Дмитровъ, Дорогобужъ, Звенигородъ, Перемышль, Ростиславль, Стародубъ нынѣ село Городищи, Угличъ, Юрьевъ, Юрьевецъ, Ярославль. (Ист. Росс. III. примѣч. 458).—Мы уже видѣли, что многіе изъ названныхъ городовъ основаны не Юріемъ.

(43) См. Ипат. II. С. Л. II, 29; Никон. IX, 172.

ложены по обоимъ берегамъ Москвы-рѣки. Разъ князь Юрій проѣздомъ остановился во владѣніяхъ Кучки. Кучка, „возгордѣвшись зело“, не только не почтилъ князя, но поносилъ его. Князь, не стерпя такого посрамленія, приказалъ предать боярина смерти, а сыновей его, Петра и Якима и дочь, красавицу Улиту, отослалъ во Владиміръ къ сыну своему Андрею; самъ же, взойдя на гору и обозрѣвъ вокругъ села, лежащія по обоимъ берегамъ рѣки Москвы и за Неглинною.—полюбилъ эту мѣстность и повелѣлъ тутъ построить деревянный городъ и прозвалъ его по имени рѣки—Москвою“ (44). Въ Москвѣ многія урочища въ своихъ названіяхъ до сихъ поръ сохранили память о Кучкѣ (45), а въ первое время своего существованія Москва называлась „Кучковымъ“. Въ Волынской лѣтописи подъ 1176 годомъ говорится, что кн. Михаила несли еле жива на носилицахъ (на походѣ къ Владиміру) до *Кучкова, ткже до Москвы* (46).

О возникновеніи Дмитрова Никоновская лѣтопись передаетъ, подъ 1152 годомъ, слѣдующее сказаніе: „стоявшу Юрію на рѣцѣ на Яхромѣ и ту роди ему жена сына октября 19-го и паречень бысть Димитрій, прозва же отець его Всеволодомъ, и на томъ мѣстѣ заложи Юрій градъ во имя своего сына Димитрія и нарекъ его градъ Дмитровъ (47).

---

(44) Мы привели преданіе по изложенію г. Бѣляева (ст. «Сказ. о началѣ Москвы» Р. В. 1868. кн. 3, с. *10). — Это же сказаніе и другія см. у Карамзина въ Ист. гос. Росс. т. II, примѣч. 301 и въ ст. проф. Буслаева. «Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новгородскія». Лѣт. Русск. Литер. и древн. изд. И. Тихонравова. т. IV. с. 8—18. Также у Татищева въ Ист. Росс. т. II, примѣч. 418.—Татищевъ приводитъ извѣстіе въ текстѣ своей исторіи о томъ, что жена Кукча была любовницей Юрія и что причиной убійства Кучки Юріемъ была именно эта любовная связь. (Ист. Росс. II, стр. 300). Спес. наше **примѣч. 36-е къ наст. главѣ.**

(45) Въ концѣ XIV в. въ Москвѣ находилось урочище подъ названіемъ *Кучково поле*. На этомъ полѣ былъ казненъ въ 1379 г. сынъ тысяцкаго Иванъ Васильевичъ. (См. П. С. Л. VIII, 33). Объ урочищахъ въ Москвѣ, напоминающихъ своимъ именемъ боярина Кучку см. также въ 1-й ст. И. Е. Забѣлина: «Древности Москвы и ихъ изслѣдованія». В. Евр. 1867, 1, 367—418.

(46) П. С. Л. II, 118.—Карамзинъ. III, примѣч. 39.

(47) П. С. Л. IX, 199.

Мы уже знаемъ, что до Юрія въ Ростовско-Суздальской землѣ были города: Ростовъ, Суздаль, Ярославль и Владиміръ на Клязьмѣ, а изъ разсказовъ лѣтописца о явленіи волхвовъ въ Ростовской области подъ 1071 годомъ и о распрѣ Олега Святославича съ Мстиславомъ и Изяславомъ Владиміровичами въ 1096 году видно, что Бѣлоозеро и Бѣлоозерскій городъ принадлежали также къ Ростовскимъ владѣніямъ (48). Бѣлоозеро съ городомъ принадлежитъ къ нимъ и при Юріѣ Долгорукомъ (49). Кромѣ того, лѣтопись упоминаетъ еще о нѣсколькихъ городахъ его времени, но существовавшихъ до него, именно: объ Углечѣ-Полѣ, Мологѣ и Переяславлѣ (50). Ростовъ, одинъ изъ старѣйшихъ городовъ земли, называется при Юріѣ *великимъ* (51). Это названіе показываетъ, что онъ уже въ то время былъ довольно обширенъ по пространству и народонаселенію сравнительно съ другими городами и начиналъ пріобрѣтать все бо́льшее и бо́льшее значеніе. Но Юрій не жилъ въ Ростовѣ; резиденціей своей онъ избралъ Суздаль (52). Переяславль былъ перенесенъ Юріемъ отъ Клещина озера и увеличенъ (53). Суздаль, по народному преданію, хотѣлъ онъ также перенести на другое мѣсто, на пять верстъ отъ теперешняго города,

---

(48) Услышавъ, что Олегъ идетъ къ Мурому, Изяславъ «посла по вся Суздалю и Ростову и по *Бѣлозерци* и собра вои многы». П. С. Л. I, 107.

(49) Рукоп. Рост. Лѣтописецъ. л. 192 обор.

(50) П. С. Л. I, 139. II, 39. IX, 179. XV, 212. Новг. IV, 8.

(51) Ростовъ называетъ *великимъ* Вячеславъ Владиміровичъ, упрашивая брата своего Юрія отойти отъ Кіева. П. С. Л. II, 61.

(52) Въ предпочтеніи Ростову Суздаля Юріемъ, С. М. Соловьевъ видитъ выраженіе стремленія Юрія на югъ, т. ч. Суздаль южнѣе Ростова. Этимъ же стремленіемъ къ югу, замѣчаемомъ г. Соловьевымъ и въ Андреѣ Боголюбскомъ и его преемникахъ,—г. Соловьевъ объясняетъ, почему князья перенесли свой столъ изъ Суздаля во Владиміръ, а потомъ въ Москву. По мнѣнію г. Соловьева это произошло именно потому, что Владиміръ лежитъ южнѣе Суздаля, а Москва, въ свою очередь, южнѣе Владиміра. (Соловьевъ Ист. Росс. I, 20—21). Намъ кажется гораздо вѣроятнѣе предположить, что Юрій переселился изъ Ростова въ Суздаль потому, что въ Ростовѣ былъ силенъ боярскій элементъ, съ которымъ, какъ мы увидимъ ниже, вступилъ онъ въ борьбу.

(53) П. С. Л. IX, 197.

гдѣ впадаетъ въ Нерль рѣчка Каменка. Мѣсто это слыло въ народѣ „становищемъ“ святыхъ князей-мучениковъ Бориса и Глѣба, и Юрій, почитая память этихъ святыхъ своихъ предковъ, хотѣлъ на томъ мѣстѣ основать свою резиденцію. Уже построены были церковь Бориса и Глѣба и дворъ княжій, но Суздаль, вслѣдствіе видѣнія, бывшаго князю, остался на прежнемъ мѣстѣ. Поэтому, какъ говоритъ преданіе, новое мѣсто стало зваться *Кидекша*, т. е. покинутое ([54]). Въ 1159 году, въ церкви Бориса и Глѣба „на Кидекши“ похороненъ сынъ Юрія, князь Борисъ ([55]), а впослѣдствіи при церкви основался монастырь, теперь не существующій ([56]). На мѣстѣ его находится селеніе, называющееся „Кидикшей“ ([57]). Въ Переяславлѣ, Суздалѣ и Владимірѣ Юрій построилъ каменныя церкви ([58])“ и вообще, говоритъ лѣтописецъ, „много каменныхъ церквей созда по Суздальской власти“ ([59]).

Было время, когда вопросъ о значеніи новыхъ городовъ, построенныхъ Юріемъ Долгорукимъ, считался однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ въ исторіи удѣльно-вѣчевой Руси. Рѣшеніемъ этого вопроса думали разрѣшить вопросъ о возникновеніи на Руси начала единовластія и объяснить примитивный характеръ этого начала. Такое именно рѣшеніе представляетъ С. М. Соловьевъ въ своей извѣстной гипотезѣ „о старыхъ и новыхъ городахъ“. Г. Соловьевъ полагаетъ, что *новые города*, построенные Юріемъ и заселен-

---

([54]) См. Ан. Оедорова: «Историч. собраніе о градѣ Суждалѣ». ч. II, с. 90—91. Врем. М. О. Ист. 1855, XXII.

([55]) П. С. Л. II, 82 и VII, 67. — См. также письмо Суздальскаго воеводы Тимоѳея Савельева къ архіеп. Сузд. Стефану отъ 1677 г. у Ан. Оедорова, въ «Ист. собр. о гр. Суждалѣ» ч. II, с. 92.

([56]) «Ист. собр. о гр. Суждалѣ» с. 91 — А. Ратшина: «Полн. собр. истор. свѣден. о всѣхъ бывш. въ древн. и нынѣ существ. монастыряхъ въ Россіи». М. 1852. с. 45.

([57]) Я. А. Соловьева: «Памятники и преданія Влад. губ.» ст. 1-я. О. З. 1857 кн. 6 с. 522—523.—Списки насел. мѣстъ Влад. губ. *вѣд.* с. 44. и самаго списка № 5051.

([58]) Въ Володимери церковь св. Георгія камену созда... и церковь въ Переяславли постави камену св. Спаса, а въ Суждали же постави церковь камену же св. Спаса. П. С. Л. IX, 196—197.

([59]) Ibid. 158. Въ гг. Константинѣ и Юрьевѣ также были построены церкви при самомъ основаніи этихъ городовъ. (Ibid. 158 и 196.).

ные его приверженцами не могли имѣть того опредѣленнаго характера вѣчеваго строя, который составлялъ отличительную особенность *городовъ старыхъ*. С. М. Соловьевъ предполагаетъ, что при утвержденіи княжескаго стола въ новомъ городѣ, обязанномъ князю своимъ бытіемъ и составлявшемъ его собственность,—власть князя должна была развиваться гораздо свободнѣе, чѣмъ въ городѣ старомъ, гдѣ было сильно вѣчевое устройство ([60]).

Г. Соловьевъ въ своей гипотезѣ весьма близокъ къ истинѣ, но, намъ кажется, что онъ недостаточно ясно указалъ на *причину* силы вѣчеваго начала въ городахъ старыхъ и слабости этого начала въ городахъ новыхъ.

Причина и этой силы и этой слабости, по нашему мнѣнію, заключается въ различіи тѣхъ отношеній къ княжеской власти, въ которыя становились жители городовъ старыхъ и новыхъ. Различіе же этихъ отношеній въ свою очередь можетъ быть уяснено столкновеніемъ княжеско-военной колонизаціи съ особой отраслью колонизаціи вольной ([61]),—отраслью, которая, какъ намъ кажется, опредѣляется въ эпоху Юрія Долгорукаго.

Повольники новгородскіе, какъ извѣстно, состояли не изъ однихъ только „молодшихъ людей“; въ числѣ ихъ бывали и дѣти новгородскихъ бояръ. Эти дѣти боярскіе, своевольно, „безъ новгородскаго слова“ уходившіе въ разныя земли, были зачинщиками особой отрасли вольной колонизаціи, которую можно назвать *земледѣльческо-хозяйственной*, представляющей собою связующее звѣно между вольной колонизаціей и колонизаціей промышленно-торговой. Эта отрасль колонизаціи особенно процвѣтала на сѣверѣ Руси, въ землѣ Двинской и далѣе, на обширномъ пространствѣ отъ Заволочья до Уральскихъ горъ. Завладѣвая землей, которой тамъ было вдоволь, новгородскіе дѣти боярскіе становились тамъ землевладѣльцами, почти независимыми отъ „господина Новгорода-Великаго“,—*земецкими людьми*, *своеземцами*,

([60]) Соловьева: Ист. Россіи II, 243.

([61]) О колонизаціи вольной и княжеско-военной см. выше, наш. очерк. стр. 49—52, 64—65.

земскими боярами. Они заселяли свои земли разными сходцами, *изорниками* и промышленниками, которые становились къ нимъ въ обязательныя отношенія. Своеземцы, земскіе бояре основывали на незаселенныхъ земляхъ свои города, призывая въ нихъ на поселеніе людей, сидѣвшихъ уже на ихъ земляхъ. Такъ напримѣръ, въ XIV в. земскій боярин Лука Варѳоломѣевичъ основалъ на Двинѣ городокъ Орлецъ, перезвавъ въ него поселенцевъ изъ „Емчанъ", жившихъ на его землѣ по р. Еми (62).

Эта-то вольная, земледѣльческо-хозяйственная колонизація, инціатива которой принадлежитъ новгородскимъ новольникамъ—дѣтямъ боярскимъ, проникала и въ Ростовско-Суздальскую землю за-долго до Юрія Долгорукаго. Своеземцы и здѣсь населяли пустопорожнія земли сходцами-изорниками и основывали города, которые зависѣли вполнѣ отъ нихъ.

При Юріѣ Долгорукомъ это колонизаціонное движеніе сталкивается съ колонизаціей княжеско-военной, особенно усилившейся въ то время; князь, впервые живущій въ землѣ Ростовско-Суздальской, строитъ также свои города, привлекая въ нихъ тоже „сходцевъ" изъ разныхъ мѣстъ. Эти „сходцы" находятся къ князю въ такихъ же обязательныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились прежніе сходцы къ земскимъ боярамъ. Построенные княземъ города называются по времени своего возникновенія *новыми* — относительно тѣхъ *старыхъ* городовъ, которые возникли раньше, при полномъ господствѣ въ землѣ Ростовско-Суздальской земскихъ бояръ. Въ этихъ новыхъ городахъ является тоже вѣчевое устройство, какое было и въ старыхъ, но съ тѣмъ только различіемъ, что въ старыхъ городахъ вѣче вполнѣ предано боярамъ, а въ новыхъ оно держитъ сторону князя. (Впослѣдствіи, преданный князю Владимірскій лѣтописецъ называетъ прямо ростовскихъ вѣчниковъ боярами). Начинается борьба изъ-за власти въ землѣ Ростовско-Суздальской у князя съ земскими боярами; князь выходитъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, и единовластіе упрочиваетъ свою силу въ землѣ Ростовско-Суздальской, опираясь на „сходцевъ".

---

(62) П. С. Л. III, 81—82.

О земскомъ боярствѣ въ Ростовско-Суздальской землѣ и о борьбѣ князей съ этимъ боярствомъ высказалъ гипотезу И. Д. Бѣляевъ въ своей статьѣ: „Сказанія о началѣ Москвы". Основаніемъ для его гипотезы послужило сопоставленіе народныхъ преданій о зачинѣ Москвы съ позднѣйшими лѣтописными свидѣтельствами объ участіи бояръ въ убіеніи Андрея Боголюбскаго и о роли бояръ въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за этимъ убіеніемъ. Впослѣдствіи мы остановимся подробнѣе на этихъ фактахъ, а здѣсь отмѣтимъ только тѣ выводы г. Бѣляева, которые относятся до Юрія Долгорукаго. Выводы эти могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Изъ стародавнихъ колонистовъ новгородскихъ въ Ростовско-Суздальской землѣ, гдѣ князья бывали только наѣздомъ и не часто, образовался классъ самовольныхъ и гордыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ — *земскіе бояре*. 2) Эти земскіе бояре, привыкши въ безкняжее время къ независимости, недружелюбно смотрѣли на князей вообще, видя представителями ихъ около себя князей Рязанскихъ, съ которыми находились во враждебныхъ отношеніяхъ. 3) Земскіе бояре притѣсняли меньшихъ людей. 4) Земскіе бояре, по вышеизложеннымъ причинамъ, не могли относиться дружелюбно къ Юрію Долгорукому, первому изъ князей, живущему по-долгу въ Ростовско-Суздальской землѣ. Бояре „возгордились передъ нимъ зѣло" и „не воздавали ему чести". 5) Юрій принялъ сторону меньшихъ людей и защищалъ ихъ отъ притѣсненія бояръ. 6) Вслѣдствіе этого бояре засѣли въ свои вотчины, вступивъ въ явную борьбу съ княземъ. 7) Упорнѣйшіе изъ этихъ бояръ, какъ С. П. Кучка, были казнены. 8) Сыновей казненныхъ бояръ Юрій зачислялъ къ себѣ въ службу въ свою дружину. 9) Въ вотчинахъ же ихъ, какъ въ гнѣздахъ сопротивленія княжеской власти, въ которыхъ, при первомъ удобномъ случаѣ, снова могли утвердиться недовольные,—Юрій ставилъ свои города, населяя ихъ людьми независимыми отъ земскихъ бояръ ([63]).

Сопоставленіе гипотезы И. Д. Бѣляева съ гипотезой С. М. Соловьева, по нашему мнѣнію, проливаетъ достаточно яркій свѣтъ на отдаленную эпоху зачина княжеской

([63]) Бѣляевъ «Сказанія о началѣ Москвы», Р. В. 1868. кн. 3, с. 24—25.

власти въ Ростовско-Суздальской землѣ. Гипотеза г. Бѣляева не только не противорѣчитъ послѣдующему ходу исторіи этой земли, но напротивъ, освѣщаетъ еще болѣе одинъ изъ существенныхъ элементовъ исторіи земли Ростовско-Суздальской, служащей прологомъ къ исторіи Московскаго царства. Этотъ существенный элементъ—есть борьба единовластія съ „измѣной боярской", которую, по народному представленію, не могъ вывести изъ Москвы даже „грозный царь Иванъ Васильевичъ". Народныя преданія о началѣ Москвы, по справедливому замѣчанію г. Бѣляева, не разсказываютъ собственно исторію Москвы при ея началѣ, а олицетворяютъ тѣ представленія о новомъ строѣ общественной и государственной жизни, которыя въ народномъ воззрѣніи были тѣсно связаны съ представленіемъ о Москвѣ (64).

Письменные источники не даютъ намъ почти никакихъ данныхъ для опредѣленія характера княжеской власти Юрія въ Ростовско-Суздальской землѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, эта власть ни чѣмъ не отличалась отъ власти князей на югѣ. Юрій, стремясь къ югу своими идеалами, не могъ имѣть иного представленія объ этой власти кромѣ того, какое давала ему вѣчевая, княжеско-родовая практика южной Руси. Юрій объѣзжалъ свою волость, по всей вѣроятности, для сбора дани (65), держалъ совѣтъ съ дружиною и съ дѣтьми своими въ затруднительныхъ случаяхъ (66), имѣлъ въ городахъ

---

(64) Bil с. 24. — Къ соображеніямъ П. Д. Бѣляева мы можемъ прибавить два свидѣтельства, указывающія на существованіе въ Ростовско-Суздальской землѣ сильныхъ бояръ. Изъ Печерскаго патерика и Ипатьевской лѣтописи мы узнаемъ, что въ Суздалѣ былъ тысяцкій Григорій Симоновичъ, или Шимоновичъ, имѣвшій *своихъ собственныхъ бояръ* и происходившій отъ князей Варяжскихъ, быть можетъ потомковъ тѣхъ князей, «сущихъ подъ Олегомъ», которые, какъ мы видѣли, управляли во время Олега Ростовомъ — Свидѣтельство патерика см. у Ан. Ѳедорова въ Истор. собран. о гр. Суждалѣ, с. 7.—П. С. Л. II, 12.—Снес. Карамзина, т. II, прим 384.

(65) «Великому же князю Юрью *бывшу въ объездѣ* и съ княгинею». Никон. П. С. Л., IX. 199.

(66) «Князь Юрій, *послушавъ бояръ своихъ*, самъ сѣде на в. княженіе въ Кіевѣ, а сына св кн. Андрея съ Вышгорода сведе и посади брата своего Вячеслава Вышгородѣ». (П. С. Л. IX. 183). 1154. Когда открылся моръ на конех въ войскѣ Юрія, при походѣ его на югъ, онъ

посадниковъ, а въ войскѣ тысяцкаго (67), поручалъ иныя волости земли Ростовско-Суздальской въ управленіе сыновьямъ и, занявъ Кіевъ, отдалъ всю эту землю сыну своему Васильку (68).

Мы изложили главнѣйшія черты развитія перваго изъ выставленныхъ нами элементовъ гражданственности въ Ростовско-Суздальской землѣ съ конца X-го до половины XII-го в.: княжеской власти; мы представили характеристику княжеско-военной колонизаціи и указали на новые центры поселеній,—города, построенные князьями; мы попытались, наконецъ, представить очеркъ характера „нарядника“ Ростовско-Суздальской земли, князя Юрія, прозваннаго Долгорукимъ, и указать на нѣкоторыя условія, при которыхъ зачалась его власть въ землѣ Ростовско-Суздальской.

При переходѣ ко второму элементу гражданственности въ Ростовско-Суздальской землѣ—Христіанству,—намъ приходится вернуться назадъ, обратиться къ X вѣку, къ Ярославу и Борису, съ эпохи которыхъ начинаетъ въ Ростовско-Суздальской землѣ слабо мерцать лучъ христіанской религіи.

Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ насажденіе Христіанства въ Ростовѣ и Суздалѣ приписывается лично Владиміру святому. Въ этихъ сборникахъ встрѣчается преданіе о „хожденіи Владиміра въ Суздальскую землю“, вслѣдъ за принятіемъ Христіанства и водвореніемъ его въ Кіевѣ. По этому преданію Владиміръ святой пришелъ туда съ двумя епископами, присланными константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ, и, „наказуеши люди, крести всѣхъ и заложи тамо

остановился около Козельска въ землѣ Вятичей, «и пріѣха къ нему мало Половець, онъ же *сдумавъ съ мужи своими и съ дѣтьми и съ Половци*, посла сына своего Глѣба въ Половци, а самъ воротися опять Суждалю». II. С. Л. I, 146.

(67) Ан. Оедорова. «Истор. собр. о гр. Суждалѣ». с. 7.—Карамзинъ. II, примѣч. 384.

(68) 1148. «Ростиславъ Георгевичъ раскоторовался съ отцемъ своимъ, *оже ему отець волости не далъ въ Суждальской земли*». (II. С. Л. II, 39). 1149. Пришедъ въ Кіевъ, Юрій разсадилъ сыновей своихъ: Ростислава въ Переяславѣ, Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ, *Василка въ Суздали*. (Погодина. Изслѣдов., замѣч. и лекціи VI, 91).

въ свое имя Володимеръ на рѣцѣ на Клязмѣ и церковь въ немъ постави древяну Пречистыя Богородици" ([69]). По другому, тоже позднѣйшему, преданію въ Ростовѣ былъ митрополитъ Кіевскій Михаилъ, который съ 4-мя епископами отъ патріарха Фотія „иде по Русской земли и учаше всѣхъ вѣровати въ единаго Бога въ Троицы славимаго, и науча и наказуя благоразумно и благочестно многихъ, и крести безъ числа людей, и многія церкви воздвиже, и пресвитеры и діаконы постави, и клиросы устрои и уставы благочестно устави". По этому преданію митрополитъ Михаилъ пришелъ въ Ростовъ изъ Новгорода ([70]).

Первыми отдѣльными епископами въ Ростовѣ являются греки—Ѳеодоръ и Иларіонъ, по предположенію нѣкоторыхъ, бывшіе въ Ростовѣ съ св. княземъ Борисомъ. И Ѳеодоръ, и Иларіонъ не долго оставались въ отдаленномъ краю, „избѣгоша, претерпяще невѣрія и досажденія людей" ([71]). По позднѣйшему преданію Борисъ, „благочестно властвуя, обра-

---

([69]) Никон. II. С. Л. IX, 64 и 209.—Воскр. VII, 313. Позднѣйшія лѣтописныя редакціи приписываютъ Андрею Боголюбскому убѣжденіе въ томъ, что Владиміръ на Клязьмѣ *основанъ* Владиміромъ св. (Никон. П. С. Л. IX, 222) См. Нв. Дмитріевскаго: «о началѣ Владиміра, что на Клязьмѣ». Спб. 1802. Составитель этой книги, пересмотрѣвъ всѣ свидѣтельства лѣтописей и мнѣнія ученыхъ о времени *основанія* Владиміра, склоняется къ тому мнѣнію, что Владиміръ былъ основанъ Владиміромъ св. въ 992 году. См. предисл., с. 38. Воскресенская лѣтопись передаетъ *любопытное преданіе относительно обращенія* въ Христіанство Мери Владиміромъ св. Это преданіе, бывшее въ ходу въ концѣ XV в., взято въ уста сторонниковъ московской партіи въ Новгородѣ. Эти сторонники, указывая на то, что Москва есть хранительница истиннаго православія, въ числѣ аргументовъ въ пользу этого, приводятъ, между прочимъ, слѣдующія: «Владиміръ крестился, говорятъ они, и всѣ земли наши крести: Русскую (то есть придѣпровье) и нашу Словенскую (Новгородскую, и *Мерю* и Кривичьску, Весь, рѣкше Бѣлозерскую, и Муромъ, и Вятичи и прочая» (См. П. С. Л. С. VIII, 160).

([70]) Никон. IX, 64.

([71]) Никон. IX, 65.—Воскр. VII, 313. — Гр. Толстаго: «Истор. свѣд. объ архіер. Ростовскихъ» въ его соч.: «Др. свят. Ростова—вел». с. 68. (См. Чт. М. Общ. Ист. и др. 1847., кн. 2-я) —См. Житіе св. Леонтія, еп ростовскаго въ Правосл. Соб. 1858. кн. 2-я. с. 302 и примѣч. на той же стр. Снес. Филарета: «Русскіе святые». Житія святыхъ Бориса и Глѣба и св. Леонтія Ростовскаго (мѣсяцы іюнь и іюль).

щалъ невѣрныхъ къ св. вѣрѣ“ (72). По житію его, составленіе котораго приписывается Нестору, личность Бориса представляется намъ въ довольно неясномъ очеркѣ. Борисъ, склонный съ молодыхъ лѣтъ къ уединенію, аскетизму и книжности, отличался, по словамъ житія, истинно христіанской добротою и человѣколюбіемъ и „много показа милосердія въ области своей неточію же къ убогымъ, но и всѣмъ людямъ“ (73). Ярославъ является въ Ростовской землѣ уже не представителемъ одной христіанской морали, но и провозвѣстникомъ христіанскаго вѣроученія. Этотъ князь, любившій церковные уставы и прилежный къ книгамъ, „насѣявшій книжными словесы сердца вѣрныхъ“, „сжавшій жатву съ почвы, вспаханной отцомъ его Владиміромъ“,—по выраженію лѣтописца,—явился въ Суздалѣ въ 1024 году, по случаю бывшаго тамъ голода и, расточивъ и показавъ волховъ, смущавшихъ населеніе края, говорилъ народу: „Богъ наводитъ по грѣхомъ на кующдо землю гладомъ, или моромъ, ли вёдромъ ли иною казнію, а человѣкъ невѣсть ничто же“ (74).

Св. Леонтій, покровитель Ростовской земли и первый ея исторически-достовѣрный епископъ, по словамъ Симона, былъ постриженникомъ Кіевскаго-Печерскаго монастыря (75). По розысканіямъ преосв. Филарета Черниговскаго, просвѣтительная дѣятельность Леонтія въ Ростовской землѣ относится ко второй половинѣ XI в. (76). Св. Леонтій засталъ въ своей

---

(72) Степенн. кн. I, 186.

(73) Сказ. о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Прав. Соб. 1858. кн. 4, стр. 391.

(74) П. С. Л. I, 64.

(75) См. Пам. XII в. изд. Калайдовича с. 256.

(76) Филарета, архіепископа Черниговскаго: «Русск. святые, чтимые всею Церковью, или мѣстно». Черниг. 1862. 1 май. с. 160.—Житій св. Леонтія извѣстно двѣ редакціи: *краткая*, писанная по открытіи его мощей, около 1165 г., при Андреѣ Боголюбскомъ, и *пространная*, XVI вѣка. Объ редакціи изданы въ Пр. Собесѣд. 1858 г. кн. 2-я, по рукописямъ Соловецкой библіотеки. В. просмотрѣнныхъ нами рукописномъ сборникѣ житій Ростовскихъ святыхъ въ Имп. публ. библ. (*Собраніе Undolina № 640*) находятся нѣсколько списковъ пространной редакціи житія св. Леонтія. Списки эти не представляютъ характеристическихъ отличій отъ напечатаннаго въ Прав. Собес. Краткая, пространная редакція считаетъ св. Леонтія грекомъ, родомъ изъ Константинополя (Пр. Соб. 1858 г. кн. I, с. 302). См. опроверженіе этого извѣстія у Филарета. Р. святые, мая, прибав. 244.

отдаленной эпархіи язычниковъ, упорныхъ и дикихъ. Князя тогда тамъ не было, и Леонтій долженъ былъ бороться съ язычествомъ одними нравственными средствами. Проповѣдь его не только не имѣла успѣха, но возбудила возстаніе язычниковъ. Они осыпали Леонтія бранью, били его и, наконецъ, выгнали изъ Ростова. Но святой мужъ не унывалъ. Поселясь близь города, у ручья Брутовщины, въ небольшой келіи, Леонтій построилъ около нея деревянную церковь и, видя упорство въ язычествѣ у туземцевъ, рѣшился дѣйствовать на юное поколѣніе. Онъ зазывалъ къ себѣ дѣтей, кормилъ ихъ и ласкалъ; дѣти ходили къ нему охотно въ келію, а онъ ихъ училъ христіанской вѣрѣ и потомъ крестилъ. По примѣру дѣтей начали принимать крещеніе и нѣкоторые взрослые. Тогда Леонтій, видя, что христіанская религія имѣетъ уже сторонниковъ, почелъ возможнымъ вернуться въ Ростовъ и началъ церковную проповѣдь противъ язычества. Снова возмутились язычники. Толпа ихъ съ дубинками и оружіемъ направилась къ собору, построенному по преданію епископомъ Ѳеодоромъ, чтобы убить или выгнать Леонтія. Онъ вышелъ къ толпѣ въ полномъ облаченіи, и, „увидѣвъ лице его подобное лицу ангела", говоритъ житіе св. Леонтія, „язычники пали, одни полумертвыми, другіе слѣпыми. Святой молитвами исцѣлилъ ихъ". Они приняли крещеніе. Но Христіанству еще не время было восторжествовать здѣсь надъ язычествомъ, къ которому была сильно привязана „заблудящая Чудь", по выраженію Никоновской лѣтописи ([77]). Леонтій скончался мученической смертію ([78]). Преосв. Филаретъ полагаетъ, что убіеніе св. Леонтія относится къ 1073 году, когда, по свидѣтельству Нестора, возмущали Ростовскую землю волхвы ([79]).

Волхвы, представители чудскаго язычества, и до этого времени являлись въ Ростовской области. Такъ, какъ мы видѣли выше, появились волхвы въ Суздалѣ въ 1024 г. во время голода. Эти волхвы избивали „старую чадь", утверждая, „что тіи гобино держать"; „и бысть мятежъ великъ по всей земли"—прибавляетъ лѣтописецъ ([80]).

([77]) Никон. Лѣт. по изд. Акад. Н. VIII, 245.

([78]) См. Посланіе Симона по списку Акакія, у Филарета: Р. св., май, с. 164 и примѣч. 253. Сл. также Христ. Чт. 1853. I, 283.

([79]) Русск. св., май, с. 164.

([80]) Лавр. Лѣт., П. С. Л. I, 63 и 64.

Гораздо полнѣе и рельефнѣе изображаетъ лѣтописецъ смуту въ Ростовской землѣ, произведенную волхвами, „вставшими изъ Ярославля“ въ 1071 году. Ближайшей причиной этой смуты былъ также голодъ. Мы уже указывали въ 1-й главѣ нашихъ очерковъ на важность для насъ разсказа Нестора объ этихъ волхвахъ, а потому здѣсь мы остановимся на немъ подробнѣе([81]).

Янъ Вышатичъ, собиравшій дань въ области для князя Святослава, узналъ, что волхвы, имѣющіе притонъ въ Бѣлозерѣ, избиваютъ женщинъ по всему поволжью, разрѣзывая у нихъ спину, и говорятъ, что онѣ прячутъ у себя за плечами подъ кожей жито и рыбу, вслѣдствіе чего, будто-бы, и происходитъ голодъ въ Ростовско-Суздальской землѣ. Двое волхвовъ появились въ Ярославлѣ и, собравъ себѣ послѣдователей до 300 человѣкъ, отправились по Шекснѣ въ Бѣлоозеро. Когда Янъ съ дружиною явился туда, то волхвы, „ставши, исполчившися противу“. Изъ толпы вышли къ Яну „десять мужей“ ([82]) и сказали ему, чтобы онъ не ходилъ къ нимъ на вѣрную смерть. Янъ велѣлъ убить говорившихъ съ нимъ и пошелъ съ 12-ю своими отроками на прочихъ. Одинъ изъ толпы замахнулся на Яна топоромъ, который онъ успѣлъ отразить, и ударилъ волхва обухомъ. Произошла стычка между дружиною Яна и волхвами. У Яна былъ убитъ его священникъ. Волхвы убѣжали въ лѣсъ. Тогда Янъ пригрозилъ Бѣлозерцамъ, что, если они не выдадутъ ему волхвовъ, онъ пробудетъ у нихъ цѣлое лѣто. Бѣлозерцы, устрашенные обѣщаніемъ такого продолжительнаго „полюдья“ княжаго сборщика, переловили волхвовъ и представили ихъ Яну.

Казнь волхвовъ для насъ не особенно важна, хотя она представляетъ любопытное указаніе на право родовой мести. Янъ выдалъ волхвовъ „повозникамъ“, привезшимъ его въ Бѣлоозеро по Шекснѣ, спросивъ ихъ: „убитъ ли кто волх-

---

([81]) П. С. Л., I, 75 и 76.—Воскрес., ibid. VII, 338—339.

([82]) *Десять* мужей по Радзивиловскому и Троицкому спискамъ Несторовой лѣтописи (см. у Мельникова въ «Очеркахъ Мордвы». Р. В. 1867 г. кн. 9, стр. 248. примѣч.).—По Лаврентьевскому и Воскресенскому спискамъ, три мужа.

вами изъ вашихъ родственниковъ"? И когда повозники отвѣчали, что у того убита мать, у другаго жена, у третьяго дочь,—Янъ сказалъ имъ: „мстите своихъ". Волхвы были повѣшены. Для насъ важны образъ дѣйствія волхвовъ, число ихъ „мужей", т. е. какъ бы старшихъ представителей и преніе Яна съ волхвами до ихъ казни. Янъ является здѣсь представителемъ христіанскихъ вѣрованій, уже укрѣпившихся на югѣ Руси, а въ возраженіяхъ ему волхвовъ, черезъ православно-христіанскую окраску лѣтописнаго разсказа, можно подмѣтить черты весьма близкія къ мордовскимъ религіознымъ вѣрованіямъ, о которыхъ мы довольно подробно говорили въ своемъ мѣстѣ. Мы знаемъ уже мордовскій обычай приготовленія запасовъ къ празднику въ честь Анге-Патяй. Припомнивъ этотъ обычай, мы легко найдемъ въ немъ сходство съ поступками Ярославскихъ волхвовъ, дѣлавшихъ вырѣзки за плечами у женщинъ, думая найти тамъ жито и рыбу. Два волхва въ Ярославлѣ и десять мужей, говорившихъ съ Яномъ, являются старшими, главами остальныхъ 300 волхвовъ. Г. Мельниковъ въ своей статьѣ „Очерки Мордвы" сближаетъ эти числа,—2 и 10 съ числомъ мордовскихъ возатей, которыхъ, какъ мы знаемъ, было 12-ть([83]). Въ преніи съ Яномъ волхвы передаютъ ему, между прочимъ, свое ученіе о сотвореніи человѣка, въ которомъ проявляется дуализмъ религіи, да и въ самомъ ученіи волхвовъ есть большое сходство съ одной мордовской легендой о сотвореніи человѣка. „Богъ мыся въ мовницы", говорили волхвы Яну, „и вспотився, отерся вѣтхомъ, и верже съ небесн на землю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человѣка? И створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю въ не вложи, тѣмже аще умреть человѣкъ въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу" ([84]). У нѣкоторыхъ Мордовскихъ поколѣній Симбирской и Нижегородской губерній до сихъ поръ разсказывается легенда о сотвореніи души человѣка Чамъ-Пасомъ, а тѣла Шайтаномъ. Въ этой легендѣ мы встрѣчаемъ тоже преніе Чамъ-Паса съ Шайтаномъ, хожденіе Чамъ-Паса въ баню и Чамъ-Пасово полотенце. По-

([83]) См. выше, нашихъ очерковъ главу I-ю, с. 25.
([84]) П. С. Л. I, 76.

дробности этой легенды пополняютъ очевидно пропущенныя мѣста въ отвѣтѣ волхвовъ Яну (38).

Преемникомъ св. Леонтія въ Ростовѣ былъ св. епископъ Исаія. Уроженецъ Кіевской области, поставленный въ Ростовскіе епископы въ 1078 году, св. Исаія прибылъ въ отдаленный край въ самый разгаръ возстанія волхвовъ и про-

---

(38) «Человѣка вздумалъ сотворить не Чамъ Пасъ, а Шайтанъ. Для этого онъ собралъ глины, песку и земли отъ 77-ми странъ и слѣпилъ изъ нихъ тѣло человѣка. Но, сдѣлавъ тѣло, никакъ не могъ привести его въ благообразный видъ: то слѣпитъ свиньей, то слѣпитъ собакой, то гадомъ какимъ нибудь, а Шайтану хотѣлось сотворить его по образу и по подобію божію. И позвалъ Шайтанъ птичку-мышь и сказалъ ей: лети ты на небо, *тамъ у Чамъ-Паса полотенце виситъ; когда онъ въ баню ходитъ, тѣмъ полотенцемъ обтирается;* виситъ оно у него на гвоздикѣ, заберись ты въ одинъ конецъ полотенца, свей гнѣздо, разведи дѣтей, чтобъ одинъ конецъ того полотенца сталъ тяжелѣй и упалъ бы ко мнѣ на землю. Птичка-мышь послушалась Шайтана, свила гнѣздо въ концѣ Чамъ-Пасова полотенца, развела мышатъ, отъ тяжести ихъ полотенце и упало на землю. Шайтанъ тотчасъ подхватилъ его, обтеръ имъ слѣпленнаго человѣка, и онъ получилъ образъ и подобіе божіе Послѣ того Шайтанъ сталъ оживлять человѣка, но никакъ не могъ вложить въ него живую душу Бился, бился онъ и уже хотѣлъ было разрушить свое созданіе, но Чамъ-Пасъ сказалъ: «убирайся ты проклятый Шайтанъ въ пропасть огненную, я и безъ тебя сотворю человѣка». А Шайтанъ отвѣчалъ: «я хоть подлѣ постою, когда ты будешь класть въ него живую душу; вѣдь я его работалъ, и на мою долю изъ человѣка что нибудь надобно дать, а то какъ хочешь, братецъ Чамъ-Пасъ, будетъ мнѣ обидно, а тебѣ не честно». Спорили Чамъ Пасъ съ Шайтаномъ, спорили; наконецъ Чамъ-Пасу надоѣло. «Слушай, Шайтанъ, сказалъ онъ,—давай дѣлать человѣка: *образъ и подобіе отъ моего полотенца, и душа моя, потому что я ее вдунулъ, а тѣло будетъ твое*». Шайтанъ поспорилъ, поспорилъ, но долженъ былъ согласиться, потому что Чамъ-Пасъ не въ примѣръ сильнѣе его. *Отъ того, когда человѣкъ умираетъ, душа съ образомъ и подобіемъ божіимъ идетъ въ небеса къ Чамъ-Пасу, а тѣло, лишась души, теряетъ и подобіе божіе, гніетъ, разъединяется и идетъ въ землю на добычу Шайтану.* А птичку-мышь Чамъ-Пасъ наказалъ за то, что она послушалась Шайтана, летала на небо и свила гнѣздо въ божьемъ полотенцѣ.—За то Чамъ-Пасъ отнялъ у ней крылья и приставилъ ей голый хвостъ, такой же какъ у Шайтана и далъ такія же лапы, какъ у него».—См. ст. Мельникова. «Очерки Мордвы». Р. В. 1867. кн 9, стр. 229 — 230. Эта легенда записана въ с. Сарлухъ, Нижегородск. у. Тоже разсказывалъ г. Мельникову старикъ Мордвинъ въ Ардатовскомъ у., Симбирск. губ.

изводимыхъ ими смутъ. Онъ нашелъ въ Ростовѣ людей „новокрещенныхъ“ и усердно принялся за свой апостольскій подвигъ, „напоя петвердыхъ въ вѣрѣ какъ новонасажденный виноградъ своимъ ученіемъ“, — говоритъ его житіе (86). Св. Исаія обходилъ поселенія Ростовско-Суздальской земли, обращалъ язычниковъ въ Христіанство, предавая огню ихъ молитвенныя мѣста (87) и строя по землѣ христіанскіе храмы (88). Большую поддержку оказывалъ св. Исаіи благочестивый князь Владиміръ Мономахъ, бывавшій въ это время въ Ростовѣ. Онъ построилъ тамъ церковь и прислалъ для нея одну изъ лучшихъ по тому времени иконъ, работы печерскаго живописца Алипія (89). — Исаія скончался въ 1090 году.

Съ эпохи Исаіи Христіанство можно почесть утвердившимся въ Ростовско-Суздальской землѣ. Но язычество еще не было искоренено въ конецъ. Христіанство получило право гражданства, получило преобладаніе, но неполное еще господство. Въ 1091 году явился опять волхвъ въ Ростовѣ; но уже на этотъ разъ онъ не смущалъ населеніе края, а „погибе векорѣ“. (90). Житіе Авраамія Ростовскаго, подвиги котораго преосв. Филаретъ относитъ ко времени св. Исаіи, показываетъ намъ, что въ самомъ Ростовѣ жители „Чудскаго конца“ поклонялись камню Велеса (91). Камень этотъ,

---

(86) Житіе св. Исаіи въ Правосл. Собесѣдн. 1858. кн. 3, с 438.

(87) Ibid. 439.

(88) Церковная служба св. Исаіи у Филарета: Русск святые. Май с. 104 и примѣч. 132.

(89) Филарета: Русск. свят.—Житіе св. Алипія. 1 августъ с. 69 и примѣч. 113.—Кубарева: «о Патерикѣ Печерскомъ» въ Чт М О. Ист. и др. 1847, кн. IX, отд. 1, стр. 9—15.

(90) П. С. Л. I, 92.

(91) Житій св. Авраамія Ростовскаго извѣстно *три* редакціи. *Первая*, самая ранняя по времени составленія, относится къ XIV в., *вторая* составлена въ XVI в., а *третья*—въ началѣ XVIII в, (см. Филарета: Р. святые, м. октябрь с. 291, примѣч. 214). Позднѣйшія житія считаютъ Авраамія Ростовскаго съ Авраміемъ Чухломскимъ, подвижникомъ XIV в. (краткіе этихъ житій см. у Филарета: въ житіи св. Авраамія Ростовскаго, Русск. свят., м. окт. с. 291—296 и преимуществ. примѣч. 213).—Житія первой и второй редакціи напечатаны въ I т. Пам. стар. Русск. литературы, изд. Гр. Кушелева Безбородко. (с. 211—225).

стоявшій не далеко отъ Ростова, разрушилъ св. Авраамій жезломъ, который онъ, по словамъ житія, получилъ отъ Іоанна Богослова, явившагося ему. На мѣстѣ явленія Іоанна св. Авраамій поставилъ церковь въ его имя, а на мѣстѣ разрушеннаго капища Велеса основалъ общинный монастырь Богоявленскій (92). Это былъ первый монастырь земли Ростовской, а Авраамій былъ первымъ отшельникомъ въ этой землѣ, первымъ „охочимъ человѣкомъ", посвятившимъ себя на служеніе новой религіи.

Авраамій былъ основателемъ, зачинщикомъ монастырской колонизаціи, какъ Рюрикъ—основателемъ, зачинщикомъ колонизаціи княжеско-военной. Язычники не разъ сбирались ограбить и сжечь монастырь Авраамія, но онъ энергически шелъ по своему апостольскому пути. Онъ ревностно проповѣдывалъ Христіанство и боролся съ язычествомъ. Вслѣдствіе его энергической проповѣди крестились всѣ „отъ мала до велика и начаша ходити на славословіе Божіе и всенощное, и жены, и отроци"—говоритъ его житіе. „Преподобный же почитаніемъ книжнымъ и поученіемъ духовнымъ наслаждаша сердца ихъ" (93). Св. Авраамій, какъ и св. Леонтій, старался прежде всего дѣйствовать на языческихъ юношей. Онъ училъ дѣтей грамотѣ и крестилъ ихъ. Многіе изъ этихъ учениковъ Авраамія постригались въ монахи въ его монастырь. Личность и дѣятельность Авраамія показываютъ намъ, что Христіанство пустило уже къ концу XI вѣка достаточно-глубокіе корни въ Ростовско-Суздальской землѣ. Въ значеніи новой религіи для края мы видимъ большой успѣхъ сравнительно со временемъ проповѣди св. Леонтія. Св. Авраамій былъ туземецъ, мѣстный житель Ростовской области. Онъ обученъ былъ уже родителями грамотѣ и съ юныхъ лѣтъ показывалъ склонность къ уединенію, къ созерцательной жизни. Оставивъ

---

(92) О Богоявленскомъ монастырѣ, кромѣ житій Авраамія, см. графа М. Толстаго: «Древнія святыни Ростова-Великаго», с. 45—47, въ Чт. М. О. Ист. и древн. 1847 г., кн. II—Амвросія: Ист. Росс. Іерархія, ч. III, с. 65 и ч. V, с. 721 и А. Ратшина: «Полн. собр. истор. свѣд. о всѣхъ бывш. въ древн. и нынѣ существ. монастырях и примѣчат. церквахъ въ Россіи». М. 1852. с. 550.

(93) Жит. св. Авраамія. Пам. стар. Русск. литературы I, 222.

родительскій домъ, онъ удалился въ лѣсистую мѣстность и поставилъ себѣ у озера Неро уединенную хижину. Леонтій убѣгаетъ изъ Ростова отъ язычниковъ, Авраамій разрушаетъ ихъ священный камень; Леонтій проповѣдуетъ Христіанство съ церковнаго амвона, Авраамій основываетъ монастырь; Леонтій заманиваетъ къ себѣ дѣтей язычниковъ ласками и угощеніями, Авраамій учитъ ихъ грамотѣ... Тридцать лѣтъ проводитъ Авраамій въ своихъ апостольскихъ подвигахъ, подвергаясь опасности со стороны язычниковъ, преслѣдуемый клеветой и завистью.

Къ эпохѣ св. Исаіи и Авраамія, намъ кажется, можно пріурочить выселеніе язычниковъ Ростовской области, преданіе о которомъ, существуя доселѣ въ Ярославской губерніи, занесено въ Космографію XVII в. и въ Исторію о Казанскомъ царствѣ. Эти язычники, какъ мы уже видѣли, „ушедше бо отъ святаго крещенія во идолопоклоненіе“ и „забѣгше отъ русскаго крещенія“,—поселились въ поволжьи, „кочевное житіе татарское, вѣры бесерменскія изволиша“ (94).

Непосредственнаго преемника св. Исаіи въ Ростовѣ, отдѣльнаго епископа этой земли послѣ него мы не видимъ. Ростовская епархія, какъ видно, управлялась въ то время епископомъ Переяславля-южнаго, отъ князя котораго зависѣла Ростовская область. Подъ 1096 г. лѣтопись упоминаетъ въ Суздалѣ „дворъ“ и „монастырь“ *митрополичь* и „церковь св. Димитрія, юже бѣ далъ Ефремъ митрополитъ и съ сёлы“ (95). Мы видѣли какъ усердно строилъ церкви Юрій Долгорукій. Въ его время Христіанство окончательно утверждается въ Ростово-Суздальской области. Современнымъ ему епископомъ этой области является Несторъ (96).

---

(94) См. нашихъ очерковъ гл. I, с. 30 и примѣч. 63.

(95) *Лавр.* II. С. Л. I, 108;—*Воскр.* VII. 11; *Никон.* IX, 128.—Въ Лавр. говорится: «дворъ монастырскія Печерскаго монастыря—и церковь яже тамо есть»... и т. д.—Въ Никоновской: «монастырь митрополичь» О Ефремѣ Переяславскомъ въ Лавр. лѣт.: Се бо Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ, бѣ бо тогда много здания по всей... Ефремъ митрополитъ, бѣ бо прежде въ Переяславлѣ митрополитъ». (П. С. Л. I. 89) «Бѣ же сей мужъ Ефремъ, *митрополитъ Кіевскій* и всея Руси, многодобродѣтелемъ и святъ». (Ib. IX, 128).

(96) Гр. Толстаго: Ист. свѣд. объ архіер. Ростовскихъ, въ его книгѣ: «Древн. сьят. Ростова-Вел.» с. 69.

Таковъ былъ ходъ развитія и укрѣпленія втораго элемента гражданственности въ Ростовско-Суздальской землѣ—Христіанства. Взаимодѣйствіе двухъ элементовъ, разсмотрѣнныхъ нами, князя и Христіанства, опредѣляетъ внутренній процессъ созиданія земли Ростовско-Суздальской.

Въ-заключеніе, взглянемъ на внѣшнія условія жизни этой земли въ разсматриваемый періодъ, на ея границы географическія и отношенія къ сосѣдямъ.

Границы Ростовско-Суздальской земли уясняются, по справедливому мнѣнію г. Погодина, въ эпоху монгольскую, хотя собственно и тогда невозможно опредѣлить ихъ въ точности (97). Этого точнаго разграниченія не существовало. Строгаго территоріальнаго разграниченія не знала древняя удѣльно-вѣчевая Русь, какъ не знала она строгаго разграниченія соціальнаго, культурнаго и политическаго. Неопредѣленность, неясность во всемъ—вотъ ея основное характеристическое свойство. Это свойство всякаго народа въ періодъ его историческаго младенчества, въ зачаточную эпоху его культурнаго развитія.

Соображая географическое распредѣленіе названныхъ нами городовъ Ростовско-Суздальской земли и припоминая теченіе и направленіе главнѣйшихъ притоковъ Волги, составляющихъ водную сѣть земли Мери,—мы можемъ безъ большой ошибки заключить, что Ростовско-Суздальская область при Юріѣ Долгорукомъ ограничивалась теченіемъ этихъ рѣкъ, т. е., что ея территорія совпадала съ землею народца Мери, распространяясь къ сѣверу до Бѣлоозера, вверхъ по теченію Мсты, Мологи, Костромы и Унжи, а къ югу ограничиваясь Клязьмою и Москвою-рѣкою (98). На востокѣ границы Ростовско-Суздальской земли не доходили еще до Оки (99), а на западъ границы шли неопредѣленно между безчисленными рѣчками земель Кривской и Новгородской. Въ XII в. стали обособляться всѣ земли на Ру-

---

(97) Погодина: Изслѣд., замѣч. и лекціи, IV, 296.

(98) Въ 1147, во время войны Юрія съ Новгородомъ, Святославъ Ольговичъ отнялъ у Смоленскихъ князей землю *Голядь* (П. С. Л. IX, 172). Съ того времени это сосѣднее съ Ростовско-Суздальской землей Литовское племя, по мнѣнію Ходаковскаго, было присоединено къ Ростовско-Суздальской области. (См. Р. Ист. Сб. т. I, кн. 1, с. 34 и кн. 3, с. 28).—Смес. наше примѣч 82-е къ 1-й главѣ и стр. 11 и 12 текста.

(99) См. въ 3-й главѣ, ниже стр. 134.

си. На юго-востокъ Ростовско-Суздальская земля прилегала къ княжеству Рязанскому, на югъ къ Новгородъ-Сѣверскому, на юго-западъ къ Смоленскому, а съ запада и сѣвера охватывали ее обширныя волости Новгородскія, отдѣляясь отъ нея, быть можетъ, природными увалами ([100]). На востокъ, за Окой, шли, какъ и прежде, поселенія Мордвы.

Изъ отношеній Ростовско-Суздальской земли къ сосѣднимъ землямъ въ эпоху Юрія Долгорукаго самое видное мѣсто занимаютъ отношенія къ Новгороду, на которыхъ, по этому, мы и позволимъ себѣ остановиться довольно подробно.

Отношенія Ростовско-Суздальской земли къ Новгородцамъ до 1135 г. были мирны и дружелюбны: по крайней мѣрѣ до этого времени лѣтопись ничего не упоминаетъ о какихъ нибудь враждебныхъ столкновеніяхъ между двумя сосѣдними землями. Только въ 1096 году, въ распрю Олега Святославича съ Изяславомъ Владиміровичемъ, являются Новгородскія войска въ Ростовской области; но причина ихъ появленія тамъ не заключается во враждѣ населенія Новгородской земли съ населеніемъ земли Ростовской, а объясняется тѣмъ, что Мстиславъ, тогдашній Новгородскій князь, былъ братомъ Изяслава и пришелъ къ нему на помощь по желанію своего отца—Мономаха ([101]). Какъ мы видѣли, Славянскіе колонисты Ростовско-Суздальской земли приходили больше всего изъ Новгорода, и населеніе двухъ сосѣднихъ областей не представляло рѣзкихъ этнографическихъ различій.

Съ 1135 года начинаются недружелюбныя отношенія Новгорода къ Ростовско-Суздальской землѣ изъ-за родовыхъ счетовъ князей Новгородскихъ и Ростовско-Суздальскихъ. Княжившій въ то время въ Новгородѣ Всеволодъ Мстисла-

---

([100]) Новгороду принадлежали поселенія, находившіяся въ срединѣ Ростовско-Суздальской земли. Такъ напр. Рыбинскъ (упом. 1137 г.), впослѣдствіи Рыбинскъ, состоя во владѣніи Новгорода, находился между Мологой и Ярославлемъ, городами Ростовско-Суздальской земли. (См. Карамзина. II, примѣч. 267.—И. М. Гончилевскаго: «Описаніе г. Рыбинска». Спб 1837 г. с. 6)—М. П. Погодинъ говоритъ, что Новгороду принадлежалъ въ это вр. Волокъ-Ламскій, находившійся внутри владѣній Суздальскихъ—(Изсл., зам. и лекц. IV, 296.—См. тоже Соловьева, Ист. Россіи I, 19.

([101]) П. С. Л. I, 107.

вичъ, сынъ Мстислава Мономаховича хотѣлъ посадить въ Ростовѣ брата своего Изяслава, обдѣленнаго въ „Руси“ Ярополкомъ. Въ 1135 году, какъ мы видѣли, вслѣдствіе обмѣна волостей, произшедшаго у Ярополка съ Юріемъ, Ростовская волость досталась первому, и вотъ у Всеволода князя Новгородскаго является мысль отнять эту волость у своего дяди и посадить въ нее обиженнаго имъ брата (102). Въ январѣ 1135 года произошла жестокая битва у Новгородцевъ съ Ростовцами на Жданой горѣ. Много погибло добрыхъ мужей Новгородскихъ въ этой битвѣ; Новгородцы, по выраженію Псковской лѣтописи, были „посрамлены“, а Ростовцы по словамъ ихъ лѣтописца возвратились съ „побѣдою великою“. Новгородъ замутился. Пошла борьба вѣчевыхъ партій, борьба сторонъ. Виновникъ „посрамленія“, Всеволодъ, изгоняется и на его мѣсто приглашается Святославъ Ольговичъ. Борьба Мономаховичей и Ольговичей, истощавшая югъ и снова тамъ возгорѣвшаяся въ это время, по смерти Ярополка Мономаховича переходитъ въ Новгородъ, прежде стоявшій въ сторонѣ отъ родовыхъ княжескихъ усобицъ. Смути на югѣ и въ самомъ Новгородѣ вредно отзываются на его экономической жизни. Прекращается подвозъ хлѣба въ Новгородъ, и съ юга, и изъ Смоленска, и изъ Полоцка. Новгороду остается одинъ выходъ изъ затруднительнаго положенія: сблизиться съ Ростовско-Суздальской землей, позабывъ свое недавнее посрамленіе. Новгородцы обращаются къ Юрію, и онъ даетъ имъ въ князя сына своего Ростислава. Но Юрій заботился, конечно, не о новгородскихъ интересахъ. Ему, напротивъ, была выгодна ихъ невзгода; давая имъ сына въ князья, онъ преслѣдовалъ свои личныя цѣли „о причастіи въ Русской землѣ“, надѣясь на помощь себѣ отъ Новгорода. Собирая ополченіе противъ Всеволода Ольговича, занявшаго столъ Кіевскій, Юрій приказываетъ сыну своему Ростиславу идти изъ Новгорода въ Кіевъ на Всеволода. Новгородцы отказываются идти и „указываютъ путь“ Ростиславу. Тогда Юрій, „разгнѣвася“, направляетъ ударъ на больное мѣсто Новгорода: онъ занимаетъ *Новый Торгъ*, ближайшій новгородскій городъ къ землѣ Ростовско-Суздальской, главный

(102) Новг. I-я, 6.

складочный пунктъ товаровъ, шедшихъ въ Новгородъ изъ Волжской Болгаріи черезъ Ростовско-Суздальскую землю (103). Новгородцы призываютъ снова Святослава Ольговича; его братъ Всеволодъ Ольговичъ, в. кн. Кіевскій, предлагаетъ вмѣсто брата сына своего; Новгородцы соглашаются и просятъ Святослава Ольговича, чтобы онъ оставался у нихъ только до пріѣзда сына Всеволодова. Но Святославъ не захотѣлъ ждать, боясь „лукавства Новгородцевъ“, и тайно убѣжалъ ночью. Съ нимъ бѣжали его сторонники, Якунъ съ братомъ своимъ Прокофьемъ. Ихъ поймали Новгородцы на дорогѣ и, приведя въ Новгородъ, „мало не досмерти убиша, обнаживша, яко мати родила и свергоша й съ моста“. Доплывши кое-какъ до берега, братья спасли себѣ этимъ жизнь; ихъ болѣе не били, а взяли окупъ съ Якуна въ 1000 гривенъ, а съ Прокофья въ 100; ихъ обоихъ заковали и сослали въ заточеніе въ „Чюдь“. Начались розыски сторонниковъ Святослава Ольговича. Всѣхъ его сторонниковъ подвергли денежной пени. Нѣкоторые изъ нихъ убѣжали къ Юрію въ Суздаль. Изъ числа бѣжавшихъ лѣтопись называетъ по именамъ: Судилу Нежатича и Страждку. Юрій Долгорукій, такимъ образомъ, начинаетъ имѣть въ Новгородѣ своихъ сторонниковъ и пользуется этимъ для своей выгоды. Всеволодъ Кіевскій разсердился на Новгородцевъ за смуты и задержалъ ихъ пословъ, отправленныхъ въ Кіевъ за его сыномъ, и новгородскихъ купцевъ, торговавшихъ въ Кіевѣ. Новгородцы были безъ князя 9 мѣсяцевъ. Снова настала въ Новгородѣ „дороговь“, „понеже жито къ нимъ ни откуду идяше“.— И „бысть въ нихъ молва и смущеніе великое“. Новгородцы

---

(103) О значеніи Новаго Торга и о торговлѣ Новгорода съ Болгарей см. Костомарова: Сѣв.-Русск. народ., т. I, гл. 1, отд. 4-е; Бѣляева: Расск. изъ Русск. Ист., III, (Исторія г. Пскова и Псковской з.) с. 409.—Также П. С. Савельева: «Мухамед. нумизмат. по отнош. къ Русск. Ист.», *Его же*: «О торговлѣ Волжскихъ Болгаръ» Ж. М. Н. Пр. ч. XLIX, II, 31 —П. Кеппена: «О Волжскихъ Болгарахъ», ibid. ч. XII, с. 64.— Григорьева: «Волжскіе Болгары», въ Б. д. Чт. 1836 —О первой войнѣ Новгорода съ Рост.-Сузд. землей, о битвѣ на Жданой горѣ и о послѣдующихъ событіяхъ см. Новг. I-ю лѣт., 6—8; Новг. IV, 4; Псков. I, 176; Псков. II, 8; Лавр. 132—133; Ипат. 14—16; Ростовск. рукоп. Лѣтописецъ л. 102 обор.—Никон., П. С. Л. IX, 158—164.

опять принуждены были обратиться к Юрію Суздальскому. Они просили у него на этотъ разъ племянника его Святополка Мстиславича, а если онъ не согласится дать племянника, то звали его самого къ себѣ, потому что, говорили ему Новгородцы: „Ольговичей не хотимъ“. Но Юрій не исполнилъ въ точности просьбы Новгородцевъ: онъ не далъ имъ ни племянника, ни самъ не пошелъ къ нимъ, а послалъ сына своего Ростислава, уже разъ бывшаго у нихъ княземъ. Между тѣмъ послы новгородскіе пришли съ юга съ Святополкомъ Мстиславичемъ. Ростиславъ Юрьевичъ былъ изгнанъ. Но Юрій не оставлялъ безъ поддержки своей партіи въ Новгородѣ и не терялъ надежды утвердить тамъ свою власть. Онъ вывелъ изъ Чуди ссыльныхъ Новгородцевъ Якуна и брата его Прокофья и взялъ ихъ къ себѣ въ Суздаль. Въ Суздаль же онъ призвалъ изъ Новгорода женъ и дѣтей Якуна и Прокофья и „держа ихъ у себя въ любви и милости“. Вслѣдъ за изгнаніемъ Ростислава, Юрій отправился воевать Новгородскую землю. Онъ сперва занялъ Новый Торгъ и повоевалъ многія волости по р. Мстѣ. Святополкъ хотѣлъ идти на Юрія въ землю Суздальскую, но, по случаю распутья, вернулся, дойдши только до Новаго Торга. Это было въ 1147 г. ([104]).

Въ слѣдующемъ, 1148 году хлопоталъ о замирьи между Новгородомъ и Юріемъ архіепископъ Новгородскій Нифонтъ. Онъ отправился въ Суздаль и святилъ тамъ церковь Рождества Богородицы „великимъ священіемъ“. Юрій принялъ его „съ любовію и честію“ и одарилъ дарами, но „мира не далъ“. Нифонту удалось только добиться освобожденія Новоторжцевъ и Новгородскихъ купцовъ, приведенныхъ Юріемъ изъ Новаго Торга въ Суздаль. Архіепископъ имѣлъ свои причины стараться о „замирьи“ Юрія съ Новгородомъ. Нифонтъ хлопоталъ о независимости Новгородской епископіи отъ Кіевской митрополіи. Не успѣвъ въ своемъ стараніи объ этомъ въ Кіевѣ, Нифонтъ имѣлъ основаніе искать расположенія не только усиливающагося Новгородскаго сосѣда, Суздальскаго князя Юрія, но и епископа Ростовско-Суздальской земли. Епископъ Несторъ, по словамъ И. Д.

([104]) См. Новг. I, 9 и 10.; Лавр. 133—135; Ипат. 33—3.; Никон. IX, 165— 177.

Бѣляева, замышлялъ уже въ то время сдѣлаться митрополитомъ, независимымъ отъ Кіева. Новгородскій владыка, хлопотавшій о томъ, чтобы его стремленія къ церковной автономіи были поддержаны архіереемъ земли, Ростовско - Суздальской, уже начавшей пріобрѣтать значеніе на сѣверо-востокѣ, подчинилъ себя епископу Нестору, а тотъ, въ благодарность за это, призналъ Нифонта архіепископомъ ([105]).

Въ 1149 году, какъ мы видѣли выше, началась у Юрія война съ племянникомъ, Изяславомъ Мстиславичемъ. Въ эту войну братья Изяслава, князь Смоленскій Ростиславъ и княжившій въ Новгородѣ Святополкъ, были на сторонѣ Изяслава и опустошали землю Ростовско-Суздальскую ([106]). Утвердившись въ Кіевѣ, Юрій посылаетъ на княженье въ Новгородъ сына своего Мстислава, но, въ годъ смерти Юрія Новгородцы изгоняютъ Мстислава и призываютъ Ростислава Ростиславича Смоленскаго ([107]).

Мы позволили себѣ остановиться довольно подробно на извѣстныхъ событіяхъ единственно для того, чтобы уяснить позднѣйшія взаимныя отношенія Ростовско-Суздальской земли и Новгорода. Мотивы этихъ отношеній, и со стороны Ростовско-Суздальскихъ князей, и со стороны „господина Великаго Новгорода", остаются и въ послѣдующія эпохи тѣми же, какими они являются намъ въ разсказанныхъ событіяхъ, и доводятъ, наконецъ, Новгородское народоправство до паденія.

Новгородъ, сперва мирно расположенный къ Ростовско-Суздальской землѣ, населенной большею частію его колонистами,—

([105]) Бѣляева: Разск. изъ Русск. ист., II, с. 115 и примѣчаніе на той же стр. См. также ст. А. И. Зернина: «О Новгор. епископѣ Нифонтѣ», въ Архивѣ Истор.-юридич. свѣд., издав. Н. В. Колачова, т. II, кн. 1-я, отд. III, с. 107—115.

([106]) См. выше въ этой главѣ стр. 73. Изъ относящихся къ этой войнѣ лѣтописныхъ свидѣтельствъ отмѣтимъ одно: о способѣ веденія войны Суздальцами въ половинѣ XII в. — 1149 «Ники данници Новгородьстіи въ малѣ; и учювъ Гюрги, оже въ малѣ шли и посла кн. Берладьскаго съ вои, и бьющеся мало, идѣ сташа Новгородци на островѣ, а они противу ставше, *начаша гоньзу чинити въ людьяхъ*» *Нов.* I-я стр. 11. *Никон.* П. С. Л. IX, 183.

([107]) Лавр. 147, 148;—Ипат. 77.

входитъ мало по малу съ этой землей во враждебныя отношенія. Эти враждебныя отношенія, будучи сначала совершенно внѣшняго свойства, происходятъ отъ родовыхъ счетовъ князей,— но съ теченіемъ времени переходятъ во вражду земли съ землей; мы сказали бы—во вражду политическую, если было бы возможно употребить современный намъ терминъ для опредѣленія между-земскихъ отношеній въ столь отдаленную эпоху. Новгородъ помимо своей воли становится яблокомъ раздора между двумя княжескими линіями: Мономаховичами и Ольговичами. Новгородъ, чуждый княжескимъ счетамъ, пробуетъ войти въ разные компромиссы, чтобы сохранить только у себя миръ, важный для него въ экономическомъ отношеніи,—но ему это не удается. Въ самомъ Новгородѣ зачинается раздвоеніе; являются сторонники двухъ партій: Мономаховичей и Ольговичей. Первые преобразуются скоро въ сторонниковъ Суздальской партіи, положившей начало уже не между-княжеской, а между-земской распрѣ. Основаніями для этой послѣдней распри между Новгородомъ и землей Ростовско-Суздальской являются съ одной стороны стремленіе Новгородцевъ отомстить за свое „посрамленіе“ ихъ колонистамъ Ростовцамъ, а съ другой стороны — торговые интересы Новгорода, получавшаго хлѣбъ изъ Болгаріи Волжской черезъ Суздальскую землю.

Въ этой землѣ происходитъ тоже, что и въ Новгородѣ. Юрій Долгорукій сначала ратуетъ тоже только изъ-за своихъ родовыхъ счеговъ. Онъ желаетъ только укрѣпить Новгородъ за своимъ домомъ, какъ лишній столъ, чтобы ослабить своихъ соперниковъ, Ольговичей. Но затѣмъ, изъ дальнѣйшаго хода событій онъ усматриваетъ, чѣмъ можно всего болѣе стѣснить Новгородъ; онъ начинаетъ постигать торговое отношеніе къ нему своей земли Ростовско-Суздальской—и занимаетъ Новый Торгъ. Этимъ пріемомъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, Ростовско-Суздальскіе князья, потомки Юрія, держали въ страхѣ Новгородъ и эксплуатировали имъ для своихъ цѣлей. Современемъ, этими цѣлями явились: обогащеніе на счетъ Новгорода и стремленіе къ полному его подчиненію „ихъ единовластной волѣ“.

Торговое значеніе Ростовско-Суздальской земли, открывающееся изъ ея отношеній къ Новгороду, выясняется нѣсколько изъ другихъ свидѣтельствъ. Что Ростовская земля не была въ состояніи снабжать сама хлѣбомъ Новгородъ, какъ снабжали его

земли Смоленская и Кіевская—видно изъ свидѣтельствъ лѣтописи о голодѣ въ Ростовско-Суздальской землѣ. Случаи голода въ этой землѣ отмѣчены у Нестора дважды, именно подъ 1024 и 1071 г., и оба раза только по особому обстоятельству: по „великому мятежу", который произвели по случаю голода „волхвы, избивая старую чадь, яко тіи гобино держать". По всей вѣроятности, голодъ бывалъ въ Ростовско-Суздальской землѣ гораздо чаще, но случаи его не отмѣчались лѣтописцемъ потому, что не сопровождались никакими выходящими изъ ряда вонъ событіями, въ родѣ появленія волхвовъ. Припомнимъ также лѣсистость Ростовско-Суздальской земли. Лѣсныхъ пространствъ, по всей вѣроятности, было въ ней такъ еще много въ XI и XII в., что подъ пашню отходило не то количество земли, которое въ состояніи было бы прокормить все населеніе края. Что населеніе это было (въ городахъ, по крайней мѣрѣ) достаточно густо по тому времени, можно заключить изъ свидѣтельства лѣтописи объ опустошеніи верховьевъ Волги войсками князей Новгородскаго, Смоленскаго и Кіевскаго въ 1149 году. Эти войска, разрушивъ шесть городовъ и много сёлъ, однихъ плѣнныхъ захватили до 7000 ([108]). Хлѣбъ получался въ Ростовско-Суздальской землѣ изъ Волжской Болгаріи. При описаніи голода въ 1024 году лѣтописецъ говоритъ: „идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары и привезоша жито" ([109]). На основаніи этого свидѣтельства и, принимая въ соображеніе извѣстный фактъ торговыхъ сношеній Волжской Болгаріи съ Новгородомъ, мы позволили себѣ сказать выше, что хлѣбная торговля шла въ Новгородъ изъ Болгаріи черезъ Ростовско-Суздальскую землю.

Такимъ образомъ очевидно, что въ разсматриваемое время происходило торговое движеніе по Волгѣ между Новгородомъ и Болгаріей черезъ Ростовско-Суздальскую землю: Новгородскіе купцы ѣздили въ Болгарію, а Болгарскіе въ Новгородъ. Вслѣдствіе этого можно предположить, что въ Ростовско-Суздальскую землю проникалъ даже элементъ Арабскій, потому что Арабы, какъ извѣстно, находились въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Болгарами. Возможность такого предположенія подтверждается, до нѣкоторой степени,

([108]) Новг. IV. 8; Никон., П. С. Л. IX, 179.
([109]) Лавр. 64.

результатами курганныхъ раскопокъ Гр. Уварова и г. Савельева во Владимірской губерніи, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ (110). И торговое движеніе по Волгѣ, и притокъ элементовъ крайняго востока въ Ростовско-Суздальскую землю усиливаются со второй половины XII вѣка. Это торговое движеніе и связанное съ нимъ племенное передвиженіе мы называемъ *промышленно-торговой* колонизаціей. Въ разсматриваемый періодъ мы видимъ только слабые ея зародыши, а потому мы остановимся на ней въ 5-й главѣ нашихъ очерковъ, гдѣ она намъ представится въ болѣе ясномъ свѣтѣ.

Столкновенія Ростовско-Суздальской земли съ восточными сосѣдями начинаютъ обращать на себя вниманіе, по своей важности, при сынѣ Долгорукаго, Андреѣ Боголюбскомъ и при его преемникахъ. При Юріѣ же славянская колонизація въ Ростовско-Суздальской землѣ, по всей вѣроятности, еще не подступила близко къ предѣламъ Мордовскимъ. Мордва своими набѣгами безпокоитъ княжество Рязанское, а о нападеніяхъ Мордвы на Ростовско-Суздальскую землю за это время мы не имѣемъ извѣстій. За то лѣтопись передаетъ намъ о столкновеніяхъ земли Ростовско-Суздальской въ эпоху Юрія съ болѣе далекимъ сосѣдомъ, Волжскими Болгарами, жившими за Мордвой. Такъ въ 1120 г. Юрій ходилъ на Болгары по Волгѣ, „взя полонъ многъ и полки ихъ побѣди, и, воевавъ, приде съ честью и славою“ (111); „и возвратися по здорову“ — прибавляетъ одинъ лѣтописецъ. Эта прибавка даетъ возможность думать, что походы въ землю Болгарскую считались въ то время весьма опасными (112). Въ 1107 году Болгары проникли вглубь земли Ростовско-Суздальской. Они осадили Суздаль и только чудо Божіей Матери спасаетъ Суздальцевъ: Болгарское войско было поражено слѣпотой— и Суздальцы побѣдили (113).

---

(110) См. I гл. наш. очерковъ стр. 37—39. и соотв. примѣч.

(111) Ипат. 8.

(112) Воскр., т. VII, 25; Никон., т. IX, 134.

(113) «Того же лѣта чудо сотвори Богъ и святая Богородица въ Суждальстѣй земли. Придоша Болгары ратію на Суждаль и обступиша градъ

Въ такихъ чертахъ представляется намъ общій очеркъ внутренняго состоянія Ростовско-Суздальской земли и въ такомъ видѣ являются отношенія этой земли къ сосѣдямъ въ періодъ времени отъ Рюрика до смерти Юрія Долгорукаго.

и много зла сотвориша, вожюще села и погосты и убивающе многихъ отъ христіанъ. Сущіи же люди въ градѣ не могуще противу ихъ стати, несущу князю у нихъ, на молитву къ Богу обратишася и ко Пречистой Его Богоматери покаяніемъ и слезами, и затворишася во градѣ и всемилостивый Богъ услыша молитву ихъ и покаяніе. Яко же древле Ниневитяны помилова, такъ и сихъ избави отъ бѣдъ, осѣпи бо вся ратныя Болгары, и тако изшедше изъ града всѣхъ избиша»,—Рукописи. Ростовск. лѣтопис., рукоп. Арх. М. Иностр. Д., л. 92 об. и л. 93.—См. также П. С. Л. VII, с. 21 примѣч. *a*.

III.

Ростовско-Суздальская земля

съ 1157 по 1237 г.

Значеніе эпохи Андрея Боголюбскаго.—Характеристика Андрея.—Распря городовъ послѣ его убіенія и роль Ростова въ этой распрѣ.—Всеволодъ Юрьевичъ и Юрій Всеволодовичъ. — Нѣсколько словъ о характерѣ власти князя въ Ростовско-Суздальской землѣ —Обособленіе княженій.—Дальнѣйшее движеніе княжеско-военной колонизаціи.—Отношеніе къ Болгарамъ и Мордѣ.—Татары.—Дѣла церковныя.—Промышленность и торговля. — Границы Ростовско-Суздальской земли при нашествіи Татаръ.—Отношенія къ Новгороду, Смоленску и Рязани.

Въ 1157 году, вслѣдъ за смертію Юрія Долгорукаго, „Ростовци и Суждальци *сдумавше вси*, пояша Андрея, сына его старѣйшаго и посадиша и въ Ростовѣ на отнѣ столѣ и Суждали, занѣже бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имяше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ“ (1). Такъ начинаетъ Лаврентьевскій лѣтописецъ княженіе Андрея Боголюбскаго въ Ростовско-Суздальской землѣ.

Время Андрея Боголюбскаго имѣетъ весьма важное значеніе не только для исторіи Ростовско-Суздальской земли, но и для исторіи Россіи вообще. Это время есть одна изъ

(1) П. С. Л. I, 149.

такъ называемыхъ историческихъ эпохъ, въ которыя опредѣляются въ жизни народа новые элементы его гражданственности, выясняются новыя начала его общественнаго развитія. Не будучи явленіемъ случайнымъ, потому что въ мірѣ исторіи, какъ въ мірѣ природы, нѣтъ случайныхъ явленій,— эпоха Андрея есть необходимый результатъ всего предъидущаго хода русской исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, причина многихъ послѣдующихъ историческихъ явленій.

Мы не можемъ касаться всего предъидущаго хода русской исторіи — это вывело бы насъ изъ предѣловъ нашей спеціальной, монографической задачи: представить историческіе очерки Ростовско-Суздальской земли; на томъ же основаніи мы не считаемъ возможнымъ указать здѣсь и всѣ послѣдующія историческія явленія, имѣющія свой корень въ эпохѣ Андрея. На нѣкоторыя особенности въ исторіи Ростовско-Суздальской земли изъ времени, ближайшаго къ Андрею, мы указали въ предшествующей главѣ; на нѣкоторыя изъ послѣдующихъ историческихъ явленій мы обратимъ вниманіе въ главѣ настоящей.

Мы указали на два элемента, положившихъ основаніе гражданственности, культурному развитію въ землѣ Ростовско-Суздальской: на власть князя и Христіанство.

Княжеская власть, послѣдствіе особыхъ мѣстныхъ условій Ростовско-Суздальской земли, уже при Юріѣ Долгорукомъ, какъ мы видѣли, сталкивается съ другою властію— земскихъ боляръ; начинается борьба между княземъ и этимъ боярствомъ. Въ эпоху Андрея борьба эта обрисовывается яснѣе. Въ борьбѣ съ боярствомъ рѣзко выясняется основная черта характера Андрея: „самовластіе", зародышъ котораго мы замѣтили еще въ Юріѣ. Этимъ самовластіемъ порождаются въ Андреѣ стремленія къ господству надъ сосѣдними землями: Новгородомъ, Рязанью и Смоленскомъ, къ преобладанію на югѣ, къ пренебреженію родовыми княжескими традиціями, еще столь дорогими для отца Андрея—Юрія. Въ эпоху Андрея опредѣляется типъ сѣверо-восточнаго князя-„самовластца", типъ чуждый югу, который, развиваясь болѣе и болѣе въ преемникахъ Андрея, вступаетъ съ теченіемъ времени въ новую фазу своего развитія—князя-вотчинника, князя-домовладыки и подготовляетъ собою мало по малу Ивана III, Василія и Ивана IV....

Христіанство, утвердившись въ Ростовско-Суздальской землѣ, какъ мы видѣли, не раньше XI в., только при Андреѣ получаетъ, такъ сказать, полную осѣдлость въ этой землѣ. При немъ открываются мощи святыхъ, покровителей земли: Леонтія и Исаіи; Владимірская икона Божіей матери, привезенная Андреемъ съ юга и икона Боголюбская становятся предметами особаго мѣстнаго почитанія, освящаютъ своими чудесами княжескую власть Боголюбскаго; православіе начинаетъ пріобрѣтать „земское“ значеніе, становясь мало по малу у нарождающагося Великорусскаго племени символомъ того политическаго сознанія, которое въ наше время выражается терминомъ: „народность“. Подготовляется то многознаменательное единеніе Церкви и государства, которое вполнѣ выясняется въ позднѣйшій, Московскій періодъ русской исторіи и которое составляетъ характеристическую особенность исторіи Великорусскаго племени.

Въ эпоху Андрея опредѣляется результатъ славянской колонизаціи въ Ростовско-Суздальской землѣ предшествующихъ ему эпохъ. Этотъ результатъ есть образованіе новаго племени, съ преобладающимъ элементомъ славянскимъ, но не похожаго по своему складу и характеру ни на одно изъ племенъ Славянскихъ, живщихъ прежде на Русской территоріи:—ни на Полянъ, ни на Древлянъ, ни на Кривичей, ни на Новгородцевъ. Задачи этого племени, только намѣчаются при Андреѣ, выясняются мало по малу въ теченіе цѣлыхъ столѣтій послѣ него, и не опредѣляются совершенно ясно даже въ наши дни, почти на исходѣ XIX столѣтія. Это племя—племя Великорусское, самый юный изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ, увидавшій міръ Божій только въ XII в. по Р. Хр.

Въ эпоху Андрея колонизація княжеско военная и монастырская подвигаются все далѣе на востокъ, расширяя все болѣе и болѣе предѣлы Великорусскаго племени, претворяя въ плоть и кровь этого племени, все болѣе и болѣе инородческихъ, чудскихъ элементовъ.

Такимъ образомъ, эпоха Андрея является прототипомъ послѣдующей формаціи Московскаго царства, этого громаднаго и своеобразнаго зданія, созданнаго Великорусскимъ племенемъ. Развитіе начала единовластія, борьба съ боярствомъ, политическое значеніе православія, единеніе Церкви и государства и распространеніе Великорусскаго племени на во-

стокъ—вотъ тѣ основные элементы общественнаго строя Ростовско-Суздальской земли, которые являются впослѣдствіи основными же элементами Московскаго царства.

Лѣтописецъ Суздальскій и лѣтописецъ Кіевскій представляютъ намъ двѣ, совершенно различныя, противуположныя одна другой, характеристики Андрея Боголюбскаго.

Подъ перомъ Суздальскаго лѣтописца Андрей является вторымъ Соломономъ по мудрости, преисполненнымъ мужества и ума, поснтелемъ правды и истины. „Благовѣрный и христолюбивый князь Андрей отъ млади версты Христа возлюби и всепречистую Его Матерь, смыслъ бо очистивъ и умъ, яко галату красну, душу украсивъ всѣми добрыми нравы... не омрачи бо ума своего пьянствомъ“... (2). Благочестіе есть основное нравственное качество Андрея. Еще когда онъ былъ на югѣ, княземъ въ Вышгородѣ, лѣтописецъ замѣтилъ эту черту его нравственной физіономіи. Надежда на Бога была единственною защитою Андрея въ брани: „не величаву бо ему сущю на ратный чинъ“, говоритъ лѣтописецъ, „по похвалы ищющи отъ единаго Бога“ (3). Это благочестіе, за которое Андрей и получилъ прозваніе Боголюбскаго, побуждало его не только къ созиданію и украшенію церквей и монастырей и къ уваженію „церковнаго и мнишескаго чина“,—добродѣтелямъ весьма обыкновеннымъ въ то время у благочестивыхъ людей вообще и князей въ особенности, но и къ милостивому обращенію со всѣми „сущими подъ нимъ“: „Всякому чину яко возлюбленный бяше отецъ, паче же на милостыню зѣло охотливъ“, продолжаетъ лѣтописецъ, „ибо брашно свое и мёдъ по улицамъ на возѣхъ слаше больнымъ и по затворамъ“ (4). Тѣже качества милостыни отмѣчаетъ въ Андреѣ одинъ изъ сказателей о его убіеніи, Кіевлянинъ Кузьма. „Всякаго нищаго, приходящаго къ нему, передаетъ Кузьма, Андрей приниманъ и давалъ ему милостыню, говоря: се есть Христосъ пришедъ испытать мене“. (5) За эти то качества:

---

(2) П. С. Л. I, 156.

(3) Ibid. 140.

(4) Ibid. 156.

(5) Ibid. II, 112.

благочестіе, отеческое отношеніе ко „всякому чину“ и милостыню, Андрей былъ любимъ всѣми (6).

Кіевскій лѣтописецъ изображаетъ Андрея совершенно инымъ. Портретъ Боголюбскаго находится у этого лѣтописца въ любопытномъ „сказаніи о Мстиславѣ Ростиславичѣ храбромъ“, отцѣ того удалаго Мстислава, который является послѣднимъ борцомъ за исчезающую вѣчевую Русь (7). Мстиславъ Ростиславичъ выступаетъ въ сказаніи Кіевскаго лѣтописца представителемъ родовыхъ княжескихъ традицій. Онъ велитъ сказать Андрею черезъ посла его Михна: „мы (Ростиславичи) тя до сихъ мѣстъ аки отца имѣли по любви; аже еси съ якыми рѣчьми прислалъ не аки къ князю, но аки къ подручнику и просту человѣку, а что умысливъ еси, а то дѣй, а Богъ за всѣмъ“.... Мстиславъ, по словамъ сказанія, „отъ уности навыкъ бяше не уполошитеся никого же, но токмо Бога единаго блюстися“. Андрей, который и по Суздальскимъ свидѣтельствамъ не отличался храбростью, въ Кіевскомъ сказаніи противуполагается Мстиславу во всемъ. Мстиславъ откровененъ и честенъ,—Андрей хитеръ и надменъ: Мстиславъ храбръ,—Андрей трусливъ; Мстиславъ стоитъ за честь всѣхъ князей,—Андрей заботится о своей только власти; Мстиславъ представитель нравственной силы съ крѣпкой вѣрой въ Бога,—Андрей опирается на внѣшнюю

---

(6) П. С. Л. I, 149 Отзывы Суздальской лѣтописи объ Андреѣ помѣщены въ Лавр. и Иоат. лѣт. Въ первой они короче, а въ послѣдней подробнѣе и, кажется, древнѣе. Лѣтописи: Воскресенская (П. С. Л. VII, 66), Тверская (ib. XV, 226) и Никоновская (ib. XI, 209) заимствовали отзывы объ Андреѣ изъ Суздальскихъ лѣтописей, распространивъ ихъ только.

(7) Это сказаніе имѣетъ предметомъ своимъ второй походъ ополченія Андрея Боголюбскаго подъ Кіевъ, въ 1174 г., послѣ смерти брата его Глѣба, умершаго, по слухамъ, отъ отравы. Ближайшими поводами къ походу были: во 1-хъ, отказъ Ростиславичей исполнить волю Андрея, грозно сказавшаго Роману Ростиславичу *«коли не ходиши въ моей воли* съ братьею своею, то стунай изъ Кіева», и во 2-хъ, оскорбленіе Андреева посла Михна. Объ этомъ походѣ, неудачномъ для Андрея, во всѣхъ Сѣверныхъ лѣтописяхъ (Суздальской и Новгородскихъ) находятся только краткія извѣстія. Подробности похода у Соловьва (Ист. II, 254—258) и у Бѣляева (Разсказы изъ Р. И. I, 244—247)—переданы по сказанію Ипатьевской лѣтописи.—См. П. С. Л. II, 106—109.

силу войска. Услыхавъ отвѣтъ Мстислава, Андрей, „исполнився *высокоумья, разгордѣвся велми*, надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огородився, *разъярся гнѣвомъ*... и образъ лица его потускнѣлъ". „Андрей князь", продолжаетъ пропически сказатель, "*толикъ умникъ сы, во всѣхъ дѣлѣхъ добль сы и погуби смыслъ свой невоздержаньемъ*, распалився гнѣвомъ". Сказаніе заканчивается такой сентенціей: „Богови студна и мерьзка хвала и гордость, си бо вся быша отъ дьявола на ны, иже въсѣваеть въ сердце наше хвалу и гордость".

Въ этихъ двухъ, діаметрально-противуположныхъ характеристикахъ Андрея выражается различіе во взглядахъ сѣверо-восточнаго и южнаго лѣтописцевъ, различіе въ воззрѣніяхъ Великорусса и Южнорусса, которое опредѣляется къ этому времени.

Не смотря на это различіе въ воззрѣніяхъ, по нашему мнѣнію, представляется возможность признать въ характерѣ Андрея Боголюбскаго реальное соединеніе такихъ, повидимому, несоединимыхъ качествъ, какъ, напримѣръ, милосердіе и гнѣвъ, нищелюбіе и гордость.

Среднимъ терминомъ между этими противуположными качествами, связующимъ звѣномъ ихъ между собою является преобладающая въ Андрѣ наклонность къ *самовластію*. Эта наклонность указывается прямо Суздальскою лѣтописью, исходя, слѣдовательно, не изъ лагеря противниковъ Боголюбскаго, а изъ лагеря людей, къ нему расположенныхъ. По этому мы особенно останавливаемъ вниманіе читателя на этомъ свидѣтельствѣ. „Вина Андрей епископа Леона изъ Суждаля и братію свою изгна—Мстислава, и Василька, и Михалка Юриевичевъ и два Ростиславича, сыновца своя, и мужи отца своего передніе: *се же сотвори хотя самовластецъ быти всей земли Суждальской и Ростовской*" (*). Разъ мы знаемъ „самовластіе" Андрея,—намъ объясняется кажущееся противорѣчіе въ его характерѣ, и „боголюбивый" князь выступаетъ передъ нами изъ сумрака вѣковъ вполнѣ живымъ, цѣльнымъ человѣкомъ. Кому неизвѣстенъ этотъ типъ Великорусса: благочестивый и богомольный, усердный къ церкви, милостивый до нищихъ, ласковый и добрый съ своими под-

(*) П. С. Л. VII, 76; XV, 234.

чинепиими, „аки отецъ“, по ласковый до той только поры пока никто не перечитъ его праву. Разъ ему поперечили, не исполнили его волю—конецъ! Его самовластіе не признано,—и онъ распаляется гнѣвомъ. Доброта смѣняется злостью, благочестіе тонетъ въ высокоуміи, страсть беретъ верхъ надъ разсудкомъ.

Андрей Боголюбскій, выбранный въ князья всей землей Ростовско-Суздальской и посаженный на „отнѣ столѣ“ въ Ростовѣ, избираетъ однако своимъ мѣстопребываніемъ не старѣйшій городъ земли, Ростовъ, и не Суздаль, резиденцію отца своего Юрія, а младшій городъ—Владиміръ. Подъ конецъ своей жизни Андрей покидаетъ и Владиміръ и поселяется въ созданномъ имъ самимъ городѣ, Боголюбовѣ.

Андрей ревностно заботится о земскомъ возвышеніи своего стольнаго города Владиміра. „Хотя возвеличить градъ сей по всей земли“, говоритъ лѣтописецъ, Андрей „создалъ его великъ зѣло“ (9). Онъ привлекалъ въ украшаемый имъ Владиміръ охочихъ людей изъ разныхъ странъ; къ нему приходили „сходцы“ и изъ Волжской Болгаріи, и изъ Ясской земли, и изъ южной Руси, и даже изъ западной Европы. Онъ принималъ всѣхъ съ любовію, бывъ одинаково ласковъ „до всего Христіанства и до всѣ погани“, говоритъ Кузьма-Кіевлянинъ; Евреевъ, язычниковъ и Христіанъ западной церкви онъ обращалъ въ православіе. „И Болгаре, и Жидове, и вся погаиы видѣли славу Божію“ (10).

Никоновская лѣтопись говоритъ, что Андрей Боголюбскій, украсивъ и расширивъ „градъ Володимеръ“, собралъ своихъ князей и бояръ и объявилъ имъ, что онъ, создавъ градъ Божіею благодатію и помощью Пречистыя Богородицы и разширихъ и вознесохъ его паче“, хочетъ „обновить его мирополіею—да будетъ сей градъ *великое княженье и глава всѣмъ*. Князья и бояре вси сие возлюбиша его тако быти“ (11).—Старымъ городамъ земли, Ростову и Суздалю, было это нелюбо: „градъ Володимеръ пригородъ нашъ есть“, говорили они (12).

---

(9) II. C. .l. I, 149.
(10) Ibid. II, 115.
(11) Ibid. IX, 222.
(12) Ibid. IX, 220.

Андрей Боголюбскій вошелъ относительно отдѣльной митрополіи Владимірской въ переписку съ Константинопольскимъ патріархомъ, указывая ему на нѣкоего Ѳеодора, или Ѳеодорца, какъ на кандидата въ митрополиты (13).

Этотъ Ѳеодоръ, или Ѳеодорецъ, поставившійся въ епископы въ Константинополѣ обманомъ, былъ, судя по лѣтописнымъ о немъ отзывамъ, замѣчательно-умнымъ человѣкомъ и отличался сильнымъ характеромъ (14). О Ѳеодорѣ упоминается въ лѣтописи впервые по случаю возникшихъ во Владимірѣ обрядовыхъ споровъ о постѣ въ среду и пятницу съ пасхи до всесвятской недѣли и въ „господскіе праздники“, если они придутся въ постные дни. Этотъ споръ былъ поднятъ Ростовскимъ епископомъ Леономъ, настаивавшимъ на необходимости поста въ названные дни. Андрей Боголюбскій былъ противнаго мнѣнія, и его сторонникомъ въ спорѣ съ Леономъ является епископъ Ѳеодоръ. Боголюбскій назначаетъ состязаніе между нимъ и Леономъ въ своемъ присутствіи; на этомъ состязаніи Ѳеодоръ „упрѣ“, т. е. переспорилъ Леона (15).

Намъ кажется возможнымъ предположеніе, что этотъ обрядовый споръ о постѣ находится въ связи съ стремленіями

---

(13) П. С. Л., IX, 223—229.

(14) Никоновская лѣтопись говоритъ о Ѳеодорѣ: «языкъ чистота и быстрость преудивлена, и дерзновеніе и безстудіе такова, яко ни у кого не было; никто же бо можаше противу его стояти; нѣціи глаголаху о немъ, яко отъ демона сей, нніи же волхва его глагелаху» (П. С. Л. IX, 239) «Вонзеше (бѣси) мысль его (Ѳеодора) до облакъ и устремиша въ немъ втораго Сатонаила» (Ibid.). Ѳеодоръ отличался жестокостью и корыстолюбіемъ. Подробности о Ѳеодорѣ см. въ отдѣльномъ о немъ сказаніи, помѣщенномъ въ Лаврентіевской лѣтописи. Сказаніе это написано современникомъ и притомъ въ одномъ изъ городовъ Ростово-Суздальской земли: въ Ростовѣ, или Владимірѣ Это можно заключить. 1) изъ обращенія въ концѣ къ князю Андрею Боголюбскому и 2) изъ сочувственнаго отношенія къ жителямъ Ростовской земли: «видя бо князь смобленье людій своихъ *сихъ кротких Ростовскыя земля*». Главный текстъ «Сказанія» см. въ Лавр. лѣтописи. (П. С. Л. I, 151—152). Варіанты: въ Никоновской, (IX, 239 и 240), Воскресенской (VII, 84—85) и Тверской (XV, 241). Въ Ипатьевской соверш. схоже съ Лаврентьевск. (II, 102—103).

(15) П. С. Л. I, 150.

Боголюбскаго къ отдѣльной митрополіи во Владимірѣ. Весьма возможно предположить, что епископъ Ростовскій Леонъ, по примѣру предшественника своего Нестора, домогался отдѣльной митрополіи для Ростова и что стремленія его къ церковной независимости встрѣтились съ стремленіями князя, желавшаго того же самаго, но переносившаго центръ тяжести этой независимости изъ старѣйшаго города земли, Ростова въ его пригородъ, Владиміръ. Константинопольскій патріархъ не разрѣшилъ отдѣльной митрополіи для Владиміра, и Андрей Боголюбскій долженъ былъ удовольствоваться только тѣмъ, что Ѳеодоръ сталъ епископомъ Ростовскимъ, перенеся свою каѳедру изъ Ростова во Владиміръ ([16]).

Причину предпочтенія, которое оказывалъ Андрей Владиміру передъ старшими городами земли—мѣстное преданіе желаетъ искать въ чудѣ Богородицы. По этому преданію, князь Андрей пріѣхалъ въ Суздальскую землю прямо во Владиміръ и оттуда отправился съ иконой Божіей матери въ Ростовъ, намѣреваясь помѣстить ее въ старѣйшемъ городѣ земли; но на дорогѣ къ Ростову, вблизи Владиміра лошади, которыя везли икону, остановились. Ночью Боголюбскому явилась во снѣ Божія Матерь, требовавшая, чтобы ея икона осталась во Владимірѣ. На мѣстѣ видѣнія Андрей построилъ церковь въ честь Божіей Матери, а со временемъ заложилъ около церкви городъ, названный имъ Боголюбовымъ ([17]).

Перенесеніе княжескаго стола во Владиміръ, освященное въ народномъ преданіи явленіемъ Андрею Божіей Матери, объясняется тѣмъ, что Боголюбскій не хотѣлъ оставаться въ городахъ, гдѣ были сильны прежнія традиціи. Въ Ростовѣ сконцентрировалась главная сила земскихъ бояръ, а въ Суздалѣ, мѣстопребываніи Юрія Долгорукаго, могли получить достаточную крѣпость княжескіе и дружинные порядки. И земскіе бояре, и княжеско-дружинные порядки были одинаково не по сердцу Андрею. Андрей, преслѣдуя свои единовластительскіе принципы, изгналъ изъ Ростовско-

([16]) Ibid. 151—152.

([17]) В. Доброхотова: «Древн. Боголюбовъ городъ». М. 1852, с. 6—7. Спес. ст. Я. А. Соловьева: «Пам. и преданія Влад. губ.» О. З. 1857, кн. 6-я, стр. 530.

Суздальской земли не только своихъ братьевъ но и „переднихъ мужей“ своего отца. Объ отношеніяхъ его къ боярамъ мы можемъ составить себѣ довольно опредѣленныя понятія изъ данныхъ, передаваемыхъ „Сказаніями объ убіеніи князя Андрея“ ([18]).

([18]) Сказаніе объ убіеніи кн. Андрея Боголюбскаго дошло до насъ въ *двѣнадцати* отдѣльныхъ текстахъ, которые могутъ быть раздѣлены: *по времени составленія* на современные событію и позднѣйшіе, а *по способу изложенія*—на подробные и краткіе. Подробные тексты находятся въ лѣтописяхъ: Лаврентьевской (стр. 137—138), Переяславской (изд. кн. Оболенскаго с. 83—84), Ипатьевской (с. 113—115), Тверской (с. 230—233), Воскресенской (П. С. Л. VII, 89—90) и Никоновской (П. С. Л. IX, 149—231). Краткіе тексты помѣщены въ лѣтописяхъ: Новг. 1й (с. 16), Новг. IV-й (с. 13), Софійской 1-й (с. 164—165), Никоновской (П. С. Л. IX, 249) и Густинской (с. 316) и въ житіи кн. Андрея (напеч. въ книгѣ Доброхотова: «Древн. Боголюбовъ городъ». М. 1832 г., с. 89).—Современныя событію сказанія помѣщены въ лѣтописныхъ сборникахъ XIII—XIV в., т. е. въ Лаврентьевскомъ, Переяславскомъ, Ипатьевскомъ и 1-й Новгородской лѣтописи. Изъ нихъ для насъ особенно важны первые три текста, во своей полнотѣ. Эти три текста могутъ быть сведены къ двумъ редакціямъ: *Южно-русской* и *Суздальской*. Южно-русская редакція, помѣщенная въ Ипат. лѣтописи, принадлежитъ Кіевлянину Кузьмѣ, очевидцу событія, сопровождавшихъ убіеніе князя. Суздальская редакція, оффиціальнаго характера, представляетъ два варіанта: 1-й, помѣщенный въ Лавр. лѣтописи, составленъ при в. кн. Всеволодѣ Юрьевичѣ, вскорѣ послѣ убіенія Андрея, и 2-й, находящійся въ лѣтописцѣ Переяславля-Суздальскаго, относится къ началу XIII в. — Изъ позднѣйшихъ текстовъ представляется намъ самымъ важнымъ сводный текстъ Тверской лѣтописи, составленный въ первой половинѣ XVI в. (см. П. С. Л. XV, Предисл.). Тверской текстъ сказанія для насъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, онъ составленъ въ Ростовской области, во 2-хъ, въ него вошли многія народныя преданія объ убіеніи князя Андрея. Эти народныя преданія, до сихъ поръ сохранявшіяся во Владимірской губерніи, касаются, главнымъ образомъ, послѣдующей судьбы убійцъ князя—Кучковичей. По одному изъ этихъ преданій Кучковичи были брошены въ болотистое озеро «Плавучее», наход. близъ Владиміра. Ежегодно, въ ночь на 29-е іюня (годовщина убіенія Андрея) слышится унылый стонъ изъ озера, вода на немъ колышется и подымаетъ короба, въ которыхъ, по преданію, Кучковичи были брошены въ озеро. Сестра убійцъ, жена Андрея Боголюбскаго, Улита утоплена въ другомъ озерѣ, также близъ Владиміра, извѣстномъ у народа подъ именемъ «Поганаго». Совершителемъ казни надъ Кучковичами и ихъ сестрою, мсти-

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что Андрей, думая освободиться во Владимірѣ совершенно отъ бояръ, не достигъ этого. Боярская партія и тамъ была достаточно сильна. Поэтому, онъ предпочитаетъ житье въ построенномъ имъ близъ Владиміра городѣ Боголюбовѣ, гдѣ окружаетъ себя „молодшими людьми“, малыми отроками. Изъ этихъ отроковъ Андрей создаетъ преданное ему служилое сословіе, которое называется уже не дружиной, а *дворомъ*, а отроки Боголюбскіе носятъ названіе *дворянъ*. Составъ этого дворянства, этой служни Андрея былъ сбродный. Мы видимъ въ числѣ его Анбала, княжаго ключника, Ясина родомъ, Кіевлянина Кузьму и какого то Прокофья, неизвѣстной національности. Въ дворянахъ Боголюбскихъ мы видимъ новое начало, неизвѣстное югу: начало двора, дома. Съ эпохи Андрея начинается осѣданіе дружины на мѣстѣ, также какъ и осѣданіе князей, бродячій и перехожій элементъ дружинный превращается въ осѣдлый, домашній. Это новое представленіе двора, дома—становится, такъ сказ., ячейкой государственнаго воззрѣнія Великоруссовъ. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ иныхъ условій, дворъ, домъ получаетъ право на землю и затѣмъ, вслѣдствіе сознанія наслѣдственности этого права, является новое представленіе власти—вотчинное.

Владимірскіе бояры, быть можетъ, на основаніи дружинныхъ порядковъ Юрія, которые сначала поддерживалъ и Андрей, совѣтуясь, какъ мы видѣли, съ боярами,—были сердиты на Андрея за то, что онъ предпочитаетъ имъ своихъ Боголюбскихъ дворянъ, проводя съ ними постоянно время, и отстраняетъ отъ себя бояръ Владимірскихъ.

Бояры земскіе еще болѣе негодовали на Андрея. Кучковичи, дѣти сохранившагося въ народномъ преданіи богатаго земскаго боярина Кучки, являются при Андреѣ историческими личностями. Одного изъ Кучковичей онъ велитъ казнить.

телемъ за Андрея былъ братъ его Михаилъ (См. Доброхотова: «Древній Боголюбовъ городъ». с. 116—118).—О народныхъ преданіяхъ объ убіеніи Андрея см. также въ статьяхъ: О. И. Буслаева: «Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новгородскія», пом. въ Лѣтоп. Русск. литературы и древн., изд. Н. Тихонравова, т. IV, Я. А. Соловьева: «Памятники и преданія Владимірской губерніи» ст. 1-я. О. З. 1857 г. кн. 6. и Н. Д. Бѣляева, «Сказанія о началѣ Москвы», Р. В. 1868 г. № 3.

Эта казнь становится ближайшей побудительной причиной убійства князя. При внимательномъ анализѣ подробностей этого убійства видно, что оно было совершено не вдругъ, не экспромтомъ, а подготовлялось заранѣе, было результатомъ предварительнаго заговора. Заговоръ этотъ былъ слѣдствіемъ недовольства земскихъ бояръ на самовластіе Андрея.

Такимъ образомъ противъ самовластія, единовластительскихъ стремленій Боголюбскаго была направлена двойная боярская оппозиція: земскихъ бояръ, исконныхъ насельниковъ Ростовско-Суздальской земли, и бояръ-дружинниковъ. Первые отличались болѣе радикальными намѣреніями, вторые были умѣреннѣе. Для борьбы съ этою двойною боярскою оппозиціею Андрей создаетъ свое домашнее, земское полубоярство изъ „сходцевъ“, всѣмъ ему преданныхъ, живущихъ въ его дворѣ, свою „дворню“—*дворянъ*. На этой реформѣ созиданія служилаго княжаго класса останавливаются неисполненными дальнѣйшіе замыслы Боголюбскаго. Къ чему клонились эти замыслы, отгадать не трудно. Они клонились къ подчиненію личной волѣ князя—воли земли, воли духовенства, воли земскаго боярства, воли дружины. Смерть помѣшала Андрею докончить реформу. Онъ палъ подъ ударами убійцъ изъ радикальной оппозиціонной партіи бояръ (19).

Послѣ убіенія Андрея земскіе бояры подняли голову. Они надѣялись добиться наконецъ власти въ землѣ, которую должны были уступить Юрію и сыну его Андрею. Сосредоточіемъ земскихъ боярскихъ тенденцій является старѣйшій городъ Ростовъ, къ которому примыкаютъ современемъ Суздаль и Переяславль (20). Сначала всѣ города съѣзжаются на вѣче во Владиміръ, какъ стольный городъ княжій, для выбора князя. На этомъ вѣчѣ проявляется рознь городовъ, зачинается борьба изъ-за первенства между старымъ городомъ Ростовомъ и его пригородомъ Владиміромъ.

---

(19) Самый полный сводъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о княженіи Андрея Боголюбскаго находится въ монографіи М. П. Погодина: В. Кн. Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, поч. въ Ж. М. Н. Пр. 1849, ч. LXIII, стр. 143—185 и ч. LXIV, стр. 1—30. Ср. *его же*: Изсл. замѣч. и лекціи, т. VI, стр. 152—155.

(20) Лѣтописецъ Переясл.-Суздал., изд. кн. М. А. Оболенскимъ. М. 1851., с. 85.

Эта характеристическая борьба городовъ, служащая отличнымъ комментаріемъ къ начинаніямъ Андрея Боголюбскаго, даетъ любопытныя данныя для опредѣленія общественнаго строя Ростовско-Суздальской земли во второй половинѣ XII в. ([21]).

([21]) Повѣствованіе о борьбѣ Владиміра съ Ростовомъ, по цѣльности разсказа, можно почесть за отдѣльное сказаніе. Это сказаніе, помѣщенное въ Лаврентьевской лѣтописи, принадлежитъ современнику и, по всей вѣроятности, составлено во Владимірѣ. На это наведятъ насъ слѣдующія соображенія: 1) Въ сказаніи ясно выражается нерасположеніе къ Ростову и къ его боярамъ. 2) Владиміръ и князья его восхваляются. 3) Въ составителѣ сказанія видна большая привязанность къ Владимірской иконѣ Божіей Матери. 4) О Владимірцахъ въ большинствѣ случаевъ говорится «мы», «наши». Представляемъ два мѣста для образца: а) «Ростовци и Суждальци, слушающе злыхъ человѣковъ, нехотящихъ *намъ* добра». (П. С. Л. I, 160).— b) Послѣ побѣды Всеволода надъ Мстиславомъ, когда послѣдній убѣжалъ въ Ростовъ (1177 г.), составитель сказанія говоритъ: «Доколѣ Богови терпѣты *надъ нами*? За грѣхы наведе *на нихъ* (Ростовцевъ) и наказа по достоянію рукою благовѣрнаго кн. Всеволода». (Ibid., 162). Въ Переяславскомъ лѣтописцѣ помѣщенъ варіантъ этого сказанія, съ тѣмъ только различіемъ, что Переяславцы вездѣ выгораживаются выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: «Переяславци же не отъ сердца плачуть, но принужденіемъ Ростовскымъ» (изд. Оболенск., с. 83).—Сказаніе, помѣщенное въ Ипатьевской лѣтописи, совершенно согласно съ Владимірскою редакціею до битвы Михаила съ Ярополкомъ и Мстиславомъ Ростиславичами (1176). Съ этой битвы въ Ипатьевскомъ сказаніи видны различія отъ Владимірскаго, показывающія въ немъ Южанина. Главнѣйшія изъ этихъ различій суть: 1) Владимірцы называются Владимірцами, а не «мы» и «наши». 2) Побѣда Михаила не приписывается чуду Богородицы, какъ во Владимірской редакціи —(См. П. С. Л. II, 118 и слѣд.).—Въ 1-й Новгородской лѣтописи разсказанъ только 2 й эпизодъ борьбы, съ призванія въ Ростовъ Мстислава Ростиславича изъ Новгорода. Разсказъ очень краткъ. Борьба Мстислава съ Всеволодомъ передана въ общихъ чертахъ (См. П. С. Л. III, 16).—Въ Новгор. IV лѣтоп. любопытно по тону разсказа различіе отъ Владимірскаго сказанія въ эпизодѣ борьбы Мстислава Ростиславича съ Всеволодомъ. Подробности фактическія въ обѣихъ редакціяхъ одни и тѣже: очевидно, у составителя Новгородской IV лѣтописи и у составителя Лаврентьевской былъ одинъ общій источникъ. Въ Новгородской редакціи во 1-хъ, гораздо болѣе мягкости въ выраженіяхъ относительно Ростова, чѣмъ въ редакціи Владимірской, во 2-хъ, употребляется вездѣ просто «Ростовци», а нѣтъ отождествленія ихъ съ боярами, какъ во Владимірскомъ сказаніи; въ 3-хъ нѣтъ риторическихъ восхваленій подвиговъ Всеволода Юрьевича; въ 4-хъ,—видна симпатія не къ нему, а къ Ростиславичамъ (П. С. Л. IV, 14.).

Данныя извлекаемыя изъ разсмотрѣнія этой борьбы городовъ суть слѣдующія: 1) Вѣче составляетъ необходимое установленіе всякаго города. 2) Старѣйшій городъ имѣетъ общее вѣче съ своимъ пригородомъ. 3) Пригородъ управляется посадникомъ, назначаемымъ старшимъ городомъ. 4) Князь составляетъ, по понятіямъ времени, необходимое выраженіе власти. 5) Князь избирается вѣчемъ. 6) Каждый городъ имѣетъ свою дружину, т. е. свое войско, помимо княжаго. 7) Борьба между Ростовомъ и Владиміромъ—есть борьба изъ-за земскаго главенства между партіей земскихъ бояръ и партіей княжихъ дружинниковъ, которые, только сравнительно съ этими земскими боярами, называютъ сами себя людьми „мезинными".

Ростовцы, колонисты Новгородскіе, стремятся къ избранію князя „на всей ихъ волѣ", на волѣ сильныхъ земскихъ бояръ; по ихъ понятіямъ, князь есть исполнитель ихъ боярской воли. Владимірцы стремятся въ сущности къ тому же, т. е. къ избранію князя на своей волѣ, не желая покориться Ростовцамъ. Они призываютъ сначала Ростиславичей, но потомъ изгоняютъ ихъ, не будучи въ состояніи терпѣть самоуправства ихъ бояръ, „пріѣхавшихъ съ ними изъ Руси". Мы есмы вольная князья пріяли къ себѣ и крестъ цѣловали на всемъ.... Промыгляйше браты"!—говорили Владимірцы ([22]). Но для того, чтобы доказать свою правоту и выставить неправду Ростовскую, Владимірцы обвиняютъ Ростовцевъ въ эгоизмѣ, въ „высокоуміи", а себя величаютъ приверженцами законнаго порядка, дѣйствующими по благословенію Божію. „Не разумѣша правды Божіи исправити Ростовци и Суждальци, *давніи, творящеся старѣшими, новіе же людіе мезинніи Володимерстіи уразумѣвше, яшася по правду крѣпко*" ([23]). „Володимерци прославлени Богомъ по всей земли за ихъ правду"—говорятъ о себѣ эти скромные, „мезинніи" люди ([24]).

Владиміръ вышелъ изъ этой распри побѣдителемъ. Сила земскихъ бояръ была окончательно подавлена. Этой силѣ земской противупоставлялась небесная сила: благословеніе Божіе и заступничество Владимірской иконы Божіей Ма-

([22]) П. С. Л. I, 159.
([23]) Ibid. 160.
([24]) Ibid. 160.

тери. Ростовъ долженъ былъ уступить, но на время только. Мы увидимъ впослѣдствіи, что старѣйшій городъ земли еще разъ взялся за оружіе для отстаиванія своего земскаго главенства.

Стремленіе пригородовъ къ земскому главенству въ ущербъ старымъ городамъ представляется намъ характеристической особенностью исторической жизни Ростовско-Суздальской земли. Неудовольствіе пригородовъ на города составляетъ довольно общее явленіе того времени. Припомнимъ, напримѣръ, неудовольствіе Торжка, Пскова и Вятки на Новгородъ. Но Торжокъ и Псковъ не помышляли о главенствѣ земскомъ, они хлопотали только о своей независимости отъ „господина Великаго Новгорода". Псковъ всегда признавалъ себя „младшимъ братомъ" Новгорода; „не бывать Новому Торгу надъ Новгородомъ", говорилъ излюбленный Новгородскій князь Мстиславъ Удалой. Вятка отдѣлилась отъ Новгорода только потому, что она была слишкомъ отъ него удалена. Въ Ростовско-Суздальской землѣ мы видимъ, напротивъ, что всякій возвышающійся пригородъ хлопочетъ не только о независимости отъ стараго своего города, но и о главенствѣ земскомъ. Такъ Владиміръ побѣдилъ Ростовъ и сталъ главою земли; затѣмъ Москва, одинъ изъ самыхъ незначительныхъ пригородовъ Владимірскихъ, при возвышеніи своемъ беретъ уже безъ борьбы власть у Владиміра; Тверь, а потомъ Нижній-Новгородъ, оспариваютъ власть у Москвы, но это имъ не удается: борьба съ Москвою становится имъ не по силамъ. Возвышеніе пригорода прежде всего обусловливалось личностью князя, его характеромъ, его силою. Такъ Владиміръ былъ возвышенъ Андреемъ Боголюбскимъ. Мы видѣли, какъ онъ украшалъ его постройками, какъ стекались къ нему во Владиміръ „сходцы" изъ разныхъ земель. Всеволодъ, братъ Андрея, былъ излюбленнымъ княземъ Владимірцевъ, избранный ихъ вѣчемъ, и его личность, его громкая слава возвысили Владиміръ. Вслѣдствіе этого возвеличенія Владиміра, у Владимірцевъ сложилось невольное благоговѣніе къ Всеволоду; его личность въ ихъ представленіи стала идеаломъ князя, идеаломъ верховной власти, утвержденной Богомъ и освященной чудесами Владимірской иконы Божіей Матери.

Всякій успѣхъ Всеволода есть „новое чудо" этой иконы. Такъ побѣда Всеволода надъ Мстиславомъ Ростислави-

чемъ объясняется лѣтописцемъ видѣніемъ, которое предстало Всеволоду и его войску за Суздалемъ. Весь городъ Суздаль до основанія видѣнъ былъ стоящимъ на воздухѣ, а рядомъ съ городомъ явилась Владимірская икона Божіей Матери. Всеволодъ и воины его были поражены видѣніемъ, и всѣ, видѣвшіе его, говорили князю: „княже правъ еси, поѣди противу ему (Мстиславу)“ (25).

Суздальскій лѣтописецъ, сторонникъ и панегиристъ Всеволода, такъ характеризуетъ власть князя: „Ростовци, говоритъ онъ, помысливше высокоумiемъ своимъ, не вѣдуще яко Богъ даетъ власть ему же хощетъ: поставляетъ бо царя и князя вышній. Аще вся земля управится предъ Богомъ, поставляетъ ей князя праведна, любища судъ и правду; аще бо князи правдиви бываютъ, то много отдается согрѣшенья земли той, поне *то есть глава земли*“ (26).

По отзывамъ Суздальскаго лѣтописца Всеволодъ является „благосердымъ“. Изъ сопоставленія всѣхъ его дѣяній нельзя однако придти къ заключенію, чтобы благосердіе было основнымъ его качествомъ. Этотъ знаменитый князь, отъ котораго произошло все потомство сѣверовосточныхъ, Ростовско-Суздальскихъ князей, прозванный за это позднѣйшими лѣтописцами „большимъ гнѣздомъ“, князь, съ личностью котораго связано начало представленія о божественномъ освященіи верховной власти,—представляется намъ не столько „благосердымъ“, сколько человѣкомъ съ необыкновеннымъ умомъ, съ тонкимъ „земскимъ“ тактомъ. Осмотрительность и разсчетъ являются отличительными чертами его характера. Твердая воля, которую онъ ловко умѣетъ маскировать желаніемъ своихъ приближенныхъ, желаніемъ своей дружины, и умѣнье пользоваться обстоятельствами—вотъ тѣ отличительныя фамильныя черты, которыя проявляются во всѣхъ его даровитыхъ потомкахъ. Эти черты, составляя основу личнаго характера Московскихъ князей, являются одною изъ силъ, возвысившихъ Москву. Другія черты, отличающія Московскихъ „со-

---

(25) П. С. Л. I, 161.

(26) Ibid. 161.—По смерти брата своего Михаила (1184), Всеволодъ становится единымъ княземъ земли Ростовско-Суздальской, в. княземъ Владимірскимъ. Владимірцы цѣлуютъ крестъ ему и «на дѣтяхъ его». (П. С. Л.—*тамъ же*). Это первый примѣръ присяги потомству князя.

бирателей земли Русской". Скопидомство, домовитость, семейственность—имѣютъ свой корень также въ характерѣ Всеволода. Въ немъ просвѣчиваетъ уже тотъ типъ „князя-домовладыки", „князя-вотчинника", который окончательно установляется въ Московскомъ государѣ.

Всеволодъ не былъ воинственнымъ княземъ; на войнѣ онъ обыкновенно медлитъ, выжидаетъ. Онъ стремится къ одному: укрѣпить свое земское значеніе—не только въ своей области, Ростовско-Суздальской, но во всей землѣ Русской. Южный пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ" такъ выразилъ его силу на своемъ эпическомъ языкѣ: „*ты, княже Всеволоде, можеши Волгу весла раскропити, а Донъ шеломы выльети*" (27). „Бѣ заступникъ твердъ и непобѣдимъ", говоритъ о Всеволодѣ Переяславскій лѣтописецъ, „во всѣхъ земляхъ силою честнаго креста, и нетокмо единой Суждальской земли заступникъ бѣ, но и всѣмъ странамъ земля Роусскыя, и Новгородской, и Муромской" (28). „Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изъиде слухъ его, и вся зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его",—говоритъ о Всеволодѣ Суздальская лѣтопись (29), а Переяславская называетъ его „миродержцемъ Суждальской земли" (30).

Далеко не такимъ представляется по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ второй сынъ Всеволода—Юрій, ставшій послѣ его смерти великимъ княземъ Владимірскимъ. Юрій составляетъ совершенную противуположность Всеволода. Онъ является въ лѣтописныхъ разсказахъ не добрымъ до своихъ меньшихъ братьевъ, оставленныхъ Всеволодомъ ему „на руки", хитрымъ, корыстолюбивымъ, надменнымъ на словахъ и трусливымъ на дѣлѣ, безхарактернымъ, подчиняющимся во всемъ второму своему брату, Ярославу (31). Такой князь

---

(27) «Слово о полку Игоревѣ» по списку, найд. между бумагами императрицы Екатерины II, изд. акад. П. П. Пекарскимъ, с. 15. (Прилож. къ V т. Зап. акад. Н. № 2., Соб. 1864).

(28) Лѣтописецъ Переясл.-Суз., с. 110.

(29) П. С. Л. I, 184.

(30) Лѣтописецъ Переясл.-Суз. с. 110.

(31) Для характеристики Юрія особенно важны: «Сказаніе о Липецкой битвѣ» подъ 1216 г. въ Троицкой лѣтописи (П. С. Л. I, 213—214), свидѣтельства лѣтописца Переяславля Суздальскаго (с. 111) и Лаврентьевскаго подъ 1217 г. (П. С. Л. I, 186).

княжество въ концѣ XIII в. выдѣляетъ изъ себя три удѣла: Городецкій, Нижегородскій и Московскій. Переяславское княжество, увеличивая свою территорію владѣніями Новгорода-Великаго, выдѣляетъ изъ себя въ концѣ XIII в. удѣлъ Тверской. Два столѣтія слишкомъ борятся всѣ эти княженія между собою изъ-за первенства въ землѣ, изъ-за земскаго главенства. Мы указали уже выше на эту борьбу, характеристическую въ томъ отношеніи, что каждый меньшой пригородъ стремится выхватить земское главенство у старшаго города. Возвышеніе того или другаго княженія въ теченіе всей этой борьбы является въ обратномъ отношеніи къ обособленію княженій. Обособляются эти княженія по *степени старшинства* городовъ, а возвышаются по степени ихъ *молодости*.

Обособленіе княженій Ростовско-Суздальской земли не можетъ быть объяснено одной только многочисленностью потомковъ Всеволода—большаго гнѣзда. Это обособленіе обусловливается развитіемъ и возвышеніемъ городовъ, пріобрѣтающихъ все большее и большее земское значеніе. Возвышеніе же городовъ, въ свою очередь, опредѣляется возрастающимъ заселеніемъ земли. Мы указали выше (37) на факторы заселенія Ростовско-Суздальской земли, на виды колонизаціи вольной, княжеско-военной, монастырской и промышленно-торговой; теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть направленіе княжеско-военной колонизаціи при Андреѣ Боголюбскомъ, Всеволодѣ и Юріѣ.

Главнѣйшимъ проводникомъ княжеско-военной колонизаціи въ Ростовско-Суздальскую землю со второй половины XII в. до начала XIV, какъ и прежде, оставалась Волга, эта величайшая водная артерія земли Ростовско-Суздальской, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всей земли Русской. Преобладающимъ, но не исключительнымъ, направленіемъ княжеско-военной колонизаціи было направленіе на востокъ по самой Волгѣ и Окѣ съ лѣвыми ея притоками, Клязьмой и Москвой-рѣкой. Кромѣ того, колонизація шла также и на западъ, и на сѣверъ. Западное и сѣверное направленіе княжеско-военной колонизаціи пало на долю Ростовскаго княженія; ему же

---

(37) См. нашихъ очерковъ главу 2-ю, стр. 64—66; Снес. тоже главу 1-ю, стр. 49—60.

принадлежитъ заселеніе верховьевъ Волги. Инициатива восточнаго направленія княжеской колонизаціи, стремленіе въ низовья Волги по Окѣ и ея притокамъ, принадлежитъ великимъ князьямъ Владимірскимъ и князьямъ Суздальскимъ([38]).

По Клязьмѣ колонизація направлялась внизъ по ея теченію. Главными цѣлями этой колонизаціи были: во 1-хъ, утвержденіе на Окѣ, для защиты предѣловъ Ростовско-Суздальской земли отъ притязанія Рязанскихъ князей, и во 2-хъ, защищеніе пути изъ Владиміра на Волгу, старинную дорогу въ землю Болгарскую и въ Хвалисы. До сихъ поръ по Клязьмѣ, преимущественно по ея правому берегу, отъ Владиміра до впаденія Клязьмы въ Оку, существуетъ рядъ селеній, носящихъ названіе „городковъ“ и „городищъ“, вблизи которыхъ находятся остатки земляныхъ укрѣпленій; г. Раевскій, редакторъ „списка населенныхъ мѣстъ Владимірской губерніи“, насчитываетъ пять такихъ селеній, изъ которыхъ одно находится на лѣвомъ берегу Клязьмы, а четыре на правомъ ея берегу([39]). Лѣтописи также упоминаютъ о существованіи городовъ по Клязьмѣ. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ о Гороховцѣ, городкѣ на Клязьмѣ, состоявшемъ во владѣніи Владимірскаго Успенскаго Собора([40]). Кромѣ Гороховца, лѣтопись называетъ еще Стародубъ и Ярополчъ([41]).

Колонизаціонное движеніе князей по Москвѣ-рѣкѣ шло на западъ, по ея верховью, и на востокъ, къ низовью, слѣ-

---

([38]) Княжеско-военную колонизацію въ предѣлахъ собственно Ростовскаго княжества и его удѣловъ мы разсмотримъ подробно въ 3-й главѣ нашихъ очерковъ, а здѣсь, для полноты общей картины бо́льшаго и бо́льшаго распространенія Великорусскаго племени въ землѣ Ростовско-Суздальской и постепеннаго расширенія этого племени на востокъ, — мы остановимся на колонизаціонномъ движеніи в. князей Владимірскихъ и князей Суздальскихъ.

([39]) Сп. насел. мѣстъ Влад. губ., *введ.* с. 46. См. также Влад. Сборникъ. Тихонравова, с. 63—64.

([40]) Подъ 1237 г. лѣтопись въ первый разъ упоминаетъ «градъ св. Богородицы» Гороховецъ, въ числѣ городовъ, взятыхъ Татарами. П. С. Л. I, 198; VII, 144.—Въ позднѣйшемъ спискѣ городовъ Гороховецъ показанъ въ числѣ городовъ «Залѣсскихъ». (Bil. VII, 241).

([41]) П. С. Л. VII, 125 и 241.—Погодина: Изслѣд., замѣчанія и лекціи. IV, 289.—Спис. сп. насел. м. Влад. губ. *введ.*, стр. 46.

дуя исконѝму стремленію Славянъ, при утвержденіи на рѣкѣ завладѣвать ея верховьемъ и устьемъ. Вслѣдствіе этого-то стремленія Суздальскіе, а потомъ Московскіе князья стали добывать себѣ, прежде всего, Можайскъ, лежавшій въ верховьи Москвы-рѣки, и Коломну, охранявшую устье этой рѣки на Окѣ—чѣмъ и объясняются непріязненныя отношенія Суздальскихъ князей къ князьямъ Рязанскимъ, а Московскихъ князей къ Рязанскимъ и Смоленскимъ. При движеніи по верховьямъ рѣки Москвы, вѣроятно, въ періодъ времени XII—XIII вѣковъ основаны Звѣнигородъ и Руза. Звѣнигородъ былъ передовымъ стратегическимъ пунктомъ при этомъ движеніи. Это можно заключить изъ того, что мѣсто, на которомъ основанъ Звѣнигородскій Саввинъ монастырь, во второй полов. XIV в. называлось изстари „*сторожами*“, вслѣдствіе чего и самый монастырь назвался „Сторожевскимъ“ (42). Городъ Бронницы, лежащій въ низовьи Москвы-рѣки, имя котораго впервые встрѣчается въ XV в., могъ быть однимъ изъ давнишнихъ укрѣпленій по Москвѣ-рѣкѣ (43). Самое имя „Бронницы“ указываетъ на военное значеніе этого поселенія.

Путемъ на Волгу Владимірскіе и Суздальскіе князья входили въ столкновеніе съ Болгарами (44) и съ Мордвою.

---

(42) Арх. Аѳанасій: «Ист. Росс. іерарх.» ч. II, с. 548 и слѣд.—А. Ратшина: «Полн. собр. ист. свѣд. о всѣхъ монаст. и примѣчат. церкв. въ Россіи». с. 218—220. *Снес.* Списки насел. мѣстъ Московск. губ., *введ.* стр. 16.

(43) Сп. насел. мѣстъ Московск. губ., *введ.* стр. 18.

(44) По мнѣнію И. А. Опрсова, Болгары Волжскіе не были отдѣльнымъ народомъ, отличавшимся отъ сосѣдей происхожденіемъ. Болгарами, по имени главнаго города страны, назывались всѣ вообще обитатели Поволжья, подчинившіеся власти Болгарскаго царя, а въ особенности тѣ, которые жили въ городахъ (См. И. А. Опрсова: «Положеніе инородцевъ сѣверо восточн. Россіи въ Московскомъ государствѣ». Казань 1866 г., с. 7 и 8).

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ 103-мъ примѣчаніи ко 2-й главѣ нашихъ очерковъ, о Болгарахъ Волжскихъ. См. также: И. Березина: «Булгаръ на Волгѣ», Уч. Зап. Каз. Университета 1852 г. кн. 3-я и П. С. Савельева: «Нов. источн. Болгарск. исторіи для объяснен. хронологіи и генеалогіи Болгарск. госуд. IX в.», Ж. М. Н. Пр., ч. XLII, отд. II, с. 152.—Снес. также Frehn'a: «Ibn-Fozlan's und andere Araber Berichte» Spb. 1823.

Въ 1164 году лѣтомъ Андрей Боголюбскій предпринялъ большой походъ въ землю Болгарскую. Съ нимъ пошли: братъ его Ярославъ, сынъ Изяславъ и Муромскій князъ Юрій. Передъ походомъ боголюбивый князь Андрей причастился св. тайнъ и, припадая со слезами къ иконѣ Владимірской Богоматери, просилъ у нея заступничества и побѣды на „безбожныя Агаряны Болгарскіе“. Икону, по своему обычаю, онъ велѣлъ нести передъ войскомъ священникамъ, облаченнымъ въ ризы. Князю Андрею былъ видѣнъ лучъ, исходившій отъ иконы и осѣнявшій его полкъ. „Се бысть новое чудо св. Богородицы Владимірской“, говоритъ Суздальскій лѣтописецъ. Походъ былъ удаченъ вполнѣ. Болгарскій городъ Брахимовъ былъ взятъ, а „предніи городы“—сожжены. Болгарскій князь въ страхѣ убѣжалъ съ небольшимъ отрядомъ къ Великому городу. На Болгаръ была наложена дань. Съ торжествомъ вернулся Боголюбскій во Владиміръ, благодаря Бога за побѣду (45).

Далеко не такъ удаченъ былъ зимній походъ на Болгаръ въ 1172 г.; походъ этотъ едва не кончился совершенною гибелью войска Андрея Боголюбскаго и подручныхъ ему князей. „Бысть не любь путь всѣмъ людіемъ, говоритъ лѣтописецъ, негодно бо есть зимѣ воевати Болгаръ“. Многіе плакали, идя въ походъ по неволѣ (46). На этотъ разъ Андрей послалъ сына своего Мстислава. На устьи Оки онъ долженъ былъ ждать двѣ недѣли князей Рязанскаго и Муромскаго; люди его роптали, а потому Мстиславъ не дождавшись князей, съ малою дружиною двинулся на Болгаръ, оставивъ главныя войска и „нарядъ весь“ подъ начальствомъ воеводы Бориса Жидиславича. Первые подвиги Мстислава были удачны: захвативъ въ расплохъ Болгаръ, онъ взялъ одинъ городъ и шесть большихъ селъ, перебилъ пропасть народу и набралъ много плѣнныхъ. Болгары, услыхавъ, что у Мстислава малая дружина, собрали между тѣмъ 6000-ное войско, и чуть-чуть не настигли Мстислава, который еле-еле успѣлъ убѣжать отъ нихъ и соединиться съ Борисомъ Жидиславичемъ

(45) П. С. Л. I, 130—134; VII, 77; IX, 230; XV, 230—236.
(46) Ibid. I, 135; IX, 247.

на устьи Оки. Войска возвратились во Владиміръ „въ нуждѣ“, т. е. въ весьма плохомъ состояніи (47).

Въ 1183 г. Всеволодъ Юрьевичъ пошелъ на Болгаръ съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Глѣбовичемъ, Рязанскими князьями Романомъ и Игоремъ, и Муромскимъ княземъ Владиміромъ. Черниговскій князь Святославъ Всеволодовичъ, бывшій въ то время съ Всеволодомъ въ пріязни, прислалъ къ нему сына своего Владиміра и племянника Мстислава Давидовича. Всеволодъ,—вѣроятно, помня опасность, въ которой находился въ 1172 г. Мстиславъ Андреевичъ,—принялъ всѣ мѣры предосторожности. Высадившись въ Исадахъ, онъ оставилъ тамъ, при лодкахъ одинъ Бѣлоозерскій полкъ подъ начальствомъ воеводы, Ооны Назаковича и Дорожая,—самъ же, съ остальными князьями и главнымъ войскомъ, двинулся вглубь земли Болгарской къ самому Великому городу, разсылая впередъ развѣдные отряды. На пути пристали къ нему Половцы, „Емякове“ (какъ сказано въ лѣтописи), пришедшіе тоже воевать землю Болгарскую. При осадѣ Великаго города былъ тяжело раненъ Изяславъ Глѣбовичъ. Болгары собрали силу въ 5000 человѣкъ и направились къ Исадамъ, оставивши Всеволода осаждать Великій городъ. Подъ Исадами они потерпѣли отъ Бѣлозерскаго полка совершенное пораженіе и стали просить у Всеволода мира. Всеволодъ, простоявъ подъ Великимъ городомъ десять дней, и, видя что Изяславъ изнемогаетъ отъ раны, согласился на миръ и едва успѣлъ дойти до своихъ лодій, какъ Изяславъ умеръ. Съ тѣломъ племянника поѣхалъ Всеволодъ, сопровождаемый остальными князьями съ дружинами ихъ, во Владиміръ по Волгѣ, а конное войско было послано черезъ землю Мордовскую (48).

До конца жизни Всеволода (1213) Болгары не безпокоятъ Ростовско-Суздальскую землю своими набѣгами и противъ нихъ не предпринимается походовъ. Всеволодъ умѣлъ ладить съ своими грозными сосѣдями. Но едва онъ умеръ,—Болгары снова подымаютъ голову. В. 1218 г. Болгары явились подъ Устюгомъ и взяли его „лестью“ т. е. обма-

(47) Ibid. I, 155; II, 106—107; VII, 88; IX, 230.
(48) Ibid. I, 164—165; II, 125—126; VII, 96—97.

помъ; потомъ пошли къ Унжѣ, но унжане отбились отъ нихъ (49).

Черезъ два года, въ 1220 г. предпринимается опять огромный походъ на Болгаръ, такъ сказать цѣлая военная экспедиція. Главой, предводителемъ этого похода является Святославъ Всеволодовичъ, братъ великаго князя Юрія. Съ нимъ послали свои войска: братъ его князь Переяславскій Ярославъ, Давидъ Муромскій и Юрій Рязанскій; послѣдніе двое послали сыновей своихъ. Всѣ эти войска двинулись Волгой и осадили г. Ошелъ, который былъ зажженъ и взятъ приступомъ 15 іюня. Множество богатствъ и плѣнниковъ досталось побѣдителямъ, и Святославъ, придя къ Исадамъ, велѣлъ на радостяхъ распустить стяги и играть музыкѣ. Изъ Исадъ на лодьяхъ спустился онъ къ устью Камы, гдѣ соединился съ Ростовскимъ воеводою Вославомъ Добрыничемъ, посланнымъ княземъ Ростовскимъ Васильком въ землю Болгарскую верховьями Камы. Вославъ покорилъ по Камѣ много городовъ и селъ и плѣнилъ всѣ области. Во Владимірѣ на Клязьмѣ встрѣтилъ побѣдителя Святослава великій князь Юрій съ дѣтьми и „честь велику возда ему и всѣмъ воемъ за три дни“,—т. е. въ продолженіи трехъ дней былъ пиръ (50).

Зимой слѣдующаго 1221 г. великій князь Юрій сталъ самъ „рядиться“ на Болгаръ. Болгары, напуганные побѣдами Суздальцевъ въ прошломъ году, прислали къ Юрію пословъ съ челобитьемъ о мирѣ; онъ не принялъ ихъ челобитья и началъ собирать войска. Велѣвши Васильку, князю Ростовскому идти на Городецъ, онъ самъ пришелъ на Омутъ (?). Тамъ явились къ нему другіе послы Болгарскіе съ просьбой о мирѣ, но и тѣхъ Юрій отпустилъ безъ мира. Когда великій князъ пришолъ въ Городецъ, Василько Ростовскій ждалъ уже его тамъ. Болгары посылаютъ къ Юрію третьихъ пословъ со многими дарами. На этотъ разъ Юрій, наконецъ, смиловался и „дасть имъ миръ по давному, какъ

(49) Ibid. I, 215; VII, 126.

(50) Ibid. XV, 330 и 331—самое подробное описаніе этого похода. Короче въ Лаврентіевской Лѣтописи (I, 188) и въ Воскресенской (VII, 126).

было при отцѣ его Всеволодѣ". Онъ послалъ приводить Болгаръ къ присягѣ, а самъ возвратился во Владиміръ ([51]).

То былъ послѣдній, занесенный въ лѣтопись, походъ Суздальскихъ князей на Болгаръ. Въ томъ же 1221 году на устьи Оки, около того мѣста, гдѣ сходились изъ разныхъ земель княжія дружины на общаго врага—Болгаръ, заложенъ великимъ княземъ Юріемъ Новгородъ—Нижній ([52]). Нижній съ одной стороны является результатомъ торжества надъ Болгарами, а съ другой—становится защитой отъ Мордвы, безпокоившей своими набѣгами окраины земли Ростово-Суздальской.

Подробныя лѣтописныя сказанія о походахъ Ростово-Суздальскихъ князей въ землю Болгарскую представляютъ любопытныя данныя для географіи и этнографіи этой земли.

Границей, или, лучше сказать, крайнимъ урочищемъ Болгарской земли къ землѣ Мордовской была рѣка Цѣвця, а на востокъ—рѣка Яикъ ([53]) При устьи Цѣвци на Волгѣ былъ островъ Исады, служившій обыкновенной пристанью для лодій Суздальскихъ князей, на которыхъ они отправляли свои войска въ землю Болгарскую. Кромѣ Цѣвци въ лѣтописи упоминается еще въ землѣ Болгарской рѣка Черемисанъ, протекавшая около Великаго города, самаго замѣчательнаго изъ Болгарскихъ городовъ по своей обширности и торговлѣ. Городъ этотъ лежалъ на Волгѣ, противъ устья Камы, и развалины его до сихъ поръ напоминаютъ потомству о сильномъ въ оно время Болгарскомъ царствѣ. Кромѣ Великаго города было еще много городовъ, изъ которыхъ по именамъ извѣстны: Брякимовъ (на Камѣ), Тукчинъ (лежалъ къ Ростово-Суздальской землѣ ближе Великаго города), Собекульи, Челматъ (на Камѣ, или на Волгѣ ниже Великаго города), Торцкій городъ (около

([51]) П. С. Л. XV, 332.—Ср. у Татищева: «Ист. Россіи». III, с. 418—421.

([52]) П. С. Л. I, 189; XV, 334. Татищевъ (Ист. Росс. III, 428) говоритъ, что Нижній-Новгородъ построилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ «издавна былъ градъ Болгарскій и отъ Русскихъ разоренъ».—Сличите Мельникова: «Очерки Мордвы». Р. В. 1867 г. кн. 6 стр. 497—примѣч. и наше 44-е примѣчаніе къ наст. главѣ.

([53]) П. С. Л. I, 192.

Волги, выше Великаго города) и Ошелъ, богатый торговлею, по преданію построенный Александромъ Македонскимъ (тоже выше Великаго города). Точное мѣстоположеніе всѣхъ этихъ городовъ опредѣлить невозможно.

Болгарскій городъ былъ обведенъ кругомъ *дубовымъ тыномъ*, или *острогомъ*, за которымъ помѣщались, два *оплота*, отдѣленные одинъ отъ другаго *земляным валомъ*; эти оплоты, по всей вѣроятности, составлялись изъ сколоченныхъ бревенъ (54). Иногда, впрочемъ, оплоты ставились, кромѣ того и передъ острогомъ, для защиты легкаго пѣшаго отряда (55). Кромѣ городовъ у Болгаръ были и *села*, отличавшіяся, по всей вѣроятности, только тѣмъ отъ города, что не были укрѣплены. Лѣтописи различаютъ разныя вѣтви Болгаръ, составлявшія независимыя другъ отъ друга области и управлявшіяся особыми князьями. Такъ имъ извѣстны: Болгары „Серебряные“, въ области которыхъ былъ Великій городъ, „Собѣкуляне“, „Чалмати“ и „Темтюзи“ (56). Въ какомъ іерархическомъ отношеніи находились эти области и князья между собою?, какое было правленіе у Болгаръ?—на такіе вопросы лѣтопись положительно не даетъ ни какого отвѣта.

Съ XIII в. къ Болгарамъ начинаетъ проникать Христіанство, по всей вѣроятности, изъ земли Ростовско-Суздальской. Лѣтопись разсказываетъ, что въ 1229 г., въ Великомъ городѣ былъ убитъ Болгарами христіанинъ, „торговый человѣкъ“ Авраамій, происхожденіемъ не русскій, „а инаго языка“. По словамъ лѣтописца, Богъ наказалъ Болгаръ за смерть Авраамія страшнымъ пожаромъ, истребившимъ почти весь ихъ богатый Великій городъ и всѣ склады товаровъ, въ немъ бывшіе. Авраамій былъ похороненъ въ Великомъ городѣ на кладбищѣ, „*идеже и прочихъ христіанъ погребаху въ земль Болгарской*“ (57).

---

(54) II. С. Л. XV, 330—331.

(55) Ibid. I, 164—165; VII, 96—97.

(56) Ibid. II, 126; XV, 330—331. «По Камѣ взяша многіи грады, и села и области». (XV, 330).

(57) Ibid. I, 192; VII, 133.—Объ Авраамій см. статью въ Казанск. губ. вѣд. 1847 г., № 19.

Столкновенія съ Мордвой упоминаются въ лѣтописи съ Всеволода Юрьевича. Первое извѣстіе о недружелюбныхъ его отношеніяхъ къ Мордвѣ находится, какъ мы видѣли выше, въ описаніи его большаго похода на Болгаръ въ 1183 г. (58). Но молчаніе лѣтописи о столкновеніяхъ до Всеволода не есть еще доказательство того, что столкновеній этихъ не было. Молчаніе лѣтописи можетъ быть принято только какъ указаніе того, что столкновенія эти не обращали на себя вниманія лѣтописца, а не обращали они его вниманія потому, что столкновенія съ Мордвой были заслонены большими походами на Болгаръ. О столкновеніяхъ съ Мордвой Ростово-Суздальскихъ князей еще при Андреѣ Боголюбскомъ можно уже заключить изъ того, что во время походовъ на Болгаръ сборнымъ мѣстомъ княжихъ дружинъ было устье Оки, около котораго съиздавна жила Мордва. На этомъ сборномъ мѣстѣ возникаетъ Нижній-Новгородъ. Столкновенія съ Мордвой, вызвавшія построеніе Нижняго, о которыхъ молчитъ лѣтопись, закрѣплены за исторіей памятью народной. Народныя преданія, русскія и мордовскія, о возникновеніи Нижняго весьма любопытны по своимъ подробностямъ.

По одному русскому преданію, на томъ мѣстѣ гдѣ теперь Нижній, во времена стародавнія жилъ знатный, сильный Мордвинъ по имени Скворецъ, который былъ женатъ на 17-ти женахъ и имѣлъ отъ нихъ 70 сыновей; всѣ они жили вмѣстѣ, занимаясь скотоводствомъ. Скворецъ спросилъ о судьбѣ сыновей своихъ у чародѣя Дятела, тоже Мордвина, живша-го въ ущельи горъ, около Оки. Дятелъ отвѣчалъ, что если дѣти Скворца будутъ жить мирно и согласно другъ съ другомъ, то долго будутъ обладать этими мѣстами, если же поссорятся, то будутъ покорены Русскими, которые поставятъ здѣсь на Окѣ крѣпкій городъ. Послѣ этого отвѣта Дятелъ умеръ; за нимъ вскорѣ умеръ и Скворецъ. Сыновья и внуки Скворца жили между собою въ мирѣ, но потомки ихъ размножились и стали враждовать другъ съ другомъ. Предсказаніе Дятела исполнилось. Святой князь Андрей Боголюбскій согналъ ихъ съ устья Оки, а другой святой князь,

(58) П. С. Л. I. 165.

Георгій поставилъ на Дятловыхъ горахъ Нижній-Новгородъ (59).

Другое русское же народное преданіе говоритъ, что на устьѣ Оки, въ стародавнія времена жилъ Мордвинъ Абрамка съ своими 17-ю сыновьями въ 17-ти домахъ. Онъ былъ „панокъ“ мордовскій. Когда Абрамка услыхалъ, что Русскіе собираются на Мордву, онъ укрѣпилъ свое селеніе, которое стало съ тѣхъ поръ зваться „Абрамовымъ городкомъ“. Русскіе взяли этотъ городокъ, сожгли его, а жителей перебили и поставили выше по Окѣ свой городокъ. Мордва, услыхавъ о гибели Абрамки и его городка, выступила противъ Русскихъ; Русскіе отбились отъ нея, потому что были на коняхъ, а Мордва была пѣшая. Узнавъ объ этомъ, русскій великій князь самъ двинулся на Мордву и, завладѣвъ ея землями по Волгѣ и Окѣ, основалъ на Окѣ Нижній-Новгородъ (60).

Мордовское преданіе о подчиненіи Мордовской земли Суздальскому князю весьма характеристично; оно сохранилось въ формѣ былины о „*Мурзѣ—Московскомъ царѣ*“. На Дятловыхъ горахъ, говоритъ былина, молилась Мордва своему богу. По Волгѣ ѣдетъ Мурза—Московской царь и видитъ, что на Дятловыхъ горахъ „березникъ мотается, къ землѣ матушкѣ преклоняется“. Мурза посылаетъ своихъ слугъ посмотрѣть вблизи, что это за березникъ? Слуги пошли къ Дятловымъ горамъ и, возвратившись, объявили Мурзѣ, что это „не березникъ мотается, а Мордва своему богу молится, къ землѣ матушкѣ преклоняется“. Мурза распрашиваетъ слугъ о томъ, какъ молится Мордва? Они ему разсказываютъ подробно о мордовскомъ „молянѣ“. Мурза даритъ „мордовскимъ старикамъ“ боченокъ золота. Старики посылаютъ Мурзѣ—Московскому царю за его подарокъ въ даръ: *медъ*, *хлѣбъ* и *соль*. Послали они свои дары съ „молодыми робятами“, которые, уставши, поѣли медъ, хлѣбъ и соль и вмѣсто нихъ наклали на блюдо *земли* и *песку* и поднесли ихъ Мурзѣ—Московскому царю. Онъ принялъ это за знакъ

---

(59) Ст. Мельникова: «Очерки Мордвы» Р. В. 1867 г. кн. 6-я стр. 494.

(60) Ibid. с. 495—498. и соотвѣтствующія имъ подстрочныя примѣчанія.

подчиненія себѣ земли Мордовской и восхвалилъ Бога. Поплылъ Мурза по Волгѣ и

„гдѣ броситъ земли горсточку,—
быть тамъ градечку,
гдѣ броситъ щепоточку,—
быть тамъ селеньицу“ (61).

Но Мордва не сразу подчинилась Великорусскому племени. Она, напротивъ, возставала противъ непрошенныхъ гостей въ своей землѣ. Съ основанія Нижняго-Новгорода, съ 1221 г., тянется рядъ походовъ Суздальскихъ князей противъ Мордвы. Такъ, въ 1226 году ходили на Мордву братья Юрія, Святославъ и Иванъ (62). Въ 1228 г. Юрій послалъ туда Ростовскаго князя Василько Константиновича и своего „мужа“ Еремѣя Глѣбовича, но они должны были возвратиться изъ-за Нижняго „на предѣлахъ Мордовскихъ“ „зане погодья имъ не быть и бяхуть бо дождеве велми день и нощь“ (63). Зимой того же 1222 года былъ предпринятъ большой походъ на Мордву соединенныхъ князей Ростовскихъ, Суздальскихъ и Рязанскихъ. Въ немъ участвовали: великій князь Юрій Всеволодовичъ съ братомъ Ярославомъ, Ростовскіе князья, Василько и Всеволодъ Константиновичи и Муромскій князь Юрій Давидовичъ. Муромскій князь, идя изъ своей области, вошелъ въ Мордовской землѣ въ „Пургасову волость“ и предалъ ее полному разворенію, такъ что „нашимъ князьямъ“, говоритъ Суздальскій лѣтописецъ, „небысть кого воевати“ (64). Пургасъ, одинъ изъ племенныхъ старѣйшинъ Мордвы, волость котораго подверглась такому разворенію, явился въ слѣдующемъ 1229 г. подъ Нижнимъ, но былъ отбитъ (65). Въ томъ же году былъ новый походъ на „Мордву Пургасову“ великаго князя Юрія съ братьею и Пургасъ былъ наконецъ укрощенъ (66). Подъ 1232 г. лѣтопись упоминаетъ послѣдній походъ Суздальскихъ и Рязанскихъ князей на Мордву, которой было много избито (67).

---

(61) Ibid. c. 498—501.
(62) П. С. Л. I, 190; VII, 133.
(63) Ibid. I, 191.
(64) Ibid. 191—192
(65) Ibid. 192.
(66) Ibid. XV, 352.
(67) Ibid. I, 196.

Изъ довольно краткихъ лѣтописныхъ извѣстій объ этихъ походахъ мы можемъ все таки почерпнуть нѣкоторыя данныя для этнографіи и быта Мордвы въ XIII в.

Мордва, какъ видно изъ этихъ извѣстій, построеніемъ Нижняго была оттѣснена гораздо далѣе за Оку; очевидно она отбѣжала вглубь своихъ лѣсовъ при водвореніи на Окѣ Суздальцевъ. Мордва раздѣлялась на нѣсколько колѣнъ, поколѣній, имѣвшихъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, старѣйшинъ, изъ которыхъ лѣтопись называетъ Пургаса и Пурешу. Волость перваго, очевидно, была ближе къ Муромскимъ предѣламъ, какъ мы видѣли выше, а Пуреша, какъ кажется, жилъ съ своимъ поколѣніемъ ближе къ Волгѣ, ближе къ Болгарскимъ предѣламъ, потому что на него дѣлали нападенія князья Болгарскіе. Пуреша былъ „*ротникъ*“, т. е. присяжникъ великаго князя Юрія Всеволодовича (68). Пургасъ съ Пурешей жили между собою въ неладахъ; причину этихъ неладовъ очевидно слѣдуетъ искать въ подчиненіи волости Пуреши Суздальскому князю. Этими неладами пользовался Юрій для утвержденія среди непокорной Мордвы великорусскаго элемента: такъ изъ извѣстія Лаврентьевской лѣтописи подъ 1229 г. объ одной изъ усобицъ между Пургасомъ и сыномъ Пуреши, видно, что въ Пургасовской волости была какая то „Русь“; очень можетъ быть, что это была великорусская колонія (69). „Мордва Пургасова“, какъ видно изъ лѣтописи, занималась въ XIII в., не только охотою и звѣроловствомъ, но и скотоводствомъ и земледѣліемъ. У Мордвы были селенія, ни чѣмъ не защищенныя отъ непріятельскихъ вторженій, такъ что Мордва должна была укрываться въ этомъ случаѣ въ своей „тверди“, въ лѣсахъ. Сражаясь постоянно пѣшею, Мордва могла тамъ успѣшнѣе отбиваться отъ конныхъ дружинъ Ростовско-Суздальскихъ и Рязанскихъ князей (70). Столкновеніями Великорусскаго племени въ Ростовско-Суздальской землѣ съ Мордвой открывается вторая

---

(68) Ibid 191.—Г. Мельниковъ говоритъ, что Пургасъ жилъ на Мокшѣ «(Очерки Мордвы». Р° В. 1867 г, 6, с. 501).—Нельзя ли, по этому, Пургасову волость почесть за Мордву—Мокшу, имѣвшую, какъ мы видѣли, нѣкоторое соотношеніе къ Мери? (См. нашихъ очерковъ гл. I. стр. 22 и 23 и 49-е и 54-е примѣч.)

(69) Ibid. 192.

(70) Ibid. 190—192.

фаза этнографической исторіи этой земли. Въ первую фазу этнографической исторіи, претворивъ Мерю въ народность Великорусскую, славянорусскій элементъ стремится далѣе на востокъ и на пути встрѣчаетъ другое чудское племя, Мордву. Эта вторая фаза заканчивается встрѣчей съ новымъ невѣдомымъ народомъ.

Въ 1223 году на югѣ Россіи появляется невѣдомый, страшный народъ—Татары. Разсказавъ о пораженіи южныхъ князей на Калкѣ этими Татарами, одинъ изъ Суздальскихъ лѣтописцевъ такъ заключаетъ свое повѣствованіе: „сихъ же злыхъ *Татаръ—Таурмень* не свѣдаемъ откуда были пришли на насъ и гдѣ ся дѣли опять, только Богъ вѣсть“! (71) Семь лѣтъ спустя прибѣжали въ землю Болгарскую Половцы снизу, а вслѣдъ за ними Болгарскіе сторожи съ Яика и объявили снова о Татарахъ. (72) Вслѣдъ за этимъ, въ 1230 г. Татары пришли въ землю Болгарскую и зимовали тамъ, не дойдя до Великаго города (73), а въ 1236 году—они взяли этотъ „славный“ Великій городъ, ограбили и сожгли его, избили всѣхъ отъ старца до младенца и „плѣниша всю землю Болгарскую“ (74). Общее несчастіе соединяетъ враговъ. Лѣтописецъ позабылъ свою злобу къ Болгарамъ и съ участіемъ и сожалѣніемъ оплакиваетъ ихъ горькую участь, постигшую ихъ отъ „безбожныхъ Татаръ“.

Въ 1227 году Татары, „окаяннїи кровопійцы“, плѣнили землю Ростовско-Суздальскую. Владиміръ былъ взятъ приступомъ и разрушенъ, в. князь Юрій палъ въ неровномъ бою съ Татарскими полчищами на берегахъ рѣки Сити. Ростовъ, Суздаль и всѣ города земли были преданы огню и мечу. Татары, какъ кипящая лава, разлились по всей землѣ. „Нѣсть мѣста, ни веси ни селъ тацѣхъ рѣдко,—говоритъ оторопѣвшій Владимірскій лѣтописецъ—идѣже не воеваша на Суждальской земли“ (75). „Сотворися велико зло Сужд-

---

(71) Ibid. 219.
(72) Ibid. 192.
(73) Ibid. 195; XV, 359.
(74) Ibid. 196. и 221; XV, 364.
(75) Ibid. II. С. Л. I, 198.

дальской земли; яко же зло не было ни отъ крещенія, якоже бысть нынѣ“.... ([76])

Такъ началось татарское завоеваніе, называемое обыкновенно „игомъ монгольскимъ“. Владычество Татаръ надъ Русской землей тяготѣло почти два съ половиной вѣка. Это владычество, значеніе котораго въ исторіи нашего національнаго развитія до сихъ поръ еще не уяснено должнымъ образомъ, остановило начавшееся поступательное движеніе Великорусскаго племени на востокъ. Поэтому въ исторіи колонизаціоннаго движенія этого племени періодъ такъ наз. ига монгольскаго являетъ собою третью фазу. Эта фаза характеризуется двумя явленіями въ этнографической исторіи Великорусскаго племени. Первое явленіе можно назвать отрицательнымъ, второе—положительнымъ. Отрицательное явленіе есть задержка дальнѣйшаго распространенія Великорусскаго племени на востокъ; явленіе положительное—заключается въ обратномъ этнографическомъ движеніи Татаръ въ землю Ростовско-Суздальскую. Съ XV в., при разложеніи Золотой орды, возобновляется поступательное движеніе Великорусскаго племени на востокъ; взятіемъ Казани во второй половинѣ XVI в. Великорусы окончательно обезпечиваютъ себѣ перевѣсъ надъ востокомъ.

Монастырская колонизація съ конца XII до первой половины XIII в. сосредоточивается преимущественно въ области верхняго теченія Волги, въ территоріи княжества Ростовскаго, а потому, мы коснемся ея ниже, при спеціальномъ разсмотрѣніи Ростовскаго княжества. Въ области Клязьмы и ея притоковъ колонизація монастырской нѣтъ почти вовсе. Здѣсь монастыри строятся преимущественно князьями въ городахъ: Владимірѣ и Суздалѣ.

Изъ монастырей, построенныхъ Андреемъ, извѣстны, кромѣ монастыря Боголюбскаго, Спасскій и Козьмодемьянскій, оба во Владимірѣ ([77]). Къ эпохѣ же Андрея Боголюбскаго можно отнести возникновеніе Переславскаго монастыря, гдѣ под-

---

([76]) Ibid. 197.

([77]) А. Ратшина: «Полн. собр. ист. свѣд. о монаст. и церкв. въ Россіи». с. 43.

визался св. Никита Столпникъ, убитый въ 1186 году (78). Всеволодъ, большое-гнѣздо и сынъ его Юрій украшали преимущественно Владиміръ, свой стольный городъ, а Юрій, кромѣ того, еще и Суздаль, составлявшій его удѣлъ (79). Во вновь построенныхъ Юріемъ городахъ, кромѣ церквей, возникали и монастыри. Такъ мы видимъ Богородицкій монастырь въ Нижнемъ-Новгородѣ (80). При Всеволодѣ и Юріѣ возникли слѣдующіе монастыри, построенные князьями: во Владимірѣ—Успенскій, Вознесенскій, Рождественскій, Цареконстантиновъ и Княгининъ, женскій, въ которомъ постригласъ вдова великаго князя Всеволода; въ Суздалѣ—Ризоположенскій, женскій (81).

Мы уже замѣтили въ началѣ этой главы, что въ эпоху Андрея Боголюбскаго Христіанство окончательно утверждается въ Ростовско-Суздальской землѣ и что православіе начинаетъ пріобрѣтать съ этого времени, такъ сказать, политическое значеніе. Сознаніе земли Ростовско-Суздальской опредѣляется чудесами Владимірской иконы Божіей матери и заступничествомъ покровителя этой земли, св. Леонтія Ростовскаго.

Въ 1160 году въ Ростовѣ былъ пожаръ, истребившій всѣ церкви и въ томъ числѣ деревянную соборную церковь; вмѣсто нея была построена Андреемъ новая, каменная (82). Во время этого пожара были открыты мощи святыхъ Леонтія и Исаіи. Боголюбскій самъ отправился въ Ростовъ, по окончаніи постройки каменной церкви, и съ торжествомъ перенесъ мощи св. Леонтія въ новую церковь. Андрей былъ очень счастливъ открытіемъ мощей. Онъ со слезами припадалъ къ ракѣ святаго и благодарилъ Бога за то, что Богъ сподобилъ его видѣть св. мощи въ области его царства".

---

(78) Ibid стр. 32. Житіе св. Никиты Переяславскаго, въ Рукописи. Сборн. Имп. Публ. Библ. № 640, л. 105—117. Спес. Филарета: «Русскіе святые», мѣсяцъ май, стр. 176—182.

(79) П. С. Л. I, 184, 185, 188, 189, 190, 191, 193—194; 196, 197; XV, 335, 360.—Спес. наше примѣч. 91-е.

(80) П. С. Л. I, 192.

(81) А. Ратшина: Полн. собр. ист. свѣд. о монаст. и церк. въ Россіи. с. 44, 43, 42, 40 и 41.

(82) Житіе св. Леонтія Ростовскаго. Пр. Собес. 1858, кн. 2-я. с. 311.

„Теперь я уже ни чѣмъ *неохуджень* передъ другими“, воскликалъ Боголюбскій. Леонтій сталъ святымъ—покровителемъ всей Ростовско-Суздальской земли. Съ тѣхъ поръ начинается рядъ чудесъ у раки св. Леонтія и въ житіи его и церковной ему службѣ, составленныхъ по случаю открытія мощей, является такая похвала святому: „Римская земля хвалитъ Петра и Павла, Греческая земля—Константина-царя, Кіевская—князя Владиміра; а *Ростовская земля тебя, великій святителе Леонтіе, ублажаетъ, сотворшаго дѣло равноапостольнаго*“ ([83]). Исаія, мощи котораго были открыты вмѣстѣ съ мощами св. Леонтія, оставался до поры до времени „въ великомъ небреженіи“, по словамъ его житія. Мощи св. Исаіи были скромно поставлены въ притворѣ церкви ([84]).

Старый Ростовъ, уступившій земское первенство Владиміру, своему пригороду,—получаетъ съ открытіемъ мощей св. Леонтія значеніе религіознаго центра земли, съ этого времени закрѣпляется за Ростовомъ то религіозное значеніе, которое поставило его въ глазахъ благочестивыхъ нашихъ предковъ на ряду съ Кіевомъ и Новгородомъ, старѣйшими вмѣстилищами русской святыни,—то религіозное значеніе, которое мѣтко охарактеризовано въ народной пословицѣ: „ѣздилъ чортъ въ Ростовъ,—испугался крестовъ“.

Желаніе Андрея и Ѳеодора учредить отдѣльную митрополію во Владимірѣ, какъ мы видѣли, не удалось. За Ростовомъ сохранилось законное право церковно-іерархическаго главенства земли. Преемники Ѳеодора при Всеволодѣ, Лука и Іоаннъ живутъ только по временамъ во Владимірѣ и отличаются отсутствіемъ самостоятельности въ характерѣ. Лука, по словамъ лѣтописца, былъ молчаливъ, милостивъ, ласковъ и кротокъ, а Іоаннъ былъ назначенъ епископомъ изъ духовниковъ в. кн. Всеволода([85]). Только Юрію Всеволодовичу удается получить отдѣльнаго епископа для Суздаля и Владиміра. Въ 1214 году Кіевскій митрополитъ, по его желанію, поставилъ ему

([83]) Ibid. с. 317 и 318.

([84]) Житіе св. Исаіи, ibid. кн. 3-я, стр. 446—447.

([85]) Гр. М. Толстаго Др. Свят. Рост.-Вел.—Историческія свѣдѣнія объ архіереяхъ Ростовскихъ, стр. 69. Чт. М. Общ. Ист. и др. 1847 г. № 2.

въ епископа Симона, игумена Владимірскаго Рождественскаго монастыря (86). Съ того времени, когда начинается обособленіе княженій Ростовско-Суздальской земли, установляется обособленіе и епархій. Ростовская епархія существуетъ съ этого времени независимо отъ Суздальской и Владимірской, а впослѣдствіи, въ концѣ XIII в., при усиленіи Тверскаго княжества, прежде принадлежавшаго къ Ростовской епархіи, является и въ Твери особый епископъ. Это постепенное обособленіе княжествъ и епархій составляетъ отличительную черту княженій Ростовско-Суздальской земли. Стремленіе обособившагося княжества къ независимости церковной, къ отдѣленію епархіи весьма понятно. Возвышающееся княжество желаетъ имѣть и бо́льшее церковное значеніе, вслѣдствіе чего является у в. князей Владимірскихъ постоянное стремленіе къ утвержденію у себя митрополіи. Андрею Боголюбскому это стремленіе не удалось, но оно удалось Юрію Всеволодовичу. Кіевскіе митрополиты начинаютъ съ конца XIII в. посѣщать далекую, но сильную въ то время, землю Ростовско-Суздальскую. Митрополитъ Кириллъ умираетъ въ 1282 году въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, а преемникъ его, Максимъ митрополитъ поставляется въ Суздалѣ и съ 1299 года утверждаетъ свое постоянное пребываніе во Владимірѣ (87). Въ это время усиливается Москва, и преемникъ Максима, св. Петръ переноситъ свою митрополичью резиденцію въ Москву, способствуя тѣмъ еще большому возвышенію Москвы.

Андрею Боголюбскому, по выраженію лѣтописца, *приведе Богъ изъ всѣхъ земель мастери* (88), которые обстраивали ему его волость церквами. Развитіе ремеселъ въ Ростовско-Суздальской землѣ съ Андрея усиливается все больше и больше. Въ распрю городовъ Ростовцы называютъ Владимірцевъ своими холопами „—*каменьщиками*“, что показываетъ, что каменное издѣліе было распространено во Владимірѣ (89). Ан-

---

(86) П. С. Л, I, 185.

(87) Ibid. 208—Архіепископа Филарета: «Ист. Русск. Церкви», пер. 2-й, изд. 4-е. Черниг. 1862 г., с. 76—80.

(88) Ibid. 150; II, 88.

(89) Ibid. I, 159.

дрей Боголюбскій украшаетъ этотъ городъ каменными зданіями и церквами, обводитъ его каменной стѣной и воздвигаетъ много церквей каменныхъ по всей землѣ (90). Большое количество каменныхъ церквей, построенныхъ князьями послѣ Андрея показываетъ распространіе каменнаго дѣла (91); скорость постройки нѣкоторыхъ каменныхъ церквей показываетъ, что каменьщиковъ было очень много. Такъ напр., въ 1218 г. Константинъ Всеволодовичъ заложилъ во Владимірѣ церковь Воздвиженія 6 мая, а 14 сентября церковь была уже освящена (92). Подъ 1194 г. въ Лаврентьевской лѣтописи находится любопытное извѣстіе, показывающее, какъ развились и упрочились мастерства въ Ростовско-Суздальской землѣ: въ городѣ Суздалѣ обновленная церковь Пр. Богородицы была покрыта оловомъ. „Не ища мастеровъ отъ Нѣмець, говоритъ лѣтописецъ, но налѣзе мастеры отъ клеврѣтъ св. Богородици и *отъ своихъ*“. Эти свои мастера были: литейщики олова, кровельщики и штукатуры (93). Въ 1283 г. эта церковь Св. Богородицы была „написана “, т. е. расписана по стѣнамъ и вымощена разноцвѣтнымъ мраморомъ (94). Въ 1230 г. Святославъ Всеволодовичъ разломалъ въ Юрьевѣ-Польскомъ каменную церковь, построенную Юріемъ Долгорукимъ и „созда чюдну рѣзанымъ камнемъ“.

---

(90) ibid. 150.

(91) 1192. Заложи кн. Всеволодъ церковь Рождества св. Богородицы во гр. Володимери—1195. Влаж епископъ Іоаннъ заложи въ воротѣхъ св. Богородици (во Владимірѣ) церковь камену во имя Акыму и Анны.—1200. Всеволодъ заложи (тамъ-же) церкось Усп. нія Богородицы въ монастыри княгини.—1218. В. кн. Конст. Всев. заложи церковь камену во Владимери св. Вздвиженія.—1222. В. кн. Гюрги заложи церковь камену св. Богородицы въ Суждалѣ —1230 Святославъ князь въ Юргевѣ созда церковь камену чюдну. (см. П. С. Л. I, 172, 174, 175, 186. 189, 193). Въ 1185 г., въ большой пожаръ во Владимірѣ, сгорѣло 32 церкви и соборная св. Богородицы; въ пожаръ 1193 г. сгорѣло 14 церквей; въ пожаръ 1199 сгорѣло 16 церквей; въ 1227 году сгорѣло 27 церквей (ibid. 165, 172, 175, 191).—Мы опустили число церквей въ Ростовѣ и Ярославлѣ, потому, что объ этихъ городахъ будемъ говорить въ 5-й главѣ нашихъ очерковъ.

(92) П. С. Л. I, 186.

(93) Ibid. 173.

(94) Ibid. 196.

Князь Святославъ, по словамъ лѣтописи, былъ самъ хорошимъ рѣзчикомъ на камнѣ и собственноручно изукрасилъ свою церковь(95).

Всѣ эти лѣтописныя извѣстія показываютъ что украшеніе церквей въ Ростовско-Суздальской землѣ въ XII и XIII в. уже переступало грань простаго ремесла, что въ украшеніяхъ церквей заботились объ изяществѣ.

Торговля велась попрежнему съ Новгородомъ. Новый Торгъ былъ, какъ и прежде, важнымъ торговымъ пунктомъ и блокада его Суздальскими князьями производила въ Новгородской землѣ „дороговь“ и голодъ. Новгородскіе „гости“, купцы пріѣзжаютъ въ Ростовско-Суздальскую землю (96). Кромѣ Новгородскихъ купцовъ бываютъ тамъ и Смоленскіе, заѣзжающіе въ Ростовско-Суздальскую землю черезъ Новгородъ (97). Изъ туземцевъ является особый классъ купцовъ, что показываетъ, что торговля развилась гораздо больше сравнительно съ прежнимъ (98). Показателемъ развитія торговли того времени можетъ служить существованіе во Владимірѣ особаго *торговища*(99). Всѣ предметы вывоза изъ Ростовско-Суздальской земли намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что хлѣбъ, который въ предшествующій періодъ не вывозился оттуда въ Новгородъ, въ разсматриваемую эпоху могъ вывозиться. Кромѣ хлѣба, изъ Ростовско-Суздальской области могли вывозить въ Новгородъ лёнъ и хмѣль (100).

---

(95) Тверск. П. С. Л. XV, 355.

(96) П. С. Л. I, 215.

(97) Ibid.

(98) Ibid. 163; II, 119; XV, 323; Лѣтописецъ Переясл.-Суз., 91.

(99) П. С. Л. I, 186; XV, 326.

(100) Предметы вывоза изъ Ростовско-Суздальской земли въ Новгородъ и размѣры торговли съ Новгородомъ опредѣляются въ позднѣйшее время, начиная со 2-й полов. XIII в., въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ Тверскими князьями. Въ договорной грамотѣ 1305 г. съ Михаиломъ Ярославичемъ встрѣчается выраженіе, дающее намъ нѣкоторое право заключить, что и въ разсматриваемую эпоху торговля Новгорода съ Ростовско-Суздальской землей производилась на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ началѣ XIV в. «А рубежь ти, княже, читаемъ мы въ этой грамотѣ, межю Суждальскою землею и Новгородскою дати ти старый, како было при отцѣ твоемъ Ярославѣ и при *прадѣдѣ твоемъ Ярославѣ*» (Собр. Госуд. Гр. и догов. т. I, № 8). Основываясь на этомъ выраженіи, мы, кажется безъ большой ошиб-

Урожаи хлѣба, очевидно, были хороши въ Ростовско-Суздальской землѣ, п. ч. голодъ съ половины XII до половины XIII в. упоминается въ лѣтописи только однажды, подъ 1215 годомъ (101), а дурной урожай тоже одинъ разъ, подъ 1229 годомъ: „рожь не родися по всей нашей земли, говоритъ Суздальскій лѣтописецъ, и дорого бысть жито“ (102).

Въ первой главѣ нашихъ очерковъ мы представили выводы графа А. С. Уварова и П. С. Савельева изъ курганныхъ раскопокъ Ярославской и Владимірской губерній (103). Мы просимъ читателя просмотрѣть еще разъ эти выводы, п. ч. въ числѣ ихъ находится нѣсколько указаній относительно торговаго движенія въ землѣ Ростовско-Суздальской XII—XIII в. За невозможностью съ нашей стороны провѣрить этихъ указаній, мы воздержимся отъ всякихъ изъ нихъ заключеній. Торговая связь Ростовско-Суздальской земли съ Болгаріей подтверждается также лѣтописнымъ свидѣтельствомъ о „торговомъ человѣкѣ“ Авраамiѣ, убитомъ въ Великомъ городѣ Болгарскомъ, въ 1229 году (104).

Границы Ростовско-Суздальской земли въ разсматриваемый періодъ измѣнились нѣсколько противъ предъидущаго періода. На сѣверо-западъ и сѣверъ къ предѣламъ Новгородскимъ онѣ расширились по Волгѣ до Новаго-Торга, и по Сухонѣ и Югу къ сѣверной Двинѣ. Изъ Бѣлоозера шло выселеніе Суздальцевъ въ Двинскую землю, выселеніе, которое послужило

ки, можемъ воспользоваться данными относительно торговли между Новгородомъ и Суздальской землей, извлекаемыми изъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ Тверскими князьями. Данныя эти слѣдующія: во 1-хъ, Новгородцы вели торговлю по «всей Суждальской земли», во 2-хъ, они вывозили оттуда *лень* и *хмѣль;* въ 3-хъ, товары эти привозилась въ Новгородъ *водою* въ лодкахъ и *сухопутно* на возахъ. (См. Собр. Госуд. Грам. и догов. т. I. №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8).

(101) Лѣтописецъ Переясл.-Суз., 112.

(102) П. С. Л. I, 192.

(103) См. въ 1-й главѣ нашихъ очерковъ, стр. 37—39 и примѣчанія 68—70.

(104) См. наст. главы стр. 131.

новымъ мотивомъ къ враждебнымъ отношеніямъ Ростовско-Суздальской земли къ Новгороду (105). На востокъ предѣлы земли перешли за Оку, подвигаясь къ Болгарской землѣ (106). На юго-востокъ, югъ и юго-западъ подвигалась, какъ мы видѣли, княжеско-военная колонизація, вслѣдствіе стремленія Ростовско-Суздальскихъ князей увеличить предѣлы своихъ волостей на счетъ волостей княжествъ Рязанскаго и Смоленскаго.

Число городовъ значительно возросло за это время. Мы слѣдили въ своемъ мѣстѣ за всѣми городами земли Ростовско-Суздальской по мѣрѣ ихъ возникновенія, а теперь подведемъ общій ихъ итогъ. Кромѣ старѣйшихъ городовъ земли, Ростова и Суздаля, къ нашествію Татаръ встрѣчаемъ мы слѣдующіе города: Владиміръ на Клязьмѣ, Переяславль, Ярославль, Углече-Поле, Мологу, Константиновъ, Москву, Дмитровъ, Звѣнигородъ, Рузу, Бронницы, Гороховецъ, Стародубъ, Ярополчъ, Нижній-Новгородъ, Радиловъ-Городецъ, Унжу, Кострому, Большія Соли, Галичъ-Мерьскій, Чухлому, Устюгъ-Великій, Бѣлоозерскій городокъ, Клинъ, Шешну, Дубну (107). При опустошеніи Ростовско-Суздальской земли Татарами лѣтописецъ насчитываетъ четырнадцать городовъ (108). Границы Ростовско-Суздальской земли всего болѣе измѣнялись къ Новгородскимъ владѣніямъ. Здѣсь онѣ не были постоянными. Города Новгородскіе захватывались Ростовско-Суздальскими князьями, преимущественно Переяславскими и Ростовскими, а города этихъ княжествъ Новгородцами.

Отношенія къ Новгороду за это время принимаютъ все болѣе и болѣе враждебный характеръ. Андрей Боголюбскій, опираясь на Суздальскую партію въ Новгородѣ, стремится владѣть имъ „на всей своей волѣ“. „Хочю искати Новгорода добромъ и лихомъ“, говоритъ онъ Новгородцамъ (109). Открытое столкновеніе съ Новгородомъ, начинается у Бого-

---

(105) Мы коснемся этого колонизаціоннаго движенія въ Двинскую землю въ 5-й главѣ нашихъ очерковъ.

(106) См. выше, наст. главы стр. 134.

(107) П. С. Л. VII; 118, 119 121, 124 и 141.

(108) Ibid. I, 199; VII, 141; XV, 369.

(109) Ibid. II, 88.

любскаго съ пораженія Суздальскихъ полковъ у Бѣлоозера. Эти полки посланы были Андреемъ для охраны Суздальскихъ колонистовъ въ Двинской землѣ, платившей издавна дань Новгороду. Новгородскій сборщикъ Данила Лазутичъ, пришедшій въ эту землю за данью, напалъ на Суздальскіе полки съ своимъ отрядомъ и разбилъ ихъ на голову. Суздальцы въ Двинской землѣ были обложены Новгородцами двойною данью. Въ отмщеніе за это пораженіе Андрей посылаетъ на Новгородъ огромное ополченіе изъ соединенныхъ полковъ семидесяти двухъ подручныхъ ему князей, подъ предводительствомъ сына своего Мстислава. Исходъ этого похода, бывшаго въ 1169 году, очень хорошо извѣстенъ. Новгородская икона знаменія Божіей Матери произвела чудо: Суздальское войско было поражено слѣпотой ([110]). Этотъ походъ Андрея окончательно поселяетъ земскій антагонизмъ между Новгородомъ и землей Ростовско-Суздальской. „Оттолѣ отъяся честь и слава Суждальская“—говоритъ позднѣйшій Новгородскій лѣтописецъ ([111]). Послѣ трагической смерти Андрея Боголюбскаго, въ распрю городовъ и пригородовъ земли Ростовско-Суздальской, Новгородъ, становится на сторону старшаго города земли—Ростова. При Всеволодѣ, братѣ Андрея, Новгородъ повидимому сохраняетъ вполнѣ свою автономію, но это только повидимому. Всеволодъ, какъ говорится, обошелъ Новгородъ. Въ первое время княженія Всеволода Новгородъ отстаиваетъ свою автономію, приглашая къ себѣ Мстислава Ростиславича Храбраго, противника Андрея Боголюбскаго, „порывавшагося всегда на великія дѣла“, по словамъ лѣтописца. Послѣ Мстислава является въ Новгородѣ нѣсколько князей изъ рода Ольговичей, и Новгородцы начинаютъ наступательное движеніе на Ростовско-Суздальскую землю, опустошая поволжье. Всеволодъ употребляетъ уже извѣстный пріемъ относительно Новгорода: онъ занимаетъ Новый Торгъ, сжигаетъ его и уводитъ жителей въ плѣнъ (1181). Въ этой войнѣ Всеволода съ Новгородомъ замѣчательна вражда Суздальцевъ къ Новгородцамъ, выступающая весьма рельефно. Новоторжцы покорялись Всеволоду и предлагали ему дань. Князь, быть можетъ, и согласился бы на

([110]) См. Н. И. Костомарова: «Сѣв.-Русск. народопр.» I, 71—75.
([111]) Тверская лѣт. П. С. Л. XV, 247.

мировую, но дружина его не хотѣла этого. „Мы не цѣловать ихъ пріѣхали,—говорили дружинники о Новоторжцахъ—они, княже, Богови лжуть и тобѣ“ ([112]). Новый-Торгъ былъ взятъ и сожженъ.

Послѣ этого Всеволодъ какъ будто не обращаетъ вниманія на Новгородъ; онъ по видимому не вмѣшивается во внутреннія дѣла новгородскія, но тѣмъ не менѣе суздальская партія въ Новгородѣ дѣлаетъ свое дѣло. Въ 1199 г. сторонники этой партіи явились къ Всеволоду и просили у него сына въ князья Новгороду: „зане, говорили они, тобѣ отчина и дѣдина Новгородъ“ ([113]). Результатомъ этого посольства является именно тотъ образъ дѣйствій Всеволода, о которомъ мы позволили себѣ выразиться выше, говоря, что Всеволодъ обошелъ Новгородъ. Онъ назначилъ въ Новгородъ сына Святослава, черезъ шесть лѣтъ смѣнилъ его другимъ сыномъ Константиномъ, а пять лѣтъ спустя еще вывелъ Константина и посадилъ въ Новгородъ опять Святослава. Отпуская въ Новгородъ Константина, старшаго своего сына, Всеволодъ говорилъ ему: „на тебѣ положилъ Богъ старѣйшинство въ братьи моей, а Новгородъ Великій имѣетъ старѣйшинство княженія во всей Русской земли“ ([114]). Этимъ Всеволодъ признавалъ старѣйшинство и независимость Новгорода. Но смѣной князей, замѣной одного сына другимъ безъ желанія Новгорода нарушалось основное право его относительно свободнаго выбора князя.

Послѣ смерти Всеволода княземъ въ Новгородѣ является меньшой сынъ его Ярославъ. Онъ, желая окончательно сломить самостоятельность Новгорода, утверждается въ Новомъ-Торгѣ и задумываетъ этотъ пригородъ Новгородскій сдѣлать средоточіемъ власти всей земли Новгородской. Онъ задерживаетъ хлѣбъ въ Новомъ-Торгѣ, не пускаетъ его въ Новгородъ. Въ Новгородѣ зачинается голодъ, распространяется „печаль и вопль“. Спасителемъ Новгорода, борцемъ за его права является Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, князь Торопецкій, сынъ Мстислава Ростиславича Храбраго. Характеръ

([113]) П. С. Л. I, 163.
([113]) Ibid. 175.
([114]) Ibid. 177.

и подвиги этого типическаго выразителя уже вымиравшаго въ то время идеала южнаго князя, этого рыцаря безъ страха и упрека удѣльно-вѣчевой, родовой Руси, великолѣпно изображены талантливымъ, художественнымъ перомъ Н. И. Костомарова (115). По этому мы не рѣшаемся дѣлать своей характеристики этого князя; припомнимъ только многознаменательныя слова, сказанныя Мстиславомъ Новгородскому вѣчу: „да не будетъ Новый-Торгъ надъ Новгородомъ, ни Новгородъ надъ Торжкомъ, но гдѣ св. Софія тутъ Новгородъ. И въ многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда"! (116). Эта борьба была уже совершенно земскою борьбою Новгорода съ Суздалемъ, борьбою двухъ началъ власти: вѣчеваго и единовластительскаго. Липецкая битва, укрѣпившая на великокняжескомъ столѣ во Владимірѣ Константина Всеволодовича, была побѣдой начала вѣчеваго надъ единовластительскимъ.

Отношенія къ Смоленску Андрея, Всеволода и Юрія очерчены въ Суздальскихъ лѣтописяхъ весьма блѣдно. Изъ свидѣтельствъ этихъ лѣтописей можно только заключить, что подчиненіе Смоленскихъ князей великому князю Владимірскому обусловливалось отношеніями его къ югу. Земскихъ отношеній между землей Смоленской и Ростовско-Суздальской не существовало и не могло существовать по причинѣ, указанной нами въ первой главѣ нашихъ очерковъ (117).

Отношенія къ Рязани выясняются всего болѣе во время распри городовъ, слѣдовавшей за убіеніемъ Андрея Боголюбскаго и въ княженіе брата его Всеволода. Эти отношенія характеризуются: 1) столкновеніемъ стремленій двухъ сосѣднихъ княжествъ къ взаимному расширенію своихъ территорій, одного на счетъ другаго, 2) стремленіемъ Рязанскихъ князей къ укрѣпленію своей власти въ Ростовско-Суздальской землѣ,

---

(115) Костомарова: «Сѣв.-Русск. народопр.» I, 88—172.

(116) 1-я Новг. л., 33.

(117) См. 1-ю главу нашихъ очерковъ, стр. 46. Смольняне проникли только разъ въ Ростовско Суздальскую землю—въ войскѣ Мстислава Мстиславича Торопецкаго (1216 г.). Изъ лѣтописнаго свидѣтельства о Смольнянахъ подъ этимъ годомъ видно, что Смольняне считали Ростовско-Суздальскую землю совершенно себѣ чуждою. (Лѣтописецъ Переяславля-Суз. с. 214. П. С. Л. I, 215).

3) стремленіемъ Всеволода къ подчиненію князей Рязанскихъ своей власти.

Мы уже замѣтили выше о столкновеніи территоріальныхъ интересовъ Рязанскихъ и Суздальскихъ князей на Окѣ. Въ этихъ столкновеніяхъ пограничный рязанскій городъ Коломна игралъ аналогичную роль съ новгородскимъ пограничнымъ городомъ Новымъ-Торгомъ. Коломна подвергалась постояннымъ нападеніямъ Суздальскихъ князей и предавалась разрушенію. Рязанскіе князья отмщали за это нападеніями на Москву, которую они не разъ предавали огню (118). Недружелюбныя отношенія Суздальскихъ князей къ Рязани не обусловливались одними между-княжескими, родовыми отношеніями. Такой исключительный характеръ имѣли они только при Андреѣ Боголюбскомъ. Въ эпоху городовой борьбы, послѣдовавшей за его убіеніемъ, проявились земскія недружелюбныя отношенія. Владимірцы хотѣли было избрать себѣ въ князья одного изъ Рязанскихъ князей,—но потомъ опомнились, „*убоявшись мести ихъ*“ (119). Это извѣстіе лѣтописца можетъ навести на мысль, что Рязанцы въ своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Ростовско-Суздальской земли не отличались честными побужденіями. Народъ Ростовско-Суздальскій вообще, какъ видно, не любилъ ихъ. Всеволодъ Юрьевичъ долженъ былъ посадить Рязанскихъ князей въ „порубъ“, чтобы защитить ихъ отъ ярости народной (120). Князь Рязанскій Глѣбъ умеръ въ этомъ порубѣ, а сынъ его Романъ, отпущенный Всеволодомъ на княженіе въ Рязань долженъ былъ „цѣловать крестъ“ Всеволоду въ совершенной покорности. Это было въ 1179 году. Съ тѣхъ поръ до смерти Всеволода Рязань была въ зависимости отъ Владимірскаго великаго князя. Всеволодъ вмѣшивается въ распри Рязанскихъ князей, опираясь на младшихъ противъ старшихъ. „Ты намъ отецъ, ты господинъ, ты братъ—говорятъ младшіе Рязанскіе князья Всеволоду (121). Они бываютъ у него на пирахъ и одаряются дарами (122). Въ Лаврентьевской лѣтописи

---

(118) П. С. Л. I, 162 и 183.
(119) Ibid, 158.
(120) Ibid., 163; II, 119.
(121) Ibid. I, 170.
(122) Лѣтописецъ Переясл.-Суз., 103.

помѣщено любопытное „сказаніе“ объ участіи Всеволода въ распряхъ Рязанскихъ князей съ Черниговскими. Это сказаніе весьма характеристично очерчиваетъ взглядъ Суздальцевъ на Рязанцевъ. Въ этомъ сказаніи видно большое сочувствіе къ Всеволоду, который называется „благосердымъ“, а князья Рязанскіе называются „льстивыми“. Всеволодъ сажаетъ въ Рязань княземъ сына своего Ярослава. Но Рязанцы только показали видъ, что покорились великому князю, они „изымаше люди его и исковаша, а инѣхъ въ погребахъ засыпавше изморища“—и присылаютъ къ Всеволоду „*бую рѣчь по своему обычаю и не покорьству*“ (123).

Юрій Всеволодовичъ озаботился, прежде всего, дать свободу Рязанскимъ князьямъ, посаженнымъ въ „порубъ“ Всеволодомъ. Юрій одарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одарилъ и дружину ихъ и утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ (124). При нашествіи Татаръ на Ростовско-Суздальскую землю, Рязанскіе князья находятся уже не въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ Юрію Всеволодовичу. Рязанскій князь Юрій Игоревичъ, собравъ свои военныя силы и видя ихъ незначительность для отпора Татарамъ, — посылаетъ двухъ сыновей своихъ за помощью къ сосѣднимъ князьямъ: къ великому князю Владимірскому и къ князю Черниговскому (125). Такое отношеніе къ великому князю Ростовско-Суздальской земли показываетъ, что Рязанскій князь считалъ его равнымъ себѣ, одинаково съ княземъ Черниговскимъ.

---

(123) П. С. Л. I, 181—183.
(124) Лѣтописецъ Переясл.-Суз., 111.
(125) Иловайскаго: Ист. Ряз. княж. с. 128.

IV.

Ростовское княжество и его удѣлы.

Ростовское княжество.—Характеристика перваго Ростовскаго князя Константина Всеволодовича.—Его сыновья: Василько, Всеволодъ и Владиміръ и ихъ удѣлы.—Ростовскій удѣлъ и Устюгъ-Великій.—Ярославское княжество.—Бѣлоозеро—Углече-Поле.—Кострома и Галичъ-Мерьскій.—Татары въ Ростовскомъ княжествѣ.—Общая судьба удѣловъ Ростовскаго княжества.

Автономія Ростова, выдѣленіе его въ особое независимое княжество, отдѣльная его земская самостоятельность отъ другихъ городовъ Ростово-Суздальской земли начинается съ Всеволода Юрьевича. Въ 1107 году, за шесть лѣтъ до своей смерти, онъ отдаетъ Ростовъ, съ другими пятью городами, въ удѣлъ старшему своему сыну, Константину (1). Лѣтописецъ не называетъ этихъ городовъ, но изъ позднѣйшихъ раздробленій Ростовскаго княжества можно заключить, что эти города были: Ярославль, Бѣлоозеро, Устюгъ-Великій, Углече-Поле и Кострома.

Весьма много затрудненій представляетъ спеціальная исторія отдѣльнаго княжества, спеціальная характеристика того, или другаго князя. Лѣтописи рѣдко даютъ матеріалъ для этихъ любопытныхъ вопросовъ. Многіе изслѣдователи приписываютъ это обезличеніе составителямъ лѣто-

(1) П. С. Л. I, 183.

писи, объясняя его позднѣйшимъ нивеллирующимъ вліяніемъ Москвы. Но невольно приходитъ въ голову вопросъ: да была ли дѣйствительно рѣзкая разница между исторической формаціей древнихъ нашихъ областей, могло ли существовать слишкомъ большое индивидуальное различіе между князьями? Конечно, вопросъ этотъ не можетъ имѣть мѣста, если его поставить шире. Несомнѣнно различіе и въ характерѣ исторіи, и въ характерѣ князей въ такихъ, напримѣръ, различныхъ мѣстностяхъ, по своимъ естественно-историческимъ, географическимъ и племеннымъ условіямъ,— какъ юго-западная Русь, Новгородъ и сѣверо-восточная Русь,— или въ такія отдаленныя другъ отъ друга эпохи, какъ X, или XV столѣтія. Но тщетно стали бы мы искать рѣзкаго различія между болѣе мелкими дѣленіями областей, между эпохами болѣе близкими другъ къ другу. Исторія есть выраженіе движенія, культурнаго роста, прогрессивнаго стремленія впередъ; исторія есть разсмотрѣніе процесса органическаго развитія цивилизаціи, которая слагается изъ взаимодѣйствія, изъ обоюднаго вліянія общественнаго роста на ростъ личности и роста личности на ростъ общественный. Поэтому рѣзкое, опредѣленное, типическое различіе въ ходѣ исторіи, въ развитіи индивидуальныхъ характеровъ составляетъ признакъ высокой цивилизаціи страны. Начало же цивилизаціи, эпоха ея, такъ сказ., зачаточной жизни представляетъ совершенно обратный видъ; здѣсь нѣтъ рѣзкихъ особенностей, ни въ общественномъ складѣ, ни въ личностяхъ. Это общій законъ органическаго развитія, по которому особенности явленія развиваются и опредѣляются все яснѣе и яснѣе, по мѣрѣ того, какъ самое явленіе растетъ и крѣпнетъ.

Напрасно стали бы мы искать по этому чего либо опредѣленнаго, ярко освѣщеннаго, рѣзко обозначеннаго въ такой отдаленной эпохѣ, къ какой мы приступаемъ, въ такомъ небольшомъ, тѣсномъ районѣ, какъ Ростовское княжество и его удѣлы, исторію которыхъ разсказать мы собираемся. Мы попытаемся исчерпать весь скудный матеріалъ, который даетъ намъ въ этомъ случаѣ лѣтопись, попытаемся собрать тѣ мелкіе элементы, изъ которыхъ слагалась простая и не хитрая общественная жизнь нашихъ предковъ XIII—XV вѣковъ и представителей этой общественной жизни, князей. Мы попытаемся уловить *нѣкоторыя* особенности, которыя мелькаютъ у лѣтописца въ характеристикахъ весьма не-

многихъ князей. Но все что мы скажемъ, по самому существу своему, будетъ носить на себѣ печать неопредѣленности.

Константинъ Всеволодовичъ, правнукъ Мономаха, является для Ростовскаго княжества такимъ же „начальнымъ“ княземъ, какимъ былъ его великій прадѣдъ для южной Руси. Потомство его дѣлается для Ростова такою же „благородною отраслью благороднаго корня“—какою было потомство Мономаха для Кіевлянъ. Много общихъ чертъ видимъ мы у прадѣда и правнука, но много и различія. Общія черты составляютъ фамильное наслѣдіе, различіе же полагается временемъ, обстоятельствами, мѣстомъ и условіями дѣятельности Мономаха и Константина.

И у Владиміра Мономаха и у Константина являются прежде всего, на первомъ планѣ—интересы ихъ земли, ихъ общественнаго служенія, ихъ миссіи; и того и другаго одушевляетъ христіанское чувство; и тотъ и другой заботятся о сознательномъ проведеніи въ жизнь, въ практику ихъ завѣтныхъ убѣжденій, состоящихъ, прежде всего, въ сознаніи долга князя, какъ главы земли, затѣмъ въ „блюденіи“ интересовъ „бояръ“, своихъ вѣрныхъ слугъ и пособниковъ, въ уваженіи служителей церкви, въ попеченіи о благолѣпіи церквей, въ призрѣніи нищихъ, убогихъ и сиротъ, въ утѣшеніи несчастныхъ; и тотъ и другой просвѣщаютъ свой умъ чтеніемъ, и въ книгахъ ищутъ указанія для житейскихъ дѣлъ; и тотъ и другой пользуются всеобщею любовью: и бояръ, и монаховъ, и „земцевъ“, и „большихъ“, и „молодшихъ“ людей; и тотъ и другой, наконецъ, отличные семьянины: они оба стараются въ дѣтяхъ своихъ развить тоже нравственное направленіе, какое отличало ихъ самихъ, они оба почтительны къ старшимъ и свято чтутъ свои семейныя отношенія. На этомъ кончается сходство Мономаха и Константина.

Различіе ихъ, прежде всего, опредѣляется столѣтіемъ, ихъ раздѣляющимъ. Въ это столѣтіе историческая жизнь отхлынула съ береговъ Днѣпра къ берегамъ Волги. Кіевъ перестаетъ быть центромъ, къ которому стремились всѣ за-

вѣтныя помыслы южныхъ князей. Въ сѣверо-восточной Руси, въ землѣ Ростовско-Суздальской является свой центръ—Володиміръ на Клязьмѣ. Къ нему теперь направляется центростремительная дѣятельность Ростовско-Суздальскихъ князей. Князья осѣдаютъ на мѣстахъ, но *многихъ* областяхъ повторяется тоже, что въ эпоху Мономаха происходило въ *одной* южной Руси. Южная Русь раздробляется: въ Галицко-Волынской землѣ, въ Смоленскѣ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ и Рязани повторяется тоже, что сто лѣтъ тому назадъ сосредоточивалось около Кіева. Въ каждой изъ этихъ областей являются свои центры, которые становятся яблокомъ раздора между князьями изъ-за родовыхъ счетовъ. Мы уже видѣли, что въ землѣ Ростовско-Суздальской происходитъ *ничто иное* чѣмъ на югѣ (²), и это иное, начало, утвержденное Андреемъ Боголюбскомъ, начало „единовластія“—полагаетъ второй видъ различія между Мономахомъ и Константиномъ. Но Константинъ лично былъ чуждъ этому началу; оно явилось только однимъ изъ стимуловъ для его дѣятельности: противъ этого начала боролся Константинъ съ братомъ своимъ Юріемъ. Арена дѣятельности Константина уже арены Мономаховой: у перваго Ростовско-Суздальская область, у втораго вся „земля Русская“.

Условія дѣятельности Мономаха и Константина также различны. Мономахъ, провозвѣстникъ княжескаго, родоваго старшинства, не встрѣчаетъ себѣ помѣхи въ осуществленіи этой идеи; Константинъ, защищая ту же идею—долженъ бороться изъ за нея, установлять ея торжество путемъ меча. Мономахъ получаетъ мирнымъ путемъ то, за что борется Константинъ. И это, повидимому мелкое обстоятельство, очень характеристично, п. ч. тутъ всего рельефнѣе выдвигается различіе между двумя князьями, между прадѣдомъ и правнукомъ. Константинъ по природѣ своей князь „мира“,—онъ натура далеко не воинственная; Мономахъ наоборотъ: онъ, какъ истый представитель юга—князь воинъ. Сравните т. наз. „Поученіе Владиміра Мономаха“ съ наставленіями дѣтямъ передъ смертію Константина Всеволодовича. Какое различіе въ пониманіи „идеала князя“, которое рисуютъ вамъ тотъ и другой, какое различіе въ пониманіи своего служенія землѣ у

(²) См. 3-ью гл. нашихъ очерковъ, стр. 106, 110 и 122.

того и у другаго! Мономахъ, проведшій свою многотрудную жизнь въ постоянныхъ бояхъ и усобицахъ съ иноплеменными Половцами и съ одноплеменными своими князьями, носившійся какъ вихрь по землѣ Русской, вездѣ установляя въ ней „парядъ“ и любившій для отдыха позабавиться охотой на „буя тура“, или дикаго вепря—призываетъ на дѣтей своихъ миръ, любовь и совѣтуетъ имъ жить между собою дружно; но храбрость и умѣнье вести войну ставитъ первымъ условіемъ для „добраго князя“, и охоту почитаетъ самымъ приличнымъ для него развлеченіемъ. Константинъ, въ наставленіи своимъ дѣтямъ, прежде всего указываетъ на „миръ„— спокойствіе. *Богъ мира да будетъ съ вами!* говоритъ онъ имъ и затѣмъ указываетъ на дѣла милосердія, благочестія и на книжное поученіе, какъ на главнѣйшія обязанности и заботы князя. Ни гдѣ ни слова о войнѣ, о доспѣхѣ, о „дѣлѣ ратномъ“, о забавѣ (*).

Константинъ родился въ Ростовѣ и былъ любимъ Ростовцами, которые были кротки и не „дерзки въ бою“. Тихій, но энергическій Константинъ пришелся имъ по праву. Въ назначеніи къ себѣ княземъ Константина, старшаго сына Всеволода, они видѣли, кромѣ личнаго расположенія къ Константину, признаніе ихъ земскаго старѣйшинства. Поэтому то Константинъ сталъ для нихъ „излюбленнымъ“ княземъ и его потомство стало для Ростовцевъ „благородною отраслью благороднаго корня“. Константинъ также былъ привязанъ къ своей родинѣ, Ростову, центру религіозной жизни земли. Этою нравственною связью князя съ его городомъ объясняются всѣ послѣдующія „нелюбки“ Константина, сначала съ отцомъ его Всеволодомъ, а потомъ съ братомъ Юріемъ,— нелюбки, перешедшія современемъ въ „усобицы“. Въ этихъ усобицахъ мы имѣемъ основаніе видѣть не одну только между-княжую распрю, но продолженіе той между-городовой, земской распри, которая проявилась впервые послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго, будучи, въ свою очередь, результатомъ всего земскаго строя Ростовско-Суздальской земли.

Въ 1212 году „Всеволодъ Юрьевичь нача изнемогати“. Онъ послалъ въ Ростовъ за Константиномъ, желая его, какъ старшаго, „благословить“ великимъ княженьемъ Владимір-

(*) П. С. Л. I, 187.

сниъ, а Ростовъ дать второму сыну, Юрію. Не полюбилась такая „воля“ отцовская Константину Всеволодовичу. Онъ послалъ Всеволоду слѣдующій отвѣтъ: „отче чюдный и любезный, велѣлъ онъ сказать ему, „не возбрани на мя худаго, яко нехощу просить у тебя, аще даси ми тако, поиеже много возлюби мя еси, *и старѣйшаго мя сына имаши, и старѣйшину* мя хощеши устроити, то даждь ми *старый, начальный градъ Ростовъ, и къ нему Володимеръ*; аще ми не хощетъ твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимеръ и къ нему Ростовъ. Не презри моленія моего, отче, аще угодно ти есть“. Всеволодъ послалъ къ Константину во второй разъ, призывая его къ себѣ во Владиміръ, но Константинъ не послушался отца и во второй разъ. Третье приглашенье Всеволода также не имѣло успѣха. Константинъ повторялъ все одно: „*да ми даси и Володимеръ къ Ростову*“; князь же великій Всеволодъ не благослови его“ (4). Мотивы Константинова отвѣта Всеволоду весьма характеристичны: они совершенно тождественны съ мотивами земскаго главенства, которые заявляли Ростовцы во время между-городной распри, слѣдовавшей за убіеніемъ Андрея Боголюбскаго.

Упорство Константина, непослушаніе „воли“ отцовской очень встревожило Всеволода. Онъ созвалъ на совѣтъ бояръ и епископа Владимірскаго Іоанна „и много словесъ бяше (о князѣ Константинѣ) *и не можс како уставити о немъ*. Бояре и епископы находили основательными доводы Константина, но Всеволодъ настоялъ на своемъ: Константинъ былъ лишенъ старѣйшинства. Великое княженіе Владимірское было отдано второму его брату Юрію, „Князь же Константинъ, говоритъ лѣтописецъ, услышавъ сія, разгорѣвся яростію и воздвиже брови своя гнѣвомъ на князя Юрія, брата своего и на всѣхъ думцевъ, иже здумаша сия тако сотворити. *И много волнснс и смущенія бысть о семъ, и мнози люди сюду и сюду отбежаху, матущеся*“ (5).

---

(4) Никон. лѣт. изд. Акад. И., т. II, с. 310—311.

(5) Ibid. 311. Одобреніе боярами и епископомъ доводовъ Константина мы позволяемъ себѣ выводить изъ пропуска въ Никоновской лѣтописи. Послѣ словъ: «и много совѣтоваша о семъ» въ Академическомъ изданіи поставлено прямо, послѣ точки съ запятой: «но убо князь великій Всеволодъ восхотѣ дати Володимеръ другому сыну своему, князю Юрью».

Въ 1213 году Всеволодъ умеръ, не помирившись съ Константиномъ. При смерти „миродержца Суждальской земли“ находились сыновья его: Юрій, Ярославъ, Владиміръ, Святославъ и Іоаннъ, „а большій Костянтинъ не утяглъ бѣ пріѣхати на отца своего изъ Ростова“ (6).

Вслѣдъ за смертію Всеволода начинаются „усобицы“ между Константиномъ и Юріемъ. Поводомъ къ первой усобицѣ послужило бѣгство въ Ростовъ къ Константину одного изъ младшихъ его братьевъ, Святослава, отданнаго Всеволодомъ Юрію „на руки“. Причина бѣгства Святослава въ Ростовъ неизвѣстна. Извѣстно только, что послѣ смерти Всеволода была во Владиміръ смута между его сыновьями. Кромѣ Святослава „непокорство“ къ Юрію выказывалъ и другой братъ его, Владиміръ. Смута можетъ быть произошла отъ стремленія Юрія къ „единовластію“ въ землѣ Ростовско-Суздальской. „То сему ли (Юрію) подобаетъ сѣдѣти на отнѣ столѣ, говорилъ Константинъ, а мнѣ большему—и нача сбирати воя съ братомъ Святославомъ на Гюргя“ (7).

Юрій, не будучи въ состояніи понять стремленія Константина къ земскому возвышенію Ростова и думая, что старшій братъ только изъ узкихъ эгоистическихъ цѣлей желаетъ получить себѣ великое княженіе, — уступалъ ему Владиміръ, а себѣ, вмѣсто него прослъ Ростовъ. Но Константинъ хотѣлъ вовсе не того. Онъ хотѣлъ, какъ мы видѣли, удержать за собою и Ростовъ и Владиміръ, а Юрію предлагалъ второй по старѣйшинству городъ земли, Суздаль (8).

Дальнѣйшій ходъ первой усобицы намъ неизвѣстенъ. Мы знаемъ только, что Константинъ съ Юріемъ помирились, и оба брата остались при прежнихъ волостяхъ: Константинъ владѣлъ Ростовомъ, а Юрій великимъ княженіемъ Владимірскимъ. Но страсть къ захвату, къ увеличенію территоріи своего княжества не ослабла у Юрія. Въ 1214 году Константинъ Всеволодовичъ „паны зача рать, отъявъ у Гюргя Соль-великую, а Кострому пожьже, а у Ярослa-

(6) Лѣтописецъ Переясл.-Суз., 110.

(7) Ibid 110 и 111.—О стремленіи Юрія къ единовластію въ Ростовско-Суздальской землѣ см. *тамъ-же* стр. 213.

(8) Ibid. 111.

ва отъя Нѣрохъть“ (°). Кострома входила въ число городовъ, отданныхъ Всеволодомъ Константину. Весьма возможно предположить, что Юрій и его постоянный союзникъ, братъ его Ярославъ, видя неудачу завладѣть всѣмъ княженіемъ Ростовскимъ, отняли у Константина Соль-Великую, Кострому и Нерехту, которыя онъ и постарался возвратить себѣ. Союзникомъ Константина въ этой второй распрѣ является опять братъ его Владиміръ, а на сторону Юрія становятся: Ярославъ Всеволодовичъ, князь Переяславскій и Муромскій князь Давидъ. Усобица кончается примиреніемъ братьевъ.

Черезъ два года, въ 1218 году возгорѣлась новая усобица между Юріемъ и Константиномъ. Начало этой усобицы, ея, такъ сказать, инициатива шла на этотъ разъ изъ Новгорода. Мы коснулись выше Новгородскихъ событій того времени, въ которыхъ игралъ такую видную роль Мстиславъ Мстиславичъ Удалой (¹⁰). Явясь въ Новгородъ заступникомъ за его вѣчевую независимость, борцомъ противъ притязаній Ярослава Переяславскаго, Мстиславъ Удалой объявилъ на Новгородскомъ вѣчѣ, что идетъ искать не только управы съ Ярославомъ, но и установить рядъ въ Суздальской землѣ (¹¹). По призыву Мстислава на его сторону стали Псковичи съ братомъ его Владиміромъ и Смольняне съ Владиміромъ Рюриковичемъ. Союзные князья, дойдя до Твери и опустошивъ все поволжье, послали Смоленскаго боярина Явольда съ отрядомъ изъ Псковичей и Смольнянъ къ Константину Всеволодовичу Ростовскому, приглашая его присоединиться къ нимъ, Константинъ не сразу это сдѣлалъ. Сначала онъ послалъ къ князьямъ только 500 человѣкъ въ помощь, а къ себѣ просилъ прислать одного изъ Смоленскихъ князей — Всеволода, его шурина. Въ самую пасху, 9-го апрѣля, Константинъ Всеволодовичъ присоединился къ союзнымъ князьямъ. 21 апрѣля произошла между ними и Суздальскими войсками битва при р. Липицѣ. Исходъ этой битвы хорошо извѣстенъ. Суздальцы были разбиты на голову. Юрій лишился великаго княженья и получилъ въ удѣлъ Радиловъ-Городецъ на Вол-

---

(°) Ibid. 111.

(¹⁰) См. нашихъ очерковъ гл. 3-ю, стр. 146—147.

(¹¹) П. С. Л. IV, 21.

гѣ, а потомъ, въ придачу къ нему, Суздаль (12). Константинъ Всеволодовичъ былъ торжественно встрѣченъ у Владиміра „священнымъ чиномъ“ и „всѣми людьми“. Константинъ одарилъ щедро князей и бояръ, а жителей Владиміра „привелъ ко кресту“ (13). Княжій Владимірскій лѣтописецъ такъ повѣствуетъ о побѣдѣ Константина. „Окаянный дьяволъ воздвиже нѣкую котору злу межи князи, сыны Всеволожи: Костянтиномъ и Юргемъ и Ярославомъ, и бишася у Юрьева, и одолѣ Костянтинъ; но паки Богъ и крестъ честный и молитва отца ихъ и дѣдня введе я въ великую лю-

---

(12) Подробное и художественное изображеніе Липецкой битвы и предшествующихъ ей событій см. въ книгѣ П. П. Костомарова: Сѣв.-Русск. народоправства». т. I, с. 88—101. Спец. о Липецкой битвѣ 3-ю гл. нашихъ очерковъ, стр. 147. «Сказаніе о Липецкой битвѣ и о старѣйшинствѣ Константина» дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: *Новгородской* (1-я Новг. лѣт., с. 34—35; IV-я Новг., с. 20—26 и Тверск. лѣт., с. 316—325) и *Ростовской* (Троицк. лѣт., с. 211—215). Въ Лаврентьевскомъ спискѣ Владиміро-Суздальскаго лѣтописца этого сказанія не находится вовсе. Въ Волынской лѣтописи подъ 1216 годомъ, въ который происходила Липецкая битва, помѣщена отмѣтка: «бысть тишина». Самая подробная и болѣе расположенная къ Константину есть редакція Ростовская. Новгородская редакція составляетъ какъ бы сокращеніе ея съ выборкой только тѣхъ событій, которыя относятся до Новгородцевъ; эти событія разсказаны въ ней согласно съ Ростовской редакціей. О Суздальцахъ и о Константинѣ Всеволодовичѣ въ Новгородской редакціи разсказано гораздо короче, чѣмъ въ Ростовской. Такъ напр., тамъ нѣтъ разговора князя Юрія съ боярами въ его станѣ; самая Липецкая битва и ея результаты описаны въ Новгор. редакціи очень коротко. Эта редакція подробная сначала, при описаніи появленія Мстислава удалаго въ Новгородѣ и движенія сожныхъ князей въ Суздальскую землю, по мѣрѣ приближенія къ Липецкой битвѣ становится все короче и короче.

Добавленіемъ къ «сказанію о Липецкой битвѣ» можетъ быть почтено *«сказаніе объ Александрѣ-Поповичѣ»*, одномъ изъ бояръ-богатырей Ростовскихъ, принимавшихъ участіе въ Липецкой битвѣ. (Пом. въ Тверской лѣтописи, стр. 336—338). Сказаніе это, къ которому мы еще разъ обратимся въ 5 й главѣ нашихъ очерковъ, весьма любопытно по даннымъ изъ него извлекаемымъ. Эти данныя суть: 1) Характеръ дружинниковъ сѣверо-восточной Руси. 2) Черты характера Константина Всеволодовича. 3) Любопытныя подробности объ отношеніяхъ Константина къ брату его Юрію и къ Ростову . . . .

(13) Троицк. лѣт., 215.

бовь, и сѣде Костянтинъ въ Володимери на столѣ, а Юрги Суждали. И бысть радость велика въ земли Суждальстѣй, а дьяволъ единъ плакаше своея погыбели“ ([14]).

Не долго привелось быть Константину Всеволодовичу на великомъ княженіи. Въ 1218 году онъ, предчувствуя свою смерть, послалъ старшаго своего сына Василько, которому шель только девятый годъ отъ роду, на княженье въ Ростовъ ([15]), а втораго семилѣтняго сына Всеволода—въ Ярославль ([16]) и, отправляя ихъ, далъ имъ такое наставленіе: „Возлюбленныя мои дѣти! будьте между собою въ любви; Бога бойтесь всею душою, заповѣди его во всемъ соблюдайте, и мои правила всѣ примите, дѣлайте все, какъ вы видѣли, я дѣлалъ: не презирайте вдовъ, сиротъ и нищихъ, церкви не отлучайтесь, любите монашество и священство, *слушайте книжное поученіе* и будьте въ любви между собою, *и Богъ мира да будетъ съ вами*. Имѣйте послушанье къ старшимъ васъ, которые васъ добру учатъ, п. ч. вы еще очень юны. Я предчувствую, дѣти, что отшествіе мое отъ свѣта сего приближается и поручаю васъ теперь Богу и пречистой его матери и брату и господину Юрію, который да будетъ вамъ вмѣсто меня“. Константинъ Всеволодовичъ крѣпко и нѣжно поцѣловалъ Василько и Всеволода и отпустилъ ихъ, каждаго въ свою область ([17]).

Предчувствіе Константина сбылось. 2 Февраля 1219 года, въ 7-мъ часу дня, онъ мирно скончался, тридцати съ небольшимъ лѣтъ отъ рожденія ([18]). Умирая, онъ назначилъ

([14]) Лавр., 186.

([15]) Василько родился въ декабрѣ 1209 г.—Лавр, 183.

([16]) Всеволодъ родился въ Іюнѣ 1211 г.—Ibid. 184.

([17]) Лавр., 187.

([18]) Константинъ Всеволодовичъ родился 18-го мая 1186 года. (Лавр. 167).—Женатъ былъ на дочери Мстислава Романовича Смоленскаго Аннѣ. (р. 1187 г). Бракъ совершенъ въ 1196 г. Константину въ то время было 10, а ей 9 лѣтъ. (См. Никон. лѣт. изд. Акад. II. III, 261.—Истор. Росс. Татищева III, 316.—Карамзина: Ист. Росс. гос. II, примѣч. 68). По смерти Константина, Анна постригласъ въ монахини «надъ гробомъ мужа своего» и названа въ иночествѣ Агафьей. Умерла въ январѣ 1221. г. и положена въ Богородицкой церкви въ Ростовѣ. См. статью о ней въ Яросл. губ. вѣд. 1843 г, № 9.

Бѣлоозеро меньшему пятилѣтнему сыну Владиміру (19). Владимірцы, услыхавъ о смерти Константина, стеклись въ огромномъ количествѣ на дворъ княжій и „плакали плачемъ великимъ, *боляре, какъ о заступникѣ земли ихъ*, слуги, какъ о кормителѣ и господинѣ, убогіе и черпецы, какъ о своемъ утѣшеніи и одѣяньи наготы ихъ—и всѣ вообще плакали о скоромъ лишеніи такаго милостивца (20). Лаврентьевская лѣтопись передаетъ такую характеристику Константина Всеволодовича: Это былъ блаженный князь и щедро одаренный всѣми добрыми качествами; возлюбивъ Бога всею душею и всѣмъ желаніемъ, божій страхъ держалъ крѣпко въ сердцѣ и въ душѣ своей. *Не помрачилъ ума своего пустошною славою „прелестнаго“ сего свѣта*, но вперилъ все свое помышленіе туда, гдѣ жизнь безконечная, которую и достигъ своими милостынями и великимъ беззлобіемъ. Константинъ былъ правдивъ, кротокъ, щедръ, смиренъ, всѣхъ милуя и снабжая (необходимымъ) и любилъ больше всего „дивную и славную милостыню“ и церковное строенье, заботясь о томъ день и ночь; „вопстину бѣ глазомъ слѣпымъ, ногой хромымъ и рукою неимущимъ; *онъ часто читалъ книги съ прилежаніемъ, дѣлая все по писанному* (21).

Со смертію Константина Всеволодовича начинается раздробленіе Ростовскаго княжества на удѣлы. Старшій его сынъ Василько, какъ мы видѣли, получилъ Ростовъ, „старѣйшій городъ“ земли, а по этому и мы начнемъ слѣдить за судьбою потомковъ Константина Всеволодовича съ старѣйшаго удѣла Ростовскаго.

(19) Владиміръ родился въ 1214 г. Лавр. 183.

(20) Лавр. 188.

(21) Ibid. 187—188.—Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Константинѣ Всеволодовичѣ см. въ монографіи П. Д. Бѣляева: «великій князь Константинъ Всеволодовичъ мудрый». Врем. М. О. ист. и др. 1849 г. кн. III, отд. I, с. 59—78 и у М. П. Погодина: изсл. замѣч. и лекціи, т. VI, с. 243—248.

Ростовъ.

Біографія старшаго сына Константина Всеволодовича, Василько не представляетъ особаго интереса. Сводъ немногочисленныхъ его дѣяній, состоящихъ, большею частію, въ походахъ на Болгаръ и Мордву, въ которыхъ онъ участвовалъ по приказанію дяди своего Юрія,—интересующіеся ими могутъ найти въ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторіи“ М. П. Погодина ([22]). Одинъ изъ такихъ походовъ противъ „невѣдомаго народа, безбожныхъ Татаръ“ стоилъ Василько жизни. Въ 1237 году, при общемъ переполохѣ отъ Татаръ, плѣнившихъ „всю землю Суждальскую“, князь Ростовскій умеръ мученическою смертію. Отдѣльное „сказаніе о кончинѣ князя Василька“, которое, можетъ быть, есть проповѣдь, произнесенная Ростовскимъ епископомъ Кирилломъ, при погребеніи князя,—такъ передаетъ подробности убіенія князя Василька.

Послѣ пораженія Суздальской рати на берегахъ Сити, гдѣ былъ убитъ великій князь Юрій Всеволодовичъ, Татары разошлись по всей землѣ Ростовско-Суздальской. Князя Василька повели они „со многою пужею“ до Шереметскаго лѣса, гдѣ расположились станомъ. „Проклятые, безбожные“ Татары стали принуждать князя къ своему „обычаю поганьскому“, къ полной покорности. Но Василько никакъ не хотѣлъ покориться ихъ „беззаконью“ и „много сваряшася“, говорилъ имъ: „о глухое царство скверное! ни како же мене не отведете Хрестьянской вѣры, аще и велми въ велицѣ бѣдѣ есмъ; Богу же како отвѣтъ дасте, ему же многы душа погубили есте безъ правды?“... Татары „въскрежеташе зубы“ на князя Василька, „желающе насытитися крови его“. Василько былъ убитъ. Подъ мечами Татаръ онъ усердно молился Богу и оплакивалъ свою молодую смерть: „*младая моя память* желѣзомъ погыбаетъ и *тонкое мое тѣло* увядаетъ“. Васильку было съ небольшимъ 27 лѣтъ. Тѣло князя было брошено въ лѣсъ. Его увидала случайно одна женщина и сообщила о томъ „мужу богобоязненну, поповичю Андріяну“. Андріянъ взялъ тѣло Василька, обвилъ его саваномъ и спряталъ въ

([22]) Т. VI. с. 326—327.

„скровнѣ мѣстѣ". Епископъ Ростовскій Кириллъ и вдова Василька Марія, дочь другаго мученика Христіанства, князя Михаила Черниговскаго, услыхавъ, что тѣло князя найдено,— послали за нимъ и съ честію принесли его въ Ростовъ. Изъ города вышло на встрѣчу печальной процессіи множество народа, „жалостныя слёзы испущающи, оставше такаго утѣшенья" (23).

Наружность и нравственныя свойства Василька, этой „звѣзды свѣтоносной", по выраженію современниковъ, лѣтописецъ изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ: „бѣ же князь Василько лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ (т. е. на охотѣ), сердцемъ легокъ; *до бояръ ласковъ;* никто же бо отъ бояръ, кто ему служилъ и хлѣбъ его ѣлъ и чашю пилъ и дары ималъ, тогъ ни какоже у иного князя можаше быти за любовь его: *излише же слуги свои любяше.* Мужьствомъ же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; *бѣ бо всему хытръ и гораздо умья*" (24).

Съ 1239 года въ Троицкой лѣтописи начинается *краткій летописець Ростовскихъ князей*. Лѣтописецъ этотъ отличается лаконизмомъ. Онъ весь состоитъ изъ простаго перечня по годамъ: рожденій, бракосочетаній и смертей Ростовскихъ князей, съ очень рѣдкими упоминаніями о нѣкоторыхъ народныхъ бѣдствіяхъ: пожарахъ, голодѣ, болѣзняхъ и о дѣлахъ, относящихся до „церковнаго строенія". Этотъ лѣтописецъ есть единственный источникъ для исторіи Ростовскихъ князей отъ половины XIII в. до половины XIV в., т. е., до конца самостоятельнаго существованія Ростовскаго княжества (25). Поэтому наше изложеніе, въ основу котораго поло-

---

(23) Лавр., 198—199.

(24) Ibid., 199.—Сравн. варіантъ этого сказанія о князѣ Васильк. въ 1-й Софійской лѣтописи (П. С. Л. V, 174). Смес. о страданіи кн. Василька у Филарета: Русскіе святые, мѣсяцъ мартъ, с. 32—45.

(25) Это можно заключить изъ слѣдующихъ данныхъ: во 1-хъ, князья Ростовскіе упоминаются не въ виду ихъ рожденія, свадьбы, или смерти просто по именамъ, безъ означенія ихъ удѣла, тогда какъ князья другихъ земель означаются по именамъ ихъ удѣловъ. (См. П. С. Л. I, 226 и дал.) во 2-хъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ другихъ лѣтописяхъ упоминается земля Ростовская», или «градъ Ростовъ» въ Троицкой лѣтописи гово-

женъ этотъ краткій Ростовскій лѣтописецъ, по неволѣ должно ограничиться сухимъ перечнемъ весьма незанимательныхъ подробностей жизни князей, пассивно проходившей среди богомолья, домашнихъ, семейныхъ праздниковъ, „насилья отъ поганыхъ Татаръ“ и низкопоклонства передъ ордынскими ханами.

Земское значеніе Ростова, уменьшаясь постепенно въ теченіе XIII-го в., въ XIV-мъ уничтожается окончательно. Старшіе сыновья князей не стремятся уже болѣе занять непремѣнно столъ Ростовскій, а предпочитаютъ какой нибудь незначительный городокъ, Углече-Поле—этому нѣкогда „старѣйшему“ городу, изъ-за котораго родопачальникъ Ростовскихъ князей, Константинъ Всеволодовичъ поссорился съ своимъ отцемъ Всеволодомъ, „мипродержцемъ Суждальской земли“, вступивъ въ открытую вражду съ братомъ Юріемъ. Личный характеръ Ростовскихъ князей, потомковъ Василька, безцвѣтный и слабый, поддающійся произволу ордынскихъ хановъ и ищущій въ этомъ произволѣ опоры для своихъ эгоистическихъ, мелкихъ цѣлей — есть одна изъ основныхъ причинъ паденія земскаго значенія Ростова. Съ XIII-го столѣтія болѣе высокое земское значеніе получаетъ Ярославль, благодаря энергическимъ своимъ князьямъ: Ѳеодору Ростиславичу „черному“ и внуку его Василію Давидовичу, „грозныя-очи“, а съ XIV-го вѣка возвышается надъ всѣми городами Москва. Позднѣйшая лѣтопись такъ начинаетъ княженіе Московскаго великаго князя Ивана Даниловича, прозваннаго „Калитой“, съ котораго обыкновенно полагаютъ начало возвышенія Москвы: „1332. г. Сѣде на великое княженіе в. кн. Иванъ Даниловичъ и *бысть тишина* велика христіаномъ по всей Русской земли *на многа лѣта*“ (²⁶).

рятся просто о событіи, безъ означенія мѣста, гдѣ оно произошло. Такъ напр., подъ 6770-мъ годомъ читаемъ: «Изгнаша поганыхъ (т. е. Татаръ) *отъ всѣхъ градовъ*, не терпя насилья ихъ». (Ibid.) Изъ Лаврентьевской лѣтописи мы знаемъ, что Татары были изгнаны изъ многихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли и, въ томъ числѣ, изъ Ростова. Подъ тѣмъ же годомъ въ Троицкой лѣтописи говорится о смерти Ростовскаго епископа Кирилла, который не названъ епископомъ Ростовскимъ; сказано просто: *преставися Кириллъ епископъ*. (Ibid.). Ср. К. Н. Бестужева-Рюмина: «о составѣ Русск. лѣтописей до конца XIV в.» стр. 40, 65—66.

(²⁶) Воскр. лѣт., П. С. Л. VII, 201.

Умиротвореніе земли, испытавшей такъ много „насилія“ отъ „безбожныхъ Татаръ“, столько опустошенія отъ ихъ частыхъ набѣговъ, отъ голода и мора—эта „тишина“, наставшая съ Калиты—сообщали возвышавшейся Москвѣ особенно-важное значеніе въ главахъ позднѣйшихъ нашихъ лѣтописателей.

Василько Константиновичъ Ростовскій оставилъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ сыновей: Бориса и Глѣба. Въ 1244 году дяди ихъ Владиміръ Константиновичъ, князь Бѣлоозерскій, и двоюродный братъ его Василій Всеволодовичъ Ярославскій поѣхали въ орду „про свою отчину“ и взяли съ собою молодыхъ Ростовскихъ князей. Передъ Батыемъ произошелъ у князей раздѣлъ, утвержденный ханомъ. Борисъ и Глѣбъ получили въ удѣлъ отцовское княжество Ростовское (²⁷).

Въ 1248 году Борисъ Васильковичъ женился на дочери Муромскаго князя Ярослава, а въ слѣдующій, 1249-й годъ умеръ Владиміръ Константиновичъ и Бѣлоозерскій его удѣлъ отошелъ къ Глѣбу Васильковичу (²⁸).

Княженіе Бориса Васильковича Ростовскаго отмѣчается въ лѣтописи слѣдующими событіями: Въ 1257 г. князь отправился въ орду на поклоненіе новому хану Улавчію; въ 1257 г. „бисть число“, т. е. первая народная перепись, произведенная Татарами, а въ 1262 году Татары были изгнаны изъ Ростова жителями, которые не могли сносить насилія ихъ; въ 1259 году былъ въ Ростовѣ в. князь Александръ Невскій, проѣздомъ изъ Новгорода во Владиміръ. Его „почтили“ Борисъ Васильковичъ и братъ его Глѣбъ, вдова Василька, княгиня Марія и епископъ Ростовскій Кириллъ, а

(²⁷) Троицк. лѣт., с. 226.—Никон., изд. Акад. н., III, 33.—Марія, вдова Василька, умерла въ 1271 году и погребена въ Ростовѣ, въ основанномъ ею Спасскомъ монастырѣ. (Троицк., 226). См. о ней: у Карамзина: т. III, прим. 364., Гр. Толстаго: Др. свят. Ростова-вел., с. 11 и примѣч. 31 и статью неизв. автора, въ Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 16.

(²⁸) Троицк., 226.—См. о Глѣбѣ Васильковичѣ: статью Муромцева, въ прилож. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. и въ сочин. Гр. Толстаго: Древн. свят. Ростова-великаго, с. 12—13. Смѣс. также Карамзина: Ист. Гос. Росс. IV, прим. 160.

великій князь принялъ это почтеніе съ любовью, воздалъ князьямъ и епископу „честь велику“ и одарилъ ихъ дарами. Въ 1277 году Борисъ Васильковичъ поѣхалъ во второй разъ въ орду и тамъ умеръ. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Димитрія (род. 1253) и Константина (род. 1255).

Послѣ Бориса въ Ростовѣ сѣлъ братъ его Глѣбъ, ходившій въ томъ же 1277 году, вмѣстѣ съ остальными князьями, на Ясовъ, Татарское племя, кочевавшее близъ Кавказскихъ горъ. Глѣбъ Васильковичъ прокняжилъ въ Ростовѣ не долго. Въ слѣдующемъ 1278 г. онъ умеръ. До насъ дошла слѣдующая характеристика Глѣба Васильковича: „по плѣненіи Татарскомъ отъ *юности своея служи Татаромъ*, и многи христіаны обидимые отъ нихъ избави и печальныя утѣши“ ([29]).

По смерти Глѣба, Борисовичи: Димитрій и Константинъ сѣли въ Ростовѣ. Въ 1286 году у нихъ произошло „нелюбье“, и старшій Димитрій перешелъ на княженіе въ Углече-Поле, князь котораго Романъ Владиміровичъ умеръ бездѣтнымъ въ 1285 году ([30]). Въ 1289 году Димитрій Борисовичъ снова сѣлъ въ Ростовѣ, а братъ его Константинъ ушелъ въ орду. Въ 1292 году всѣ князья были вытребованы въ орду и Константинъ Борисовичъ получилъ въ удѣлъ Углече-Поле. По словамъ Никоновской лѣтописи въ Ростовъ пріѣзжалъ великій князь Димитрій Александровичъ и примирилъ враждующихъ братьевъ ([31]). Въ 1294 г. Димитрій, кн. Ростовскій умеръ, оставивъ послѣ себя только двухъ дочерей. Княземъ Ростовскимъ сталъ братъ его Константинъ, который Углеческое княженіе передалъ сыну своему Александру ([32]).

Княженіе Константина Борисовича въ Ростовѣ ознаменовано: во 1-хъ, ссорой его съ Ростовскимъ епископомъ Тарасіемъ, причина которой неизвѣстна; во 2-хъ, „нелюбкой“ съ княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ Переяславскимъ, враждебный исходъ которой предупрежденъ епископомъ Семеномъ и въ 3-хъ, женидьбой князя Константина въ ордѣ послѣ

([29]) Татищева: Ист. Россіи, IV, 52.
([30]) П. С. Л. V, 201. VII, 179.
([31]) Никон. лѣт., изд. Акад. н., III, 71.
([32]) П. С. Л. VII, 184.

смерти первой его жены, въ 1302-мъ году. Въ 1307 Константинъ умеръ. Изъ отрывочныхъ свѣдѣній о немъ, занесенныхъ въ лѣтопись, можно заключить, что это былъ сварливый, безпокойный князь, державшій сторону ордынскихъ хановъ и расположенный къ Татарамъ.

Его смертію заканчивается XIII-е столѣтіе въ исторіи Ростовскаго княжества и начинается XIV-е, которое, какъ мы замѣтили выше, есть эпоха окончательнаго паденія земскаго значенія Ростова. Въ XIV-е столѣтіе Ростовъ кончаетъ свое самостоятельное существованіе и присоединяется къ Москвѣ.

Иванъ Даніловичъ Калита, этотъ первый изъ Московскихъ „собирателей земли Русской", наложилъ свою руку на Ростовъ. Потомство Василька Ростовскаго размножилось. Княжество Ростовское все болѣе и болѣе дробилось; князья, мало по малу, превращались въ мелкихъ владѣтелей—помѣщиковъ. Удѣлъ Ростовскій въ XIV вѣкѣ распадался на слѣдующія независимыя владѣнія: городъ Ростовъ, съ двумя отдѣльными княженіями: Стрѣтенской сторопой, и Борисоглѣбской стороной; Пріимково, Гвоздево, Шугиболы, Хохлово и мн. др. ([33]). Кромѣ того независимымъ владѣніемъ въ Ростовскомъ удѣлѣ былъ Устюгъ-Великій ([34]). Изъ-за Устюга

([33]) См. «Историч. очеркъ Ярославск. губ.» Яросл. губ. вѣд. 1850 г., № 6.

([34]) Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1324 годомъ читаемъ: «Иде великій князь Юрьи Даніловичъ съ Новагорода на Заволочіе, и взяша градъ Устюгъ и поидоша на Двину, и ту прислаша послы своя *князи Устюжскіе* къ великому князю и докончаша миръ по старинѣ (II С. Л VII, 199) —Что Устюгъ входилъ въ XIII в. въ предѣлы Ростовскаго княжества—видно изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ лѣтописей о Ростовскихъ епископахъ Отдѣльный отъ Суздаля и Владиміра епископъ является въ Ростовѣ при Константинѣ Всеволодовичѣ. (Лавр., 185). При разказѣ о поставленіи въ епископы Ростову Кирилла III-го Лаврентьевская лѣтопись опредѣляетъ предѣлы Ростовской епархіи, называя Кирилла епископомъ *Ростову, Ярославлю и Угличу-Полю* (Ипат. 193). Одинъ изъ преемниковъ Кирилла, епископъ Тарасій освящалъ церковь въ Устюгѣ, (Троицк., 227) слѣдоват. Устюгъ принадлежалъ къ Ростовской епархіи. Епархіи же въ то время всегда совпадали предѣлами своими съ удѣльными княжествами. Подъ 1396 г. въ Воскрес. лѣтописи записано: «Кипріанъ митрополитъ постави на Москвѣ Григорія епископа *Ростову и Ярославлю и Бѣлоозеру и Угличу-Полю и Устюгу и Молозѣ*. (II. С. Л. VIII, 69).

были частыя стычки между жителями Бѣлоозерскаго приозерья и Новгородцами, не желавшими уступить сосѣдямъ Устюга, своей исконной колоніи, которая охраняла торговый путь по Сѣверной Двинѣ въ Бѣлое море (35). Иванъ Калита, извѣстный своимъ скопидомствомъ и зажиточностью, сталъ скупать села и города у обѣдпѣвшихъ Ростовскихъ князей (36). Эти князья, продавъ свои владѣнія, пользовались нѣкоторою частью своихъ доходовъ и даже имѣли право чеканить монету (37); они назывались *окупными князьями* (38).

Въ 1330 году прибылъ въ Ростовъ намѣстникъ Московскаго князя боярин Василій Кочева, оставившій въ народѣ память о своей жестокости. „Увы, увы тогда граду Ростову, говоритъ составитель повѣсти о св. Сергіи Радонежскомъ,—паче же и княземъ его, яко отъяся отъ нихъ власть, и имѣніе, и честь и слава, и потягнуша къ Москвѣ. И изыде повеленіе великаго князя Ивана Даниловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки нѣкій воевода, единъ отъ вельможъ, именемъ Василій, прозвище ему Кочева, и съ нимъ Миняй. Егда внидоста во градъ Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ, да и на вся живущая въ немъ, и не мало отъ Ростовецъ Москвичамъ имѣнія своя съ нужею отдаваху, а сими противу того раны на тѣлеси своемъ со укоризною взимающе... Только дерзновенія надъ Ростовомъ содѣяша, яко и епарха градскаго, старѣйшаго боярина, именемъ Аверкія, стремглавъ обѣсиша и возложиша на ня руцѣ свои, и оставиша поругана, точію жива. И бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ ся, не токмо во градѣ Ростовѣ, но и во властѣхъ и селахъ“ (39). Многіе бояре Ростовскіе, не стерпя самовластія Кочевы, переселились въ другіе города (40).

---

(35) См. П. С. Л. IV, 102, 103; V, 216. 230. 260; VIII, 63, 71, 89.

(36) Собр. гос. гр. и догов., т. I, № 22.

(37) См. «Описаніе др Росс монетъ» М. 1834 г., стр. 134, табл. 16-я. Снес. «Оч. древн. ист. Ростова и политич. системы Рост. владѣт. князей». Яр. губ. вѣд. 1842 г. № 7.

(38) См. «Ист. оч. Яросл. губ.», Яросл. губ. вѣд. 1850 г., № 4.

(39) Никон. лѣт. изд. Акад. н., II, 204.

(40) Филарета: Русскіе святые, мѣсяцъ сентябрь, с. 129—130. Карамзина: Ист. гос. Росс. IV, прим. 172.

Это печальное для Ростовцевъ событіе произошло въ княженіе Константина Васильевича, сына Василья Константиновича. О Василіѣ Константиновичѣ лѣтопись занесла на свои страницы только одно извѣстіе. „Въ 1316 году прінде изъ орды князь Василій Ростовскій, и съ нимъ послы, Сабанчи и Казанчи—и много зла сотвори Ростову“ (41).

Константинъ Васильевичъ Ростовскій (р. 1291 г., ум. 1365) женился въ 1328 г. на дочери Ивана Калиты, Маріи. Опираясь на своего сильнаго тестя, Константинъ Васильевичъ, разумѣется, былъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ князей Ростовскихъ, которые дошли въ XIV ст. до такаго униженія, что ихъ „ограбиша въ ордѣ и пустиша нагихъ“ (42). Въ 1362 году произошла „усобица“ между Константиномъ Васильевичемъ и племянникомъ его Андреемъ Ѳеодоровичемъ. Причина этой усобицы намъ съ точностью неизвѣстна; извѣстно только, что она находится въ связи съ внутренними нестроеніями, происходившими въ то время въ ордѣ, и съ споромъ изъ-за великокняжескаго стола, бывшимъ между Димитріемъ Іоанновичемъ, кн. Московскимъ и Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ. Подъ 1359 годомъ въ лѣтописцѣ Ростовскихъ князей отмѣчено: „Ходиша вси князи въ орду“; подъ 1360 годомъ въ немъ же читаемъ: „Убиша царя (т. е. хана) Навруса и по немъ сѣде Ходырь, и да княженіе великое Димитрію Суздальскому *и коемуждо князю отчину свою*“; подъ 1361 годомъ: „Убиша царя Ходыря“. Въ слѣдующемъ 1362 году князь Димитрій Ивановичъ Московскій „сгони съ великаго княженія князя Суздальскаго Димитрія, а самъ сѣде на великое княженіе, и въ тотъ же годъ сотворися нелюбье межи князьми Ростовскими: Костянтиномъ и Андреемъ“ (43). Сторонникомъ Московскаго князя былъ Андрей Ѳеодоровичъ, который и въѣхалъ въ Ростовъ въ 1363 году подъ прикрытьемъ Московскаго боярина Ивана Ржевскаго „съ силою великою“ (44). Константинъ долженъ былъ уступить племяннику первенство и выѣхалъ изъ Ростова въ Устюгъ; но черезъ годъ онъ, вѣрно, помирился съ племянникомъ,

---

(41) П. С. Л. VII, 187.
(42) Троицк. лѣт., с. 231.
(43) Ibid.
(44) Ibid.

п. ч. мы видимъ его тогда снова въ Ростовѣ. Въ 1364 году была сильная моровая язва въ Нижнемъ, Костромѣ, Ярославлѣ и Переяславлѣ. На слѣдующій 1365-й годъ язва достигла Ростова. Отъ нея умерла жена Константина Марія, а вслѣдъ за нею и самъ Константинъ (45).

Съ Димитрія Ивановича Донскаго установляется полное подчиненіе Ростовскихъ князей Московскому великому князю. Они обязаны участвовать во всѣхъ его походахъ, держать его „честно и грозно“ и мыслить съ нимъ „какъ одинъ человѣкъ“. Такъ князь Ростовскій Андрей Ѳеодоровичъ участвуетъ, вмѣстѣ съ остальными князьями Ростовско-Суздальской земли, въ походѣ Димитрія Ивановича подъ Тверь въ 1375 году (46). При нашествіи Тохтамыша на Москву въ 1382 году лѣтопись подробно исчисляетъ всѣ города Ростовско-Суздальской земли, которые пострадали отъ нашествія Татарскаго, или играли какую нибудь роль въ этомъ нашествіи, Ростова въ этомъ перечисленіи совсѣмъ не упоминается. Значеніе его пало окончательно (47).

Перечисленіе князей въ Ростовскомъ лѣтописцѣ за XV-й вѣкъ является печальнымъ некрологомъ вымирающаго потомства Константина Всеволодовича. Этотъ некрологъ есть, по всей вѣроятности, синодикъ, внесенный въ лѣтопись. Князья, уступая свои владѣнія богатому великому князю Московскому, отрекаются отъ міра. Они всѣ передъ смертію поступаютъ въ монахи и постригаются въ схиму. Невольная грусть западаетъ въ душу, когда, припомнивъ гордые замыслы вѣча и бояръ Ростовскихъ XII-го в., мы встрѣчаемъ въ XV вѣкѣ только такого рода данныя о князьяхъ Ростовскихъ: 1404, преставися благовѣрный князь Александръ Ростовскій, нарѣченный въ иноческомъ чину Андрей, іюня 19-го; 1405, преставися князь Михаилъ Юрьевичъ Ростовскій; 1407, преставися благовѣрный князь Константинъ Андреевичъ Ростовскій, нарѣченный въ иноческомъ чину Касьянъ, апрѣля 27-го; 1409, преставися князь Андрей Ѳедоровичъ Ростовскій,

---

(45) Троицк., 231. См. также ст.: «Истор. оч. Ярсл. губ.», Ярсл. губ. вѣд. 1850 г. № 4, стр. 60.

(46) Воскрес. II. С. Л. VIII, 22.

(47) II. С. Л. VIII, 47.

парѣченный въ мнишескомъ чину Аѳанасій; 1413, преставися благовѣрный князь Юрій Андреевичъ Ростовскій, парѣченный въ мнишескомъ чину Герасимъ; 1415, преставися благовѣрный князь Константинъ Владиміровичъ Ростовскій, парѣченный въ мнишескомъ чину Касьянъ ([49]).

Ярославль.

Ярославль, какъ мы видѣли выше, былъ отданъ Константиномъ Всеволодовичемъ второму его сыну Всеволоду. Продолжительное княженіе Всеволода Константиновича въ Ярославлѣ (1216—1237) не отмѣчено ни чѣмъ въ лѣтописи. Извѣстно только, что въ 1226 году онъ ходилъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ на помощь Михаилу, князю Черниговскому, противъ Олега Курскаго ([50]). Въ 1237 году Всеволодъ палъ въ битвѣ на р. Сити вмѣстѣ съ великимъ княземъ ([51]).

Сыновья Всеволода: Василій и Константинъ, княжившіе въ началѣ зависимости Ростовско-Суздальской земли отъ Татаръ, по однимъ извѣстіямъ были убиты въ 1249 году, при опустошеніи Ярославля Татарами ([52]), а по другимъ умерли и похоронены во Владимірѣ ([53]).

Послѣ Василія Всеволодовича остались: вдова его Ксенія и дочь Марія. Если вѣрить позднѣйшему извѣстію Степенной книги, то княжна Марія, всего трехъ лѣтъ отъ роду, была провозглашена правительницей княжества Ярославскаго, а за ея мало-

---

([49]) Троицк. 226.

([50]) Лавр., 190.

([51]) Ibid. 197.

([52]) См. рукопись Ярославскаго Каѳедр. собора въ ст.: «Хронологическій очеркъ и торжеств. событ. въ г. Ярославлѣ, отъ основ. онаго до вступл. Ярослав. княжества въ сост. государства Россійскаго». Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 5. Спис. I Троицкаго; «Исторія губ. гор. Ярославля», Яросл. 1853 г., с. 15, примѣч. 35.

([53]) Никон. лѣт. изд. акад. н., III, 32.

лѣтствомъ, мать ея, Ксенія управляла княжествомъ на дѣлѣ(53). Около 1267 года Марія вышла замужъ за Ѳеодора Ростиславича, князя Можайскаго, прозваннаго „чермнымъ“ (54). Супружество это было не особенно счастливо. Черезъ десять лѣтъ Ѳеодоръ, бывши въ ордѣ, влюбился въ дочь хана Менгу-Темира; но жениться на ней онъ не рѣшился, во 1-хъ потому, что она была язычница, а 2-хъ потому, что у него была жена, Марія. Когда Ѳеодоръ возвратился изъ орды, Ксенія, его теща, не пустила его въ Ярославль и княземъ Ярославскимъ былъ объявленъ сынъ Ѳеодора, Михаилъ. Вскорѣ послѣ этого умерла Марія. Ѳеодоръ отправился въ орду, дочь Менгу-Темира приняла крещеніе, въ которомъ получила имя Анны, и была обвѣнчана съ княземъ Ярославскимъ. Между тѣмъ Михаилъ умеръ. Князь Ѳеодоръ отправился въ Ярославль съ женою и двумя сыновьями, рожденными въ ордѣ: Давидомъ и Константиномъ. Ярославцы не хотѣли принять къ себѣ князя, женатаго на „басурманкѣ“, но Ѳеодоръ принудилъ ихъ къ покорности силою. Съ тѣхъ поръ Ѳеодоръ Ростиславичъ былъ княземъ двухъ княжествъ: Ярославскаго и Смоленскаго. Послѣднее перешло къ нему съ 1280 году, послѣ смерти его братьевъ, Глѣба и Михаила. Онъ поручилъ Смоленскъ управленію племянника своего Александра Глѣбовича, а самъ остался въ Ярославлѣ (55). Изъ событій послѣднихъ лѣтъ его княженія лѣтопись упоминаетъ только объ участіи его въ усобицѣ изъ-за великокняжескаго стола, бывшей въ 1292 году между Андреемъ Александровичемъ, княземъ Суздальскимъ и братомъ его, Димитріемъ Александровичемъ, княземъ Переяславскимъ. Ѳеодоръ Ростиславичъ принимаетъ сторону Андрея Александровича противъ Димитрія Александровича, который, находя себѣ помощь у хана Ногая, дѣйствовалъ непріязненно противъ сына Менгу-

---

(53) Степенн. кн. I, 393.

(54) Воскрес. П. С. Л. VII, 173.—Никон. лѣт., III, 62.

(55) Эти подробности о Ѳеодорѣ Ростиславичѣ заимствованы нами изъ его позднѣйшаго житія (См. ниже примѣч. 58-е). — См. также Карамзина: Ист. гос. Росс. т IV., примѣч. 181.—О Смоленскомъ княженіи, перешедш. къ Ѳеодору Ярославскому см. Никон. лѣт., III, 68.

Темира, шурина Ярославскаго князя ([56]). Въ 1299 году Ѳеодоръ Ростиславичъ умеръ, принявъ передъ смертію схиму ([57]). По словамъ древняго біографа Ѳеодора Ростиславича, этотъ князь, воспитанный въ страхѣ божіемъ, съ молодыхъ лѣтъ былъ боголюбивъ и отличался мужествомъ и отвагою въ дѣлѣ ратномъ ([58]).

Ѳеодоръ Ростиславичъ сталъ родоначальникомъ новаго дома Ярославскихъ князей, который впослѣдствіи, разросшись въ обширное поколѣніе, распадался въ XV — XVI вѣкахъ на 40 различныхъ вѣтвей ([59]). О сыновьяхъ князя Ѳеодора: Давидѣ и Константинѣ нѣтъ никакихъ свѣденій въ лѣтописи, не смотря на то, что Давидъ княжилъ въ Ярославлѣ 22 года (съ 1299 по 1321 г.). Изъ житія кн. Ѳеодо-

---

([56]) П. С. Л. I, 382; III, 65; IV, 45. Никон. IV, 89—92.—Объ усобицахъ въ Смоленскомъ княжествѣ между Ѳеодоромъ Ростиславичемъ и племянникомъ его, Александромъ Глѣбовичемъ, которыхъ мы не касаемся, п. ч. онѣ происходили внѣ предѣловъ Ярославскаго княжества, см. П. С. Л., I. 382; IV, 44. Никон. III, 95.

([57]) П. С. Л. IV, 46; V, 203; VII, 182.

([58]) Ѳеодоръ Ростиславичъ православною Церковью признанъ святымъ. Житіе его написано іером. Антоніемъ, при митрополитѣ Филиппѣ 1-мъ, вскорѣ послѣ открытія мощей св. князя, слѣдоват. около 1470 г. Это житіе, съ перемѣнами, помѣщено въ Степенн. книгѣ (I, 392—397) и въ Никон. лѣтописи (III, 62—68). Самый древній списокъ житія наход. въ Румянцевскомъ муз. (См. опис. рукоп. Рум. муз. А. Востокова, № 305).—По словамъ пр. Филарета, житіе кн. Ѳеодора отличается цвѣтистымъ и изысканнымъ слогомъ и убѣждаетъ, что сочинитель его не зналъ многаго о св. Ѳеодорѣ.—(См. «Русскіе святые» м. сентябрь, с. 81, прим. 151). Московская редакція житія князя Ѳеодора Ростиславича, состоящая изъ его родословной, подробнаго описанія его постриженія въ монахи, кончины, открытія мощей и чудесъ отъ нихъ происходившихъ, помѣщена въ «Великихъ Минеяхъ-Четьихъ митрополита Макарія». См. 2-й вып. изданія Археограф. Комисс. подъ 19 мъ сентябремъ. Кромѣ того о Ѳеодорѣ Ростиславичѣ см. въ «Родословной росписи Ростовскихъ князей» въ рукописи. Сборникѣ Е. В. Трехлѣтова, XVII в. Г. Трехлѣтовъ признаетъ эту «роспись» за мѣстное Ростовское произведеніе. Она издана С. А. Серебряниковымъ въ Ярославскихъ губ. вѣд. 1851 г. № 36.

([59]) См. означенную въ предъидущ. примѣч. «Родословную роспись Ростовскихъ князей».

ра извѣстно только, что оба сына его были тоже святые и похоронены вмѣстѣ съ Осодоромъ, въ одномъ гробѣ (60).

Сынъ Давида Василій, „грозныя очи“ (княжилъ съ 1321 по 1344 г.), является, по мѣстнымъ Ярославскимъ преданіямъ, сильнымъ и самостоятельнымъ княземъ, не хотѣвшимъ уступить первенства въ Ростовско-Суздальской землѣ Московскому князю Иванѣ Калитѣ. Женатый на дочери Калиты, Евдокіи, Василій Давидовичъ не подчинился ему такъ, какъ другой его зять, князь Ростовскій Константинъ Васильевичъ. Калита думалъ, вслѣдствіе этихъ родственныхъ связей, самовластно дѣйствовать въ княжествахъ Ростовскомъ и Ярославскомъ. Въ Ростовѣ какъ мы видѣли, ему это удалось (61), но въ Ярославѣ онъ не достигъ полнаго своего господства. Происходя отъ старшаго сына Мономахова, Мстислава, Василій Давидовичъ считалъ себя старше князя Московскаго, происходившаго отъ меньшаго Мономаховича, Юрія Долгорукаго (62). Онъ назвался „великимъ княземъ“ Ярославскимъ и, охраняя свои наслѣдственныя и родовыя права, поставляющія его въ независимыя отношенія отъ Московскаго великаго князя,—вступилъ въ союзъ съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ, постояннымъ противникомъ Ивана Даниловича Калиты (63).

Непокорный Калитѣ, Василій Давидовичъ долженъ былъ однако покориться сыну и преемнику его, Семіону Ивановичу „гордому“, которому, по выраженію Ростовскаго лѣтописца, „вси князи Русскіе подъ руку даны“ ханомъ Узбекомъ (64). Василій Давидовичъ не только сопровождаетъ Семіона Ива-

---

(60) См. Филарета. «Русскіе святые», мѣсяцъ сентябрь. с. 88.

(61) См. выше, въ настоящ. главѣ, стр. 166—168.

(62) Происходя отъ Смоленскихъ князей, всегда тяготѣвшихъ къ югу и чтившихъ родовыя традиціи, Василій Давидовичъ весьма легко могъ дѣйствовать на основаніи этихъ традицій въ землѣ Ростовско-Суздальской, гдѣ ихъ не было, а гдѣ, вмѣсто ихъ, какъ мы видѣли господствовала традиція «самовластія».

(63) О Василіѣ Давидовичѣ см. ст. С. С(еребренникова) въ Яр. губ. вѣд. 1843 г. № 30.—Кромѣ данныхъ лѣтописныхъ, авторъ воспользовался для своей монографіи «мѣстною рукописью». Намъ неизвѣстна эта рукопись, и какова ея историческая достовѣрность—судить не беремся.

(64) Карамзинъ. т. IV, прим. 330.

новича въ орду и содѣйствуетъ тамъ его усиленію, но и участвуетъ въ усмиреніи удѣльныхъ князей Ростовско-Суздальской земли, возставшихъ противъ Семіона и даже принимаетъ сторону Московскаго великаго князя въ его походѣ подъ Смоленскъ, въ которомъ княжили въ то время родственники Ярославскаго князя (65).

По смерти Василія Давидовича его владѣніе раздѣлилось между его сыновьями на три удѣла. Старшій сынъ Василій сталъ княземъ Ярославскимъ, второй сынъ Глѣбъ получилъ въ удѣлъ земли по Шекснѣ, „Пошехонье“ и, наконецъ, третій сынъ Романъ—земли по берегамъ Волги, на которой онъ основалъ городъ въ свое имя „Романовъ“ (66). Братъ Василья Давидовича Михаилъ Давидовичъ владѣлъ еще раньше, по смерти отца своего Давида, городомъ Мологою съ землями по р. Мологѣ (67). Такимъ образомъ въ половинѣ XIV в. въ Ярославскомъ княжествѣ были слѣдующія независимыя одно отъ другаго владѣнія: Ярославль, Пошехонье, Романовъ и Молога. Эти владѣнія подраздѣлялись по числу сыновей каждаго изъ князей на множество подъ-удѣловъ. Мы уже сказали выше, что потомство Ѳеодора Ростиславича было очень многочисленно. Второстепенныхъ удѣльныхъ Ярославскихъ князей является въ XIV вѣкѣ такое множество, что перечислять ихъ всѣхъ было бы слишкомъ затруднительно, да и безполезно. Мы позволимъ себѣ только для примѣра остановиться на родословіи князей Мологскихъ или Моложскихъ и затѣмъ, сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ подъ-удѣльныхъ Ярославскихъ княжествахъ.

Моложскіе князья, какъ видно, не имѣли достаточнаго количества земли, чтобы надѣлить ею всѣхъ многочисленныхъ членовъ своего дома, потому что изъ трехъ сыновей Михаила Давидовича: Ѳеодора, Ивана и Льва,—только старшій Ѳеодоръ получилъ удѣлъ. Старшая линія Моложскихъ князей, происходящая отъ князя Ѳеодора (ум. въ 1408 г.) пресѣклась въ третьемъ колѣнѣ внука Ѳеодора, князя Петра Дмитріевича.

---

(65) См. «Хронологич. оч. ист. событ. въ г. Ярославлѣ». Яросл. губ. вѣд. 1843, № 5.

(66) Родосл. роспись Ростовск. князей, Яр. губ. вѣд. 1851 № 36.

(67) С. С(еребряникова): «Истор. взглядъ на г. Мологу». Яросл. губ. вѣд. 1842 г. № 40.

Сынъ Ивана Михаиловича, тоже Θеодоръ—является родоначальникомъ князей Сицкихъ, Ушатыхъ, и Прозоровскихъ ([68]). Отъ третьяго сына перваго Моложскаго князя Михаила,—Льва Михаиловича произошли князья Дуловы. Сынъ этого Льва Александръ пытался было получить нѣкоторую долю въ удѣлахъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, сыновей Θеодора Михаиловича, но, не имѣя возможности достичь желаемаго по слишкомъ большой дробности Моложскихъ владѣній, а можетъ быть и отказавшись отъ своего намѣренія по незначительности этихъ владѣній,—отъѣхалъ къ Тверскому князю ([69]).

Княжество Ярославское, утвердившееся въ родѣ старшаго сына Василія Давидовича, Василія Васильевича, не даетъ намъ повода остановиться на себѣ особенно. Исторія Ярославля при потомкахъ Василія Васильевича есть исторія земскаго разложенія этого княжества. Преемники Василія Васильевича, съ 1400 до 1471 года (Иванъ Васильевичъ, Θеодоръ Васильевичъ и Александръ Θеодоровичъ) являются въ лѣтописи блѣдными призраками; никакихъ чертъ индивидуальныхъ въ нихъ нельзя подмѣтить. Они всѣ—усердные „подручники" Московскихъ великихъ князей: Василія Димитріевича, Василія Васильевича Темнаго и Ивана III-го. Послѣдній Ярославскій князь, Александръ Θеодоровичъ отказываетъ свою „отчину" и „дѣдину"—Ярославль въ „душевной своей грамотѣ" сильному князю Московскому, а сынъ его Даніилъ Александровичъ, князь Ярославскій—является *служилымъ княземъ*, воеводою Ивана III-го, „великаго князя Московскаго и всея Руси" ([70]).

([68]) О князьяхъ Ушатыхъ см. въ Акт. Ист. т. III, №№ 14, 26, 32 и 33.—Г. Троицкій полагаетъ что, кромѣ вышеназванныхъ княжескихъ родовъ, отъ Θеодора Ивановича Моложскаго происходятъ еще фамиліи: Шаминыхъ, Голычевыхъ и Шуморовскихъ. Эти фамиліи, говоритъ онъ, были такъ бѣдны, что изъ нихъ только Шуморовскіе имѣли вотчину по р. *Шумрѣ*, впадающій въ Волгу. См. слѣдующ. примѣч.

([69]) Кромѣ статьи Серебрянникова о Моложскомъ княжествѣ см.: 1) Троицкаго: «Ист. Моложской страны, княжествъ въ ней бывшихъ и г. Мологи».—Яр. губ. вѣд. 1863 г., стр. 228 и 236. 2) «О Мологскомъ краѣ», въ Протокол. Яросл. статист. Комитета ВМ., 1865 г., стр 133 и 141.

([70]) Родосл. Яросл. владѣт. князей у Троицкаго, въ Ист. Ярославля, с. 36.—Историч. оч. г. Ярославля. Яр. губ. вѣд. 1850, № 6 — Никон. лѣт., изд. ак. н. VI, 146, 165. 116.

Ярославское княжество въ теченіе 70-ти лѣтъ XV-го столѣтія раздробляется на безчисленное количество мелкихъ „вотчинъ“, изъ которыхъ извѣстны намъ: Курба, Заозерье, Новлень и Юхоть (71).

Курба была наслѣдственною вотчиною князей Курбскихъ, родословіемъ которыхъ такъ гордился знаменитый ихъ потомокъ, извѣстный противникъ грознаго царя, князь Андрей Михайловичъ Курбскій (72). Онъ происходилъ по прямой линіи отъ святаго князя Ярославскаго Ѳеодора Ростиславича, въ пятомъ поколѣніи отъ Ивана, старшаго сына Василія Васильевича, князя Ярославскаго (73).

О Заозерскомъ княжествѣ мы имѣемъ слѣдующія свѣденія: Владѣнія этого княжества находились около озера Кубенскаго, въ 22-хъ верстахъ отъ Вологды. Въ концѣ XIV в. „Заозерье“ (такъ назывались мѣста около Кубенскаго озера) составило удѣлъ третьяго сына Василія Васильевича Ярославскаго—Димитрія. Князь этотъ жилъ въ городкѣ близъ устья р. Кубены, гдѣ нынѣ село Устье (въ 50 в. отъ Вологды). Противъ села Ила, при деревнѣ Черниковой, донынѣ стоитъ часовня, гдѣ, по преданію, находились дворы и терема князей Заозерскихъ. Заозерское княжество потеряло самостоятельность при великомъ князѣ Василіѣ Васильевичѣ Темномъ за родство князя Галичскаго и Угличскаго Димитрія Шемяки съ Заозерскимъ княземъ Димитріемъ Васильевичемъ, дочь котораго была за Шемякой (74). Изъ договорной грамоты великаго князя Василія Васильевича Московскаго съ княземъ Можайскимъ Михаиломъ Андреевичемъ, 1447 г.—видно, что половину вотчинъ князей Заозерскихъ и боковой ихъ линіи, князей Кубенскихъ, великій князь Московскій отдалъ князю Можайскому съ обязательствомъ платить

(71) См. «Хронол. оч. ист. соб. въ г. Ярославлѣ и т. д.» Яр. губ. вѣд. 1843 г. № 3—и «Ист. оч. Ярсл. губ.», Ibid. 1850 г. № 6.—Снес. «Родосл. роспись Ростовскихъ князей», Ibid. 1851 г. № 36.

(72) См. ст. «село Курба, отчина князей Курбскихъ, въ 25 в. отъ Ярославля». Москвит. 1852 г., № 17, отд. VII.

(73) Сказанія кн. Курбскаго. Изд 3-е, Спб. 1868 г. Родословіе князей Курбскихъ см. въ концѣ книги.

(74) Ст. С. С(еребрянникова): «Заозерское княжество». Ярсл. губ. вѣд. 1843 г., № 3.

съ тѣхъ вотчинъ „царевъ выходъ", т. е. ордынскую дань въ Ярославль (75). Въ другой грамотѣ того же года половина Заозерья отдана Василіемъ Васильевичемъ князю Можайскому же Ивану Андреевичу (76). При Іоаннѣ III-мъ Заозерское княжество окончательно вошло въ составъ Московскаго государства (77).

Пошехонье, удѣлъ Глѣба Васильевича, было страной дикой и невоздѣланной. По всей вѣроятности, только съ Глѣба Васильевича началась въ этой странѣ великорусская колонизація (78). Глѣбъ Васильевичъ, по словамъ одного изъ мѣстныхъ послѣдователей Ярославской старины, сталъ родоначальникомъ князей: Шахонскихъ, Солнцевыхъ, Засѣкиныхъ, Щетининыхъ и Шаховскихъ (79). Романъ Васильевичъ, какъ мы видѣли, основалъ на Волгѣ городъ Романовъ, который является исходнымъ пунктомъ дальнѣйшей великорусской колонизаціи въ сѣверо-восточной сторонѣ поволжья, въ теперешнихъ уѣздахъ Даниловскомъ и Любимскомъ Ярославской губерніи. Но на этой дальнѣйшей колонизаціи поволжья мы остановимся въ 5-й главѣ нашихъ очерковъ, а здѣсь пора намъ наконецъ разстаться и съ Романомъ и съ Глѣбомъ Васильевичами и съ ихъ потомствомъ. Укажемъ только, что отъ Романа Васильевича, произошли слѣдующіе роды княжескіе и боярскіе: Охлябинины,

---

(75) Собр. гос. гр. и догов. т, I. № 64.

(76) Ibid. № 65.

(77) Ibid. № 66.

(78) Авторъ статьи: «Берегъ р. Шексны у с. Козмодемьянска», С. Деруновъ полагаетъ, что норманнская княжеско-военная колонизація началась въ Пошехотинскомъ краѣ со 2-й полов. IX в., съ того времени, какъ Синеусъ пришелъ на Бѣлоозеро. Г. Деруновъ выводитъ свое предположеніе изъ находимыхъ по берегамъ Шексны мѣстными крестьянами разныхъ металлическихъ вещей и желѣзнаго оружія.—См. Яросл. губ. вѣд. 1863 г. № 47.—О Пошехоньѣ см. 1-ю главу нашихъ очерковъ, на стр. 19 и примѣч. 42, а также ст. въ Яросл. губ. вѣд. 1853 г.: «Обычаи при свадьбахъ въ Пошехонскомъ у.»

(79) См. статьи: 1) Родосл. роспись Ростовскихъ князей». Яр. губ. вѣд. 1851 г. № 36. 2) Василій Давидовичъ, кн. Ярославскій. Ibid. 1843, № 30. 3) Истор. оч. Яросл. губ., Ibid. 1850. № 2—7.

Дѣевы, Вѣпоткины, Зубатые, Морткины, Львовы, Шуховскіе, Безчестневы, Хворостинины ([80]).

Бѣлоозеро.

Княжество Бѣлоозерское, перешедшее, какъ мы видѣли выше, послѣ смерти Владиміра Константиновича къ Глѣбу Васильковичу ([81]),—утверждается за потомствомъ этого князя, послѣ того, какъ онъ сталъ княземъ Ростовскимъ въ 1277 г.

Удѣлъ Бѣлоозерскій существуетъ самостоятельно до половины XIV в. Первый изъ Московскихъ „собирателей земли Русской" Иванъ Даниловичъ Калита покупаетъ Бѣлоозерскій городъ у размножившихся и обѣднѣвшихъ Бѣлоозерскихъ князей ([82]). Нѣкоторые изъ Бѣлоозерскихъ князей становятся поручниками Москвы съ Димитріи Донскаго ([83]), Бѣлоозерскій городъ („се же было нѣколи княженье Бѣлоозерское", прибавляетъ лѣтописецъ) отказываетъ Донской передъ смертію третьему своему сыну Андрею ([84]). Князья Бѣлоозерскіе, потомки Глѣба Васильковича продолжаютъ существовать, неимѣя никакого земскаго значенія, которое переходитъ на усиливающуюся Москву ([85]).

Въ 1488 году, послѣ смерти послѣдняго Бѣлоозерскаго князя Михаила Андреевича,—все Бѣлоозеро окончательно присоединено Іоанномъ III-мъ къ Московскому государ-

---

([80]) См. тѣ же статьи.

([81]) См. выше, наст. гл. наш. очерк. стр. 164.

([82]) Димитрій Іоанновичъ Донской говоритъ въ своей второй духовной грамотѣ 1389 г.. «сына своего князя Андрея благословляю *куплею дѣда своего, Бѣлымъ озеромъ* со всѣми волостми». — См. Собр. гос. гр. и догов. т. I, № 34, стр. 59.

([83]) Въ 1380 г. на Куликовомъ полѣ палъ князь Бѣлоозерскій Өеодоръ, сражавшійся въ войскахъ Московскаго великаго князя. (П. С. Л. VIII, 39).

([84]) П. С. Л. VIII, 57.

([85]) Ibid. 63.

ству (86). Длинный рядъ Бѣлоозерскихъ князей, княжившихъ въ своей „отчинѣ“ впродолженіе 211-ти лѣтъ, съ конца XIII до конца XV в., не отмѣченъ никакимъ событіемъ, на которомъ стоило бы остановить свое вниманіе историку. Мы не желаемъ утомлять читателя этимъ сухимъ перечнемъ именъ и просимъ тѣхъ, для кого интересна родословная таблица князей Бѣлоозерскихъ, обратиться къ книгѣ Гр. Толстаго: „Древнія святыни Ростова-Великаго“, въ которой помѣщена эта таблица. Отъ князей Бѣлоозерскихъ произошли роды князей: Шелешпанскихъ, Сугорскихъ и Кемскихъ (въ настоящее время оба послѣдніе рода угасли), Ухтомскихъ, Андомскихъ (угасшихъ въ XVIII в.), Вадбольскихъ и Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ (87).

Послѣдній князь Бѣлоозерскій Михаилъ Андреевичъ (княж. съ 1436 по 1488 г.) есть единственный изъ Бѣлоозерскихъ князей, дѣятельность котораго отмѣчена на страницахъ исторіи. Отъ него дошло до насъ: семь жалованныхъ грамотъ Кирилло-Бѣлоозерскому монастырю, въ которыхъ находятся хозяйственныя распоряженія князя относительно этого монастыря, б. ч. касательно рыбныхъ промысловъ (88), и три жалованныхъ грамоты Ѳерапонтовой пустынѣ. Первая изъ этихъ послѣднихъ грамотъ, отъ 1437 г., касается освобожденія отъ дани и пошлинъ поселенныхъ на монастырскихъ пустошахъ крестьянъ на десять лѣтъ и подсудности ихъ игумену; вторая грамота, отъ 1438 г., дозволяетъ Ѳерапонтовой пустынѣ купить пустошь у какого то Тупика, съ освобожденіемъ отъ княжескихъ даней и пошлинъ пришлыхъ и откупленныхъ людей на двадцать лѣтъ и опредѣляетъ ихъ подсудность игумену; наконецъ, третья грамота, отъ 1450 г., даетъ тѣ же льготы поселенцамъ на

---

(86) А. А. Э. I, № 124.

(87) Гр. Толстаго «Древн. свят. Ростова-великаго», родосл. табл. Ростовск. князей, табл. III-я и соотв. ей примѣчанія.—По родословной таблицѣ П. П. Строева (см. Ключъ къ Ист. Росс. гос. Карамзина въ изданіи Эйнерлинга. Спб. 1844 г.), Бѣлозерскіе владѣтельные князья являются въ слѣд порядкѣ: 1. Глѣбъ Васильевичъ († 1278), 2. Василій Глѣбовичъ († 1263), 3. Михаилъ Глѣбовичъ, 4. Романъ Михайловичъ, 5. Ѳеодоръ Романовичъ († 1380), 6. Іоаннъ Ѳеодоровичъ († 1380), 7. Константинъ Іоанновичъ.

(88) А. А. Э. I, №№ 30, 65, 66, 67, 100, 107 и 114.

Короткой - рѣчкѣ, бывшей во владѣніи Серапонтовой пустыни (89).

Въ княженіе Михаила Андреевича Московскій великій князь Василій Васильевичъ начинаетъ „простирать свою руку“, какъ говорилось въ то время, на Бѣлоозеро. Въ 1450 г. въ Бѣлоозерѣ являются Московскіе намѣстники (90), но Михаилъ Андреевичъ, какъ видно, сохранилъ до нѣкоторой степени независимость своей княжеской власти, и. ч. послѣ 1460 года онъ выдаетъ впродолженіи 28 лѣтъ жалованныя грамоты монастырямъ отъ своего имени, и, кромѣ того, рядомъ съ намѣстникомъ Московскаго великаго князя, имѣетъ своихъ намѣстниковъ (91). Іоаннъ III съ перваго года своего княженія, съ 1462 г. начинаетъ распоряжаться уже совершенно самовольно землями въ Бѣлоозерскомъ княжествѣ (92), а въ 1488 году появляется *Уставная Бѣлоозерская грамота*, свидѣтельствующая объ окончательномъ присоединеніи Бѣлоозера къ Московскому государству. „Се азъ князь велики Иванъ Васильевичъ всея Руси, читаемъ мы въ этой грамотѣ,—пожаловалъ есми *своихъ людей* Бѣлозерцевъ, горожанъ и становыхъ людей и волостныхъ, всѣхъ Бѣлозерцовъ: кто нашихъ намѣстниковъ у нихъ ни будетъ, *и они ходятъ по сей по нашей грамотѣ*“ (93).

Угличе-Поле (Углічъ).

Угличское княжество, вслѣдствіе бездѣтности его князей, не сформировалось въ наслѣдственный удѣлъ, въ „отчину“. Составляя въ началѣ XIII в. владѣніе меньшаго сына Константина Всеволодовича, Владиміра, вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ, Угличъ, послѣ смерти этого князя въ 1249 г. переходитъ къ сыну его Андрею. По смерти бездѣтнаго Андрея въ 1261 году, княземъ въ Угличѣ является братъ Андрея св.

---

(89) А. А. Э. №№ 31, 36 и 47.
(90) Ibid. № 48, III.
(91) Ibid. № 48, I.
(92) Ibid. № 73.
(93) Ibid. № 124.

Романъ, который умираетъ также бездѣтнымъ въ 1286 г.(94). На этомъ князѣ пресѣкается потомство меньшаго сына Константина Всеволодовича: Угличъ, какъ мы видѣли выше, переходитъ къ князьямъ Ростовскимъ(95). Калита, вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ, покупаетъ и Угличъ(96); съ Димитрія Донскаго назначаются туда „удѣльные князья“ изъ дома Московскихъ князей. Такъ съ 1384 по 1405 г. княжитъ въ Угличѣ сынъ Донскаго Петръ Димитріевичъ, которому Московскій великій князь „отказываетъ“ Угличъ по „душевной“ своей грамотѣ(97). Преемники Петра Димитріевича, князья Углицкіе изъ назначаемыхъ Московскихъ князей,—перечисляются г. Киселемъ, историкомъ г. Углича, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ Донскаго, извѣстный герой и виновникъ Куликовской побѣды (съ 1405—по 1410), 2) и 3) сыновья его: Василій (1410 — 1414) и Андрей (1414 — 1426), 4) Юрій Димитріевичъ, сынъ Донскаго (1426—1432), 5) Константинъ Димитріевичъ, тоже сынъ Донскаго (1432—1434), 6) Димитрій Юрьевичъ *Шемяка*, сынъ Юрія Димитріевича (1435—1453), 7) Василій Ярославичъ, кн. Боровскій, внукъ Владиміра Андреевича (1453—1461), 8) Андрей Васильевичъ *Большой*, сынъ Василія *Темнаго* (1461—1491), 9) Димитрій Іоанновичъ, сынъ Іоанна III-го (1493—1521)(98).

Димитрій Іоанновичъ былъ послѣднимъ Угличскимъ княземъ изъ „посаженниковъ“ московскихъ. Послѣ его смерти, въ 1522 году присланъ въ Угличъ *намѣстникъ* великаго князя Московскаго Василія Ивановича, Ѳома Колычевъ, котораго одна изъ Угличскихъ лѣтописей называетъ „пѣкимъ отъ вельможныхъ бояръ, княжаго рода“. По смерти Васи-

---

(94) С. С(еребрянникова) «Оч. др. ист. г. Углича». Яр. губ. вѣд. 1843 г. № 19.

(95) См. выше наст. главу наш. очерковъ, стр. 165.

(96) См. 2-ю духовную грамоту Димитрія Іоанновича, великаго князя Московскаго. «А сына своего князя Петра, говоритъ онъ въ ней, благословляю *куплею дѣда своего, Углечемъ-Полемъ* и что къ нему потянло».—Собр. гос. гр. и догов., т. I, № 34, с. 59.

(97) П. С. Л. VIII, 57.

(98) Ѳ. Киселя: «Ист. г. Углича». Яросл. 1844 г., с. 113—202.

лія Ивановича, Колычевъ, пользуясь боярскими смутами, управлялъ Угличскою областію почти независимо и именовался Угличскимъ княземъ, по словамъ одной мѣстной рукописи и хроники Алексѣевскаго Угличскаго монастыря, имъ построеннаго. Эту независимость сохранилъ Колычевъ и въ первую эпоху царствованія перваго царя Московскаго Іоанна Васильевича, который въ то время еще не былъ „грознымъ“. Колычевъ умеръ въ 1550 году, 80-ти лѣтъ отъ роду (99).

Здѣсь кончается самостоятельная исторія Углича. Съ грознаго царя Іоанна Васильевича Угличъ становится областью Московскаго государства, и при преемникѣ Іоанна, при „смиренномъ“ Оеодорѣ выступаетъ на сцену всеобщей исторіи Россіи, являясь печальнымъ мѣстомъ убіенія меньшаго сына Іоанна грознаго, царевича Димитрія Это убіеніе сопровождалось явленіемъ „названнаго царя Димитрія“, явленіемъ, до сихъ поръ должнымъ образомъ не разгаданнымъ, ключъ отъ котораго, по всей вѣроятности, навсегда потерянъ для изслѣдователя.

Кострома и Галичъ-Мерьскій.

Кострома, по словамъ Татищева, отдана была Константиномъ Всеволодовичемъ старшему его сыну Васильку вмѣстѣ съ Ростовомъ (100); что же касается до Галича-Мерьскаго то зависимость его отъ потомковъ Константина не достаточно подтверждается извѣстными намъ источниками (101). Впрочемъ, если принять свидѣтельство Татищева о томъ, что Кост-

(99) Ibid. c. 202—207.

(100) Татищева: Ист. Росс. II, 413 и примѣч. 600.

(101) Г. Кржижановскій, составитель статист. описанія Костромской губерніи (Матер. для геогр. и статист. Россіи, собр. офицер. генер. шт., Костромская губ. Спб. 1861 г.), въ историческомъ введеніи къ своей книгѣ (на стр. 2) говоритъ, что Галичъ былъ отданъ Константиномъ меньшому его сыну Владиміру, котораго Татищевъ называетъ Димитріемъ. Намъ неизвѣстно, откуда почерпнулъ эти свѣденія г. Кржижановскій. Ни у Татищева, ни у Карамзина, ни въ изданныхъ лѣтописяхъ не находимъ мы этого.

рома составляла часть Ростовскаго удѣла, то можно предположить, что и Галичъ-Мерьскій принадлежалъ къ этому же удѣлу (102).

Вслѣдъ за мученическою смертію Ростовскаго князя Василька въ 1237 году Татары разошлись съ береговъ Сити по землѣ Ростовско-Суздальской двумя путями: одни двинулись на Переяславль, другіе пошли по Волгѣ къ Костромѣ и предали разоренію все сѣверо-восточное поволжье „и до Галича-Мерьскаго„ (103).

По смерти Василька Кострома и Галичъ переходятъ въ потомство Ярослава Всеволодовича, меньшаго изъ сыновей Всеволода, Большаго-гнѣзда. Кострому отдаетъ онъ одному своему сыну Василію Ярославичу, прозванному *Квашней*, а Галичъ—другому сыну, Константину Ярославичу (104).

Съ Василія Ярославича, съ 1247 года, исторія Костромы нераздѣльно связывается съ исторіею великокняжескаго города Владиміра, съ исторіею борьбы изъ-за стола великокняжескаго. По смерти Василія Ярославича, въ 1276 году, Кострома была присоединена къ великому княженію Владимірскому. Великій князь Димитрій Александровичъ начинаетъ съ этого года распрю изъ-за великаго княженія съ братомъ своимъ Андреемъ Александровичемъ. Распря эта кончается въ 1294 году, и Кострома переходитъ къ великому князю Димитрію Александровичу, который отдаетъ ее, вмѣстѣ съ Переяславлемъ-Залѣсскимъ сыну своему Ивану Димитріевичу. По смерти Ивана Димитріевича въ 1302 году, Кострома достается дядѣ его Андрею Александровичу, который посылаетъ въ нее на княженье сына своего Бориса. Въ 1303 году умираетъ Борисъ, а въ слѣдующемъ году—отецъ его Андрей Александровичъ, заслуживший ненависть современниковъ за разореніе земли Ростовско-Суздальской при помощи Татаръ. Начинается новая распря изъ-за великокняжескаго стола, между Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ и Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ. Кострома въ этой распрѣ, принадлежа великому князю Московскому, держитъ сторону Твери. Юрій Даниловичъ посылаетъ въ Кост-

(102) См. выше наст. главу, стр. 137 и примѣч. 9.
(103) Воскр. П. С. Л. VII, 144.
(104) Ibid. 171, 173 и 174.

рому на княженье брата своего Бориса Даниловича, съ московскими боярами. Бориса на дорогѣ схватываютъ бояре Тверскова князя и отвозятъ въ Тверь, въ заточенье. Въ Кострому являются одни бояре Московскіе безъ князя. Управленіе ихъ, вѣроятно, не отличалось мягкостью, по обычаю московскихъ бояръ, и. ч. противъ нихъ возстало костромское вѣче. Бояре были изгнаны, а двое изъ нихъ, Зерно и Александръ, даже убиты (105).

По убіеніи Михаила Ярославича Тверскаго въ ордѣ въ 1319 году, Кострома преклоняется передъ Москвою. Изъ „духовной“ грамоты Ивана Даниловича Калиты видно, что Кострома составляетъ полную собственность Московскаго великаго князя (106). Во время распри Димитрія Ивановича Донскаго съ Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ изъ-за великаго княженія, въ то время, когда юный Московскій князь выхлопатывалъ себѣ въ ордѣ грамоту на великое княженіе, при ревностномъ содѣйствіи митрополита Алексѣя—въ то время, Тверской князь Михаилъ Александровичъ взялъ Кострому и посажалъ въ ней своихъ намѣстниковъ (107). По возвращеніи Московскаго князя изъ орды, Кострома снова закрѣпляется за Москвой. Во время похода соединенной рати Московскаго великаго князя и подручныхъ ему князей подъ Тверь, въ 1375 году, новгородскіе ушкуйники въ числѣ 1500 нападаютъ на Кострому; Московскій *намѣстникъ* въ Костромѣ Плещеевъ выходитъ противъ нихъ съ 5000 Костромичей, но Новгородцы его одолѣваютъ. Кострома ограблена и сожжена (108). Костромичи участвуютъ съ этого времени во всѣхъ походахъ Московскаго великаго князя. Въ 1386 г. онъ предпринимаетъ грозный походъ на Новгородъ, выставляя причиной этого похода ограбленіе и сожженіе Костромы въ 1376 г. новгородскими ушкуйниками, или, „разбойниками“, какъ ихъ называютъ Московскіе лѣтописцы (109).

---

(105) Воскрес. II. С. Л. VII, 184. — Татищева. Ист. Росс. III, 418.

(106) Собр. госуд. гр. и догов. т. I, № 22.

(107) Ив. Васькова: «Собр. истор. изв., относ. до Костромы». М. 1792, с. 20.

(108) IV-я Новг. лѣт., 71—72. II. С. Л. VIII, стр. 23 и 24.

(109) П. С. Л. VIII, стр. 25

Внѣшняя, княжеская исторія Галича-Мерьскаго покрыта совершеннѣйшимъ мракомъ. Г. Крживолоцкій, въ историческомъ введеніи къ статистическому описанію Костромской губерніи, приводитъ родословную Галичскихъ князей по неизвѣстной намъ *Галицкой лѣтописи*. Но такъ какъ эта родословная, не очень извѣстная до настоящаго времени, хоть чѣмъ нибудь восполнитъ пробѣлъ во внѣшней исторіи одного изъ подъ-удѣловъ Ростовскаго княжества, то мы позволимъ себѣ привести ее здѣсь, не принимая на себя, впрочемъ, отвѣтственности за ея достовѣрность (110).

Константинъ Ярославичъ.

Давидъ	Василій
Ѳеодоръ	Ѳеодоръ
	Димитрій.

Послѣдній князь Галичскій Димитрій Ѳеодоровичъ продалъ свое владѣніе Московскому великому князю Ивану Даниловичу Калитѣ (111). Почти черезъ столѣтіе послѣ присоединенія къ Москвѣ, Галичъ является ареной распри изъза великокняжескаго стола Московскаго, сперва между Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ и дядею его Юріемъ Димитріевичемъ, а потомъ между Василіемъ Васильевичемъ и сыновьями Юрія: Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой. Но эта распря, длившаяся почти тридцать лѣтъ (съ 1423 по 1452 г.) и имѣющая весьма важное значеніе въ исторіи формаціи Московскаго государства, какъ послѣдняя княжеская распря, не имѣетъ въ себѣ никакихъ топографическихъ, мѣстныхъ подробностей собственно для исторіи Галича.

(110) Матер. для геогр и статист. Россіи, собр. офиц генер. штаба, Костр. губ, стр. 7.

(111) Собр. госуд. гр. и догов. т. I, № 34.

Въ-заключеніе нашего очерка внѣшней исторіи Ростовскаго княжества и его удѣловъ мы считаемъ необходимымъ коснуться печальнаго, но характеристическаго явленія эпохи—нашествія Татаръ на Ростовскія княженія и опустошенія ими этихъ княженій. Незанимательна грустная лѣтопись татарскихъ погромовъ и безсильныхъ возстаній жителей городовъ противъ „злыхъ бесерменъ“,—но и вся жизнь разсмотренныхъ нами княжествъ не представляетъ ничего особенно интереснаго. Не въ интересѣ событій долженъ искать историкъ себѣ оправданія, а въ строго безпристрастномъ изображеніи эпохи, во всей ея будничной, ежедневной обстановкѣ, со всѣми ея надеждами и радостями, печалями и невзгодами.

Послѣ татарскаго разгрома всей Ростовско-Суздальской земли въ 1237 году, Татары не появляются въ предѣлахъ собственно Ростовскаго княжества до 1257 года. Въ эти двадцать лѣтъ сильная татарская рать, подъ предводительствомъ: Неврюя, Котьи и Олабухи, опустошила только городъ Переяславль и предѣлы Переяславскаго княжества ([112]). Въ 1257 году зимой пріѣхали въ Ростовско-Суздальскую землю татарскіе численники: они переписали всѣхъ жителей земли, кромѣ духовенства, и назначили чиновниковъ для сбора дани: десятниковъ, сотниковъ, тысяцкихъ и темниковъ ([113]).—„Се же бысть грѣхъ ради нашихъ“, прибавляетъ позднѣйшій лѣтописецъ ([114]). Вскорѣ послѣ этого перечисленія дань была отдана Татарами на откупъ особымъ сборщикамъ, которыхъ лѣтописи называютъ „бесерменами“. Эти бесермены притѣсняли плательщиковъ и вымогали у нихъ дани; многіе, будучи не въ состояніи платить требуемаго, по неволѣ входили въ неоплатные долги; вообще было лютое „томленіе и насиліе христіанамъ отъ поганыхъ и многи душа разведени быша“—по словамъ лѣтописца. Не въ моготу стало терпѣть долѣе татарскаго насилія „кротким“ жителямъ Ростовской области. Въ 1262 году Ростовцы показали примѣръ остальнымъ городамъ земли. Они созвонили вѣче и

([112]) Лавр., 159—160 и 202.
([113]) Ibid. 203.
([114]) Воскр. П. С. Л. VII, 161.

вѣчемъ изгнали изъ города „злыхъ бесерменъ“. Ихъ примѣру послѣдовали Ярославцы, а также Суздальцы, Владимірцы и Переяславцы.(115).

Въ 1281 году, въ усобицу, бывшую между Димитріемъ Александровичемъ Переяславскимъ и братомъ его, Андреемъ Александровичемъ Городецкимъ изъ-за великаго княженія, предѣлы Ростовскаго княжества пострадали отъ татарскихъ опустошеній. Андрей Александровичъ опирался въ этой усобицѣ на силу татарскую и пришелъ изъ орды съ двумя татарскими военноначальниками: Ковадыемъ и Алчедаемъ. Князь Городецкій съ Татарами направился прямо къ Переяславлю и, не найдя тамъ Димитрія Александровича, сжегъ городъ; ограбивши сосѣднія села, онъ повернулъ къ Ростову и предалъ разграбленію села ростовскія. Въ слѣдующемъ 1282 году пришли изъ орды въ подмогу князю Андрею Тукатемирь и Алынь и снова произвели опустошенія въ Ростовско-Суздальской землѣ, но въ какихъ именно мѣстахъ—неизвѣстно. Димитрій Александровичъ смирился и отправился въ орду къ хану Ногаю (116).

Но этимъ не кончилась усобица между братьями. Въ 1285 г. Андрей Александровичъ приводитъ опять Татаръ въ Ростовско-Суздальскую землю. Онъ пришелъ изъ орды на этотъ разъ съ „царевичемъ“, т. е. съ сыномъ хана и „много зла сотвори христіанамъ“. Князь Димитрій Александровичъ, при помощи другихъ князей, прогналъ царевича и захватилъ Андреевыхъ бояръ (117). Въ 1289 году, послѣ смерти Ростовскаго князя Бориса Васильковича въ ордѣ,—было въ Ростовѣ много Татаръ. Ростовцы и на этотъ разъ выгоняютъ вѣчемъ своихъ притѣснителей, а имѣніе ихъ предаютъ разграбленію (118).

На слѣдующій 1290-й годъ „затишася Татарове“. Въ Ростовской области ждали бѣды. Затмѣніе луны, бывшее въ этотъ годъ, предвѣщало недоброе. По всей вѣроятности въ ордѣ жестоко-бы отомстили Ростовцамъ за изгнаніе и грабежъ

---

(115) Лавр, 204; Воскрес. II. С. Л. VII, 163.
(116) Тр., 227; Воскрес. Ibid., 175.
(117) Тр., 227; Воскрес. 178—179.
(118) Тр., 227; Воскрес. 179.

Татаръ, но князья Ростовскихъ княженій предупредили нашествіе „безбожныхъ кровопійцъ“. Великій князь Андрей Александровичъ и съ нимъ князья: Димитрій Борисовичъ Ростовскій, Ѳеодоръ Ростиславичъ Ярославскій и Константинъ Углечскій отправились въ орду. Въ 1293-мъ году они возвратились. Но вслѣдъ за ними пришелъ съ огромнымъ войскомъ самъ ханъ, царь Дюдень, чтобы въ конецъ смирить строптиваго князя Переяславскаго Димитрія Александровича. Татары не хотѣли знать, что они пришли въ Ростовско-Суздальскую землю только для того, чтобы укрѣпить на велико-княжескомъ столѣ Андрея Александровича, и когда онъ, испугавшись силы ордынской, бѣжалъ въ Псковъ,—Татары опустошили почти всю Ростовско-Суздальскую землю. Они взяли 14 городовъ и „много зла сотвориша“ (119). Жители были въ страшномъ переполохѣ и убѣгали въ лѣса (120). Въ одной изъ Угличскихъ лѣтописей находится подробное описаніе нападенія Татаръ на Углічъ въ 1293 году. „Зліи Татарове“—читаемъ мы въ этой лѣтописи—„внезапу нападоша на Углічъ, начаша зорити его мечемъ и огнемъ, гражданъ истребляя, имѣнія ихъ емлюще, и мало опустошиша, зѣло обогатившася; жителей овыхъ въ полонъ взяша, а многое число ихъ разбѣгошася по лѣсамъ“ (121). Въ слѣдующемъ 1294 году прошелъ черезъ Ростовскую область въ Тверь „царь Татарскій“ Тактомѣръ и „учинилъ людямъ много тягости“ (122).

Начало XIV-го вѣка открывается борьбою изъ-за великокняжескаго стола Владимірскаго двухъ князей: Михаила Ярославича Тверскаго и Юрія Даниловича Московскаго. Эта борьба, продолжающаяся и послѣ смерти Михаила и Юрія, оканчивается полнѣйшимъ торжествомъ Москвы при братѣ Юрія, Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ. Въ эту долгую распрю между Тверью и Москвою, длившуюся четверть вѣка, Ростовско-Суздальская земля наполнялась татарскими полчищами, приводимыми то тѣмъ, то другимъ княземъ. Проходя

---

(119) Ibid.

(120) Лавр., 208.

(121) *Суконская лѣтопись* въ «Ист. г. Углича» О. Киселя, с. 85.

(122) Лавр., 208.

изъ орды въ Тверь, Татары захватывали предѣлы Ростовскихъ княженій и не разъ предавали города этихъ княженій грабежу и опустошенію. Такъ, въ 1315 году Михаилъ Ярославичъ Тверской возвратился изъ орды съ послами: Тайсемеремъ, Махрожей и Индыемъ и много зла сотвори Ростову (123). Въ 1318 году пришелъ лютый ордынскій посолъ Копча и убилъ у Костромы 120 человѣкъ; оттуда пошелъ опъ къ Ростову, разграбилъ тамъ Успенскій соборъ, пожегъ монастыри и села, а жителей плѣнилъ (124). Въ 1320 г. въ Ростовѣ опять были злые Татары. Ростовцы ихъ снова изгнали (125). Въ 1322 году Иванъ Даниловичъ Московскій, тогда еще не великій князь, выѣхалъ изъ орды и съ нимъ пріѣхалъ сильный посолъ ордынскій Ахмылъ и „всей землѣ Ростовско-Суздальской много пакости чини". Опъ выжегъ Ярославль „мало не весь" и перебилъ много христіанъ (126). Въ 1325 году выѣхалъ изъ орды Александръ Михайловичъ Тверской съ Татарами и во всей Ростовско-Суздальской землѣ было „много тяготы" (127). Въ 1327 году, вслѣдъ за избіеніемъ Татаръ въ Твери, гдѣ неистовствовалъ ордынскій „посолъ" Шевкалъ,— пришла большая татарская рать въ землю Ростовско-Суздальскую, направляясь въ Тверь, и на пути къ ней положила „всю землю пусту" (128).

Со второй четверти XIV в., съ утвержденія на великокняжескомъ столѣ Московскаго князя Ивана Даниловича Калиты „бысть тишина"; а въ концѣ XIV в. начинаются снова частыя нападенія Татаръ на Ростовско-Суздальскую землю, но уже только на ея восточные предѣлы, на княжество Нижегородское: вглубь земли, къ ея западнымъ предѣламъ, въ княженья Ростовскія — Татары проникаютъ рѣже и не въ такомъ большомъ числѣ, какъ прежде. Только въ 1383 году рать Тохтамышева опустошила всю землю Ростовско-Суздальскую, но на этотъ разъ предѣлы Ростовскихъ княженій, кажется, не были затронуты вовсе Татарами, и. ч. въ

(123) Троицк., 229.
(124) Ibid.—П. С. Л. VII, 188.
(125) Ibid.—VII, 198.
(126) Ibid.
(127) Новг. I-я, 73.
(128) Ibid. 74.

числѣ городовъ, опустошенныхъ Тохтамышемъ, не упоминается ни Ростова, ни Ярославля, ни Углеча-Поля, ни другаго какаго города изъ княженій Ростовскихъ (129).

Въ XV вѣкѣ Ростовское княжество было только дважды жертвой татарскаго нападенія. Въ 1408 году было грозное нашествіе Едигея на Москву. Въ то время какъ Едигей самъ стоялъ подъ Москвой, Татары разошлись по всей землѣ Ростовско-Суздальской, городъ Переяславль сожгли, а въ Ростовѣ „много зла сотворили христіанамъ", иныхъ перебили, а другихъ увели въ плѣнъ (130). Позднѣйшій лѣтописецъ такъ передаетъ объ этомъ страшномъ татарскомъ погромѣ: „И бысть тогда въ всей Руской земли всѣмъ христіаномъ туга велика, и плачь неутѣшимъ, и рыданіе и кричаніе; вся бо земля плѣнена бысть, начень отъ земля Рязанскія и до Галича и до Бѣлаозера; вси бо подвизошася и вси смутишася: многи бо напасти и убытки всѣмъ человѣкомъ съдѣяшася, и большимъ и меншимъ, и ближнимъ и далнимъ, и не бысть такова, иже бы безъ убытка былъ, но вси въ тузѣ и скорби многѣ и печалію обдержими" (131).

Въ 1429 году зимой Татары приходили къ Галичу, но города не взяли, а повоевали только волости Галичскія. На Крещенье двинулись они къ Костромѣ и, взявши ее, отошли къ Волгѣ. Великій князь Московскій Василій Васильевичъ послалъ противъ Татаръ полки, которые преслѣдовали ихъ до Нижняго-Новгорода, но не успѣвъ настигнуть, не дали имъ сраженія и возвратились (132).

Самостоятельное, независимое существованіе Ростова и пяти городовъ: Ярославля, Устюга, Бѣлоозера, Углеча-Поля и Костромы, отданныхъ Всеволодомъ въ удѣлъ старшему его сыну Константину, было весьма непродолжительно. Просматривая изложенную нами внѣшнюю исторію этихъ княженій, мы ви-

---

(129) П. С. Л. III, 92—93; VIII, 47
(130) Троицк., 234.
(131) П. С. Л. VIII, 84.
(132) Ibid. 95.

димъ, какъ князья всѣхъ названныхъ нами городовъ мало по малу подпадаютъ „подъ руку“ усиливающагося князя Московскаго, какъ эти города одинъ за другимъ, начиная съ старѣйшаго города земли—Ростова-Великаго, склоняютъ голову передъ однимъ изъ самыхъ незначительныхъ, самыхъ младшихъ городовъ земли,—Москвою. Княженіе Ивана Даниловича Калиты (1328—1340) есть эпоха паденія главнѣйшихъ удѣловъ Ростовскихъ: самого Ростова, Ярославля и Бѣлоозера. Остальные три удѣла: Углече-Поле, Кострома и Галичъ-Мерьскій, какъ мы видѣли, почти не имѣли вовсе никакой самостоятельности. При внукѣ Калиты, Димитріѣ Ивановичѣ Донскомъ Ростовъ, Ярославль и Бѣлозеро окончательно входятъ въ составъ великаго княжества Московскаго. Князья этихъ княжествъ, сохраняя свой титулъ, становятся къ великимъ Московскимъ князьямъ въ одинакія отношенія съ ихъ служилыми чинами боярскими. Владѣнія князей Ростовскихъ, Ярославскихъ и Бѣлоозерскихъ составляютъ полную собственность Московскаго великаго князя и отдаются имъ по завѣщанію его дѣтямъ.

Пассивно, безъ борьбы присоединяются княженія Ростовскія къ Москвѣ. Князья почти всѣ сами „тянутъ“ къ Москвѣ, заискиваютъ расположенія у Ивана Даниловича Калиты и скрѣпляютъ свою связь съ нимъ брачными союзами. Василій Давидовичъ князь Ярославскій, по прозванію „грозныя очи“,—является единственнымъ исключеніемъ въ этомъ всеобщемъ самоподчиненіи князей сильному родичу. Онъ именуется даже „великимъ княземъ“ и считаетъ себя выше своего гордаго тестя, великаго князя Московскаго. Не будь у сына Калиты, Семіона Ивановича, твердаго и самовластнаго характера, будь у Калиты вмѣсто двухъ нѣсколько сыновей—тогда быть можетъ Василій Давидовичъ и перебилъ бы первенство у Москвы, или, по крайней мѣрѣ, сталъ бы тягаться съ нею изъза великаго княженія, какъ позднѣе тягался изъ-за него съ малолѣтнимъ Московскимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Суздальскій князь Димитрій Константиновичъ. Тогда, быть можетъ, это удалось бы Василію Давидовичу, и центромъ собиранія „земли Русской“ за-мѣсто Москвы сталъ бы Ярославль..... Но историкъ не имѣетъ права останавливаться на предположеніяхъ. Москва собрала Русскую землю. Это ея историческая заслуга, это историческій фактъ. Если мы дозволили себѣ вдаться въ предположенія, то только потому, что-

бы указать на то обстоятельство, что и у другихъ князей Ростовско-Суздальской земли, кромѣ Московскихъ, могли быть стремленія къ объединенію Руси, но князья эти не могли исполнить своихъ замысловъ по своей земской слабости и по своему сосѣдству съ болѣе сильной Москвой.

Населеніе городовъ Ростовскаго княжества, также какъ и князья, относится пассивно къ московскому владычеству. Это объясняется тѣмъ, что населенію городовъ было нечего терять; напротивъ города выигрывали, поступая отъ обѣднѣвшаго, слабаго князя подъ руку богатаго и сильнаго князя Московскаго. Только Ростовъ, какъ мы видѣли, выражаетъ свою скорбь и печаль и плачется на насилія московскаго боярина Кочевы, а Кострома открыто возстаетъ противъ московскихъ бояръ.

Подъ московскимъ владычествомъ значеніе Ростова, старѣйшаго города Ростовско-Суздальской земли, совершенно уничтожается.

Герберштейнъ, представившій въ своей книгѣ обстоятельное географическо-этнографическое описаніе Московскаго государства XVI в., упоминаетъ о Ростовѣ только вскользь, замѣчая, что это одно изъ древнѣйшихъ княжествъ Россіи послѣ Великаго Новгорода; онъ удѣляетъ въ своемъ описаніи гораздо болѣе мѣста второстепеннымъ городамъ, удѣламъ Ростовскимъ: Бѣлоозеру и Ярославлю (133). Также мало говоритъ о Ростовѣ и другой наблюдательный иностранецъ, бывшій въ Россіи въ концѣ XVI в., — англичанинъ Флетчеръ (134).

Должность намѣстника Ростовскаго въ концѣ XVII в. является далеко не высокою должностью въ служебной іерархіи московскихъ бояръ. Въ проэктѣ устава о служебномъ старшинствѣ служилыхъ людей, составленномъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и раздѣленномъ на тридцать четыре степени, должность Ростовскаго намѣстника отнесена къ 29-й степени, послѣдней степени боярской службы, и находится въ ней на третьемъ мѣстѣ. Въ этой же степени

---

(133) Герберштейна: Записки о Московіи, перев. И. Анонимова, с. 118—121.

(134) G. Fletcher: La Russie au XVI Siec. Trad. par Ch. du-Bouzet. Paris 1864. t. I, p. 37, 40, 41.

выше Ростовскаго намѣстника стоятъ намѣстники Нижегородскій и Рязанскій (135).

Только въ церковно-іерархическомъ отношеніи Ростовъ сохраняетъ свое высокое положеніе въ Московскомъ государствѣ. Съ конца XIV в. архіереи Ростовскіе имѣютъ санъ архіепископа, а съ 1589 г., съ учрежденія въ Россіи патріаршества, Ростовская епархія возводится въ митрополію (136). Это высокое церковно-іерархическое положеніе Ростова было какъ бы исторической данью его во время оно видному земскому положенію въ землѣ Ростовско-Суздальской.

(135) Архивъ ист.-юридич. свѣдѣній отн. до Россіи, изд. Н. В. Калачова, кн. 1-я, отд II, с. 23—33. Выше 29-й степени находятся 10 намѣстническихъ степеней, въ числѣ которыхъ помѣщены даже намѣстники областей, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства позднѣе чѣмъ Ростовъ и его удѣлы, какъ напримѣръ, Великопермскій и Вятскій.

(136) См. Историч. свѣдѣн. объ архіереяхъ Ростовскихъ въ книгѣ гр. Толстаго: Древн. свят. Ростова-Яр., с. 72 и 76.

V.

Внутреннее состояніе Ростовскаго княжества отъ начала XIII в. до подчиненія удѣловъ этого княжества Москвѣ.

Границы Ростовскаго княжества и его удѣловъ.—Города: Ростовъ, Ярославль и Углече-Поле.—Общій обзоръ колонизаціи въ предѣлахъ Ростовскаго княжества съ XIII в.—Вновь построенные города.—Колонизація монастырская, монастыри и подвижники. — Жалованныя и льготныя грамоты монастырямъ.—Замѣчательныя личности изъ епископовъ — Церковная письменность и мѣстная литература —Училища .— Промышленность и торговля —Характеристика общественнаго строя Ростовскаго княжества.

Ростовское княжество съ его удѣлами: Ярославлемъ, Бѣлоозеромъ, Углече-Полемъ и Костромой занимало область средняго теченія Волги и ея сѣверныхъ притоковъ: Мологи, Шексны, Костромы, праваго берега Унжи и южнаго притока Волги—Которосли, совпадая большинствомъ своихъ удѣловъ съ предѣлами обитавшаго на этомъ пространствѣ Чудскаго народца Мери. Только Бѣлоозерскій удѣлъ выходилъ за эти предѣлы. Ростовское княжество граничило въ XIII—XV в. в. на западъ и сѣверъ съ землями Новгорода-Великаго, на востокъ—съ княжествомъ Нижегородскимъ, на югъ—съ княжествами Суздальскимъ и Переяславль-Залѣсскимъ.

Тщетно стали бы мы пытаться опредѣлить точныя границы этого княжества; но мы попытаемся памѣтить приблизительно тѣ природныя грани, которыя могли отдѣлять Ростовское княжество отъ княжествъ, сосѣднихъ съ нимъ. Приблизитель-

пая пограничная линія между Ростовскимъ княжествомъ и Новгородскими владѣніями на западѣ можетъ быть проведена слѣдующая: среднее теченіе р. Медвѣдицы, переволокъ отъ этой рѣки до истока рѣки Мологи изъ озера Веристова (Бѣжецкаго у. Тверской губ.) и р. Чагодоща. Затѣмъ граница могла идти неопредѣленно на сѣверо-востокъ къ Бѣлоозеру и далѣе рѣкою и озеромъ Ковжею къ р. Вытегрѣ. Сѣверная граница Ростовскаго княжества опредѣлялась Двинской землей, переходя за Кубенское озеро, гдѣ, какъ мы видѣли выше, находилось княжество Заозерское. Рѣка Сухона, вытекающая изъ Кубенскаго озера и впадающая въ Сѣверную Двину, открывала широкій путь великорусской колонизаціи въ Двинскую землю и дала возможность Ростовскимъ князьямъ завладѣть Устюгомъ-Великимъ, лежащимъ при впаденіи Сухоны въ Сѣверную Двину.

На востокъ Ростовское княжество отдѣлялось отъ Нижегородскаго княжества р. Унжей. На югъ, между княжествами Суздальскимъ и Переяславль-Залѣсскимъ, граница переходила на правый берегъ Волги, быть можетъ, между теперешнимъ г. Лухомъ Костромской губерніи и г. Шуей, а далѣе къ западу—могла совпадать съ теперешней границей Ярославской губерніи съ губерніей Владимірской (1).

Если перенести это пространство на современную намъ географическую карту Россіи, то оно приблизительно займетъ три западныхъ уѣзда Тверской губерніи: Кашинскій, Бѣжецкій и Весьегонскій, крайнюю восточную часть Новгородской губерніи, а именно: треть уѣзда Бѣлоозерскаго и уѣзды—Устюженскій и Череповскій, Вологодскій и Грязовецкій уѣзды Вологодской губерніи, западную половину Костромской губерніи (уѣзды—Солигаличскій, Чухломской, три четверти уѣзда Кологривскаго, двѣ трети уѣзда Макарьевскаго и уѣзды: Кинешемскій, Нерехотскій, Костромской, Буйскій и Галичскій) и всю Ярославскую губернію (2).

На этомъ громадномъ пространствѣ находилось пять удѣльныхъ княжествъ: Ростовское, Ярославское, Бѣлоозерское,

---

(1) См. Географич. атласъ Росс. имперіи, расположен. по губерніямъ на 70 листахъ. Спб. 1821. Листы: 17, 18, 30, 31, 32, 37 и 47, а.

(2) Ibid.

Угличское и Костромское. Земли этихъ княжествъ отличались неправильностью территоріальнаго распредѣленія и черезполосностью, какъ въ болѣе позднѣйшее время, въ XVI—XVII вѣкахъ, земельныя владѣнія Московскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Такъ напримѣръ, мы видѣли, что Устюгъ-Великій принадлежалъ къ Ростовскому удѣлу; а между тѣмъ территорія этого удѣла не шла сплошь отъ Ростова до Устюга. Между Ростовомъ и Устюгомъ находились удѣлы Ярославскій и Угличскій. Бѣлоозеро и Кострома, какъ мы видѣли, также одно время принадлежали къ Ростовскому удѣлу.

Изслѣдователи мѣстной старины Ярославской губерніи пытаются, впрочемъ, опредѣлить во что бы то ни стало границы удѣльныхъ ростовскихъ княжествъ. Такъ неизвѣстный авторъ статьи „о Заозерскомъ княжествѣ" предполагаетъ, что удѣлъ Ярославскій занималъ всю сѣверо-восточную часть теперешней Ярославской губерніи, по лѣвую сторону Волги и по обоимъ берегамъ Мологи, переходя въ южною часть теперешней Вологодской губерніи. Онъ опредѣляетъ пространство Ярославскаго удѣла въ XIII и XIV вѣкахъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: отъ г. Ярославля къ востоку на 30 верстъ, къ югу на 25 в., къ западу на 170 слишкомъ верстъ и къ сѣверу на 200 верстъ до оз. Кубенскаго. ([3]).

Угличскій удѣлъ, находившійся въ юго-западной части теперешней Ярославской губерніи, захватывалъ, по словамъ историка г. Углича г. Киселя, часть теперешней губерніи Тверской, именно уѣзды—Кашинскій, Бѣжецкій и Весьегонскій ([4]).

Древнѣйшими городами Ростовскаго княжества, центрами трехъ его старѣйшихъ удѣловъ, были: Ростовъ, Ярославль и Углече-Поле.

([3]) Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 3.

([4]) О. Киселя «Ист. г. Углича», с. 71. Г. Кисель называетъ слѣдующіе города, входившіе въ составъ Угличскаго удѣла въ концѣ XIII в.: 1. Угличъ, 2. Кашинъ, 3. Бѣжецкій верхъ, 4. Желѣзный Устюгъ (теперешн. Устюжна), 5. Дмитровъ, 6. Звѣнигородъ, 7. Романовъ. Кромѣ того слободы: Борисоглѣбскую, Рыбную и Мологскую, «Угличскій лѣтописецъ прибавляетъ», говоритъ г. Кисель, «что Угличское княжество по числу семи городовъ Семиграднымъ именовалося».

Мы имѣемъ весьма мало данныхъ для возстановленія внѣшняго вида этихъ городовъ, для опредѣленія ихъ размѣра, для исчисленія ихъ населенія. Лѣтописныя извѣстія о пожарахъ, большею частію весьма неопредѣленныя, и о построеніи церквей князьями, да весьма незначительное количество вещественныхъ памятниковъ, оставшихся отъ древней эпохи — вотъ тѣ немногочисленныя данныя, на которыхъ мы можемъ основывать наши соображенія. Вещественныхъ памятниковъ отъ городовъ Ростовскаго княжества дошло до насъ очень мало. Частые и опустошительные пожары, истреблявшіе эти города (5), разрушительные набѣги Татаръ въ XIII и XIV вѣкахъ а, позднѣе, въ XVII-мъ столѣтіи, Поляковъ, предавшихъ страшному разграбленію Ростовъ и Ярославль,—представляли весьма неблагопріятныя условія для сохраненія вещественныхъ древностей изъ эпохи, нами разсматриваемой. Гр. Толстой, тщательно изслѣдовавшій Ростовскія древности, говоритъ, что древности, существующія въ настоящее время, не восходятъ далѣе второй половины XVII в. (6).

Ростовъ, какъ всѣ наши древніе города, состоялъ изъ трехъ частей: *рубленаго города*, *города земляного* и *предградія* (*посадовъ* и *слободъ*) (7). Кромѣ этого дѣленія, Ростовъ, какъ Новгородъ-Великій, раздѣлялся еще на *концы*. Сколько было этихъ концовъ и какъ они назывались—неизвѣстно. Мы знаемъ только, что одинъ изъ концовъ назывался *Чудскимъ*, напоминая своимъ названіемъ аборигеновъ-туземцевъ, Чудь-Мерю (8). По пространству и населенію Ростовъ, по всей вѣроятности, былъ однимъ изъ первыхъ городовъ русскихъ, наравнѣ съ Кіевомъ и Новгородомъ. Это можно заключить изъ назва-

---

(5) Самые большіе пожары были: въ Ростовѣ въ 1160, 1212 и 1408. (Никон. лѣт. по изд. Акад. н. II, 191, II С. Л. I, 184. Кирилловск. лѣт. въ Синод. библ. № 351 (Цитата у гр. Толстаго 4-я). Житіе св. Леонтія, еп. Ростовскаго въ Минеи XVI в., рукоп. библ. Каз. Дух. Акад., бывш. Соловецк., № 314, мѣс. май. л. 765 и 766). Въ Ярославлѣ были пожары въ 1221, 1237 и 1301 году. См. ст.. «замѣчат. пожары въ Ярославлѣ». Яр. губ. вѣд. 1843 г., № 47).

(6) Др. свят. Ростова-Вел. стр. 22 и 30.

(7) Ростовъ въ 1802 г.—Яр. губ. вѣд. 1853 г., стр. 305.

(8) Житіе св. Авраамія Ростовскаго. Пам. стар. русск. литературы в. I, с. 221.

нія „великій“, которымъ онъ пользовался еще въ XII в. (9), и изъ выраженія, употребленнаго въ житіи Исидора Твердислова, Ростовскаго святаго XV в. Въ житіи Исидора Ростовъ названъ „славнымъ и многонароднымъ градомъ (10). Въ житіи св. Игнатія, Ростовскаго епископа XIII в., также сказано, что на погребеніе его „стечеся весь градъ Ростовъ, множество безчисленно народа“ (11).

Теперешній Ростовскій кремль, обведенный каменною стѣною съ 10-ю круглыми башнями, отстроенъ Ростовскимъ митрополитомъ Іоною Сисоевичемъ въ XVII ст. Рядомъ съ кремлемъ, налѣво отъ него находится древняя соборная церковь Успенія, а на право—мѣсто прежнихъ княжихъ палатъ. Кромѣ того, въ числѣ зданій самаго кремля находятся двѣ палаты: одна, называющаяся *красной*, была мѣстомъ парадныхъ пріемовъ Ростовскихъ архіереевъ, а другая—*бѣлая*, по предположенію гр. Толстаго, могла быть дворцомъ Ростовскихъ князей. На это, между прочимъ, указываетъ находящаяся близь этой палаты Борисоглѣбская церковь, построенная Константиномъ Всеволодовичемъ на *княжемъ дворѣ* (12). Все это заставляетъ предполагать, что теперешній Ростовскій кремль, если не совпадаетъ совершенно съ прежнимъ рубленнымъ городомъ, то, по крайней мѣрѣ, находится вблизи того мѣста, гдѣ находился этотъ городъ. Въ рубленномъ городѣ, по обычаю древнихъ нашихъ городовъ, находились: палаты архіерейскія и княжія и соборная Успенская церковь.

Соборная Успенская церковь, сосредоточіе мѣстной святыни, защита „кроткихъ“ Ростовцевъ отъ земскихъ бѣдъ и напастей, была первоначально построена Андреемъ Боголюбскимъ на мѣстѣ деревянной, дубовой церкви, сгорѣвшей въ пожаръ 1160 года. Каменная церковь Боголюбскаго обрушилась въ 1213 г. и на мѣстѣ ея въ томъ-же году Константинъ Всеволодовичъ заложилъ новую. До окончанія постройки этой церкви онъ не дожилъ. Она была окончательно отстроена и освящена епископомъ Кирилломъ только при Василькѣ

---

(9) П. С. Л. II, 61.

(10) Цитир. выше Минея XVI в., № 514 л. 422.

(11) Ibid., л. 972.

(12) Др. свят. Рост.-Вел., с. 33—34. — См. также кр. обозр. Ростовск. архіер. домъ Яр. губ. вѣд. 1842 № 22

Константиновичѣ 2 февраля 1231 года, въ годовщину смерти Константина Всеволодовича ([13]). Церковь Успенія очень обширна для того времени: длиною она 14 саж, шириною 9, а высотой, отъ помоста до главы съ крестомъ, 23 сажени ([14]). Епископъ Кириллъ „наполнилъ“ эту церковь иконами, книгами и облаченіемъ церковнымъ ([15]). Преемники его, епископы Ростовскіе, также ревностно заботились объ украшеніи Успенской церкви. Епископъ Игнатій вымостилъ ее разноцвѣтнымъ мраморомъ ([16]), который впослѣдствіи взятъ былъ въ Московскій Благовѣщенскій соборъ Іоанномъ Грознымъ ([17]). Ростовская Успенская церковь сильно обгорѣла въ большой пожаръ 1408 года и была возобновлена въ 1411 году епископомъ Григоріемъ ([18]).

Главной святыней Успенской церкви были: мощи покровителя Ростовско-Суздальской земли, епископа Леонтія и икона Божіей Матери, пожертвованная, по преданію, Владиміромъ Мономахомъ и писанная извѣстнымъ въ XI в. иконописцемъ Алипіемъ. Объ этой „чудной“ иконѣ говоритъ Симонъ, епископъ Владимірскій, въ своемъ посланіи къ Поликарпу, а Печерскій патерикъ—передаетъ сказаніе о томъ, что написана она была посредствомъ особаго чуда ([19]). Икона Божіей Матери осталась невредимой во всѣ три большіе пожара Ростовскіе. До сихъ поръ икона эта очень почитается мѣстнымъ населеніемъ и называется Владимірскою, въ память жертвователя Владиміра Мономаха ([20]).

Послѣ мощей св. Леонтія и Владимірской иконы, святынями Успенскаго собора были мощи двухъ другихъ епископовъ Ростовскихъ: св. Исаіи, преемника св. Леонтія, и св. Игнатія, скончавшагося въ 1288 г. При этомъ Игнатіи, въ 1274 году

([13]) Лавр. лѣт., 195—196.

([14]) Др. свят. Рост.-Вел., с. 20 —Кр. ист. опис. соборн. церкви Успенія Пресв. Богородицы въ Ростовѣ, Яр. губ. вѣд. 1842. № 16.

([15]) Лавр. лѣт., 195.

([16]) Др. свят. Рост.-Вел., с. 21

([17]) Мельникова: Опис. Ростова, стр. 3.

([18]) Карамзина Ист. гос. Росс. IV, примѣч. 182.

([19]) См. Калайдовича Памят. Росс. слов. XII в. стр. 15. Житія св. Аѳанасія въ Патерикѣ Печерскомъ.

([20]) См. ст.: «Крестные ходы съ чудотв. иконами Бож. Матери въ Ярославской губерніи».—Яр. губ. вѣд. 1849, стр. 281.

были перенесены мощи Исаіи изъ притвора церковнаго, гдѣ онѣ были оставлены въ „великомъ небреженіи“ впродолженіи болѣе чѣмъ столѣтія, переложены въ новый гробъ и поставлены около южныхъ дверей (21).

Кромѣ соборной церкви Успенія, въ Ростовѣ было много церквей. Онъ издавна славился обиліемъ храмовъ божіихъ, но по именамъ мы имѣемъ возможность назвать этихъ церквей немного. Намъ извѣстны по именамъ только церковь Іоанна Предтечи, бывшая на епископскомъ дворѣ и сгорѣвшая въ пожаръ 1211 года, Спасская церковь, построенная Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1216 г. и имъ же построенныя на княжемъ дворѣ—Михаила Архангела и Бориса и Глѣба (22).

Въ самомъ городѣ Ростовѣ было два монастыря: мужской Аврааміевъ—Богоявленскій, основанный, какъ мы видѣли, въ XI в. и Рождественскій, женскій, учрежденный первымъ Ростовскимъ архіепископомъ Ѳеодоромъ въ концѣ XIV в. Вблизи Аврааміева монастыря, почти въ чертѣ города, находился монастырь Петровскій, возникшій въ XIII в.

Топографія Ярославля болѣе разработана мѣстными археологами, чѣмъ топографія Ростова. Это, какъ намъ кажется, зависитъ отъ того, что Ярославлемъ, какъ губернскимъ городомъ, мѣстные изслѣдователи занимаются болѣе прилежно и старательно, чѣмъ уѣздными городами Ярославской губерніи. По словамъ одного изъ этихъ изслѣдователей, Ярославль занималъ первоначально оконечность мыса, омываемаго Волгой и Которослью, образуя треугольникъ между этими рѣками и притокомъ Которосли—Медвѣдицей. Этотъ треугольникъ, обнесенный деревянною бревенчатою стѣною, назывался *рубленымъ городомъ*. Впослѣдствіи стали являться поселенія за Медвѣдицей и образовали *земляной городъ*, окопанный кругомъ канавой съ земляным валомъ, по которому шелъ деревянный тынъ, съ деревянными же башнями. Въ такомъ видѣ Ярославль былъ въ XIII в. Въ XV в., вслѣдствіе размноженія населенія, въ Ярославлѣ возникли *слободы* за земляным городомъ. (23) Въ земляной городъ вели 4 воротъ,

---

(21) Житіе см. Полн. Прав. Соб. 1838, кн. III, с. 476.

(22) Лавр. лѣт., с. 183, 184 и 185—ст.: «Спасская ружная церковь въ Ростовѣ» Яр. губ вѣд. 1851, № 38 и 39.

(23) «О мѣстоположеніи, древнихъ укрѣпленіяхъ и распростр. Ярославля». Яр. губ вѣд. 1843 г. № 24.

названія которыхъ сохранились до второй половины XVIII в.: Семеновскіе, Власьевскіе, Угличскіе и Волгскіе, или Волжскіе ([24]).

Въ рубленномъ городѣ находилась каменная соборная церковь Успенія Божіей Матери, построенная Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1215 г. и освященная при сынѣ его Всеволодѣ въ 1219 г. ([25]). Близь этой церкви, на самой оконечности крутаго берега Волги, при впаденіи въ нее Которосли, помѣщался деревянный княжій дворъ ([26]). Ближе къ земляному городу, около рѣчки Медвѣдицы, стояла деревянная церковь пророка Иліи, по преданію построенная еще Ярославомъ Владиміровичемъ, при основаніи города Ярославля ([27]).

Въ земляномъ городѣ, въ югозападномъ углу его, находился Спасскій монастырь, съ деревянной оградой и двумя каменными церквами ([28]). Обѣ эти церкви, Спасская и входа въ Іерусалимъ, построены Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1216 и 1218 годахъ. Въ Спасскомъ монастырѣ, по мѣстному преданію, находилось училище, изъ котораго Константинъ бралъ учителей для вновь заводимыхъ имъ школъ ([29]).

О большомъ числѣ церквей вообще въ Ярославлѣ можно заключить изъ лѣтописнаго извѣстія о пожарѣ 1221 года, въ который погорѣло 17 церквей, при чемъ Ярославль сгорѣлъ „мало не весь“ ([30]). Изъ всѣхъ князей Ярославскихъ, послѣ Константина Всеволодовича, отличался особою ревностью въ построеніи церквей князь Ѳеодоръ Ростиславичь Чермный, который „много поставилъ церквей по своей волости“ ([31]).

([24]) «Ярославль въ послѣдн. гр. воеводства» (1768 — 1777) изъ совр. рукописи, сообщ. И. С. Аксаковымъ. Ibid. 1850, № 13.

([25]) Лавр. лѣт., 185.

([26]) Ibid., См. также ст., озн. въ примѣч. 23 мъ.

([27]) «О мѣстопол., древн. укрѣпл. и распростр. Ярославля».—Яр. губ. вѣд. 1843, № 24.

([28]) Ibid.

([29]) Лавр. лѣт., 186 —«Хронологич. оч. истор. событій въ г. Ярославлѣ, отъ основ. онаго до вступл. Яросл. княжества въ сост. госуд. Россійскаго». Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 5.

([30]) Лавр. лѣт., 189.

([31]) Архіепископа Филарета: Житія русск. святыхъ, мѣсяцъ сентябрь, стр. 85.

Вторая его жена, дочь хана Ногая, Анна увѣковѣчила свою память также построеніемъ церкви. Около 1300 года она построила каменную церковь Михаила Архангела на мѣстѣ бывшей прежде деревянной церкви на берегу Которосли ([32]).

Угличъ (Углече-Поле), по народному преданію, былъ очень обширенъ и многолюденъ до роковаго для него 1591 года, когда былъ убитъ въ немъ царевичъ Димитрій. Жестокая кара постигла Угличъ. До 200 угличанъ было казнено, а еще большее число было сослано въ Пелымскій острогъ. До 1591 года, по народному преданію, *въ прежнія времена* было въ Угличѣ до 150 церквей и 30,000 жителей. Какъ онъ былъ великъ въ разсматриваемое нами время, въ XIII—XV вѣка, конечно, рѣшить невозможно ([33]). Не смотря на это, мѣстный историкъ города Углича, г. Кисель, пытается опредѣлить его пространство въ XIII в. и говоритъ, что Угличъ, раздѣляясь на рубленный и земляной городъ, простирался на пять верстъ ([34]).

Дальнѣйшее колонизаціонное движеніе въ Ростовскомъ княжествѣ шло съ XIII в. почти исключительно по лѣвой луговой сторонѣ Волги. Это движеніе не могло быть сильно по качеству почвы мѣстности. Лѣвая сторона Волги, отъ Мологи до р. Обноры, изобилуетъ въ западной своей части болотами, весьма обширными даже въ настоящее время, а въ восточной части лѣсами. Болотъ въ особенности много между Мологой и Шексной ([35]). Поэтому главными мѣстами для заселенья могли быть только побережья Волги, Мологи, Сити, Шексны, Согожи, Костромы съ ея притоками и Унжи. По Шекснѣ колонизаціонное движеніе проникало къ Бѣлоозеру и распространялось отъ него далѣе въ Двинскую землю ([36]).

([32]) С. Серебряникова: «Церковь Михаила Архангела въ Ярославѣ».—Яросл. губ. вѣд., 1851, № 14

([33]) См. статью: «Угличъ въ 1802 г.»—Яр. губ. вѣд. 1854, с. 52.

([34]) Ист. г. Углича, с. 63.

([35]) Артемьева предисловіе къ списку населенныхъ мѣстъ Яросл. губ., с. 13 и 14.

([36]) Движеніе колонистовъ изъ сѣверо-западныхъ предѣловъ Ростово-Суздальской земли (гдѣ въ XIII в. образовалось Ростовское княжество) началось въ эпоху Андрея Боголюбскаго (см. наши очерк. стр. 145). 1-я

Мы указали выше на главнѣйшіе виды колонизаціи въ землѣ Мери.(37) Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ въ Ростовскомъ княжествѣ эти виды въ общихъ чертахъ не измѣнились. Преобладающимъ характеромъ колонизаціи и здѣсь является вольный характеръ передвиженія населенія, главный притокъ котораго идетъ по прежнему изъ Новгорода. Эта вольная колонизація, проходя по Волгѣ и по ея притокамъ, сталкивается съ вольнымъ колонизаціоннымъ движеніемъ, идущимъ ей на встрѣчу изъ Двинской земли. Вольными Новгородскими колонистами, по всей вѣроятности, около XIII-го в., было основано поселеніе на р. Мологѣ, которое Герберштейнъ называетъ Холопьимъ Городкомъ. Онъ разсказываетъ о возникновеніи этого поселенія преданіе, напоминающее греческую легенду объ основаніи Тарента, относя начало Холопьяго города къ X-му в. Новгородскіе рабы, по словамъ Герберштейна, воспользовались въ отсутствіе своихъ господъ ихъ супружескими правами, а по возвращеніи господъ бѣжали на Мологу и тамъ построили укрѣпленіе, въ которомъ отчаянно защищались противъ обиженныхъ господъ-супруговъ, но наконецъ были взяты силою(38).

Княжеская колонизація въ Ростовскомъ княжествѣ теряетъ свой первоначальный военный характеръ, съ которымъ она является въ IX в., въ началѣ исторіи земли Ростово-Суздальской и которымъ отличается въ XIII, XIV и XV вѣкахъ въ княжествахъ Суздальскомъ и Нижегородскомъ. Эти княжества, составляющія восточную и восточную украйны Ростово-Суздальской земли, имѣли необходимость входить въ столкновеніе съ Татарами и Мордвой. Вблизи Ростовскаго княжества не было

Новгородская лѣтопись говоритъ, что Новгородцы, побѣдивши Суздальскую рать Андрея, «взяша съ Двинской земли всю дань, а на *Суждалскихъ смердѣхъ* другую». (П. С. Л. III, 15). Подъ Суздальскими смердами здѣсь возможно разумѣть поселенцевъ, колонистовъ изъ Суздальской земли. (Снес. М. П. Погодина. Вел. кн. Андрей Юрьев. Боголюбскій, Ж. М. Н. Пр. 1849, ч. LXIV, с. 14).

(37) См. наш. очерковъ, с. р. 49—52, 64, 65, 81 и 82.

(38) Герберштейнъ, Записки о Московіи, перев. Аполлонова. с. 116 и 118.—Преданіе, передаваемое Герберштейномъ, нын. одтверждается нашими лѣтописями. О Холопьемъ городкѣ: см. книгу Графа А. И. Мусина Пушкина: «Историч. замѣчанія о началѣ и мѣстоположеніи древняго Россійскаго, т. наз., Холопьяго города», (съ картою) М. 1810,—и статью неизвѣстнаго автора, въ С. От. 1818 г., № 14.

враждебнаго инородческаго населенія, и князьямъ Ростовскихъ княженій не предстояло необходимости укрѣплять свою власть среди этого населенія построеніемъ крѣпостей. Въ княжеской колонизаціи Ростовскаго княжества, напротивъ, замѣчается тотъ земледѣльческо-хозяйственный оттѣнокъ, который отличаетъ собою первоначальную, вольную колонизацію Новгородскихъ земскихъ бояръ. Колонизаціонною дѣятельностью отличаются князья Ярославскаго удѣла. Глѣбъ Васильевичъ начинаетъ заселять Пошехонье, а братъ его, св. Романъ, основываетъ на Волгѣ городъ Романовъ, который, по всей вѣроятности, былъ митрополіей дальнѣйшихъ побережныхъ поселеній у Волги.

Монастырская колонизація направляется въ разсматриваемую нами эпоху преимущественно на востокъ въ предѣлы Костромскаго и Галичскаго удѣловъ и города, возникающіе тамъ, обязаны своимъ началомъ почти исключительно аскетамъ-подвижникамъ.

Промышленно-торговая колонизація направляется преимущественно на сѣверъ и сѣверо-востокъ въ Двинскую землю.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ часты были нашествія Татаръ на Ростовское княжество. Довольно большое число поселеній въ теперешнихъ уѣздахъ Ярославской губерніи: Ростовскомъ, Ярославскомъ, Романово-Борисоглѣбскомъ, Угличскомъ и Мышкинскомъ, сохранившихъ татарскія названія и поселенія съ названіями: Баскаково, Баскачево, Баскачи и Баскачъ—даютъ право предполагать, что въ этихъ уѣздахъ, соотвѣтствующихъ прежнимъ удѣламъ: Ростовскому, Ярославскому и Угличскому—существовали осѣдлыя татарскія поселенія, началомъ своимъ восходящія, по всей вѣроятности, къ XIII—XV вѣкамъ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ при с. Карашъ до сихъ поръ сохранилось обширное татарское кладбище; раскопки, произведенныя въ немъ въ 1855 г. Н. С. Савельевымъ, открыли, что похороненные здѣсь Татары вообще принадлежали къ зажиточному классу ([39]). Всѣ эти данныя даютъ намъ возможность заключить что, въ XIII—XV в.

([39]) Предисл. къ списку населенныхъ мѣстъ Ярославск. губ. стр. 30 и уѣзды Романово-Борисоглѣбскій, Ярославскій, Угличскій и Мышкинскій самаго списка; а также №№ списка: 1319, 1524, 2039, 2324, 6711, 6853, 7281, 7420, 7825, 8823 и 9333.

в. существовала въ Ростовское княжество колонизація татарская.

При распространеніи Великорусскаго племени въ Ростовскомъ княжествѣ въ XIII—XV вѣкахъ самое видное мѣсто занимаетъ колонизація монастырская. Новые монастыри, возникшіе въ періодъ времени отъ начала XIII в. до исхода XV и раздвинувшіе предѣлы великорусскаго населенія въ Ростовскомъ княжествѣ, можно раздѣлить на *три группы*, принимая за основу раздѣленія сѣверо-западную, сѣверную и сѣверо-восточную окраины княжества. Въ эти окраины: Бѣлоозеро, Заозерье и Костромскую сторону, отдаленныя отъ главныхъ центровъ княжества: Ростова, Ярославля, Углече-Поля и отъ многоводной Волги, стремились благочестивые подвижники, богатыри христіанства. Тамъ они находили непочатый край, дикіе непроходимые лѣса, въ которые недостигала волна житейскаго моря.

Въ *Бѣлоозерской сторонѣ* древнѣйшимъ монастыремъ былъ *Троицкій Усть-Шехонскій*, основанный въ 17-ти верстахъ отъ Бѣлоозерскаго города первымъ Бѣлоозерскимъ княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ въ 1251 году. На томъ мѣстѣ, гдѣ основанъ монастырь, стояла прежде бѣдная деревянная Троицкая церковь, въ которой находилась чтимая въ округѣ икона св. Троицы. Мѣстное преданіе говоритъ, что сынъ князя Глѣба Михаилъ получилъ изцѣленіе отъ этой иконы отъ слѣпоты. Князь Глѣбъ, украсивъ чудотворную икону, перестроилъ церковь и основалъ при ней общежительный монастырь, управленіе которымъ поручилъ Геннадію, монаху изъ Валаамскаго монастыря (40).

Въ XIV-е столѣтіе являются въ Бѣлоозерской сторонѣ одинъ вслѣдъ за другимъ два монастыря: *Кирилловскій* и *Ферапонтовъ*. Первый изъ нихъ основанъ въ 1397 году знаменитымъ ученикомъ Сергія Радонежскаго (41), Кирилломъ

(40) Житіе Усть-Шехонскаго монастыря у Амвросія, въ исторіи Ростовской епархіи т. VI, с. 384—387.

(41) Непосредственными учениками Сергія Радонежскаго, уроженца Ростовской области, было до двадцати монастырей. Такимъ образомъ его Троицкій монастырь является обильнымъ рассадникомъ монастырской колонизаціи въ сѣверо-восточной Руси. (См. истор. объ. свято-троицкія—Сергіева Лавра. М. 1842. стр. 114—116 и Филарета: Русскіе святые, мѣс. сент. с. 151).

и получилъ впослѣдствіи громадное значеніе въ религіозной и политической жизни Московской Руси. Второй монастырь, возникшій годомъ позже Кирилловскаго, въ 1398 году, основанъ другомъ Кирилла, монахомъ Московскаго Симоновскаго монастыря Ѳерапонтомъ.

Жизнь Кирилла и Ѳерапонта весьма замѣчательна и характеристична. Оба они, по словамъ ихъ біографовъ, происходили изъ боярскихъ семей. Оба съ молодыхъ лѣтъ были склонны къ уединенію и самоуглубленію. Пытливый умъ ихъ не удовлетворялся скуднымъ будничнымъ содержаніемъ боярской жизни того времени и оба они искали идеала созерцательной жизни въ монастырской кели. Оба они въ молодыхъ лѣтахъ поступили въ Московскій Симоновъ монастырь, гдѣ настоятелемъ былъ Ѳеодоръ, племянникъ Сергія Радонежскаго. Тамъ ихъ стала преслѣдовать еще больше та „мірская суетность“, отъ которой они бѣжали изъ дома. Когда Ѳеодоръ въ 1390 г. былъ сдѣланъ архіепископомъ Ростовскимъ, Кирилла, помимо его желанія, Симоновскіе монахи избрали въ архимандриты; онъ недолго оставался главой монастыря и, сложивъ съ себя званіе архимандрита, заперся въ своей кели. Несмотря на это, Кирилла осаждали монахи просьбами о совѣтахъ и наставленіяхъ и новый архимандритъ сталъ коситься на Кирилла. Вслѣдствіе этого Кириллъ удалился на старое Симоново. Ѳерапонта еще прежде этого посылалъ настоятель Симонова монастыря въ Бѣлоозерскую страну, и разсказъ его о лѣсистой озерной странѣ, гдѣ нѣтъ почти вовсе жилья человѣческаго, плѣнилъ его друга Кирилла. Житіе Кирилла повѣствуетъ, что разъ усердно молясь Божіей Матери и прося ее указать ему мѣсто для подвижничества, Кириллъ услыхалъ голосъ: „иди на Бѣлоозеро!“ — Вслѣдъ за голосомъ Кириллъ увидѣлъ въ окно своей кели мѣсто на дальнемъ сѣверѣ, озаренное яркимъ свѣтомъ. Кириллъ болѣе не раздумывалъ и ушелъ съ Ѳерапонтомъ на Бѣлоозеро. Тамъ его плѣнило высокое мѣсто у озера Сиверскаго, окруженное густымъ лѣсомъ, и онъ водрузилъ на этомъ мѣстѣ крестъ, вблизи котораго друзья выкопали землянку. Въ этой землянкѣ Кириллъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ совершенномъ одиночествѣ, изрѣдка навѣщаемый двумя крестьянами изъ сосѣднихъ деревень. Наконецъ, три монаха Симонова монастыря, очень привязанные къ Кириллу, розыскали его и пришли въ дальную сторону къ своему учителю, и Кириллъ построилъ при ихъ содѣйствіи церковь

въ честь Успенія Божіей Матери въ 1397 г. Эта церковь послужила основаніемъ монастырю (42).

Ософонтъ вскорѣ оставилъ Кирилла и удалился далѣе за 15 верстъ, гдѣ построилъ въ 1398 году церковь Рождества Божіей Матери при помощи людей, начинавшихъ къ нему сходиться. Самъ онъ отказался отъ настоятельства въ возникавшемъ монастырѣ и передалъ начальство надъ сходцами монахами одному изъ старцевъ—іеромонаховъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ другими (43).

Въ XV в. возникъ Спасскій монастырь на островѣ Вожа, основанный *Мартиніаномъ*, монахомъ Кирилловскаго монастыря, удалившимся на этотъ островъ по смерти учителя своего Кирилла въ 1427 году (44). Въ томъ же XV столѣтіи возникъ монастырь *Череповскій - Воскресенскій*, основанный двумя монахами—Осодосіемъ и Аѳанасіемъ, пришедшими, по предположенію преосв. Макарія, изъ Сергіевской лавры (45).

Въ Заозерьѣ, за предѣлами Кубенскаго озера и по сю сторону этого озера, раньше XIII в. было три монастыря: *Кайсаровскій* близъ Вологды и въ Устюгѣ два: *Троицкій Гледенскій* и *Архангельскій* (46). Въ XIII в. возникъ на каменномъ островѣ Кубенскаго озера Спасскій монастырь, называвшійся *Каменнымъ*. По позднѣйшему сказанію Паисія Ярославова о Спасо-Каменномъ монастырѣ, возникъ онъ слѣдующимъ образомъ: Глѣба Васильковича, князя Бѣлоозер-

---

(42) См Архіеп. Макарія. Ист. русск. ц. т, IV, кн 1-я, приложеніе № XXI. Житіе ст. Кирилла Бѣлоозерскаго, составленное Пахоміемъ Логооѳетомъ въ XVI в. со словъ учениковъ св. Кирилла и помѣщенное въ Миней митр Макарія; см. у Филарета: Русскіе святые, мѣс. Іюнь, с. 40—58 О св. Кириллѣ и его монастырѣ см. также въ книгѣ С П. Шевырева. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. М. 1850, ч. II, с. 1—26.

(43) О св. Ософонтѣ говорится въ житіи Кирилла. См. у Макарія (цит. 42) и у Филарета. Русскіе святые, мѣс. май, с. 182—186.—Ист. Росс. Іерархія VI, 849.

(44) Житіе Мартиніана Бѣлозерскаго, напечатанное съ рукописи Имп. Публ библ., № 39., см. въ лѣтописи занятій Археограф. Коммис. 1861 г, в. 1-й, отд. II, стр. 1 и 2.—У Филарета, (Русскіе святые, мѣс. январь, с. 63) по рукописи Троицк.-Сергіевой Лавры. Ист. Росс. Іерархія III, 572.

(45) Ист. Росс. Іерархія, VI, 636—639.

(46) Bll. I. 312 и 692. Опис. рукоп. Рум. Муз., с. 219

скаго, въ проѣздъ его на лодкѣ отъ Бѣлоозера къ Устюгу, застигла страшная буря на Кубенскомъ озерѣ; испуганный князь далъ обѣтъ построить церковь и монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ пристанетъ къ берегу Каменнаго острова. Глѣбъ Васильковичъ нашелъ на островѣ двадцать трехъ монаховъ, не имѣвшихъ по бѣдности у себя церкви и собиравшихся для молитвы въ часовню. Онъ велѣлъ построить церковь во имя Преображенія Господня и деревянныя келіи. Это было около 1260 года (47).

Въ XIV в. на берегу Кубенскаго озера былъ основанъ монастырь *Николаевскій на святой лукѣ*, возстановленный Діонисіемъ Глушицкимъ, постриженникомъ Спасо-Каменнаго монастыря (48). Около 1370 года возникъ близъ Вологды, въ 60 верстахъ отъ нея къ востоку, *Трощкій-Авнежскій* монастырь, построенный Стефаномъ Махрицкимъ и учениками его Григоріемъ и Кассіаномъ, въ то время какъ Стефанъ долженъ былъ скрываться изъ своего монастыря по непріятностямъ, бывшимъ у него съ сосѣдями Махрицкаго монастыря Юрковскими (49). Въ 1371 году близъ города Вологды при лукѣ, образуемой колѣномъ рѣки Вологды—возникъ монастырь *Спасо-Прилуцкій*, построенный при помощи Вологожанъ Димитріемъ, ученикомъ Сергія Радонежскаго, удалившимся изъ Переяславля-Залѣсскаго (50). Около того же времени возникъ на р. Обнорѣ *Воскресенскій* монастырь,

(47) Правосл. Собес. 1861, I, 199—202.

(48) Ibid. 203.

(49) Ист. Росс. Іерархіи, III, 39,—Филарета: Русскіе святые, м. іюль, 87 и іюнь, 92.—Вологда упоминается впервые въ лѣтописи подъ 1237 годомъ (См. у Барсова: Матер. для Ист. Геогр. Словоря Россіи Вильно 1865 г. с. 38). Въ это время она принадлежала къ Новгородской области. Въ началѣ XIV в, въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ Вологда упоминается также въ числѣ Новгородскихъ [illegible] (см. Собр. гос. гр. и догов. I, № 8). Вологда была окончательно присоединена къ Москвѣ при Василіѣ Васильевичѣ Темномъ. Колонизація монастырская въ окрестностяхъ Вологды идетъ изъ Ростовскаго княжества, вслѣдствіе чего и монастыри, основанные въ окрестностяхъ Вологды подчиняются епископу Ростовскому, а не Новгородскому.

(50) Филарета: Русск. святые, мѣс. февраль, с. 76.

построенный также учеником Сергія Радонежскаго, Силь-вестромъ (51).

Въ теченіе XV-го столѣтія по сю сторону Кубенскаго озера, близь Вологды возникло восемь монастырей. Митрополіей пяти изъ этихъ монастырей былъ монастырь Спасо-Каменный. Постриженникъ этого монастыря Діонисій, прозванный *Глушицкимъ* по глухой мѣстности, въ которой онъ основывалъ монастыри, основалъ два мужскихъ и одинъ женскій монастырь. По возобновленіи имъ Никольскаго монастыря на *Святой лукѣ* Кубенскаго озера, Діонисій удалился изъ него, ища уединенія, на восточную сторону озера, гдѣ мѣста отличались совершенною глушью. На р. Глушицѣ, въ 15 верстахъ отъ Святой луки, Діонисій поставилъ себѣ въ лѣсу хижину. Скоро слухъ о пустынникѣ распространился по окрестности; къ Діонисію стали приходить благочестивые люди и, желая его наставленій, селились вокругъ хижины. Въ 1403 году построена была церковь Покрова Богородицы, которая и послужила основаніемъ общежительному монастырю, устроенному Діонисіемъ по совѣту Ростовскаго архіепископа Григорія. Лѣтъ черезъ семнадцать Покровскій монастырь сталъ до того многолюденъ, что Діонисій, по прежнему стремясь къ уединенію, покинулъ свой монастырь и удалился дальше въ непроходимую дебрь. Въ сосновомъ лѣсу онъ соорудилъ себѣ келью, а впослѣдствіи выстроилъ близь нея маленькую церковь во имя Іоанна Предтечи: эта церковь послужила началомъ новаго монастыря—*Сосновскаго-Предтечева*. Такъ какъ къ Діонисію приходили и женщины для назиданія его духовными бесѣдами, то онъ построилъ церковь во имя Ростовскаго святаго Леонтія въ двухъ верстахъ отъ Покровскаго монастыря и основалъ при этой церкви общежительный женскій монастырь.

Кромѣ монастырей Діонисій строилъ церкви въ деревняхъ и на незаселенныхъ еще мѣстахъ. Такъ изъ житія его извѣстно, что имъ построены церкви въ деревнѣ Девницѣ по просьбѣ бѣдныхъ жителей этой деревни и въ 18-ти верстахъ отъ Глушицкаго монастыря на р. Сухонѣ (52).

---

(51) Смирнова: «Преп. Сильвестръ Обнорскій». Душеполезн. чтеніе 1861 г., № XI, с. 229—269.

(52) Житіе Діонисія Глушицкаго у Филарета: Русскіе святые, мѣс. Іюнь, с. 11—18.

Дѣятельность строгаго аскета-подвижника Діонисія была очень благотворна для края. Онъ проводилъ свою почтенную подвижническую жизнь въ постоянномъ трудѣ, показывая тѣмъ достойный примѣръ новымъ поселенцамъ, близь его монастырей. Діонисій занимался плотничнымъ и портняжнымъ ремеслами и писаніемъ иконъ. Иконы его работы сохранились до нашего времени въ монастыряхъ: Сосновскомъ, Кирилло-Бѣлоозерскомъ и Прилуцкомъ (53). Монастыри Діонисія при жизни ихъ основателя пользовались большимъ уваженіемъ Бѣлоозерскихъ князей и Ростовскихъ архіереевъ: Григорія, Діонисія и Ефрема. Первые щедро снабжали монастыри землями, а послѣдніе считали Діонисія примѣрнымъ монахомъ-подвижникомъ (54).

Два другіе постриженника Спасо-Каменнаго монастыря: Александръ и Евѳимій—основали въ XV в. два монастыря близь Вологды: первый—*Александровъ-Успенскій* на р. Куштѣ въ 40 в. отъ города, а второй *Спасо-Евѳиміевъ* въ 120 верстахъ (55).

Сергій, пришедшій съ Аѳонской горы и бывшій ученикомъ св. Сергія Радонежскаго, основалъ около 1408 монастырь на р. Нурмѣ въ 60 верстахъ отъ Вологды, а въ 50 верстахъ отъ нея возникъ въ 1414 году монастырь другаго ученика Сергія Радонежскаго—Павла Обнорскаго (56). Около-же Вологды въ 1426 г. основанъ монастырь выходцемъ изъ Галича, происходившимъ изъ тамошней боярской фамиліи Лопотовыхъ—Григоріемъ Пелшемскимъ (57).

Главнымъ центромъ монастырской колонизаціи въ *Костромской сторонѣ* является Галичъ-Мерьскій. Починъ этой колонизаціи кладетъ тамъ въ XIV вѣкѣ Авраамій, ученикъ св. Сергія и постриженникъ его Троицкаго монастыря.

(53) Ист. Росс. Іерарх., III, 703, 704 —Древности Кириллова монастыря въ Чтен. М. Общ. Ист. и др. 1859 г. кн. III, с. 9 — 12, 87, 88 —А. Ратшина: Полн. Собр. истор. свѣд. о монаст. и церквахъ въ Россіи, с. 60.

(54) Амвросія: Ист. Росс. Іерархія III, 704 — 706, 699 и 700; V, 566—569.

(55) Ibid. III, 88; IV, 96.

(56) Ibid. V, 355, 428.

(57) Ibid. V, 21.

Прійдя для подвижничества въ дикую сторону Галичскую, Авраамій долго жилъ въ совершенномъ одиночествѣ на Чухломскомъ озерѣ. Князь Димитрій Ѳеодоровичъ Галичскій, провѣдавъ о пустынникѣ и услыхавъ объ иконѣ Божіей Матери, явившейся въ пустынѣ Авраамію, призвалъ его въ себѣ въ Галичъ и далъ ему средства построить монастырь въ честь Успенія Божіей Матери на мѣстѣ явленія иконы. Житіе Авраамія, написанное не раньше половины XVI в., говоритъ, что „Чудь", среди которой находился монастырь Авраамія, пребывала еще въ язычествѣ и отличалась большой грубостью нравовъ. Чудеса, бывшія отъ иконы Божій Матери, по словамъ этого житія, заставляли язычниковъ принимать крещеніе. Когда Авраамій увидѣлъ, что монаховъ въ его Успенскомъ монастырѣ стало много, онъ, назначивъ въ настоятели монастыря ученика своего Порфирія, удалился въ лѣсныя дебри и сталъ вести отшельническую жизнь въ 36-ти верстахъ отъ свего монастыря, въ красивой мѣстности на берегу небольшаго озера. Нѣкоторые изъ монаховъ Успенскаго монастыря розыскали Авраамія въ его уединеніи и поселились вмѣстѣ съ нимъ. Такъ возникъ новый монастырь въ честь положенія пояса Богородицы, который впослѣдствіи, прославивъ имя Авраамія, сталъ называться „великой Аврааміевой пустынью". Послѣ этого монастыря Авраміемъ основаны еще два: Собора Божіей Матери на р. Вотѣ и Покровскій въ 13-ти верстахъ отъ этой рѣки на горѣ, извѣстной подъ именемъ „Чудскаго городка". Причина основанія обоихъ монастырей—таже: Авраамій всякій разъ убѣгалъ отъ многолюдства, которое было не по душѣ строгому аскету-подвижнику, искавшему уединенія ([58]).

Современникъ Авраамія, прен. Пахомій Нерехотскій основалъ Троицкій монастырь близь Костромы на урочищѣ называемомъ *Сапаново* ([59]), а ученикъ Сергія Радонежскаго Іаковъ учредилъ общежительный монастырь *Галичскій-*

([58]) Житіе Авраамія Чухломскаго у Филарета. «Русскіе святые» мѣс. іюль, с. 118—122. По предположенію преосв. Филарета, житіе это написано въ половинѣ XVI в. игуменомъ Чухломскаго монастыря Протасіемъ.—Ист. Росс. Іер. I, 63 и 748.

([59]) Ист. Росс. Іерархія, VI, 339.

Предтечевъ въ 40 верстахъ отъ Галича близъ селенія Желѣзный-Борокъ (60).

Около половины XV вѣка возникли одинъ вслѣдъ за другимъ три монастыря, основанные въ восточной сторонѣ Костромскаго княжества Макаріемъ, монахомъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря: *Богоявленскій* на р. Лухѣ, *Троицкій* при озерѣ Желтыя воды и *Макарьевскій* на правомъ берегу рѣки Унжи (61).

Внутри Ростовскаго княжества появилось въ теченіе XIII—XV вѣковъ также много новыхъ монастырей. Такъ въ самомъ городѣ Ростовѣ были основаны: въ XIII в. *Петровскій*—ординскимъ царевичемъ Петромъ во время епископа Ростовскаго Игнатія, *Спасскій*, женскій—Ростовскою княгинею Маріею женою князя Василька, и *Іоанновскій* (кѣмъ основанъ—неизвѣстно) (62), въ XIV в. *Григорьевскій-Зачатьевскій*, основанный около 1389 года епископомъ Ростовскимъ св. Іаковомъ, и *Рождество-Богородицкій*, основаніе котораго приписывается первому Ростовскому архіепископу св. Ѳеодору (63).

Близъ Ростова возникло нѣсколько монастырей: *Троицкій-Варницкій* въ 3-хъ верстахъ отъ Ростова, построенный на мѣстѣ бывшихъ здѣсь соляныхъ варницъ въ первой четверти XV в., по мѣстному преданію возникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ вотчинный дворъ родителей св. Сергія Радонежскаго (64); въ 7-ми верстахъ отъ Ростова *Бѣлостицкій монастырь*, время основанія котораго съ точностью не извѣстно, но который, по мѣстному преданію, очень древенъ (65); *Борисоглѣбскій* монастырь на р. Устьѣ близъ Ростова, основанный Ѳеодоромъ и Павломъ, учениками св. Сергія Радонежскаго, на мѣстѣ избранномъ ихъ учителемъ (66). Въ Ярославлѣ,

---

(60) Ibid. IV, 116.

(61) Ibid. IV, 107, V, 30, 39.

(62) Ibid. V, 534. Карамзина Ист. Гос. Росс., т. IV, примѣч. 179.

(63) Карамзинъ. Ист. т. V, примѣч. 64. Гр. Толстаго: Др. святыни Ростова-Вел., стр. 49, 80.—Описаніе Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго монастыря. Спб. 1849. стр.3—8.

(64) См. статью объ этомъ монастырѣ въ Яросл. губ. вѣд. 1848 г. № 10.

(65) См. статью объ этомъ монастырѣ Ibid. 1858 г., стр. 5 и 14.

(66) Ист. Росс. Іерархія III, 424.

кромѣ основаннаго въ XII в. *Петропавловскаго* монастыря, въ XIII в. является монастырь *Спасо-Преображенскій* (67), а въ XIV в. возникаетъ въ 8-ми верстахъ отъ Ярославля монастырь Толгской иконы Божіей Матери, на мѣстѣ явленія этой иконы епископу Ростовскому Прохору, близъ рѣки Толги, впадающей въ Волгу. Позднѣйшее мѣстное сказаніе такъ повѣствуетъ объ этомъ явленіи:

Въ 1314 году 7-го августа, епископъ Прохоръ, объѣзжая свою епархію, возвращался съ Бѣлоозера и, застигнутый ночью подъ Ярославлемъ, остановился на правомъ берегу Волги, гдѣ теперь село Иваньково, на мѣстѣ совершенно пустомъ и незаселенномъ, и раскинулъ дорожный шатеръ. Епископа, вставшаго ночью для молитвы, поразилъ необыкновенный свѣтъ, проходившій черезъ полотно шатра; это привлекло любопытство Прохора и онъ вышелъ изъ шатра. Онъ увидѣлъ противъ шатра на лѣвомъ берегу Волги огненный столпъ отъ земли до облаковъ, къ которому велъ черезъ Волгу мостъ. Сотворивъ молитву, пошелъ епископъ черезъ мостъ и, достигши мѣста, на которомъ былъ огненный столпъ, увидѣлъ, что столпъ этотъ происходитъ отъ иконы Божіей Матери, чудно держащейся на воздухѣ, аршинъ на 5-ть отъ земли. Епископъ со слезами умиленія палъ ницъ и послѣ усердной молитвы возвратился въ шатеръ, гдѣ нашелъ свиту свою спящею. На другой день, когда епископъ собирался въ дорогу, нигдѣ не могли найти его посоха. Тогда разсказалъ онъ своей свитѣ о видѣніи, вспомнивъ, что когда онъ ходилъ за Волгу, то съ нимъ былъ посохъ. Онъ указалъ мѣсто, гдѣ было ему видѣніе, и приказалъ съѣздить черезъ Волгу за посохомъ. Посланные увидѣли на указанномъ мѣстѣ икону Божіей Матери, но уже не на воздухѣ, а на землѣ между деревьями. Поклонившись иконѣ, они вернулись и объявили епископу Прохору о видѣнномъ. Прохоръ отправился къ иконѣ и, узнавъ въ ней именно ту, которая явилась ему въ чудномъ видѣніи ночью, началъ немедленно съ своими спутниками рубить лѣсъ и заложилъ небольшую церковь, которая была докончена ярославскими жителями и въ ней помѣщена явленная икона (68).

---

(67) Житіе св. Никиты Переяславскаго у Филарета: «Русскіе святые», мѣс. мая стр. 181.—Ист. Росс. Іерарх., IV, 225.

(68) Приведенное преданіе взято изъ одной рукописи Толгскаго монастыря и напечатано въ статьѣ С. Серебрянникова: «Краткое исто-

Болѣе чѣмъ на полстолѣтіе раньше, именно въ 1249 году, явилась въ Костромѣ также икона Божіей Матери, извѣстная подъ именемъ Феодоровской. Эта икона, по словамъ позднѣйшей повѣсти XVII в., была найдена Костромскимъ княземъ Василіемъ Кашинѣй въ лѣсу, въ дуплѣ дерева близъ Костромы, во время княжей охоты. Князь съ торжествомъ перенесъ икону въ Костромскую соборную церковь Феодора Стратилата ([69]).

Въ Костромѣ же возникъ въ XIV в. *Ипатьевскій* монастырь, получившій извѣстность въ XVII в., вслѣдствіе пребыванія въ немъ Михаила Феодоровича Романова, избраннаго въ цари всей землей Русской. Монастырь этотъ былъ основанъ Татарскимъ мурзой Четомъ, предкомъ Бориса Годунова. Преданіе такъ разсказываетъ о возникновеніи Ипатьевскаго монастыря. Въ 1330 году мурза Четъ плылъ Волгою изъ орды въ Москву. Проѣзжая близъ Костромы, онъ плѣнился красивымъ мѣстоположеніемъ и, высадившись тутъ, раскинулъ свои шатры. Вскорѣ онъ опасно занемогъ и смерть угрожала ему; чудное видѣніе иконы св. Ипатія исцѣлило его и Четъ далъ обѣтъ принять Христіанство. Въ Москвѣ онъ принимаетъ крещеніе, въ которомъ получаетъ имя Захарія, и въ благодарность за исцѣленіе строитъ на мѣстѣ видѣнія монастырь въ честь Троицы съ придѣлами св. Ипатію и апостолу Филиппу ([70]).

Въ XV столѣтіи близъ Углича возникло три монастыря: *Покровскій*, *Никольскій* и *Богоявленскій*, основателемъ которыхъ былъ мѣстный подвижникъ монахъ Паисій([71]).

рическое описаніе Ярославскаго Толгскаго мужскаго первокласснаго монастыря».—Яр. губ. вѣд. 1845 г. №№ 3 и 7.—Въ преданіи этотъ епископъ названъ Трифономъ, но, по достовѣрнымъ извѣстіямъ съ 1311 по 1328 годъ, Ростовскимъ епископомъ былъ Прохоръ. (Гр. Толстаго. Др. свят. Рост.-Вел., с. 71 и Карамзина, Исторія т. IV, прим. 328).

([69]) См. повѣсть и сказаніе о Феодоровской иконѣ Божіей Матери, составленныя въ XVII в., въ книгѣ П. Островскаго: Ист. опис. Костромск. Успенскаго каѳедральн. собора М. 1835 стр. I—XV, 1—5 и 14 и въ Ист. Русск. Церкви преосв. Макарія, т. III, кн. I, с. 302—303.

([70]) Отеч. Зап. изд. П. Свиньина 1820, мѣс. мая, № 1.—Свящ. Кн. А. Козловскаго: Взглядъ на исторію Костромы, М. 1840., с. 30.

([71]) Ист. Росс. Іерарх. V, 585. — Ист. изв. объ Угличскомъ Покровскомъ монастырѣ. Яр. губ. вѣд. 1849 №№ 12 и 13.

Большое количество поселеній въ теперешней Ярославской губерніи, носящихъ названіе: „пустыни“, православныхъ праздниковъ и именъ святыхъ — показываетъ, что число монастырей въ предѣлахъ Ростовскаго княжества было несравненно больше того, какое сохранилось до настоящаго времени ([72]).

Примѣръ мурзы Чета, принявшаго Христіанство и основавшаго монастырь, не былъ одиночнымъ явленіемъ въ разсматриваемую эпоху. Вліяніе Христіанства на Татаръ и претвореніе христіанской религіей татарскаго элемента въ Великорусскую народность — представляетъ одно изъ замѣчательныхъ характеристическихъ проявленій ассимилирующаго значенія Христіанства въ этнографической исторіи Великоруссовъ и того земскаго самосознанія этого племени, выразителемъ котораго служитъ православіе. „Сказаніе о Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ“, мѣстное Ростовское произведеніе, писанное не позже второй половины XV в., представляетъ весьма любопытныя данныя для уясненія того вліянія, какое оказывало Христіанство на Татаръ ([72]). Кромѣ того это сказаніе представляетъ весьма много любопытнѣйшихъ подробностей бытовой жизни, которыя еще ждутъ тщательнаго критическаго изслѣдованія. Мы позволимъ себѣ изложить сказаніе о царевичѣ Петрѣ въ довольно полномъ извлеченіи, чтобы яснѣе указать и на эти бытовыя подробности и на ассимилирующее значеніе православія.

По словамъ сказанія, даровитый юноша, племянникъ хана Берке, который управлялъ золотой ордой послѣ Батыя (съ 1257 по 1266 г.), — пораженный христіанской проповѣдью Ростовскаго епископа Кирилла, бывавшаго неоднократно въ ордѣ, роздалъ имѣніе свое нищимъ и уѣхалъ съ епископомъ въ Ростовъ. Здѣсь епископъ Кириллъ крестилъ Ордынскаго царевича и назвалъ его Петромъ. Вскорѣ послѣ крещенія Петра, Кириллъ умеръ и Петръ остался подъ руководствомъ преемника Кирилла, Игнатія. Петръ отличался большимъ благочестіемъ, соблюдая строго посты и принося Богу „плачевныя молитвы“ денно и нощно; но вмѣстѣ

([72]) Списокъ насел. мѣстъ Яросл. губ. №№ 215, 512, 844, 967, 1949, 1959, 2151, 2327, 2454, 2826, 3505, 3740, 4464, 4519 4770, 5657, 6456, 7081, 7279, 7446, 7585, 7903, 8659, 8899 9176, 9589.

съ тѣмъ онъ не убѣгалъ и развлеченій, къ которымъ привыкъ у дяди своего Берке: Петръ любилъ охотиться ловчими птицами на берегу Ростовскаго озера.

Разъ, послѣ такой охоты, утомившись къ вечеру, Петръ заснулъ у озера. Во снѣ ему предстали два свѣтлыхъ мужа и дали ему два мѣшка: одинъ съ золотомъ, другой съ серебромъ, велѣвъ вымѣнить на торгу три иконы: Божіей Матери, св. Димитрія и Николая чудотворца. Петръ палъ ницъ отъ страха, но свѣтлые мужи объявили ему, что они апостолы Петръ и Павелъ, и говорили царевичу: „друже Петре! не бойся, мы посланы къ тебѣ отъ Бога, въ котораго ты увѣровалъ и крестился, и посланы для того, чтобъ укрѣпить родъ твой, и племя, и внуковъ твоихъ до скончанія міра“. Царевичъ подумалъ сначала, что свѣтлые мужи въ *Татарахъ племя ему укрѣпляютъ*, но узнавъ ихъ имена, онъ понялъ истину. Апостолы велѣли Петру явиться къ епископу и ихъ именемъ приказать ему построить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ спалъ царевичъ. Когда церковь была выстроена, Ростовскій князь Борисъ Васильковичъ, глумясь, говорилъ царевичу Петру: „владыка тебѣ церковь устроилъ, а я мѣста не дамъ, что тогда будешь дѣлать?“ Петръ отвѣчалъ, что онъ, по повелѣнію апостоловъ, купитъ столько земли, сколько князь ему уступитъ. Борисъ Васильковичъ очевидно только и ждалъ такаго отвѣта отъ царевича, богатство котораго смущало князя. Видя мѣшки Петровы съ золотомъ и серебромъ въ епископіи, Борисъ Васильковичъ допытывался у царевича, сколько именно онъ дастъ за землю? дастъ ли столько сколько далъ за иконы? дастъ ли онъ девять литръ серебра, а десятую золота? Царевичъ не далъ положительнаго отвѣта, а обѣщалъ посовѣтываться съ епископомъ Игнатіемъ, п. ч., говорилъ онъ, мнѣ св. апостолы повелѣли дѣлать то, что велитъ владыка. Игнатій посовѣтывалъ Петру не *щадить родителей имѣнія* и дать князю за землю столько, сколько тотъ захочетъ. Борисъ Васильковичъ отвелъ царевичу Петру мѣсто у церкви, обведя его веревкой по землѣ; но Петръ попросилъ окопать мѣсто ровъ, *какъ въ ордѣ бываетъ*, чтобъ „не погибло то мѣсто“. Тогда Петръ началъ класть по границѣ отведенной ему земли деньги по одиночкѣ, вынимая изъ мѣшковъ девять литръ серебра, а десятую золота. Деньгами наполнили возы до того, что лошади едва трону-

ли съ мѣста; между тѣмъ мѣшки были такъ же полны, какъ и прежде. Князь и епископъ дивились великому чуду.

Борисъ Васильковичь и епископъ Игнатій стали дорожить царевичемъ Петромъ. „Если этотъ мужъ царскаго племени уйдетъ въ орду, будетъ не ладно нашему городу“— говорили они. Рѣшено было женить царевича, чтобы его окончательно привязать къ Ростову. Князь выбралъ царевичу невѣсту отъ *великихъ вельможъ татарскихъ*, которые тогда находились въ Ростовѣ. Царевичъ Петръ и князь Борисъ стали неразлучными друзьями. Князь постоянно держалъ царевича близь себя, не могъ безъ него ни ѣсть, ни пить и занималъ его ястребиной и кречетовой охотой и другими утѣхами, *дабы въ нашей вѣрѣ утвердился*. Борисъ Васильковичь пожаловалъ Петра многими землями, закрѣпивъ ихъ за нимъ грамотами и наконецъ побратался съ нимъ въ церкви, при епископѣ. И прозвался Петръ братомъ князю, и народились у него сыновья. Вскорѣ умеръ Борисъ Васильковичъ, умеръ и епископъ Игнатій, а дѣти Бориса звали Петра царевича дядею до старости.

Внуки Бориса Васильковича, забывъ царевича Петра, начали отнимать землю у дѣтей Петровыхъ. Тогда сынъ Петра Лазарь отправился въ орду и, объявивъ себя тамъ ханскимъ родственникомъ, былъ съ почестью принятъ ханомъ; онъ возвратился въ Ростовъ съ „посломъ царевымъ,“ который разсмотрѣлъ его грамоты и утвердилъ за нимъ землю. Сыновья Лазаря отличались благочестіемъ и богатствомъ, и своимъ вліяніемъ въ Ростовѣ совершенно затѣмнили убогихъ потомковъ Бориса Васильковича. Особенно выдавался сынъ Лазаря Юрій. Ростовскіе князья завидовали внукамъ Петра царевича и хотѣли скомпрометировать ихъ въ глазахъ Ростовцевъ ихъ татарскимъ происхожденіемъ, желая выставить свой родъ, хоть и обѣднѣвшій, выше ихняго богатаго. „*Это родъ татарскій, а кость не наша, что это намъ за племя*“— говорили Ростовскіе князья о потомкахъ Петра. Главная же причина злобы Ростовскихъ князей противъ нихъ заключалась въ томъ, что потомство Петра пользовалось въ ордѣ значеніемъ, тогда какъ князья Ростовскіе терпѣли тамъ, какъ мы видѣли, большія оскорбленія. Ростовскіе князья стали запрещать потомкамъ Петра царевича ловить рыбу въ Ростовскомъ озерѣ. Юрій пошелъ въ орду и привелъ съ собою грознаго баскака, наведшаго на князей большой страхъ. Онъ произвелъ судъ

между князьями и потомками Петра, присудивъ послѣднимъ право пользованія водою въ Ростовскомъ озерѣ на основаніи покупки Петромъ у Бориса Васильковича земли близъ озера; присудилъ, по выраженію сказанія, *по землѣ и воду*.

Послѣднее событіе, занесенное въ сказаніе, относится къ первой четверти XIV в., во времени епископства Прохора (1311—1328). Въ это время Ростовское княжество было опустошаемо татарами подъ предводительствомъ Ахмыла, Ярославль былъ имъ сожженъ. Оттуда онъ двинулся на Ростовъ; князья Ростовскіе со страху бѣжали. За ними хотѣлъ послѣдовать и епископъ Прохоръ. Его остановилъ правнукъ Петровъ, сынъ Юрія, Игнатій и принудилъ его силою идти съ нимъ противъ Ахмыла. Игнатій вмѣстѣ съ епископомъ встрѣтилъ грознаго хана у самаго въѣзда въ Ростовъ, близъ монастыря своего предка и, назвавшись родственникомъ Ахмыла, привѣтствовалъ его дарами. Епископъ Прохоръ исцѣлилъ больнаго сына Ахмылова. Ростовъ былъ пощаженъ.

На этомъ событіи прерывается сказаніе, оканчиваясь похвалой всему роду царевича Петра (73).

Современникомъ Петру, царевичу ордынскому, былъ другой Татаринъ, баскакъ Багу, принявшій крещеніе въ Устюгѣ. Житіе Прокопія Устюжскаго передаетъ о Багу слѣдующія подробности (74). „Багу взялъ себѣ силою въ наложницы дочь одного устюжанина, по имени Маріе; этимъ поступкомъ баскака народъ былъ сильно возмущенъ и хотѣлъ его убить; тогда по совѣту своихъ сторонниковъ Багу принялъ Христіанство и въ крещеніи названъ Іоанномъ. Іоаннъ и Марія стали образцомъ согласной, тихой, семейной жизни и Устюжане чтутъ ихъ память, какъ праведныхъ".

(73) При изложеніи «Сказанія о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ» мы пользовались изданіемъ этого сказ., напеч. Въ Правосл. Собес. 1859 г., (мартъ, с. 360—376), которое взято по двумъ спискамъ: XVI в.—Каз. дух. академіи и XVII в.—профес. В. И. Григоровича,—и изложеніемъ сказанія въ ст. О. И. Буслаева: «Смоленская легенда о св. Меркуріи и Ростовская о св. Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ», въ его Истор. оп. Русск. нар. слов. и искусства, т. II, с. 159—164. См. также отрывки изъ житія ордынскаго царевича Петра у Макарія, Ист. Русск. Церкви, т. IV, кн. 1 я прилож. № XVII.

(74) См. Филарета: житія Русскихъ святыхъ, мѣсяцъ іюль стр. 52—53.

Такимъ образомъ, православіе, путемъ распространенія монастырей и обращенія въ Христіанство инородцевъ, раздвигало все шире и шире предѣлы Великорусскаго племени, давало этому племени все болѣе и болѣе силы и крѣпости.

Рядомъ съ такимъ полнымъ вліяніемъ Христіанства мы встрѣчаемъ явленіе совершенно обратное: обращенія изъ Христіанства въ магометанство. Явленіе это, впрочемъ, какъ кажется, было очень исключительнымъ и не обыденнымъ, потому то оно и было занесено въ лѣтопись. Во время поголовнаго возстанія городовъ Ростовскаго княжества противъ „злыхъ бесермепъ" татарскихъ въ 1262 году, былъ убитъ въ Ярославлѣ монахъ Засима, принявшій магомеданство. Лѣтописецъ отзывается о немъ весьма рѣзко: „Засима преступникъ—мнихъ образомъ точію, сотонѣ же сосудъ. Бѣ бо пьяница и студословецъ и празднословецъ и кощунникъ." Тѣло его было брошено на съѣденіе собакамъ (75).

При разсмотрѣніи вновь основываемыхъ монастырей мы достаточно познакомились съ преобладающимъ направленіемъ Христіанства въ предѣлахъ Ростовскаго княжества. Это направленіе было — пустынножительство, проистекавшее изъ аскетическаго стремленія подвижниковъ къ удаленію отъ міра и отъ людей и приводившее, помимо воли этихъ подвижниковъ, къ большему и большему притоку къ нимъ тѣхъ самыхъ людей, отъ которыхъ они убѣгали, къ большему и большему заселенію страны. Рядомъ съ этимъ аскетическимъ направленіемъ въ религіозномъ сознаніи тогдашнихъ благочестивыхъ людей развиваются еще два направленія: *Христа-ради юродствующее* и *миссіонерское*. Первое направленіе явилось въ первый разъ на Руси въ Ростовскомъ городѣ Устюгѣ-Великомъ въ лицѣ Прокопія Устюжскаго (76), второе произошло изъ того же Устюга. Представителемъ его былъ пресвѣтитель Зырянъ, святой Стефанъ Великопермскій. Послѣдователемъ Прокопія Устюжскаго въ юродствѣ былъ Ростовскій святой, живший въ концѣ XV в., Исидоръ—признанный *Твердиславомъ*. Онъ былъ родомъ отъ западныхъ странъ „отъ латинскаго языка", также

(75) П. С. Л. I, 204 и VII, 163.

(76) См. Филарета; Русскіе святые, мѣс. іюнь, с. 51—60.

какъ и Прокопій Устюжскій. Изъ чудесъ св. Исидора самое замѣчательное есть чудо, случившееся при его жизни. Одинъ Ростовскій купецъ ѣхалъ на кораблѣ съ товарами по морю „куплю творити." Корабль внезапно остановился и его начало разбивать волнами. Всѣ ждали уже смерти, но корабельщики, по старинному народному повѣрью объ умилостивленіи подводнаго божества, рѣшили кинуть жребій, чтобы узнать по чьей винѣ остановился корабль; жребій палъ на купца. Его немедленно посадили на доску и бросили въ море. Корабль двинулся съ мѣста, а купецъ безпомощно боролся съ волнами и сталъ наконецъ тонуть. Тогда предсталъ передъ нимъ св. Исидоръ и спасъ его; онъ посадилъ его на доску и скоро причалилъ доску къ кораблю (77). Будучи самъ до своего юродства купцомъ, св. Исидоръ является покровителемъ купцовъ и спасителемъ ихъ отъ напасти.

Св. Стефанъ родился въ Устюгѣ-Великомъ послѣ 1330 года. Отецъ его Симеонъ Храпъ былъ причетникомъ соборной Устюжской церкви. Стефанъ „быстропамятенъ сущій", по выраженію одного его житія, очень легко и скоро постигъ грамоту и черезъ годъ послѣ начала ученія былъ уже капонархомъ соборной церкви въ Устюгѣ. Около 1365 года онъ поступилъ въ Григорьевскій Ростовскій монастырь для большаго ученія. Здѣсь онъ обучился греческому языку и принялся за переводъ богослужебныхъ книгъ съ греческаго и славянскаго языковъ на зырянскій, который онъ зналъ еще въ Устюгѣ. Приготовившись надлежащимъ образомъ къ великому дѣлу христіанской проповѣди, Стефанъ, въ 1378 году, былъ посвященъ въ Москвѣ въ іеромонахи и оттуда, снабженный охранными грамотами Коломенскаго епископа Герасима, временно управлявшаго митрополіей,—отправился въ Пермскую землю проповѣдывать Зырянамъ евангеліе (78).

---

(77) См. Минею XVI в. рукоп. Казанской духовн. акад. № 514. л. 424 об. и 425.—О времени, когда жилъ св. Исидоръ см. у Филарета Обз. Русск. духовн. литерат., Уч. Зап. II отд. Акад. н., III, 148.—Чудо св. Исидора весьма схоже съ эпизодомъ изъ былины о Садкѣ, купцѣ Новгородскомъ. (См. Костомарова: «Сѣв.-Русск. народопр. II, 246).

(78) О св. Стефанѣ см. въ житіи его по списку Синодальной рукописи XVI в., напеч. въ Пам.. стар. Русск. литер., III, стр 120—122, въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Л. VIII, 69), въ Исторіи Русск. церкви преосв.

Современникъ Стефана Великопермскаго, св. Сергій Радонежскій, общественная дѣятельность котораго принадлежитъ Московскому княжеству и имѣетъ важное значеніе въ исторіи Россіи вообще, былъ также уроженцемъ Ростовскаго княжества (78). Троицкій монастырь, имъ основанный, сталъ, какъ мы видѣли выше, митрополіей большаго числа монастырей и слава „великаго чудотворца“ Сергія облетѣла всю Великороссію, закрѣпляя за нимъ то великое значеніе на сѣверо-востокѣ, которое получили на югѣ основатели Кіевопечерской лавры, св. св. Антоній и Ѳеодосій. Ростовское княжество, такимъ образомъ, теряя свою политическую самостоятельность, подчиняясь въ политическомъ отношеніи усиливающейся Москвѣ, все болѣе и болѣе получало значенія въ смыслѣ разсадника христіанскаго просвѣщенія. Потому то Ростовская епархія имѣла такое высокое значеніе не только въ глазахъ современниковъ, но и въ позднѣйшую эпоху.

Монастыри въ сѣверо-восточной Руси, какъ извѣстно, владѣли большими земельными участками съ населенными селами и деревнями. Эти участки отдавались въ монастыри благочестивыми предками нашими на поминъ души, послѣ ихъ смерти или же при жизни, въ видѣ дара и вклада въ монастырь. Великіе и удѣльные князья, по своему общественному положенію, стояли во главѣ благочестивыхъ жертвователей въ монастыри. Границы монастырскихъ поземельныхъ владѣній въ жалованныхъ грамотахъ князей опредѣлялись такъ: „до того мѣста, гдѣ топоръ и коса ходила“. Владѣя многочисленными земельными вотчинами, монастыри имѣютъ большое значеніе въ пробужденіи и развитіи хозяйственно-промышленной и экономической дѣятельности нашего сѣверо-востока. Кромѣ пожертвованій въ монастыри населенныхъ земель, князья давали монастырямъ разнаго рода льготы относительно суда княжаго и разныхъ пошлинъ платимыхъ ими въ княжую казну, иногда совсѣмъ освобождая ихъ отъ этихъ пошлинъ. Изъ дошедшихъ до насъ льготныхъ грамотъ монастырямъ Ростовскаго княжества, са-

---

Макарія, т. IV, кн. I, прилож. № XVIII и въ изслѣдованіи П. Д. Шестакова: «Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій», Учен. Зап. Казанскаго Универс. 1868 г., т. IV, с. 32—38.

(78) О св. Сергіи Радонежскомъ см.: у Макарія, Ист. Русск. церкви, т. IV, кн. 1-я, прилож. №№ XIX и XX, и у Филарета: Русскіе святые, мѣс. сентябрь с. 125.

мая древняя, сколько намъ извѣстно, есть льготная грамота Ярославскому Спасскому монастырю Ярославскаго князя Василія Давидовича. Въ этой грамотѣ Василій Давидовичъ, ссылаясь на примѣръ дѣда своего Осодора Ростиславича чернаго, назначаетъ монастырскимъ людямъ жалованье по два рубля въ годъ, освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ и пошлинъ и затѣмъ, опредѣляетъ порядокъ суда игуменскаго и суда смѣстнаго при (80). Изъ напечатанныхъ въ изданіяхъ Археографической комиссіи: Актахъ Археографической Экспедиціи, Актахъ историческихъ и Дополненіяхъ къ нимъ помѣщено довольно много жалованныхъ грамотъ князей Ростовскихъ удѣловъ мѣстнымъ монастырямъ. Самая древняя изъ этихъ грамотъ, большинство которыхъ относится къ XV в., есть льготная грамота конца XIV ст. в. кн. Димитрія Іоанновича Троицкому-Сергіеву монастырю объ освобожденіи вотчинъ этого монастыря отъ пошлинъ и повинностей, монастырскихъ людей отъ княжаго суда въ татьбахъ и разбояхъ (81).

Троицкій монастырь св. Сергія Радонежскаго является съ самаго своего основанія главнѣйшей святыней земли Ростовско-Суздальской, и потому ему жалуется князьями и земель и льготъ гораздо больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ монастырямъ этой земли. Угличскій князь Владиміръ Андреевичъ даетъ въ 1414 году Троицкому монастырю льготную грамоту, которой онъ опредѣляетъ сроки для хлѣбнаго оброка съ крестьянъ принадлежащаго монастырю селенія Удинскаго съ деревнями, находящагося близъ Углеча-Поля, и освобождаетъ отъ всѣхъ пошлинъ новопришлыхъ людей изъ другихъ княженій, которые поселятся на земляхъ этого селенія (82). Изъ жалованной грамоты Угличскаго князя Димитрія Юрьевича Троицкому-Сергіеву монастырю отъ 1434 года видно, что монастырь этотъ владѣлъ въ Угличскомъ княжествѣ уже не однимъ селеніемъ Удинскимъ съ деревнями, а тремя селами съ принадлежащими къ нимъ деревнями, тремя отдѣльными деревнями и нѣсколькими пустошами (83). Изъ грамоты того же князя 1440 г. видно, что Троицкій мона-

(80) Карамзина: Ист. Гос. Рос. IV, прим. 328.
(81) А. А. Э. I, № 7.
(82) Ibid. № 19.
(83) Ibid. № 27.

стырь владѣлъ селомъ Присѣцкимъ въ Бѣжецкомъ-Верхѣ (84). Во 2-й половинѣ XV в. Троицко-Сергіевъ монастырь не довольствовался даренными селами и землями, а покупалъ ихъ. Такъ онъ купилъ въ Угличскомъ княжествѣ деревню Татариновскую съ землями у боярина Филиппа Васильевича Никитина съ братьями (85). Изъ жалованной грамоты вел. кн. Василія Васильевича Троицко-Сергіеву монастырю отъ 1453 года видно, что земельныя владѣнія этого монастыря въ Угличскомъ княжествѣ были очень обширны и что, кромѣ пожалованья князьями и покупкою, отказывались монастырю населенныя земли и частными лицами (86).

Изъ грамоты того же вел. князя отъ 1453 г. узнаемъ, что Троицко-Сергіевскій монастырь владѣлъ земельными имѣніями и въ Ростовскомъ княжествѣ, отданными въ монастырь вдовою нѣкоего Владиміра Андреевича Взворыкина, на поминъ ея мужа (87). Троицкому монастырю принадлежали также соляныя варницы близъ Галича (88) и заселенныя земли по Шекснѣ (89).

Послѣ Троицко-Сергіевскаго монастыря, первое мѣсто по количеству земельныхъ владѣній занимаетъ монастырь Кирилло-Бѣлоозерскій. Мы замѣтили уже выше о жалованныхъ ему грамотахъ Бѣлоозерскаго князя Михаила Андреевича (90). Кромѣ этихъ грамотъ, въ Актахъ Археографической Экспедиціи находится грамота Кириллову монастырю вел. кн. Василія Васильевича объ освобожденіи призванныхъ въ село Ивановское людей отъ княжей дани (91).

Спасокаменный монастырь владѣлъ большимъ количествомъ земель. Изъ восьми жалованныхъ грамотъ этому монастырю одна относится къ послѣднимъ годамъ княженія Василія Васильевича: всѣ же остальныя принадлежатъ къ

---

(84) Ibid. № 37.

(85) См. жалованную грамоту Угличскаго князя Андрея Васильевича въ «Актахъ Историческихъ», т. I, № 74.

(86) A. A. Э. I, № 36.

(87) Ibid. № 31.

(88) Ibid. № 32.

(89) Ibid. № 38.

(90) См. выше IV-ю гл. наш. оч. стр. 179.

(91) A. A. Э. I, № 60.

эпохѣ Іоанна III-го (92). Чухломскому Покровскому монастырю были пожалованы вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ земли въ Усольской волости и соляныя варницы близь Чухломы (93). Толгскому монастырю близь Ярославля Ярославскій князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ пожаловалъ около 1400 года деревню Кукольцыно (94).

Самостоятельность Ростовской епископіи совпадаетъ съ началомъ политической автономіи Ростовскаго княжества при Константинѣ Всеволодовичѣ, въ началѣ XIII в. Первымъ отдѣльнымъ епископомъ Ростовскимъ является Пахомій, изъ игуменовъ, какъ говоритъ лѣтопись, св. Петра (по всей вѣроятности Ярославскаго Петропавловскаго монастыря), бывшій духовникъ Константина Всеволодовича. Въ 1214 году князь послалъ его въ Кіевъ для рукоположенія въ епископы, а въ 1215 г. Пахомій вошелъ въ свою Ростовскую епископію. По словамъ лѣтописи, Пахомій былъ „блаженный епископъ, избранникъ Божій, а не наемникъ". Лаврентьевскій лѣтописецъ передаетъ такую его характеристику: „Пахомій былъ агнецъ, а не волкъ, не хищничалъ изъ чужихъ домовъ богатства, и не собиралъ его, и не хвалился богатствомъ а, напротивъ, обличалъ грабителей и мздоимцевъ, подражая Іоанну Златоусту; пребывалъ въ постоянныхъ трудахъ и заботился о сиротахъ и вдовицахъ; былъ очень милостивъ къ убогимъ, кротокъ и исполненъ *книжнаго ученья*" (95).

Списокъ преемниковъ Пахомія помѣщенъ въ Воскресенской лѣтописи. Они перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ: Симонъ, Кириакъ, Митрофанъ, Кириллъ, другой Кириллъ, Тарасій, Игнатій, Симеонъ, Прохоръ, Антоній, Іаковъ, Іоаннъ, Парѳеній, Арсеній князь, Матѳѣй гречинъ, архіепископъ Ѳеодоръ и Григорій, Діонисій, Ѳеодосій, Ефремъ, Трифонъ, Вассіанъ рыло, Іоасафъ Оболенскій, Тихонъ (96).

---

(92) Дополн. Акт. Ист. I, №№ 10, 14, 15, 16, 17, 18, 20 и 21.

(93) Ак. Ист. I, № 49.

(94) А. А. Э. I, № 15.

(95) П. С. Л., I, 185 и 176.

(96) Ibid. VIII, 69. Каталогъ Ростовскихъ епископовъ начинается съ Ѳеодора; св. Леонтій поставленъ 7-мъ епископомъ. Отъ Леонтія до Пахомія включительно 8 епископовъ. Всего въ каталогѣ перечислено 42 епископа.

Мы остановимся на самыхъ замѣчательныхъ личностяхъ изъ этихъ преемниковъ Пахомія.

Кириллъ I-й, изъ монаховъ Суздальскаго Димитріева монастыря, былъ епископомъ съ 1216 года. „Кириллъ былъ очень богатъ купами и сёлами, и всѣмъ товаромъ, и книгами; такъ былъ богатъ, какъ ни одинъ епископъ въ Суздальской области,"—говоритъ о немъ Лаврентьевская лѣтопись (97). Въ 1229 году онъ оставилъ епископскую каѳедру и принялъ въ своемъ Суздальскомъ Димитріевскомъ монастырѣ схиму, назвавшись Кириакомъ. Причина схимничества Кирилла заключается въ нравственномъ потрясеніи, постигшемъ его отъ потери всего богатства, которое было отнято у него по суду великаго князя Владимірскаго Ярослава Всеволодовича; это такъ разстроило Кирилла, что онъ заболѣлъ. Лѣтописецъ сравниваетъ его съ Іовомъ, а отобраніе имѣнія у епископа называетъ „искушеніемъ" (98).

Преемникъ I-го Кирилла, Кириллъ II-й былъ особенно замѣчательнымъ епископомъ Ростовскимъ. О немъ лѣтописцы разсказываютъ особенно много, а подробное сказаніе о немъ, помѣщенное въ Лаврентьевской лѣтописи, всего болѣе говоритъ о томъ вліяніи, какое оказывалъ Кириллъ на современниковъ. Кириллъ, будучи еще архимандритомъ во Владимірскомъ Ростовскомъ монастырѣ и духовнымъ отцемъ Ростовскаго князя Василька, по всей вѣроятности, пользовался большимъ почетомъ и извѣстностью, п. ч. въ 1230 году, немедленно послѣ смерти схимника Кириака, князья Ростовскій—Василько, Ярославскій—Всеволодъ и Бѣлоозерскій—Владиміръ, послали

Сравнивая этотъ каталогъ съ извѣстіями о Ростовскихъ архіереяхъ болѣе ранней лѣтописи Лаврентьевской, прерывающейся на исходѣ XIV в.,—мы находимъ въ немъ большія неточности. Такъ напримѣръ, Леонтій былъ первымъ исторически-достовѣрнымъ епископомъ въ Ростовѣ, между тѣмъ какъ въ каталогѣ Воскресенской лѣтописи онъ поставленъ 7-мъ. Порядокъ епископовъ Ростовскихъ отъ св. Леонтія до Пахомія также перепутанъ. Такую же путаницу находимъ мы относительно позднѣйшихъ епископовъ Ростовскихъ XV в. до Тихона включительно (Тихонъ оставилъ епархію въ 1503 году). См Гр. Толстаго: Др. свят. Рост.-Вел. стр. 74.—Другой каталогъ Ростовскихъ архіереевъ находится въ IV-й Новгородской лѣтописи (П. С. Л. IV, 62). Онъ сходенъ съ Воскресенскимъ.

(97) П. С. Л., I, 186 и 192.

(98) Ibid., 192.

къ дядѣ своему, великому князю Владимірскому и епископу Митрофану просить Кирилла въ епископы Ростову. Когда дозволеніе архимандриту Кириллу отъ великаго князя и епископа было дано и Кириллъ ѣхалъ въ Ростовъ, то навстрѣчу ему, за предѣлы города, вышли князь Василько Константиновичъ съ княгинею, бояре и всѣ „мужи" Ростовскіе, игумены Ростовскихъ монастырей, священники и клирики соборной Успенской церкви и вообще всѣ граждане отъ мала до велика и ввели Кирилла съ великою честью въ соборную церковь (99). Въ слѣдующемъ 1231 г. архимандритъ Кириллъ былъ отправленъ Ростовскимъ княземъ на посвященье въ епископы къ Кіевскому митрополиту Кириллу. Составитель „сказанія о епископѣ Кириллѣ" передаетъ подробно посвященіе его въ Кіевѣ. По словамъ сказанія, Кіевскій князь Владиміръ Рюриковичъ устроилъ по случаю посвященія Кирилла большой пиръ, на который съѣхались сосѣдніе князья; „многое множество людей *преизлиха зѣло*" было на этомъ праздникѣ, такъ что нельзя было всѣхъ перечесть. Отпущенный Кіевскимъ митрополитомъ съ великою честью, епископъ Кириллъ былъ торжественно встрѣченъ въ Ростовѣ княземъ, боярами, духовенствомъ и народомъ уже какъ излюбленный ихъ епископъ,—„и бысть радость велика во градѣ Ростовѣ", прибавляетъ составитель „сказанія" (100).

Епископъ Кириллъ былъ знаменитый проповѣдникъ. Это рѣдкое явленіе въ сѣверо-восточной Руси, по новизнѣ своей, привлекало множество благочестивыхъ людей въ Ростовскій Успенскій соборъ не только изъ мѣстныхъ городскихъ жителей, но и изъ другихъ, ближайшихъ, городовъ. Приходили не только князья и вельможи, но и простые люди: и священники, и игумены, и монахи—всѣ приходили слушать „ученіе Кирилла отъ святыхъ книгъ" и удивлялись „любовному ученію и тщанію честнаго святителя Кирилла, съ страхомъ и покорствомъ слушая его" (101).

До насъ дошло нѣсколько проповѣдей Кирилла. По мнѣнію преосв. Филарета, нѣкоторыя изъ этихъ проповѣдей

---

(99) П. С. Л. I, 192 и 193; XV, 354.
(100) П. С. Л. I, 194 и 195.
(101) Ibid. 195.

приписываются Кириллу Туровскому. Преосв. Филаретъ полагаетъ, что Кириллу Ростовскому несомнѣнно принадлежатъ два поученія: 1, Слово о томъ, яко незабывати учителей своихъ (Рукоп. Царскаго XVI в., № 371.) 2, Слово о мытарствахъ (издано Калайдовичемъ между словами Кирилла Туровскаго стр. 92; новое изданіе въ Извѣстіяхъ II отд. Академіи наукъ, IV, 178—184). Относительноже одного „слова въ недѣлю 7-ю о зборѣ св. отецъ на Арья еретика", принадлежащаго по языку къ XIII в., (изд. въ Ж. М. Нар. Просв. 1854 г., декабрь) преосв. Филаретъ допускаетъ только вѣроятіе о принадлежности его еп. Кириллу Ростовскому ([102]).

При Кириллѣ въ Ростовской Успенской церкви пѣли на два клироса: на одномъ по гречески, а на другомъ по-русски ([103]). Вообще Кириллъ „много добродѣтелей показа богохранимому граду Ростову" ([104]). Но дѣятельность его не ограничивалась однимъ Ростовомъ, ни даже однимъ попеченіемъ о благѣ его епархіи. Кириллъ объѣзжалъ свою епархію и, въ скорбную для всей Ростовско-Суздальской земли годину нашествія на нее Татаръ въ 1237 году, хлопоталъ объ увеличеніи числа воиновъ для отпора „злымъ кровопійцамъ" ([105]). Когда Русь должна была склонить голову передъ татарскими ханами, то Кириллъ не только заботился о смягченіи тяжелой зависимости своей родной земли отъ Татаръ, но и ихъ самихъ старался просвѣтить свѣтомъ Христіанства. Изъ „сказанія о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ" мы знаемъ, что Кириллъ неоднократно бывалъ въ ордѣ, и что его христіанская проповѣдь имѣла тамъ большой успѣхъ. Ханъ Берке, самъ уже начинавшій сомнѣваться въ истинности первобытной

([102]) Филарета: «Обз. Русск. духовн. литерат.» въ Учен. Зап. II отд. Акад. н., кн. III. с. 54 и 55. Гр. М. Толстой полагаетъ, что Кириллу II-му принадлежитъ неизвѣстное *Поученіе Попомъ*. (Др. свят. Ростова-Вел., с. 70).

([103]) «Сказаніе о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ», Правосл. Собесѣдн. 1859 г. кн. III, с. 362.

([104]) П. С. Л., I, 195.

([105]) Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1238 годомъ отмѣчено: «Идущу же съ Бѣлоозера блаженному епископу Кириллу, избывшу тамо ратныхъ, и приде на мѣсто идеже убиша великаго князя Юрія».. и т. д. П. С. Л., VII, 142.

религіи Татаръ (106), съ радостью слушалъ разсказы епископа Кирилла о св. Леонтіи Ростовскомъ, о томъ какъ онъ водворилъ Христіанство въ Ростовско-Суздальской землѣ и какія чудеса совершаются отъ его мощей, а также и поученія отъ „евангельскихъ указаній". Значеніе Кирилла въ ордѣ усилилось еще больше послѣ того какъ онъ исцѣлилъ больнаго хана Берке. Разсказанное нами выше преданіе о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ, всего лучше характеризуетъ силу значенія Кирилла въ ордѣ. Замѣчательно то обстоятельство, что ханъ Берке не дѣлалъ никакихъ разслѣдованій о побѣгѣ своего племянника изъ орды, тѣмъ менѣе не предпринималъ никакого угрожающаго похода на Ростовское княжество. Весьма вѣроятно, что Петръ ушелъ въ Ростовъ и крестился тамъ съ вѣдома Берке (107). Кириллъ умеръ въ 1262 года, управлявъ епархіею Ростовскою слишкомъ тридцать лѣтъ.

О преемникѣ Кирилла II-го св. Игнатіи (1262—1288) лѣтопись передаетъ весьма немного. Мы знаемъ только, что онъ до епископства былъ архимандритомъ Аврааміева Богоявленскаго монастыря въ Ростовѣ, что, будучи епископомъ, дважды ходилъ въ орду „за причетъ церковный", и что Кириллъ, митрополитъ Кіевскій, по оклеветаніи ему Игнатія, разгнѣвался на Ростовскаго епископа, но разсмотрѣвъ дѣло „паки благослови его„ (108). Причина гнѣва митрополита заключалась въ поступкѣ Игнатія съ тѣломъ князя Глѣба Васильковича Ростовскаго. Игнатій, похоронивши князя Глѣба съ честію въ Успенскомъ соборѣ, черезъ девять недѣль велѣлъ выбросить тѣло Глѣба съ позоромъ въ самую полночь и просто закопать его въ землю въ Спасскомъ женскомъ монастырѣ. Почему поступилъ такъ Игнатій—неизвѣстно (109). Игнатій, какъ мы

---

(106) Правосл. Собесѣд. 1859 г., кн. III, стр. 362.

(107) См. Сказаніе о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ, Правосл. Собес. 1859, Ibid.

(108) П. С. Л. I, 226, 227.

(109) П. С. Л. VII, 174. Карамзинъ (Ист., т. IV, прим. 179) думаетъ, что Игнатій предалъ тѣло Глѣба Васильковича поруганію потому, что тотъ при жизни своей ревностно служилъ Татарамъ, а Гр. М. Толстой (Др. свят. Ростово-Вел. стр. 14, въ примѣчаніи) объясняетъ этотъ поступокъ Игнатія угодливостью его передъ сыновьями Бориса Васильковича, отнявшими въ то время волости у сына Глѣбова Михаила.

видѣли въ повѣсти о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ, былъ весьма близокъ къ князю Ростовскому Борису Васильковичу и пользовался большимъ значеніемъ въ Ростовѣ (110).

Ростовская епископія возведена въ 1390 году на степень архіепископіи. Первымъ архіепископомъ Ростовскимъ былъ св. Ѳеодоръ, племянникъ св. Сергія Радонежскаго, основатель и первый архимандритъ Московскаго Симонова монастыря. Съ его времени исторія Ростовской Іерархіи сливается съ исторіею Московской митрополіи и затѣмъ съ исторіею Московскаго государства (111).

Въ XIII в., въ княженіе Константина Всеволодовича и сына его Василька Константиновича, въ Ростовѣ усиливается самостоятельная книжная письменность.

Татищевъ, ссылаясь на потерянную теперь лѣтопись Симона, говоритъ, что Константинъ Всеволодовичъ наученъ былъ многимъ наукамъ, имѣлъ при себѣ ученыхъ людей, которые переводили для него книги на русскій языкъ. Для книгъ онъ не жалѣлъ издержекъ и покупалъ многія изъ нихъ за дорогую цѣну; въ его библіотекѣ однѣхъ греческихъ книгъ было болѣе тысячи, которыя частію были куплены имъ самимъ, частію получены въ даръ отъ патріарховъ, слышавшихъ о его мудрости. Константинъ собиралъ и описывалъ дѣла древнихъ князей, при помощи ученыхъ сотрудниковъ (112).

Мы видѣли выше, (113) что и Лаврентьевскій лѣтописецъ отзывается съ похвалою о книжности Константина, о томъ, что этотъ князь любилъ читать книги „съ прилежаніемъ“, дѣлая все „по писанному“. Что же касается до лѣтописи, составленной въ Ростовѣ, то существованіе ея въ настоящее время вполнѣ доказано. Она не дошла только до насъ въ

---

(110) См. выше, стр. №№. Житіе св. Игнатія, составленное долго спустя послѣ его кончины (когда именно—намъ неизвѣстно), является въ позднѣйшихъ рукописяхъ. См. Минею XVI в. Рукоп. библ. Каз. Дух. Акад. № 314, л. 971 об—973 и рукоп. сборникъ той же библ. № 229. «Житіе преподобнаго, говоритъ составитель его, не предано быть писанію и доселѣ».

(111) Гр. Толстаго: Др. свят. Ростова-Вел., с. 72—80.

(112) Татищева: Ист. Россіи, III. 116 и примѣч. 601 и 602.

(113) См. IV-ю главу нашихъ очерковъ стр. 160.

первопачальномъ составѣ, какъ не дошла ни одна изъ мѣстныхъ лѣтописей. Извѣстно, что всѣ лѣтописи, до насъ дошедшія, суть своды, лѣтописныя компиляціи, составители которыхъ пользовались первопачальными мѣстными лѣтописцами. Въ этихъ сводахъ замѣчаются остатки Ростовскаго лѣтописца, который весьма легко могъ быть составленъ, если не самимъ Константиномъ Всеволодовичемъ, то кѣмъ нибудь изъ его сторонниковъ, и затѣмъ продолжался при сынѣ его Василькѣ.

Ростовская лѣтопись велась и до Константина: епископъ Владимірскій Симонъ, въ посланіи своемъ къ печерскому монаху Поликарпу, упоминаетъ о „старомъ лѣтописцѣ Ростовскомъ“ ([114]). Она продолжалась и при потомкахъ Василька Константиновича въ XIV и XV вѣкахъ, какъ мы видѣли выше ([115]).

Ростовскій лѣтописецъ нигдѣ не называетъ себя по имени, но изъ многихъ мѣстъ можно заключить, что записыванье ростовскихъ событій велось современникомъ. Такъ подъ 1160 годомъ въ Лаврентьевской лѣтописи говорится, что сгорѣла Успенская Ростовская церковь, „дивная и великая“, „*якоже не было, ни будетъ*“ ([116]). Въ той же лѣтописи подъ 1231 годомъ, при описаніи украшеній во вновь выстроенной Успенской церкви епископомъ Кирилломъ II, лѣтописецъ говоритъ: „бысть убо украшенье ея чюдно зѣло, якоже не бысть о прежбывшихъ епископѣхъ, *а по немъ Богъ въ или будетъ*“ и далѣе: „много бо попеченье створи о церкви св. Богородица,... *еже есть и до сего дне*“ ([117]). Подъ тѣмъ же годомъ въ той же лѣтописи, тоже лице говоритъ: „любовному ученью же тщанью дивися сего честнаго святителя Кирилла, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ *написаныя собѣ вдахъ, сего перваго словесе дѣтеля написати*“ ([118]). Начиная съ Константина Все-

---

([114]) Памятн. Росс. Словесн. XII в., изд. К. Калайдовичемъ. М. 1821, стр. 256.

([115]) См. IV-ю главу нашихъ очерковъ, стр. 162 и примѣч. 25 с и стр. 169. 170.

([116]) П. С. Л. I. 150.

([117]) Ibid. 195.

([118]) Ibid.

володовича, лѣтопись Ростовская постоянно восхваляетъ его и его потомство. Приведенныя нами выше подлинныя мѣста лѣтописныхъ отзывовъ о Константинѣ Всеволодовичѣ ясно показываютъ, что такъ писать могъ только его современникъ (119). Всего полнѣе и подробнѣе Ростовскій лѣтописецъ описываетъ время съ 1205 до 1237 года, т. е. время Константина Всеволодовича и сына его Василька.

Ростовская лѣтопись по частямъ дошла до насъ въ слѣдующихъ лѣтописныхъ сборникахъ: въ Лаврентьевскомъ, писанномъ для великаго князя Димитрія Константиновича Суздальскаго въ 1377 году, въ Троицкомъ, писанномъ въ XV в., по всей вѣроятности въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, въ Ипатьевскомъ, изданномъ археографической коммиссіей по рукописи конца XIV, или начала XV в.—въ двухъ сводахъ XVI-го вѣка: Воскресенскомъ и Тверскомъ и въ лѣтописныхъ сводахъ XVII в., извѣстныхъ подъ именами Ростовской и Никоновской лѣтописи (120).

Части Ростовской лѣтописи, сохранившіяся въ этихъ сборникахъ, могутъ быть раздѣлены на *двѣ группы:* краткихъ погодныхъ замѣтокъ и отдѣльныхъ сказаній. Краткія погодныя замѣтки сводятся къ слѣдующимъ пяти категоріямъ: 1) извѣстія о князьяхъ Ростовскихъ, начиная съ сыновей

---

(119) См IV гл. наш. очерковъ, стр. 152—160.

(120) П. С. Л. I, 209 и предисл., стр XV.

(121) Лѣтописный сводъ, изданный археографической коммиссіей подъ именемъ *Тверской лѣтописи*, составленъ неизвѣстнымъ сельчаниномъ Ростовской области въ 1534 году. Онъ названъ Тверской лѣтописью потому, что въ немъ находятся болѣе подробныя свѣдѣнія о Тверскомъ княжествѣ, чѣмъ въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ.

Ростовскій лѣтописецъ принадлежитъ къ разряду т. наз. Воскресенской редакціи Московскихъ сводовъ. Онъ составленъ во второй половинѣ XVII в. и представляетъ собою позднѣйшую переработку Воскресенской лѣтописи. Единственный его списокъ начала XVIII в., принадлежавшій князю С. Д. Кантемиру, а потомъ Н. Н. Бантышу-Каменскому, находится въ настоящее время въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ Этотъ списокъ принятъ варіантомъ Воскресенской лѣтописи при ея изданіи археографической коммиссіей. О Ростовскомъ лѣтописцѣ см въ предисловіи къ VII му тому П С. Р. Л.- с. VIII и IX, и въ книгѣ М. И. Сухомлинова «о древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ», стр. 17—21.

Василька: Бориса и Глѣба, 2) извѣстія о епископахъ, 3) замѣтки о построеніи церквей, 4) замѣтки о пожарахъ въ городахъ и 5) упоминанія о физическихъ явленіяхъ и народныхъ бѣдствіяхъ.

При внимательномъ изученіи погодныхъ замѣтокъ мы приходимъ къ заключенію, что это раздробленныя части нѣсколькихъ отдѣльныхъ лѣтописцевъ, именно: краткихъ княжихъ лѣтописцевъ Ростовскихъ князей и лѣтописца, быть можетъ веденнаго при Ростовской соборной Успенской церкви (¹²²). Отдѣльныя сказанія, которыя, по тону своихъ отношеній къ князьямъ и по подробностямъ, могущимъ быть извѣстными только мѣстному жителю Ростова, суть слѣдующія: 1) Сказаніе объ убіеніи князя Андрея Боголюбскаго, помѣщенное въ Тверской лѣтописи, 2) Сказаніе о Константинѣ Всеволодовичѣ, 3) Сказаніе о Липецкой битвѣ, 4) Сказаніе о князѣ Васильке, 5) Сказаніе объ Александрѣ Поповичѣ, 6) Сказаніе о епископѣ Кириллѣ II-мъ (¹²³).

(¹²²) О княжемъ Ростовскомъ лѣтописцѣ мы говорили въ IV-й главѣ (см. выше, стр. 162). Подтвержденіемъ предположенія о томъ, что въ Ростовѣ существовала особая церковная лѣтопись, могутъ служить: 1) подробныя извѣстія объ Успенской Ростовской церкви. См. Воскрес. л. (П. С. Л. VII, 313 — 314), Тверск. (Ib. XV, 13). Лаврентьевск. (Ib. I, 150) 2) Извѣстія о первыхъ Ростовскихъ епископахъ (Русск. Временн. I, 53; Степенн. кн. I, 133) 3) Списокъ Ростовскихъ епископовъ, изв. въ двухъ редакціяхъ: 1) въ Воскресенской лѣт. (П. С. Л. VII, 313—314). 2) тоже въ Воскресенской (Ibid. VIII, 69) и въ IV й Новгородской (Ibid. IV, 102) О спискѣ Ростовскихъ епископовъ смот. выше 96 примѣч. къ наст. главѣ.

(¹²³) Мы пользовались всѣми этими отдѣльными сказаніями въ подлежащихъ мѣстахъ нашихъ очерковъ и касались подробно ихъ литературнаго состава. См. наш. очерковъ стр. 114, примѣч. 18, стр. 132—140, стр. 138, примѣч. 12, стр 161—162 и стр. 241, примѣч. 174. Характеристика Константина Всеволодовича (132—135) составлена нами, главнымъ образомъ, на основаніи отдѣльнаго о немъ сказанія. Это сказаніе не дошло до насъ вполнѣ въ первоначальной своей редакціи, но, что разрозненныя части отзывовъ о Константинѣ Лаврентіевской лѣтописи составляли нѣкогда одно цѣлое—это не подлежитъ сомнѣнію. Насъ убѣждаетъ въ этомъ сшивка двухъ лѣтописей въ описаніи причинъ назначенія Всеволодомъ Константина на княженіе въ Новгородѣ и событій, бывшихъ послѣ возвращенія Константина изъ Новгорода. Эта сшивка лѣтописей очевидна изъ путаницы въ годахъ 1205, 1206 и 1207, замѣчаемыхъ въ Лаврентьевской лѣтописи. Доказательства

Кромѣ Ростова велись лѣтописи и въ другихъ городахъ Ростовскаго княжества. Г. Кисель, въ своей „Исторіи г. Углича“, говоритъ объ Угличскихъ лѣтописяхъ (124). Онъ раздѣляетъ эти лѣтописи на *древнія* и *новыя*. Къ первымъ, на которыя онъ весьма часто ссылается, онъ причисляетъ двѣ лѣтописи: *Серебрянниковскую* и *Супоневскую* (125). Изъ мѣстныхъ подробностей исторіи Углича г. Киселя видно, что онъ весьма усердно пользовался Угличскими лѣтописями, а изъ многихъ мѣстъ его книги можно заключить, что онъ пользовался ими съ нѣкоторыми критическими пріемами, сличая свидѣтельства этихъ лѣтописей съ свидѣтельствами Никоновской лѣтописи и разныхъ лѣтописцевъ по примѣчаніямъ къ исторіи Карамзина (126). Но г. Кисель нигдѣ не говоритъ

тому слѣдующія: Во 1-хъ, подъ 1206 годомъ Лаврентьевская лѣтопись подробно разсказываетъ объ отправленіи Всеволодомъ Константина Всеволодовича въ Новгородъ на княженье. Во 2-хъ, вслѣдъ за этимъ разсказомъ подъ 1205 г. помѣщены слова Всеволода Новгородцамъ, сказанныя имъ до отправленія Константина въ Новгородъ. «Въ землѣ вашей ходитъ рать, говорилъ Всеволодъ Новгородцамъ, а сынъ мой, а вашъ князь Святославъ малъ, а вдаю вы сынъ мой старѣйшій князь Константинъ» (Лавр., 179). Въ 3-хъ, вслѣдъ за тѣмъ идетъ опять 1206 г. и описывается возвращеніе Константина изъ Новгорода во Владиміръ Въ 4-хъ, далѣе подъ 1207 год. (стр. 181) говорится о томъ, что когда Ольговичи навели Половцевъ на Русскую землю, то Всеволодъ «посла по сына своего Константина въ Новгородъ» и т. д.

(124) Г. Кисель, учитель исторіи въ Угличскомъ уѣздномъ училищѣ, «собиралъ и съ жадностью читалъ», по его собственнымъ словамъ, «полуистлѣвшіе рукописи о древнихъ событіяхъ Углича». (Ист. Углича, с. 11).— Объ Угличскихъ лѣтописяхъ г. Кисель упоминаетъ на слѣд. страницахъ своей книги: 13, 18, 19, 21, 27, 33, 34, 37, 43, 50, 64, 69, 72, 77, 85, 94, 99, 101, 106, 121, 123, 125, 131, 137, 164, 179.

(125) Ист. Углича, стр. 18, 69, 85 и 101.

(126) См. напр. стр. 64. На стр. 123 г. Кисель говоритъ: «лѣтописцы Угличскіе ни слова не говорятъ объ этомъ князѣ (Василіѣ Владиміровичѣ), а потому заимствуемъ о немъ изъ примѣчаній къ V т. Ист. Гос. Росс. Карамзина».—На стр. 145: «Угличскіе лѣтописцы не упоминаютъ объ этихъ князьяхъ, а потому подробности ихъ княженія намъ неизвѣстны» — Стран. 87: «Послѣ опустошенія Углича Татарами въ 1293 г. въ Угличѣ является пропасть мелкихъ князей, часто смѣняемыхъ другъ другомъ и пропасть мелкихъ событій, которыя лѣтописцы упоминаютъ на столько коротко и неясно, что изъ нихъ нельзя ничего вывести. Лѣтописцы упоминаютъ за разъ нѣсколько Угличскихъ князей». — На стр. 94: «Съ 1294 по 1384

опредѣленно къ какому именно времени принадлежатъ древнія Угличскія лѣтописи и какого они состава.

Г. Трефолевъ, Ярославскій библіоманъ и знатокъ мѣстныхъ древностей, упоминаетъ о мѣстныхъ лѣтописяхъ Ярославскихъ (127).

Книжная дѣятельность въ Ростовѣ въ XIII в. не ограничивалась веденіемъ одной лѣтописи. Въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой лавры хранится пергаменная рукопись „житія Нифонта", переписаннаго, а можетъ быть и переведеннаго съ греческаго въ Ростовѣ. Въ концѣ этой рукописи находится слѣдующая приписка: „Господи помози рабомъ своимъ Іоанну и Алексію, написавшема книгы сія, и гдѣ соутъ памятки, исправя чтите. Въ лѣто 6730 (1222) кончены быша книгы си мѣсяца мая въ 21 день на память святаго мученика Переміа въ градѣ Ростовѣ, при князи при Василцѣ, при сыну Костянтиновѣ, а внуцѣ Всеволожи. Святая Госпожа Богородице, святіи апостолы, пророцы, мученицы, святый Нифонте, помозите господину Василку и мене грѣшнаго раба своего Кюрила избавите въ день судный отъ вѣчныхъ мукъ" (128). Судя по этой припискѣ, переписчиками этой книги были Іоаннъ и Алексій, о личности которыхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣденій, а Кириллъ, упоминаемый въ ней долженъ быть епископъ Рос-

---

на цѣлыя 35 лѣтъ Угличъ исчезаетъ изъ Исторіи Карамзина, а Угличскіе лѣтописцы не говорятъ ничего дѣльнаго объ этомъ времени». — Г. Шевыревъ считаетъ «Исторію г. Углича» г. Киселя книгою вполнѣ ученою. (См. поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монаст., II, с. 126).

(127) Е. Трефолева. Ст. «о Туговой горѣ». Ярославл. Губ. вѣд, 1848, № 49.—Въ Тотьмѣ около 1847 г. Н... ій нашелъ старинную рукопись подъ заглавіемъ: «Рускій лѣтописецъ». Тамъ описаны происшествія отъ Рюрика до 1668 г. Изложеніе краткое до XVI в., съ XVI в подробнее; письмо рукописи начала XVIII в. Разнообразіе слога и приписки на поляхъ показываютъ, что «Русскій лѣтописецъ» есть выборка изъ нѣсколькихъ разновременныхъ лѣтописцевъ. Первая половина рукописи заключаетъ въ себѣ общеизвѣстныя событія русской исторіи, но во второй половинѣ, начиная съ XIII в., встрѣчаются мѣстныя замѣтки, касающ. Вологды и Ростова, и это обстоятельство указываетъ на то, «что въ Рускій лѣтописецъ», вошли мѣстныя лѣтописи Вологды и Ростова.—См. Описаніе Русскаго лѣтописца и извлеченія изъ него въ Яросл. губ. вѣд. 1850 г., №№ 25, 26 и 27.

(128) Филарета. Обз. Русск. Дух. Литературы въ III кн. Учен. Зап. II отд. Акад. Н., стр. 53.

товскій Кириллъ 1-й, который, какъ мы видѣли выше, имѣлъ много книгъ (129). Кромѣ этого житія въ Ростовѣ переведена была Діоптра, списокъ которой хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ (130).

Константинъ Всеволодовичъ, по словамъ Татищева, основалъ училище при княжемъ дворѣ во Владимірѣ (131). Въ Ярославлѣ при Спасскомъ монастырѣ было также училище, по преданію, основанное имъ же, изъ котораго онъ бралъ учителей для другихъ училищъ (132). Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ объ училищахъ въ Ростовѣ, но приведенные нами факты о развитіи книжной письменности въ Ростовѣ указываютъ на то, что образованность въ Ростовѣ была распространена въ XIII—XIV вѣкахъ довольно сильно. Еще болѣе говорятъ въ подтвержденіе распространенія тамъ образованности въ разсматриваемое время свидѣтельства сказанія о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ и житія св. Стефана Велико-Пермскаго. Изъ перваго мы узнаемъ, что въ XIII в. въ соборной Ростовской церкви пѣли на правомъ клиросѣ по русски, а на лѣвомъ по гречески (133), а изъ втораго, что Стефанъ научился по гречески въ Ростовскомъ Григорьевскомъ монастырѣ (134).

Промышленность Ростовскаго княжества, обусловливаясь природными условіями края, почва котораго отличалась неплодородіемъ, лѣсистостью и обиліемъ водъ: рѣкъ, рѣчекъ и озеръ—распадалась на слѣдующіе виды: звѣроловство, рыбо-

---

(129) Пр. Филаретъ полагаетъ, что Кириллъ, упоминаемый въ приписке, есть Кириллъ 2 й, епископъ Ростовскій. (Ibid.) Но въ годъ, выставленный въ приписке, епископомъ въ Ростове былъ 1-й Кириллъ, а не 2-й (См. выше, нашихъ очерковъ стр. 223) — Подробное изложеніе житія Ипфонта и критическую его оцѣнку см. у И. И. Костомарова въ статьѣ: Мистическая повѣсть о Ипфонтѣ, въ I т. его Монографій, с 291—325.

(130) Костомарова Монографія т. I. 294.

(131) Татищева: Ист. Россіи, III, с. 382.

(132) «Хронологич. оч. истор. событ. въ г. Ярославлѣ, отъ осн. онаго до готуна. Яросл. княж въ сост. госуд. Россійскаго». — Яр губ. вѣд. 1843; № 5.

(133) Правосл. Собес. 1859 г. кн. III, стр. 362.

(134) П. Д. Шестакова: «Св. Стефанъ, еп. Великопермскій». Уч. Зап. Каз. Унив. 1868. т. IV, стр. 36.

ловство, огородничество, солевареніе, добываніе желѣза. Земледѣліе не было развито и главными его представителями были: разведеніе льна и хмѣля. Ленъ и хмѣль вывозились въ Новгородскую область (135).

Звѣроловство особенно процвѣтало въ сѣверо-восточныхъ окраинахъ княжества: у Бѣлоозера, въ Заозерьѣ и въ Костромской сторонѣ, гдѣ было болѣе большихъ лѣсовъ. Житія всѣхъ подвижниковъ—колонизаторовъ этихъ окраинъ наполнены извѣстіями о дикихъ звѣряхъ, жившихъ въ этихъ лѣсахъ. Близъ Ярославля и Углича водились бобры (136). Рыболовствомъ, кромѣ Волги и ея притоковъ, особенно славилось Ростовское озеро. Село Порѣчье, близъ Ростова, издавна называлось *рыбнымъ* и въ XVII в. было дворцовымъ *ловецкимъ* селомъ (137). Ростовское озеро неразрывно связывалось въ народномъ представленіи съ изобиліемъ рыбы, что, между прочимъ, видно изъ позднѣйшей народной сатиры на московскіе приказные порядки и сутяжничество, о Ершѣ Щетинниковѣ (138). Огородничество также издавна было самымъ распространеннымъ промысломъ у Ростовцевъ (139). Относительно солеваренія въ предѣлахъ Ростовскаго княжества мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства источниковъ. Имя города Костромскаго княжества—Соль-Великая (теперешн. посадъ Большія Соли), упоминаемое въ лѣтописи еще въ началѣ XIII в., ясно указываетъ на развитіе тамъ соляного промысла (140). На тоже близъ Ростова указываетъ названіе Варницкимъ, монастыря

---

(135) Собр. госуд. гр. и договор. т. I. №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8.

(136) Ист. Росс. Іерархіи, VI. 229. А. А. Э. I, № 43.

(137) См.: «Порѣчье Рыбное», Яросл. губ. вѣд. 1848, № 43.

(138) А. Н. Аѳанасьева: Русск. народн. сказки, в. III, с. 61; в. IV, с. 94—105.

(139) См. брошюры: 1) А. Ушакова: «Очеркъ характера Ростовской сборной ярмарки и промышленности Ростовскаго уѣзда» М. 1861. 2) И. Хранилова: «Ростовскій уѣздъ и городъ Ростовъ». 3) *Его же* статью: «Огородничество въ Ростовскомъ уѣздѣ». С. О. 1852, № 1. 4) П. Островскаго: «Сельско-хоз. и статистическое описаніе Ростовскаго, Угличскаго и Романово-Борисоглѣбскаго уѣздовъ».

(140) См. брошюру священ. Е. Лаговскаго: «Описаніе Большихъ Солей, посада Костромск. губ.» Кострома 1861.—Свящ. Крживолоцкаго: «Статистич. описан. Костромской губерніи» стр. 631.

лежавшаго недалеко отъ Ростова (141). Въ XV вѣкѣ Троицкому Сергіеву монастырю принадлежало три соляныхъ варницы въ Галичѣ (142). Добываніе желѣзной руды производилось въ предѣлахъ Бѣлоозерскихъ и Костромскихъ (143).

Изъ ремеслъ были особенно развиты плотничье и каменное, что можно заключить изъ приведенныхъ нами выше данныхъ о состояніи городовъ въ Ростовскомъ княжествѣ въ XIII—XV вѣкахъ и, въ особенности, изъ лѣтописныхъ извѣстій о построеніи и украшеніи каменныхъ церквей.

Относительно торговли Ростова и другихъ городовъ этого княжества въ XIII—XV вѣкахъ мы имѣемъ весьма мало данныхъ. Извѣстно только, что Ростовская ярмарка, бывающая въ такъ наз. сборное воскресенье (начало 2-й недѣли великаго поста), восходитъ своимъ началомъ къ очень отдаленной эпохѣ. Нѣкоторые писатели относятъ начало этой ярмарки даже ко временамъ язычества (144). Компиляторъ конца XVII в., дьякопъ Холопьяго монастыря близъ г. Мологи, Тимофей Каменевичъ-Рвовскій, составившій въ 1699 году книгу: „О древностяхъ Россійскаго государства“, передаетъ любопытныя подробности о торговлѣ въ г. Мологѣ въ XV вѣкѣ, которыя онъ слышалъ отъ своихъ предковъ. На ярмарку въ Мологу, по его словамъ, съѣзжались купцы изъ отдаленнѣйшихъ странъ: изъ Германіи, Польши, Литвы, Греціи, Италіи и Персіи. Ярмарка продолжалась 4 мѣсяца. Предметами торговли на ней были преимущественно дорогіе „красные“ товары и виноградное вино (145).

На Бѣлоозерѣ производилась торговля „житомъ“ и „всякимъ

(141) См. выше, наших очерковъ стр. 212.

(142) А. А. Э- I, № 52.

(143) Близъ Бѣлоозера находился Желѣзный Устюгъ (впослѣдствіи Устюжна-Желѣзнопольская), самое названіе котораго указываетъ на нахожденіе въ его мѣстахъ желѣзной руды. На существованіе желѣзныхъ рудъ въ Костромскихъ предѣлахъ указываетъ названіе одного селенія близъ Галича. *Желѣзный Борокъ*. (См. Ист. Росс. ер. IV, 116).

(144) Снегиревъ Р. прост. праздн. III, 137. Неизвѣстный авторъ статьи: «Извѣстія о Ростовск. ярмаркѣ».—Ж. М. Вн. Д. 1829, № 3.

(145) См. выписку изъ Каменевича-Рвовскаго въ ст.: «Холопій городокъ». С. О 1848 г., № 14.

товаромъ„ съ Новгородомъ и Поволжьемъ ([146]). Въ XIII—XV вѣкахъ велась торговля съ Новгородомъ и Смоленскомъ въ Твери и Переяславлѣ ([147]). Весьма вѣроятно, что Ростовъ и Ярославль, соединенные воднымъ сообщеніемъ съ Переяславлемъ, участвовали въ этой торговлѣ. По незначительнымъ въ настоящее время рѣчкамъ: Которосли и Нерли могли проходить въ то время суда ([148]). Восточная торговля съ Болгарами Волжскими и Арабами продолжалась, хотя не рѣдко суда хлѣбныхъ торговцевъ по Волгѣ грабились Татарами ([149]). Въ XIV в. Русскіе торговцы являются въ землѣ Болгарской и въ золотой ордѣ ([150]), а въ Москву доставляются изъ Сурожа

([146]) См. таможенную Бѣлоозерскую грамоту 1497 г А, А. Э. I, № 134 «въ Бѣлоозерской волости Углахъ быти торгу *по старинѣ*»

([147]) О торговлѣ Переяславля и Твери съ Новгородомъ и Смоленскомъ см. Троицк. лѣтоп., стр. 213, Договорн. грамоты Новгорода съ Тверскими князьями въ Собр. н. гос. гр и догов. въ I т. Спес. И. И. Костомарова Сѣв.-Русск. народопр., т II. стр. 216—223 И. Д. Бѣляева Разсказы изъ Русск. Ист. т. II., Н. Я. Аристова: Промышл. древн. Руси, стр. 178 и 179.

([148]) Въ 1700 году Петру Великому Ростовскіе посадскіе люди подали челобитную, въ которой жаловались, что р. Которосль застроена водяными мельницами, вслѣдствіе чего сталъ невозможенъ по этой рѣкѣ «струговой и лодочной ходъ», который бывалъ по нея *изстари, искони* и *вѣчно*. «*Изстари*, писали челобитчики,—весною и лѣтомъ и въ осень изъ Ростова до Ярославля, и въ Нижній-Новгородъ, и въ иные грады былъ струговой и лодочный ходъ. Также государь и въ Ростовъ изъ Нижнева и изъ Перми, изъ Балахны и изъ Галича, изъ Костромы и изъ иныхъ городовъ струги и лодки съ хлѣбомъ, и солью, и рыбою астраханскою и съ иными со всякими товары тою рѣчкою Которослью ходили, и всякихъ чиновъ торговые люди приходили въ Ростовъ». Далѣе челобитчики упоминаютъ, какъ они подавали о томъ же челобитную царю Алексѣю Михайловичу, а потомъ въ 1687 году Петру и что царь Петръ велѣлъ всѣ мельницы по р. Которосли сломать, но эти мельницы до сего времени, 1700 года, не сломаны.—См. Яросл. Губ. вѣд. 1853 г., № 5 —Въ приведенномъ нами выше чудѣ Исидора Тверд[illegible]слава говорится даже о торговлѣ Ростовскихъ купцовъ по морю, т. е. о заграничной (См. наш. оч. стр. 220).

([149]) Такъ напр., въ 1273 г. вздорожалъ въ Новгородѣ хлѣбъ п. что Татары пограбили гостинниковъ по Волгѣ во Владимірѣ въ Твери и «на Костромѣ товаръ отъимаша» —Никон. лѣт. по изд. акад, п., III, 37.

([150]) П. С. Л. IV, 65; V, 230; VIII, 14, 23 42; Никон. по изд. Акад. И., IV, 54, 132.

товары, извѣстные съ тѣхъ поръ подъ именемъ *Сурожскихъ*, или Суровецкихъ (151). Былина о Суровцѣ-Суздальцѣ можетъ дать основаніе для предположенія, что эта торговля велась не съ одной только Москвой, но и съ другими городами Ростовско-Суздальской земли, въ числѣ которыхъ весьма легко могли быть Ростовъ, Ярославль и Угличъ.

Кромѣ Татаръ, Новгородскіе ушкуйники въ XIII—XV в., въ свои походы по Волгѣ безъ новгородскаго слова, опустошали побережные города и грабили по Волгѣ купцовъ. Эти набѣги не могли имѣть благотворнаго вліянія на развитіе торговли по Волгѣ.

Въ 1360 г. ушкуйники, которыхъ лѣтописи Воскресенская и Никоновская называютъ разбойниками, напали на Болгарскій городъ Жукотинъ и ограбили тамъ Татаръ; за это Татары ограбили христіанскихъ купцовъ въ землѣ Болгарской. Князья Жукотинскіе пожаловались на ушкуйниковъ въ орду хану Ходыру и ханъ прислалъ къ князьямъ Ростовско-Суздальской земли трехъ пословъ: Уруса, Капрмѣка и Алтынцы-бея съ приказомъ переловить разбойниковъ и доставить къ нему, хану. По этому случаю былъ съѣздъ князей въ Костромѣ; разбойники были переловлены и выданы ордынскимъ посламъ (152). Въ 1366 году было новое нападеніе ушкуйниковъ. На этотъ разъ они дошли только до Нижняго и избили подъ этимъ городомъ много бесерменъ и по Волгѣ ограбили московскихъ „гостей“ (153). Въ 1369 года осенью Волгой шло 10 ушкуевъ и нѣсколько ушкуевъ Камою. И тѣ и другіе были разбиты подъ Болгарами (154). Въ 1370 году новгородскіе ушкуйники ходили по Волгѣ дважды и „много зла сотворища“. Они взяли Кострому и Ярославль (155). Въ 1375 году былъ особенно большой набѣгъ на Поволжье ушкуйниковъ въ количествѣ 1500, подъ предводительствомъ Прокопа.

---

(151) П. С. Л. V, 233. VI, 99. Никон., изд. Акад. н. III, 207.— изъ перечня фамилій Сурожанъ, взятыхъ Димитріемъ Донскимъ при его походѣ на Мамая «повѣденія ради дальнихъ странъ» видно, что эти Сурожане были Русскіе. См «Р. Ист. Сб» т III, 25—26.

(152) П. С. Л. VIII, 11., Никон. III 216.

(153) П. С. Л. III, 88; IV. 64.

(154) Ibid., IV, 66.

(155) Ibid —Никон., IV, 30—31.

Въ этотъ годъ, какъ мы видѣли выше, „дружина Прокопа", какъ называетъ Новгородская лѣтопись этихъ ушкуйниковъ, напала снова на Кострому ([156]). Любопытны подробности о взятіи и разграбленіи Костромы ушкуйниками, передаваемыя IV-й Новгородской лѣтописью. Эти подробности указываютъ намъ на богатство Костромы въ XIV в. Костромичей вышло противъ Новгородцевъ 5000. Взявши городъ, ушкуйники оставались въ немъ цѣлую недѣлю, выискивая всевозможный *товаръ* и разныя сокровища и предаваясь необузданному грабежу. Они не имѣли возможности взять съ собою все награбленное; взяли только самыя драгоцѣнныя и болѣе легкія вещи—все же остальное побросали въ Волгу, или сожгли ([157]). Взявши множество плѣнниковъ, мужчинъ, женъ и дѣвицъ, ушкуйники отправились изъ Костромы внизъ по Волгѣ. Ограбивъ Нижній, они повернули въ Каму и, спустившись далѣе по Волгѣ въ Сараево, грабили христіанскихъ „гостей", а „бесерменъ" побивали. Они дошли до самаго устья Волги, до города Хозьторокана, гдѣ были всѣ до единаго избиты мѣстнымъ княземъ Сальчіемъ, а имѣніе ихъ подѣлили бесермены ([158]). Подъ 1409 годомъ встрѣчается въ Воскресенской лѣтописи послѣднее извѣстіе объ ушкуйникахъ новгородскихъ, пришедшихъ Волгою. Въ этомъ году новгородецъ Ануфалъ пошелъ въ 250 насадахъ къ Болгарамъ; 100 насадовъ шло Камою и 150 Волгою. Татары напали на камскій отрядъ и разбили его, а волжскій отрядъ не поспѣлъ соединиться съ камскимъ ([159]).

Кромѣ новгородскихъ ушкуйниковъ и татарскихъ опустошеній, на экономическое положеніе Ростовскаго княжества оказывали неблагопріятное вліяніе разнаго рода физическія бѣдствія: пожары, голодъ и неизбѣжные спутники голода—повальныя болѣзни.

О пожарахъ городовъ мы уже говорили выше ([160]). Но кромѣ городовъ выгорали въ Ростовскомъ княжествѣ лѣса и даже болота, которыми оно такъ изобиловало. Такъ подъ

([156]) См. выше. наш. очерк. стр. 184.
([157]) П. С. Л. IV. 71.
([158]) Ibid. 72
([159]) Ibid., VIII, 85.
([160]) См. выше. наш. очерк., с. 197.

1223 годомъ въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: „лѣто бѣ ведро велми *и мнози борове и болота загарахуся* и дымове силни бяху, яко педалече бѣ видѣти человѣкомъ; бѣ бо яко мгла къ земли прилегла, яко и птицамъ по аеру не бѣ лзѣ летати, но падаху на землю и умираху“ (161). Въ XIII в. лѣтописецъ упоминаетъ только однажды о сильномъ голодѣ, бывшемъ во всей Суздальской землѣ, подъ 1214 годомъ: „овіи бо ядяху дубовую кору, а иніи мохъ, а иніи солому тлѣкоуче, а иніи конину ядяхуть и въ великое говѣніе, и много людіи тогда изомроша отъ глада“ (162). Въ 1420 году лѣтомъ выпалъ глубокій снѣгъ впродолженіи трехъ дней и трехъ ночей и совершенно прибилъ къ землѣ ржаной и яровой хлѣбъ. Вслѣдъ за этимъ бѣдствіемъ, около самаго Успенья, открылся сильный моръ на людей въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Костромѣ и Галичѣ. Люди вымирали такъ сильно, что не кому было сжать и испорченный хлѣбъ (163). Сильный голодъ продолжался два года; цѣны на хлѣбъ поднялись весьма значительно: въ Костромѣ оковъ ржи продовалась за два рубля; люди принуждены были ѣсть мертвечину, вслѣдствіе чего явился снова моръ (164). Пропасть людей перемерло, а нѣкоторые переселялись въ Литовскую землю и умирали на пути (165).

Отмѣтимъ здѣсь кстати замѣтки лѣтописцевъ о землетрясеніяхъ и небесныхъ знаменіяхъ, которыя, по суевѣрному мнѣнію нашихъ древнихъ грамотниковъ, всегда предзнаменовали народныя бѣдствія.

Въ 1230 году 3-го мая было сильное землетрясеніе, не только во всей Ростовско-Суздальской землѣ, но и на югѣ Руси (166). Въ томъ же году 10 мая нѣкоторые видѣли рано поутру, что восходящее солнце имѣетъ видъ треугольника, „яко коврига“; черезъ нѣсколько времени солнце приняло видъ звѣзды и скрылось, а немного спустя, „опять взиде въ своемъ чину“ (167). 14 мая произошло настоящее затменье солнца,

(161) П. С. Л., I, 189.
(162) Лѣтоп. Переясл.-Суз., 112.
(163) П. С. Л., VIII, 90.
(164) Ibid., V, 262; VIII, 91.
(165) Ibid, V, 262.
(166) Ibid., I, 193; XV, 354.
(167) Ibid., I, 193.

которое видѣли уже всѣ: солнце было „яко мѣсяцъ", впродолженіи трехъ дней (?). Многіе приняли его даже за луну, п. ч. въ то время было „межемѣсячье"; а иные вообразили, что солнце пошло назадъ, т. е. отъ запада къ востоку, п. ч. по небу, съ сѣвера на югъ, шли очень быстро частыя, но малыя облака, закрывая собою солнце (168).

Въ-заключеніе нашего очерка внутренняго состоянія Ростовскаго княжества намъ остается сказать нѣсколько словъ объ общественномъ строѣ этого княжества.

Припоминая факты исторической жизни Ростова, выразившейся особенно рельефно въ многознаменательную борьбу городовъ Ростово-Суздальской земли и затѣмъ въ эпоху Константина Всеволодовича,—мы невольно останавливаемся на заключеніи, что общественный строй Ростовскаго княжества имѣлъ нѣкоторыя отличія отъ того единовластно-вотчиннаго общественнаго склада, въ который типически кристализировалось княжество Московское.

Ростовъ, древняя колонія Новгородская, свято чтилъ вѣчевыя традиціи своей митрополіи. Сила вѣча и слабость княжеской власти—вотъ тѣ особенности общественнаго строя Ростовскаго княжества, которыя, какъ намъ кажется, отличаютъ его отъ общественнаго строя Московскаго.

Земскіе бояре, имѣвшіе большую власть въ безкняжее время въ землѣ Ростово-Суздальской,—составляютъ главнѣйшую силу Ростовскаго вѣча. Владимірскій лѣтописецъ, преданный интересамъ великаго князя и нерасположенный къ Ростову,—прямо отождествляетъ вѣче съ боярами (169), а по теперешнимъ мѣстнымъ преданіямъ Ростовъ издавна славился буйными боярами (170).

Сила Ростовскихъ бояръ измѣряется тѣми отзывами объ отношеніи князей къ боярамъ, которыми лѣтописецъ въ похвалѣ князьямъ Ростовскимъ старается болѣе возвысить ихъ

---

(168) Лавр., 171.

(169) Ibid 161.

(170) Нѣчто о Ростовскихъ древностяхъ.—Яросл. губ. вѣд. 1848, № 12.

заслуги. Ласковость Ростовскаго князя къ боярамъ, „хранителямъ земли", и заботливость его объ ихъ интересахъ, по воззрѣнію Ростовскаго лѣтописца, составляетъ первое достоинство князя, между тѣмъ какъ Владимірскій лѣтописецъ привязанность Ростиславичей къ боярамъ ставитъ этимъ князьямъ въ вину (171).

Княжеская власть въ Ростовѣ и другихъ городахъ Ростовскаго княжества ослаблялась все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени не только отъ преобладанія вѣча и бояръ, но и отъ другой, какъ мы видѣли, причины. Эта причина—есть многочисленность княжескаго потомства. Раздробленные на множество независимыхъ владѣтельныхъ линій, Ростовскіе князья, также какъ князья Ярославскіе и Бѣлоозерскіе, невольно подпадали подъ сильную руку богатыхъ Московскихъ князей-вотчинниковъ (172).

Въ разсматриваемое время *селеніе и волость*—различаются уже отъ *города* на всемъ сѣверо-востокѣ Руси. По всей вѣроятности тоже различіе существовало и въ Ростовскомъ княжествѣ. Городъ въ XIII—XV вѣкахъ является уже не въ первоначальномъ своемъ значеніи *огороженнаго мѣста*, а въ значеніи земскаго, княжескаго, административнаго и военнаго центра. Установляется различіе между *большими* и *малыми*,

---

(171) Лавр. лѣт., 161.

(172) Собственно отъ удѣльныхъ Ростовскихъ князей, потомковъ старшаго сына Константина Всеволодовича Василька, произошло *семнадцать* отдѣльныхъ вѣтвей. Изъ нихъ только одна вѣтвь въ родѣ Владиміра Андреевича, правнука Константина Васильевича, жившаго во второй половинѣ XV в., сохранила простое именованіе *князей Ростовскихъ*; остальные шестнадцать вѣтвей именовались по прозвищу родоначальниковъ, или же по названію удѣловъ съ прибавленіемъ—Ростовскій. Такъ произошли фамиліи князей Голенинихъ-Ростовскихъ, Щепиныхъ-Ростовскихъ, Пріимковыхъ-Ростовскихъ, Бахтеяровыхъ-Ростовскихъ, Гвоздевыхъ-Ростовскихъ, Пужбольскихъ-Ростовскихъ, Бритыхъ-Ростовскихъ, Хохолковыхъ-Ростовскихъ, Катыревыхъ-Ростовскихъ, Буйносовыхъ-Ростовскихъ, Губкиныхъ-Ростовскихъ, Темкиныхъ-Ростовскихъ, Ласткиныхъ-Ростовскихъ, Голубыхъ-Ростовскихъ. Всѣ эти вѣтви въ настоящее время угасли. Представителями потомковъ Василька Константиновича въ настоящее время состоятъ два княжескихъ рода: Лобановыхъ-Ростовскихъ и Касаткиныхъ-Ростовскихъ. (См. Гр. М. Толстаго: Др. свят. Ростова-Вел., с. 83 и 84).—О княжескихъ родахъ, происходящихъ отъ князей Ярославскихъ и Бѣлоозерскихъ см. наш. очерковъ, стр. 176—179.

старымъ и *новымъ* городомъ, между городомъ и пригородомъ. Въ городѣ собирается вѣче; рѣшенія его обязательны и для пригородовъ, которые „тянутъ“ къ своему городу; въ городѣ живетъ князь, а въ пригородахъ гдѣ нѣтъ князя—намѣстникъ княжій; въ городѣ имѣетъ постоянное пребываніе княжая дружина (173).

Служилое сословіе Ростовскаго княжества, дружина князя—представляетъ полную аналогію съ служилымъ сословіемъ княжествъ: Московскаго, Тверскаго и друг. Любопытныя подробности о правѣ свободнаго перехода дружинниковъ отъ одного князя къ другому находимъ мы въ „сказаніи объ Александрѣ Поповичѣ“. Этотъ дружинникъ-богатырь, Ростовецъ родомъ, служилъ сначала Всеволоду Юрьевичу, а когда великій князь отдалъ Ростовъ сыну своему Константину, то перешелъ въ дружину этого князя. Александръ Поповичъ усердно сражался въ рядахъ Константинова войска за Ростовъ и за своего князя. Онъ участвовалъ во всѣхъ битвахъ Константина съ Юріемъ и особенно отличился въ битвѣ Липецкой. По смерти Константина, Александръ Поповичъ задумался о своей судьбѣ, полагая что Юрій Всеволодовичъ будетъ мстить дружинникамъ Константина за свое пораженіе, и въ особенности ему, Александру, убившему у Юрія много храбрыхъ мужей. Александръ, „вскорѣ смысливъ„, посылаетъ своего слугу, который зналъ храбрыхъ дружинниковъ, бывшихъ въ то время близъ Владиміра, и велитъ ему ихъ созвать къ себѣ. Александръ собираетъ ихъ въ городѣ подъ Гремячемъ колодцемъ на рѣкѣ. Гдѣ и совѣтуется съ храбрыми дружинниками. На этомъ совѣтѣ постановляется такое рѣшеніе: если они, дружинники, станутъ служить князьямъ по разнымъ княженьямъ, то они совсѣмъ сгинутъ, и. ч. „княземъ въ Руси великое неустроеніе и части боеве“, а потому служить имъ всѣмъ одному великому князю въ *матери городовъ*—Кіевѣ (174).

Это любопытное извѣстіе показываетъ, во 1-хъ, организацію княжеской дружины и во 2-хъ, что въ XIV в. на сѣверо-востокѣ Руси дружина должна была уступить мѣсто осѣдлому элементу служилаго класса—дворянамъ.

---

(173) Подробности см. у В. И. Сергѣевича: Вѣче и князь, стр. 23—32, 86—92, 33, 336, 389.

(174) П. С. Л. XV, с. 336—338.

Изъ позднѣйшихъ жалованныхъ грамотъ удѣльныхъ князей Ростовскихъ княженій видно, что эти князья имѣли, какъ и князья другихъ нашихъ княжествъ, *бояръ*, *намѣстниковъ* и *тіуновъ*(175).

Относительно судопроизводства въ Ростовскомъ княжествѣ мы имѣемъ мало извѣстій. Есть, впрочемъ, извѣстіе, приводимое Татищевымъ, что въ Ростовѣ, въ эпоху его самостоятельнаго существованія, были свои особые мѣстные законы. Онъ говоритъ, что Московскій великій князь Василій Васильевичъ Темный велѣлъ Ростовскимъ боярамъ судить *по ихъ старымъ законамъ*(176). Въ одномъ изъ чудесъ св. Леонтія передается весьма любопытный и характеристическій юридическій обычай при спорахъ о земельныхъ межахъ. Епископомъ посылался священникъ съ крестомъ св. Леонтія, который ставился на спорную землю и свидѣтели должны были по совѣсти, удостовѣряясь крестомъ первомученика Ростовскаго, опредѣлить кому изъ двухъ тяжущихся сторонъ должна принадлежать земля. Такимъ образомъ *разводъ земли* производился въ Ростовѣ по совѣсти, „а не такъ какъ въ другихъ мѣстахъ“, говоритъ описатель чуда, „гдѣ обыкновенно суды и тяжбы производились и лилась кровь“(177). Изъ сказанія о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ мы видѣли, какъ опредѣлялись въ Ростовѣ границы первоначально отводимой во владѣніе кому нибудь земли. Изъ того же сказанія мы узнаемъ, что въ случаѣ спора о владѣніи земли по жалованнымъ грамотамъ, верховный судъ принадлежалъ ханскимъ посламъ и что владѣніе землей распространялось и на воды, бывшія въ границахъ земельнаго участка, или присуждалась *по земль и вода*, какъ мѣтко выражается составитель сказанія(178).

Относительно частнаго быта князей Ростовскихъ мы можемъ замѣтить, что самымъ любимымъ ихъ препровожденіемъ времени, послѣ богомолья въ церквахъ и монасты-

(175) А. А. Э. т I, №№ 28 и 38.

(176) Судебникъ Гос. Царя и в. кн. Іоанна Васильевича изъясненный Татищевымъ. Москва 1768, с. 3—4. Прилож. № XVIII

(177) О. И. Буслаева: Ист. Оч. Русск. народн. словесн. и искусства. т II. стр. 100.

(178) См. выше наш. очерковъ стр. 218.

ряхъ, была охота. Окрестности Ростова располагали къ ней. Одинъ современный намъ путешественникъ по Ростовскому уѣзду говоритъ, что въ живописной мѣстности около Ростова князья любили отдыхать, „ловы дѣя.“ Онъ полагаетъ, что многія изъ селеній ближайшихъ къ Ростову, какъ напримѣръ: Звѣринецъ, Соколово, Львы и Львиная гора—своими названіями прямо указываютъ на то, что въ нихъ, или на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся теперь эти селенія, бывали остановки и роздыхи княжей охоты, или помѣщались охотничіе княжіе „пути“ (179).

Мы считаемъ возможнымъ кончить на этомъ историческій очеркъ одного изъ старѣйшихъ княжествъ въ землѣ Ростовско-Суздальской.

Вслѣдъ за Ростовскимъ княжествомъ постепенно обособляются, одно вслѣдъ за другимъ, княжества: Переяславское, Суздальское, Городецкое, Нижегородское, Московское и Тверское. Исторія всѣхъ этихъ княжествъ намъ извѣстна очень мало. Русскіе историки слѣдили до сихъ поръ почти исключительно только за судьбою одного Московскаго княжества, поглотившаго всѣ остальныя и разросшагося въ „Московское царство“. Это царство до сихъ поръ заслоняетъ своей гигантской фигурой судьбу остальныхъ княжествъ Ростовско-Суздальской земли, точно такъ же какъ, по мѣткому выраженію М. П. Погодина, гигантская личность Петра Великаго заслоняетъ собою, въ свою очередь, царство Московское.

Если позволятъ обстоятельства, то мы намѣрены впослѣдствіи изложить исторію всѣхъ остальныхъ княжествъ земли Ростовско-Суздальской...

---

(179) См. Яросл. Губ. вѣд. 1848 г., № 37.

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

Стр.	*строка*	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
1	[illegible] сверху	раскоповъ	раскопокъ
3	18 —	археолгія	археологіи
6	20 —	опредѣленія	опредѣленіе
8	5 —	[illegible]	никакимъ
—	13 снизу	comitantu	comitantur
12	21 сверху	освящено	освѣщено
—	3 снизу	сгруппировать	сгруппировать.
13	17 сверху	четертая	четвертая
14	[illegible] —	представляюся	представляются
17	11 —	изращеніемъ	извращеніемъ
18	17 —	назнапія	названія
—	5 снизу	назнаніяхъ	названіяхъ
23	12 сверху	видоизмененіе	видоизмѣненіе
26	12 снизу	для	дня
29	4 —	простонародные	простонародныя
—	1 сверху	омрдовскія	мордовскія
31	4 —	стрѣмленіе	стремленіе
—	[illegible]4 —	ими	послѣдними
—	6 снизу	надлюденія	наблюденія
37	4 сверху	персонофикація	персонификація
40	9 —	дѣвалисъ	дѣлались
41	7 —	тубернін	губернін
48	2 снизу	ироническія	ироническія
—	1 —	двухъ, выводовъ	двухъ выводовъ,
50	4 сверху	значительымъ	значительнымъ
53	3 —	Кавжи	Ковжи
—	19 —	ввѣрхъ	вверхъ
59	19 —	дервни	деревни
61	1 —	смотревшее	смотрѣвшее
63	2 —	военнй	военной
65	10 снизу	эммапація	эманація
67	12 сверху	Гарѣлинъ	Гарелинъ
—	5 снизу	Гарѣлинъ	Гарелинъ

Стр.	*строка*		*напечатано*	*слѣдуетъ читать*
71	4	сверху	наконецъ	наконецъ
78	3	—	зело	зѣло
85	13	снизу	наказуеши	наказуя
94	14	сверху	Исторію	Исторію
100	4	—	земли, Ростовско-Суздальской	земли Ростовско Сузальской
—	22	—	Великаго Новгорода, остаются	Великаго Новгорода остаются
—	24	—	доводятъ, наконецъ	доводятъ наконецъ
116	1	—	та	эта
118	17	—	на	по
122	19	—	земскимъ	земскихъ
126	11	снизу	имѣни	имени
130	5	—	построилъ	построенъ
142	6	сверху	XII	XIII
151	1	—	нивилляруюшимъ	нивеллируюшимъ
—	14	снизу	яснѣе,	яснѣе
154	8	—	но	но и
157	11	сверху	1218	1216.
159	4	—	Константину	Константину
162	6	—	такаго	такого
163	14	—	вступивъ	и вступилъ
166	9	—	Вь	Въ
177	2	—	Въ	По
183	5	—	Восилька	Василька
184	3	—	Тверскова	Тверскаго
195	16	—	Нижгородскаго	Нижегородскаго
203	10	снизу	поселенцовъ	поселенцевъ
206	24	сверху	на	въ
207	13	—	Рускіе	Русскіе
211	3	—	въ	къ
219	6	снизу	Стефапъ	Стефанъ.
222	8	сверху	смѣстнаго при	смѣстнаго
224	2	снизу	посталенъ	поставлень
225	23	сверху	Ростовскомъ	Рождественскомъ
227	18	снизу	татарсками	татарскими
229	9	—	№ №	215—217.
233	15	—	полупстлѣвшіе	полупстлѣвшія
234	2	сверху	они	онѣ
239	7	снизу	перечна	перечня
240	18	сверху	Хозьторокана	Хазьторокана

Кр 63.3(2Рос)
К-69

пріемовъ, три кургана. Въ курганахъ найдены: одинъ скелетъ, съ протянутыми вдоль руками,—что показывало, что это не христіанинъ,—глиняный горшокъ и разныя мелкія вещи, похожія на тѣ, которыя находились во Владимірскихъ курганахъ; нѣкоторыя же изъ этихъ вещей, по словамъ неизвѣстнаго автора, описавшаго ихъ, очень похожи на употребляющіяся до сихъ поръ въ одеждѣ Черемисъ. На скелетъ не было обращено никакаго вниманія, мелкія вещи были представлены губернатору, но куда послѣ дѣвались—неизвѣстно; а глиняный горшокъ, оставленный *второпяхъ* г. редакторомъ на мѣстѣ его нахожденія, былъ украденъ при наступленіи ночи, „вѣроятно зрителями, сошедшимися погядѣть на невидаль“, по наивному предположенію автора статьи „о Юхотскихъ курганахъ“. А между тѣмъ горшокъ, найденный въ курганѣ—вещь очень любопытная. Горшокъ этотъ красной глины съ рѣзьбой краснаго рисунка, въ 20 ф. вѣсу, по словамъ одного Бурята, живущаго въ Ярославской губерніи и основательно знающаго обычаи своего племени,—очень похожъ на горшки, доселѣ употребляемые Бурятами на храненіе домашнихъ вещей (72).

Что касается до Костромской губерніи, то были ли, или нѣтъ тамъ раскопки кургановъ—мы не знаемъ. Намъ извѣстна только одна случайная археологическая находка въ Галичскомъ уѣздѣ, которая можетъ служить образцомъ уже не административнаго, а хозяйственно-домашняго отношенія къ русской археологіи. Осенью 1835 г. крестьяне Г-жи Челеевой въ селѣ Туровскомъ, близъ Галича, поправляли мельничную гать на рѣчкѣ Лыкшинѣ, впадающей въ Галичское озеро. Ломъ землекоповъ ударилъ о что-то твердое, оказавшееся большимъ глинянымъ сосудомъ, который былъ наполненъ разными металлическими вещицами; сосудъ былъ разбитъ желѣзнымъ ломомъ, нѣсколько вещицъ, выпавшихъ изъ него, пошли ко дну рѣчки, а остальныя были принесены крестьянами къ помѣщицѣ. Г-жа Челеева приказала значительнѣйшія изъ нихъ положить въ квасную гущу, а потомъ вычистить пескомъ и кирпичемъ на уксусѣ. Большинство изъ этихъ „значительнѣйшихъ“ вещицъ Д. С.

---

(72) См. ст. о курганахъ по р. Юхоти въ Угличскомъ уѣздѣ. Ibid. 1860. с. 209, 235 и слѣд.

Бестужевъ, племянникъ Г-жи Челеевой, отослалъ къ роднымъ въ Москву и 8 штукъ подарилъ Костромскому епископу Павлу, при объѣздѣ имъ эпархіи въ 1836 году, а епископъ Павелъ переслалъ эти 8 вещицъ въ Московское общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. И. И. Свиньинъ, въ своей замѣткѣ объ нихъ, считаетъ ихъ принадлежащими Мери ([74]).

Въ Московской губерніи также случайно раскопано нѣсколько кургановъ: четыре въ Звенигородскомъ уѣздѣ и десять въ Бронницкомъ. Вещи, въ нихъ найденныя, схожи съ вещами, находившимися въ курганахъ Владимірской губерніи и найденными въ имѣніи Г-жи Челеевой ([75]). Московская губернія была изслѣдована въ курганномъ отношеніи двумя учеными: Гг. Гатцукомъ и Богдановымъ. Но изслѣдованія Г. Гатцука касаются южной части Московской губерніи, гдѣ не было Мери, а изслѣдованія Богданова, по словамъ г. Гатцука, одностороннія и не ведущія къ правильнымъ резуль-

---

([74]) Р. Ист. Сб. т. I. кн. 1.—Письмо еп. Павла. с. 101—102 и замѣтка И. И. Свиньина, с. 103 — 104. Изъ вещей, доставленныхъ еп. Павломъ, замѣчательны: небольшой языческій идолъ изъ красной мѣди и мѣдная голова идола.

([75]) Близь села Верхоглязка, имѣнія г. Толстаго въ Звенигородск. у. Моск губ., находится 16-ть кургановъ, расположенныхъ на 250 саж. въ окружности. Въ 1838 г. г. Толстой, желая увеличить свои хозяйственныя постройки, приказалъ срыть нѣкоторые изъ этихъ кургановъ, всл. чего и было ихъ разрыто 4. (См. Р. Ист. Сб. т. III, с 284—292). — Въ Бронницкомъ у. разрыли въ 1854 г. 10 кургановъ при селѣ Тихвинскомъ-Авдотьинѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Н. И. Новикову. — (См. сообщеніе С. Д. Нечаева, во Врем. М. Общ. Ист. и др. 1855, XXII).—Въ курганахъ въ имѣніи г. Толстаго, кромѣ остововъ, найдены: головныя украшенія, ожерелья изъ красныхъ и бѣлыхъ бусинокъ, мѣдные браслеты, витые изъ толстой проволоки, мѣдные перстни, мѣдныя серьги, поясныя мѣдныя пряжки съ насѣчкою, мѣдное кольцо, снятое съ большаго пальца правой ноги, бубенъчикъ мѣдный, служившій, вѣроятно, украшеніемъ пояса, и *глиняные горшки* съ углями внутри, въ головахъ у остововъ. Къ описанію этихъ вещей приложены рисунки. Судя по этимъ рисункамъ серьги, поясная пряжка и бубенъчикъ, служившій пояснымъ украшеніемъ, весьма похожи на такія же вещи, употребляемыя до нынѣ луговыми Черемисами Царевококшайскаго у. Казанской губерніи. Вещи, найденныя въ Бронницкомъ у., также весьма схожи съ этими.

не могъ долго усидѣть на столѣ великокняжескомъ и долженъ былъ уступить его даровитому и высокому по характеру старшему своему брату Константину (32).

Единовластіе, имѣвшее источникомъ своимъ „самовластіе" Андрея Боголюбскаго, опредѣлялось прежде всего, какъ мы замѣтили выше, личнымъ характеромъ Владимірскихъ великихъ князей. Почвой для развитія единовластія во Владимірскихъ великихъ князьяхъ была во 1-хъ, борьба съ земскимъ боярствомъ и во 2-хъ, привлеченіе къ себѣ „сходцевъ", „бродниковъ" изъ разныхъ странъ.

Народныя преданія о началѣ Москвы даютъ намъ матеріалъ для опредѣленія борьбы съ земскимъ боярствомъ послѣ Андрея Боголюбскаго. Позднѣйшій циклъ этихъ преданій вводитъ насъ въ тотъ періодъ борьбы княжеской власти съ земскимъ боярствомъ, когда князья, успѣвъ уже довольно утвердиться, не вступали въ открытую борьбу съ боярствомъ, а давали ему приказанія, которыя оно должно было исполнять подъ угрозою наказанія. Князья требовали, прежде всего, поступленія къ себѣ на службу дѣтей земскимъ бояръ. Эти дѣти, поступивъ на службу въ княжій дворъ, заводятъ въ немъ крамолу, которая кончается тѣмъ, что и дѣти, и сами бояре, ихъ отцы—лишаются имущества и даже жизни. Владѣнія ихъ переходятъ къ князю, который строитъ тамъ города, при чемъ жители сосѣднихъ городовъ становятся на сторонѣ князя и помогаютъ ему, какъ въ преслѣдованіи крамольныхъ бояръ, такъ и въ построеніи городовъ. Княжеская власть, по народнымъ преданіямъ о началѣ Москвы, заступаетъ мѣсто прежней власти земскихъ бояръ, съ тѣмъ только различіемъ, что власть бояръ была не въ пользу народа, а княжеская власть клонилась, прежде всего, къ его интересамъ (33). Что касается до „сходцевъ" и „бродниковъ",

(32) О Константинѣ Всеволодовичѣ и о его отношеніяхъ къ Юрію мы будемъ говорить подробно въ слѣдующей, 4-й главѣ нашихъ очерковъ.

(33) См. И. Д. Бѣляева: «Сказанія о началѣ Москвы». Р. В. 1868 г. кн. 3-я, стр. 20—22 и 25. Изъ сближенія требованій дѣтей земскихъ бояръ на службу къ князьямъ Ростовско-Суздальской земли съ такими же требованіями въ Кіевѣ князя Владиміра, извѣстными по былинамъ, г. Бѣляевъ заключаетъ, что князья въ Ростовско-Суздальской землѣ повторяли то, что прежде дѣлали Кіевскіе

то мы уже видѣли, какъ Андрей Боголюбскій заботился о привлеченіи ихъ къ себѣ во Владиміръ, какъ онъ окружалъ себя этими „мезинными“ людьми. Братъ его Всеволодъ тоже опирается на „мезинныхъ“ людей (34).

Не задолго до своей смерти Всеволодъ († 1213) „разда волости дѣтемъ своимъ“. Старшему Константину далъ Ростовъ; второму, Юрію—Владиміръ; третьему, Ярославу—Переяславль; четвертому, Владиміру—Юрьевъ (Польскій). Меньшихъ двухъ сыновей, Святослава и Іоанна поручилъ онъ Юрію, говоря ему: „ты имъ буди въ отца мѣсто и имѣи я, яко же азъ имѣхъ“ (35). Въ этомъ распредѣленіи волостей, имѣющемъ для сѣверо-восточной Руси, для поволжья, тоже значеніе, какое завѣщаніе Ярослава имѣло для Руси южной, для приднѣпровья,—удѣлъ является впервые въ значеніи особаго, отдѣльнаго, наслѣдственнаго въ нисходящей линіи территоріальнаго владѣнія (36). Съ Всеволодова распредѣленія волостей между его сыновьями начинается обособленіе этихъ территоріальныхъ удѣловъ, отдѣльныхъ княженій земли Ростовско-Суздальской. Княженія эти обособляются постепенно, по старшинству городовъ, являющихся центрами княженій. Прежде всѣхъ обособляется Ростовское княженіе, за нимъ—Переяславское, а потомъ Суздальское (въ 1216 г.). Владиміръ Клязьменскій, „стольный городъ“ великаго княженія земли Ростовско-Суздальской, не составилъ особаго удѣла: это былъ *городъ великаго князя*. Юрьевскій удѣлъ, отданный Всеволодомъ сыну его Владиміру, окончилъ свое отдѣльное существованіе со смертію своего князя и затѣмъ присоединенъ къ удѣлу Суздальскому. Суздальское

князья на Волыни и въ Галичѣ. «Слѣдовательно—заканчиваетъ свои выводы г. Бѣляевъ—положеніе Ростовско-Суздальскихъ князей, преемниковъ Долгорукаго, было одинаково съ положеніемъ первыхъ Кіевскихъ князей на Волыни и въ Галичѣ, т. е. что преемники Долгорукаго находились не въ старомъ, *отчинномъ* владѣніи, а *какъ бы въ странѣ только что завоеванной*, гдѣ всего можно было требовать подъ угрозой боя и безпощаднаго разоренія» (Ibid. с. 21).

(34) П. С. Л. I, 185.

(35) Лѣтописецъ Переяславля-Суз., с. 110.

(36) См. С. М. Соловьева: «Ист. отнош. между Русскими князьями Рюрикова дома». М. 1847., *Введ.*, стр. IV.